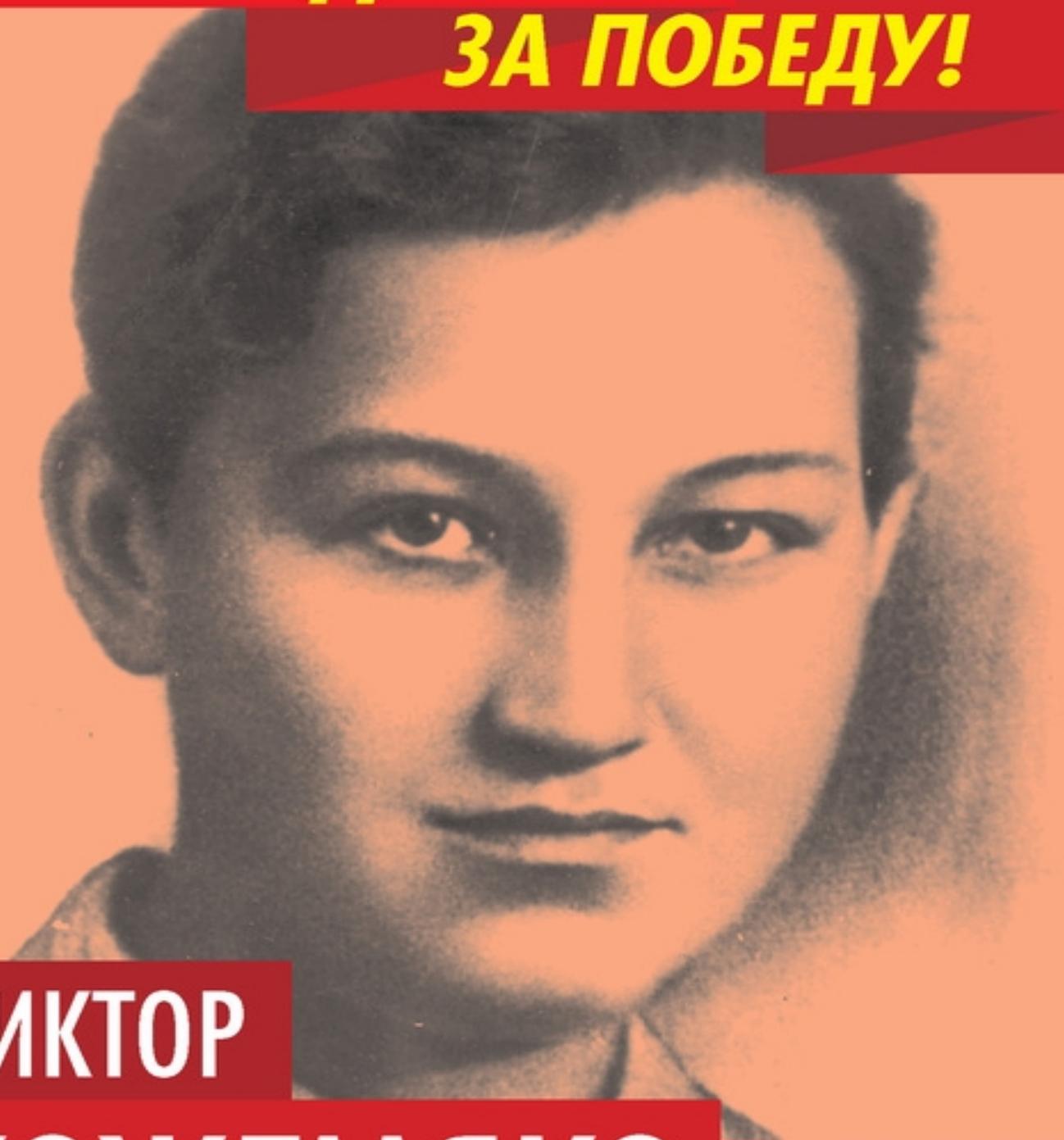

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

ВИКТОР

КОЖЕМЯКО

ЗОЯ

КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

ПРАВДА ПРОТИВ ЛЖИ

Annotation

Среди самых святых для нашего народа имен в пантеоне героев и мучеников, завоевавших 70 лет назад Великую Победу над злейшими врагами Родины, особое место принадлежит Зое Космодемьянской. Восемнадцатилетняя комсомолка, ставшая бойцом-добровольцем, она совершила свой подвиг в тот критический момент первого полугодия войны, когда в полном смысле решалась судьба советской столицы и всей страны. Миллионы соотечественников получили от нее духовный заряд потрясающей силы! Именно поэтому, развернув полвека спустя новое нашествие на Советский Союз с целью его уничтожения, враги внешние и внутренние начали с расправы над памятью наших героев. И одной из первых жертв, стала она, Зоя, которую теперь казнили вторично – подлой ложью и чудовищной клеветой. О расследовании фальсификаций и борьбе с ними, а также о великой школе патриотизма и героизма, воспитавшей поколение Зои, об уроках славы и предательства, которые насущно важны для нас сегодня, рассказывает эта книга известного журналиста «Правды», посвятившего многие годы защите чести героев Отечества.

Виктор Кожемяко

Зоя Космодемьянская. Правда против лжи

© Кожемяко В.С., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

*** * ***

Необходимое вводное слово. Встреча навсегда

Героиня этой книги явилась не только автору, но и всем в суровую первую зиму войны

Да, узнали о ней тогда сразу многие. О совсем юной девушке, партизанке, которую враги схватили при выполнении боевого задания, жестоко пытали, но не добились ничего и в конце концов повесили, согнав смотреть на это всех оставшихся в оккупированной подмосковной деревне жителей. Для устрашения.

Если бы догадались, чем обернется та казнь!

Через два месяца, когда фашистов отсюда выбили, происшедшее в деревне Петрищево стало известно и поблизости, и очень далеко. На всех фронтах, которые пролегли от Заполярья до Крыма, в партизанских землянках на временно захваченной гитлеровцами советской земле, в глубине тыла, где женщины, старики, подростки до предела напрягали свои силы, чтобы одолеть вражеское нашествие. И везде, у всех, кто узнавал про подвиг той девушки и кому по-настоящему дорога была Родина, поднималось и крепло общее чувство: не жалеть себя для Победы. Если надо, отдать даже жизнь. Как она.

Не жившим в то время и не соприкоснувшимся воочию с удивительной духовной силой, которую излучало свершенное ею, может, вполне и не понять реальное значение подвига героини. А ведь вклад ее в Победу стоит сотен тысяч танков и самолетов. Да какое там – он воистину неоценим.

Только как донести это до нынешних молодых, множество которых, кажется, слишком отделилось от судьбоносного смысла Великой Отечественной? Отделилось к тому же куда-то в иную сторону, на что с огромной силой работали из года в год не только явные и скрытые враги нашей Родины, но и реалии «новой жизни», противостоящие, как принято говорить, советскому прошлому.

Однако очень хочется, вопреки всему, приблизить к душам теперешних соотечественников, особенно юных, высокую красоту Зои Космодемьянской, ставшей для советского народа одной из самых любимых героинь. И еще раз попытаться разъяснить, почему все-таки подверглась она столь безжалостной хуле, сравнимой по жестокости с фашистскими муками и казнью на виселице в тот последний для нее морозный и снежный день.

Но сперва воспоминание личное.

* * *

День моей встречи с ней тоже был морозный и снежный. Продолжалась первая военная зима.

Село Можары, Рязанская область. Часть ее осенью 1941-го немцы захватили, стремясь обойти Москву с юга, заняли небольшие города Скопин и Михайлов. Начавшееся в декабре советское контрнаступление отбросило их, но мы знаем: пока они близко. С мыслями об этом все живем, от мала до велика.

Мне скоро семь. Маловат, конечно. Однако мама, учительница, давно научила меня читать, и, кроме любимых русских сказок, кроме Маршака с Чуковским и Барто с Михалковым, многое из которых знаю наизусть, все больше тянусь к Пушкину. А еще – к газетам. Ну как же! Там главные новости про войну.

За газетами и письмами для лесхоза, где работает мой отец, а также для всех окрестных домов я взялся ходить на почту, наверное, с началом войны. Уж не помню, как это получилось – почтальон ли ушел на фронт, либо все определил нетерпеливый детский интерес к новостям, которые стали весьма необычными, но только ходил я на почту, до которой от лесхоза было километра полтора, очень исправно,

бывало даже по два раза в день, если почему-либо к привычному сроку доставка опаздывала. И читал газеты или, во всяком случае, просматривал прямо там, как говорится, не отходя от кассы.

Вот и в этот раз было так. Раскрыл «Правду». Глаза остановились на фотографии. Что это? Кто на ней?! Девичья голова в снегу, с обрывком веревки на шее...

Я прочитал заголовок: «Таня». А дальше продолжал читать, уже не сознавая, где я и что со мной.

Почта можарская помещалась в старом кирпичном доме, стены которого были необыкновенной толщины. Окна, которых всего два или три, – в углублениях больших и с широкими подоконниками. На одном из них я и обнаружил себя, очнувшись после потрясшего душу чтения и снова переведя взгляд на поразительный снимок.

Было тихо, до звона в ушах, и холодно, каменный подоконник ледяной: видимо, основательно выстыла почта за ночь. И ни одного посетителя, кроме меня, только женщина за служебным окошком, от которой получил я эти газеты и письма. Эту газету...

Ну можно ли словами передать силу пронзившего меня впечатления от того, что я прочитал и увидел на газетной странице? Прошло больше семидесяти лет, а прочувствованное в те минуты так и осталось одним из сильнейших потрясений за всю мою жизнь. Я не преувеличиваю, нет. Честен перед каждым, кто прочтет это. И важно это сказать, поскольку мое тогдашнее чувство, без малейшего сомнения, было и чувством миллионов других людей, которые прочитали и увидели в газете «Правда» то же самое.

Поймут ли люди сегодняшние? Хочу, если уж не смогут прочувствовать такое, чтобы хоть поняли...

А я в тот январский день 1942 года, через два месяца после убийства ее, никак не мог расстаться с газетой. Долго оставался здесь же, на подоконнике, перечитывая и переносясь туда, в деревню Петрищево, переживая все вместе с ней, о которой известно пока лишь то, что зовут ее Таня и она совершила подвиг бессмертия.

Вместе с ней мысленно мерз в ночном лесу на подходе к деревне, где полно гитлеровцев. С замирающим сердцем ощущал на плечах и спине лапы схвативших ее палачей. Терпел (только мысленно, мысленно...) невероятные издевательства и мучения: избивают, проводят пилой по спине, подносят к лицу горящую лампу, обжигая подбородок и предлагая выпить керосину вместо воды... Опять избивают... Босой и раздетой выводят на мороз, гоня по снегу, пока сами, одетые, утепленные, не замерзнут...

И что же по сравнению с ее холодом наш можарский мороз?

После ночи пыток, когда она вконец измучена и обессилена, ее ведут к виселице.

Но – о чудо! Она вдруг находит в себе силы, чтобы бросить проклятья в лицо убийцам и обратиться к окружающим место казни немцам и русским.

Немецкие солдаты, сдавайтесь, все равно ваше дело безнадежно! А вы, русские, что смотрите невесело? Боритесь, травите, жгите их!..

Это я уже проговаривал про себя, своими словами, ее предсмертную речь, которая вместе с ней войдет в бессмертие.

И у меня сжимались кулаки (маленькие, конечно). Почему я здесь? Я тоже должен бороться, травить их и жечь, захватчиков. Отомстить за нее.

Потом мне станет известно, что будут и герои не намного старше меня тогдашнего. Будут Валя Котик, Володя Дубинин, Марат Казей, Зина Портнова... Пионеры-герои. А мне еще предстояло стать пионером, тем более – комсомольцем...

* * *

Очерк тот из «Правды» я аккуратно вырезал и положил в свою заветную «военную папку», на которой был наклеен тоже вырезанный из газеты портрет Сталина.

Вскоре лег туда и еще один очерк о ней. Снова из «Правды» и того же автора, подпись которого я хорошо запомнил: П. Лидов. Назвал он это свое повествование «Кто была Таня». Просто и прямо. Наверное, бросив глаз на такой заголовок в этой газете да к тому же прочитав фамилию автора, каждый сразу понимал тогда, о какой Тане идет речь.

А ее звали, оказывается, Зоя.

Школьница из Москвы Зоя Космодемьянская. Десятиклассница...

Меня прошлой осенью, через два с небольшим месяца после начала войны, мать повела в первый класс. Хотя было мне только шесть лет, а в школу принимали с восьми. Но, учитывая домашнюю подготовку, а также, видимо, и материнское учительское положение, приняли.

Правда, длилось тогда мое школьное обучение всего один день. Скучно показалось. Начинили с азбуки и прописей, выводя в тетрадях первые палочки да крючочки, а для меня все это было делом давно пройденным. И следующим утром, когда мама стала будить меня, чтобы идти на занятия, раньше рвавшийся в школу теперь встать я не захотел. Мать посмеялась и махнула рукой:

– Ладно, будешь дома заниматься.

Вспоминаю это вот к чему. Ясно отложилось в памяти, что подумал при прочтении очерка «Кто была Таня»: «Она – школьница, а я – нет». Будто если бы и я был в школе, пусть в первом классе, а не в десятом, как она, это меня приблизило бы к ней. Вот и спросил:

– Мама, а когда я опять в школу пойду?

– Теперь уже в сентябре. Попробуем экзамены сдать во второй класс.

Так и произойдет. Экзамены, которые мне устроят, я сдам успешно. И в том, по-моему, роль Зои немалой была.

Во втором очерке, рассказывая о ней, П. Лидов особо выделил школу. Как училась Зоя, что читала, какие писала сочинения. Для готовящегося к школе – большое вдохновение.

А когда вторично переступаю я порог учебного класса, с невероятной радостью узнаю, что пионерская дружина школы, отныне моей, носит теперь имя Зои Космодемьянской.

Это не было уникальным. Совсем нет! Дружин и отрядов ее имени во Всесоюзной пионерской организации появилось много. Вообще, имена героев продолжавшейся войны становились священными для пионеров и комсомольцев. До подвига Зои – Николай Гастелло и Виктор Талалихин, затем, несколько позднее – Лиза Чайкина, Саша Чекалин, Юрий Смирнов, Александр Матросов, Олег Кошевой и вся славная плеяда молодого гвардейцев Краснодона... (А сейчас, когда пишу эти строки, то есть летом 2014-го, шахтерский Краснодон в Луганской области опять под огнем. Фашизм снова поднял голову, и не где-нибудь, а на Украине!)

Во время так называемой перестройки, ставшей началом уничтожения Советского Союза, с удивлением я замечал, как то один, то другой из разрушителей страны публично хвастает, что в душе не был он, дескать, ни комсомольцем, ни пионером. Врали? А может, действительно кто-то не был. Но в любом случае – чем же тут хвастать?

Когда мне повязывали красный галстук, я знал, что такой же носила в свое время и Зоя. Когда получал комсомольский билет, гордился, что становлюсь в ряды героев, живущих и отдавших жизнь за Родину. Не у меня одного, конечно, были такие чувства.

О чем больше всего сожалели тогда мои сверстники? Могу сказать абсолютно твердо: о том, что слишком поздно мы родились. Не успели ни на Гражданскую, когда нас вообще не было на свете, ни на Великую Отечественную, поскольку до фронта не доросли. Однако всем, чем могли, старались фронту быть полезными.

Сейчас, когда вошло в обиход понятие «Дети войны», каждый относящийся к нему может внести свои штрихи в его характеристику. Мы, ребята, у себя в селе завидовали не только фронтовикам и партизанам, но, например, и тем ровесникам нашим, которых видели в кинохронике и на газетных фотографиях, как стоят они у заводских станков, подставив ящик под ноги для роста. И делают снаряд. Или мину. Обтачивают деталь для самолета или танка.

А что мы? Простецкое, обыкновенное дело – помогать колхозу, где теперь почти одни женщины: ворошить сено, которое сушится, копать картошку, скирдовать снопы, таская их по полю в копны, собирать колоски или пилить дрова...

Хотелось большего. И когда в лесхозе объявлено было, что надо «драть бересклет», школа тотчас откликнулась. Если выразиться точнее, драть предстояло кору кустарника, называвшегося бересклетом: говорили, что она идет на изготовление каучука, а это – шины для авиации или артиллерии. Как соревновались мы, у кого мешок этой легкой коры окажется всех тяжелее!

Или вот начался по весне сбор лекарственных трав. Это же для раненых, для госпиталей и полевых лазаретов! Помню, откуда-то нашлось довольно редкое издание справочника таких трав, и мы сообща самым внимательным образом его изучали, прикидывая возможности наших лугов и леса.

А поход за ландышами обернулся для меня и моего лучшего друга Коли Дорофеева неожиданным приключением. Дело в том, что утром, когда мы с ним наметили этот поход, начался не по-весеннему нудный и долгий дождь. Отложить затею? Ни в коем случае! Идем.

И заблудились в лесу, да так, что пришлось там, выбившись из сил, заночевать.

Дома сильно переполошились. Тревога была нешуточная. Зато мы вернулись с такими сумками ландышей, что еле смогли донести...

* * *

К чему я вспоминаю все это? Не чересчур ли далеко ушел от основной своей темы?

Эта тема – советская героиня. И ее время, которое стало также временем моим. Советское, пропаханное величайшей войной, 70-летие Победы в которой мы сейчас отмечаем.

Герои той войны, как звезды, сияли в душах моего поколения. Они были с нами всегда. Вот в школе как один из самых важных предметов воспринимали мы военное дело, которое преподавал нам настоящий командир, выписанный из госпиталя после тяжелого ранения. Винтовки, правда, были не настоящие, а просто крашенные деревянные макеты. Но когда я старательно выполнял в строю то, что положено, мне казалось, смотрит на меня не только наш Николай Иванович единственным своим оставшимся глазом, а еще Зоя или Олег. Кое-как при этом отнестись к своим обязанностям было просто нельзя.

Может, преувеличиваю сегодня? Да и у всех ли так было? Но если даже сделать некую скидку на «разное бывает», все равно следует признать, что необыкновенно высокую нравственную планку задавали

они. Верно про это будет сказано: нравственный максимализм.

В записной книжке Зои выделил Лидов и привел в очерке «Кто была Таня» такие слова: «Умри, но не давай поцелуя без любви». Это – Чернышевский, которого Зоя читала как образец самоотверженности во имя народного блага. А рядом Ленин, Горький, Николай Островский...

Не раз думал я, что последняя ее речь под виселицей напоминает мне про речь гоголевского Тараса Бульбы перед тем, как сгорит он, охваченный вражеским пламенем. Лучшее из заветов отечественного и мирового духовного наследия успела существом своим глубоко принять, чтобы жить и умереть соответственно, став тоже образцом для других.

А начнется развал страны, названный «перестройкой», и прочту я в одной из самых многотиражных газет огромный заголовок: «Сгореть на костре или погреться у костра?» Перед ними-то, нашими героями, не было такого вопроса. Если это нужно для спасения людей, а тем более Родины, значит, сгореть!

Нет, погреться, только погреться, почти изо всех рупоров проповедовалось теперь. И тогда как для наших героев (и для нас вслед за ними) «эгоист» был в числе самых ругательных слов, то в наступившее время вызывающе подняли его на щит и даже ввели в название гламурного журнала. Всюду и вовсю пошел бурный разлив шкурничества и предательства, утверждавших как своего рода ценности, как норма жизни. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?», «Деньги не пахнут», «Сперва умри ты, а я потом» – набор подобных мудростей призван был перечеркнуть главное, чем держалась Советская страна – общество социализма. То, чем она победила в немыслимо жестокой войне на уничтожение ее.

Тогда победила. Теперь сломилась. Потому что сломлены оказались основы. И одним из орудий этого слома стало поругание советских святынь, среди которых, безусловно, была она, Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская.

* * *

С того дня, как ее казнили в заснеженном Петрищеве, к ноябрю 1991-го прошло полвека. Тогда героическая гибель славной дочери советского народа ознаменовала поворот судьбоносной Московской битвы: через неделю началось контрнаступление наших войск, и Зоиных палачей погнали на запад.

А вот полувековая годовщина начала разгрома фашистов почти день в день совпала с окончательным разгромом СССР, закрепленным своего рода актом о капитуляции – Беловежским соглашением. Для меня незабываемо и зловеще символично, что предшествовала этому вторая казнь Зои.

Да, вторично я пережил потрясение, читая о ней. Потрясение, сравнимое с пережитым в детстве на сельской почте. Только тогда вместе с невыносимой болью за нее и ненавистью к врагам было восхищение мужеством, стойкостью и верностью. Теперь же потрясала лишь безразмерная подлость учинивших новую казнь. С таким масштабом подлости, замешенной на лжи, казалось, я еще не сталкивался. Или так подействовало это потому, что беззащитна оказалась она и не может ответить?

К тому времени многие советские святые уже подверглись неслыханной клевете. В том числе, конечно, герои войны. Начиная с маршала Жукова и кончая гвардии рядовым Александром Матросовым. И вот эта девушка, почти девочка, отдавшая жизнь за Родину, на фоне всего разнузданного кощунства, казалось, смотрит сквозь годы с особенно горьким изумлением: «Что же это вы, люди?»

Нет, нелюди! Выдержать такое в бездействии было невозможно.

Я к тому времени уже почти тридцать лет работал в газете, которая полвека назад первой рассказала о ней. Встречался в редакции с фотолаборантом Галиной Яковлевной Лидовой – вдовой военкора Петра Лидова, талантливого журналиста, чьи очерки о Тане-Зое стали не только для меня, а для всей страны и

мира открытием героини. Общался с ветераном «Правды» Иваном Федоровичем Кирюшкиным, бойцом Чапаевской дивизии в годы Гражданской, который во время битвы под Москвой ходил в партизанские рейды вместе с военным фотокором Сергеем Струнниковым. Тем выдающимся фоторепортером и фотохудожником, который сделал исторический снимок еще неизвестной тогда партизанки, казненной в Петрищеве.

На все это наложилась теперь невыносимая, чудовищная расправа над памятью священной, учиненная в еженедельнике «Аргументы и факты». Она, эта расправа, заставила возмущенных до крайности однополчан Зою, пожилых женщин и мужчин, прийти в «Правду». Большой делегацией во главе со своим бывшим боевым командиром Афанасием Мегерой.

А «Правда» только что начала выходить после закрытия. Ельцин в августе 1991-го ее запретил!

– Мы верим, «Правда» будет выходить и просим нас выслушать, – сказали неожиданные гости.

Так начиналась борьба «Правды» за правду о любимой народной героине. Эта борьба – в основе книги, которую сейчас предлагаю читателям.

* * *

Считаю, что книга отнюдь не только историческая, но и самая что ни на есть современная. Борьба за правду продолжается. За правду и о ней, Зое, на которую, как ни поразительно, продолжают нападать ненавистники, и о времени, которое родило и воспитало ее.

Нельзя забывать: подвиг таких, как она, спас Родину в труднейшее время. А вот уничтожение подвига и героев, его совершивших, Родину погубило.

Сейчас любят цитировать (к месту и не к месту!) кого-то из знаменитых историков: дескать, история учит тому, что ничему не учит. Не соглашусь. Учиться надо. Ведь допущенное в Отечестве нашем на исходе XX века слишком дорого нам обошлось, а может обойтись и еще дороже. Так давайте все, кому судьба Отечества истинно не безразлична, осмысливать происшедшее и стараться из тяжких ошибок извлекать уроки на будущее.

Признаюсь, был еще один толчок, заставивший меня взяться за подготовку этой книги. Летом 2013-го американский профессор-славист Джонатан Платт обратился в «Правду». Он сообщал, что интересуется жизнью и подвигом Зои Космодемьянской, хочет написать книгу и снять фильм о ней, просил помощи и содействия.

Состоялась наша встреча в редакции. Американец заготовил восемь особо интересовавших его вопросов, которые обратил ко мне, а я через газету – ко всем читателям «Правды». Несколько месяцев шли ответы со всей страны и даже из-за ее пределов. Мы их в газете печатали. Получился разговор о месте героини и героизма в наши дни.

А потом сами же читатели стали просить, чтобы этот газетный обмен мнениями, воспринятый ими как очень актуальный, вошел в книгу. «Почему американский ученый готовит свою книгу о нашей героине, а русский журналист – нет?!» – примерно так звучал вопрос во многих письмах.

Стало быть, книга, которую вы держите сейчас в руках, может считаться и реакцией на пожелания тех читателей. Надеюсь, к ним прибавятся теперь читатели новые, возможно, с «Правдой» последних лет даже и не знакомые совсем.

Удивительный есть феномен. Интерес к чему-либо или кому-либо сразу возрастает, если возник интерес за пределами страны, где произошло данное событие или стал известен человек. Про такое говорится: «Нет пророков в Отечестве своем». Сегодня пришлось вспомнить то выражение в связи с

появлением профессора из США Джонатана Платта. У него не просто интерес к русской, советской героине, а нечто гораздо большее. Наверное, можно сказать: любовь. Он всецело покорен образом Зои, что читатели «Правды» почувствовали и за что выражали ему искреннюю благодарность.

Кому-то, значит, человек из другой страны помог полнее осознать необыкновенную красоту советского человека, воплощением лучших черт которого стала Зоя Космодемьянская. Со стороны виднее?..

«Что имеем – не храним, потерявши – плачем», – говорят в народе русском. А такое нельзя терять, тем более – отдавать на поругание. Тут уж перед нами всечеловеческая красота и значимость. Надеюсь, прочитавшие книгу согласятся со мной.

Начнем же мы с того, как эту красоту и эту значимость начали уничтожать. Вместе со страной.

Глава первая. Подвиг ее и даже имя пришлось отстаивать

Итак, осень 1991 года. Последняя осень в истории великой Советской страны. Мы еще не знаем, что она последняя, но остро тревожное чувство нарастает день ото дня.

Все советское обстреливают со всех сторон. Под благостные заклинания «перестройки» уже совершен августовский антикоммунистический переворот. Компартия запрещена. Газета «Правда» – тоже. Ну а в тех газетах, которые продолжают выходить, наращивая антисоветский вой, как и по телевидению, радио. В книгах, на киноэкранах и сцене, продолжают яростно расправляться со всем, что было дорого и свято поколениям советских людей.

Дошла очередь и до Зои. Надо было ее защищать.

Работа над расследованием, которое вы сейчас прочитаете, началась в сентябре. Появилось же оно в газете под заголовком «Трагедия Зои Космодемьянской» 29 ноября 1991 года. Это был день 50-летия ее казни, и всего три издания в стране (по моему подсчету) откликнулись на такую дату не издевательством и ерничеством, а защитой чести и славы.

Читайте тот мой текст, которому сейчас я даю лишь измененный заголовок. Чтобы четче выделить суть происшедшей трагедии.

Вторая казнь через полвека

29 ноября 1941 года в подмосковной деревне Петрищево гитлеровцы, пришедшие сюда как оккупанты, повесили восемнадцатилетнюю комсомолку, которая назвала себя Татьяной. Партизанка подожгла дома, где находились вражеские солдаты, и сарай с немецкими лошадьми; была схвачена при выполнении боевого задания и подвергнута жесточайшим, нечеловеческим пыткам, проявив сверхъестественное мужество и стойкость... Об этом, когда Петрищево освободили наши войска, страна узнала из очерка корреспондента «Правды» Петра Лидова «Таня». А позже стало известно ее настоящее имя – московская школьница, десятиклассница Зоя Космодемьянская.

Люди, помнящие войну, подтвердят, что значило для всех нас это имя. В самую трудную пору оно придавало веру и силы тем, кто их, казалось, утрачивал. Убежден: если бы даже мы не воспроизвели сегодня ее портрет, все равно перед мысленным взглядом едва ли не каждого моего сверстника возникло бы прекрасное девичье лицо, каким мы впервые увидели его тогда на фотографиях в газетах. А до того было другое фото – сделанное правдистом Сергеем Струнниковым у свежеразрытой могилы. Потрясающее, ставшее историческим. Голова мертвой девушки с разметавшимися по снегу короткими волосами и обрывком петли на шее, истерзанное врагами тело.

И все это вошло в нашу душу. Как волнующие строки написанной вскоре поэмы Маргариты Алигер «Зоя», как одноименный фильм, как книга матери – Любови Тимофеевны Космодемьянской – «Повесть о Зое и Шуре». Надо же! Зоин брат, танкист, павший смертью храбрых под Кенигсбергом, тоже стал Героем Советского Союза...

Мог ли я подумать, что на светлый образ героини моего детства и юности когда-нибудь падет черная тень? Нет, и в дурном сне такое не приснилось. Однако произошло.

Черная тень

Первым сообщил мне эту новость мой племянник – человек другого поколения, но, как и я, свято чтивший память Зои. Вернее, он не сообщил даже, а спросил:

– Дядя Витя, значит, Зоя Космодемьянская – вовсе не героиня?

– Откуда ты взял?

– В «Аргументах и фактах» напечатано.

Нет-нет, да и ловлю себя на мысли: наивный я все-таки человек! Вроде уж пора бы ничему не удивляться. Кажется, окончательно и бесповоротно доказано, что не было и просто не могло быть никаких героев в нашей стране за 74 года Советской власти. Ну по крайней мере до августа 1991 года. Не велено им быть, не разрешено. В других странах или у нас до октября 1917-го – пожалуйста. А после – ни в коем случае.

Может, впрочем, и не вполне оправданна эта моя ирония? Ведь некоторые из тех, кому мы искренне поклонялись, не выдержав исторической проверки, предстали вдруг перед нами за последние годы в ином свете. История делается делами людей, но пишется-то она перьями, причем не всегда добросовестными. Так что принцип «подвергай все сомнению» давайте признаем и будем следовать ему.

И все же, все же, все же...

Сдается мне, что переписывать историю, как бы исправляя и уточняя ее, тоже берутся перья далеко не всегда добросовестные. Примеров тому наши последние годы дают немало. Происшедшее с Зоей, думается, – один из них.

Напомню для тех, кто читал, и расскажу тем, кто не знает. В 38-м номере еженедельника «Аргументы и факты» за 1991 год появилась статья А. Жовтиса «Уточнения к канонической версии». Подзаголовок: «К обстоятельствам гибели Зои Космодемьянской». Что же «уточнил» неизвестный мне писатель?

Невероятно, но факт: исследованиями в статье и не пахнет. Жовтис ссылается на другого писателя – Н. Анова, ныне покойного, который когда-то (судя по всему, еще во время войны) вроде бы побывал в Петрищеве и от одной учительницы (безымянной!) услышал неожиданную версию, связанную с гибелью Зои. Под страшным секретом (все жители деревни были настолько запуганы советскими властями, что не могли говорить правду) она, дескать, сообщила: немцев в Петрищеве, оказывается, вообще не было. Они располагались «в другом населенном пункте» («к сожалению, я не помню, в каком именно», – походя делает сноску Жовтис). А в деревне Петрищево однажды ночью загорелась изба. Придя к выводу, что это поджог, на следующую ночь жители выставили караульных. И поймали девушку, которая пыталась поджечь другой дом. Караульные избили ее, затем втащили в избу к некоей Лукерье, а утром староста отправился к немцам и доложил о случившемся. «В тот же день девушка была повешена приехавшими в Петрищево солдатами спецслужбы...»

Вот вкратце «неканоническая версия», изложенная А. Жовтисом. Ну ладно, согласимся: при восстановлении исторической правды не стоит и слухи сбрасывать со счетов. Но их ведь, наверное, надо проверять! Человек же, называющий себя писателем, в данном случае не только не озаботился и не утрудился ни малейшей проверкой. Он даже общеизвестные и совершенно бесспорные факты извратил. Так, реальная и легко узнаваемая всяким более или менее осведомленным читателем Прасковья Кулик у него становится Лукерьей, перевираются инициалы матери Зои Космодемьянской... Мелочи? Допустим. Но они тоже говорят о методе автора.

Впрочем, об этом писателе, как и об Анове, достаточно хорошо и убедительно рассказал их коллега по перу Владимир Успенский, знавший обоих не один год, живший одновременно с ними в Алма-Ате. Он многие годы собирал материалы о Зое Космодемьянской, издал книгу о ней. В одном только согласиться с Успенским не могу. Дважды в своей статье он замечает: нелепостей у Жовтиса так много, «что нет необходимости опровергать или хотя бы перечислять их – они говорят сами за себя»; и далее: «Нет смысла опровергать, доказывать».

А по-моему, есть. Далеко не все нынче верят на слово даже самому квалифицированному специалисту. Далеко, далеко не все помнят и знают подробности событий многолетней давности, уверенно разбираются или хотя бы ориентируются в них. Да и сомнения после той публикации могут возникнуть: даже у меня, немало знавшего, началась в голове некоторая сумятица. Словом, я решил, что надо все еще и еще раз основательно перепроверить. Особенно после того, как в 43-м номере «Аргументов и фактов» появилась уже целая подборка писем «Зоя Космодемьянская: героиня или символ?», большинство которых по существу «развивают» и «углубляют» версию Жовтиса.

Немцев не было?

Я встретился тогда с боевыми подругами и друзьями Зои – их, живших в Москве, собралось двенадцать человек. Побывал в архиве, где хранятся десятки папок с материалами, относящимися к той давней истории. Наконец, промозглым и сумрачным ноябрьским утром 1991-го отправился в Петрищево, где поговорил со всеми жителями, помнящими 41-й год.

И что выяснилось? Начну с исходного, на мой взгляд: были или не были немцы в Петрищеве. Согласитесь, если их не было, то получается, что Зоя как бы боролась против своих.

Из показаний, написанных по-немецки пленным унтер-офицером 10-й роты 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии Карлом Бейерлейном:

«Уже 10 дней мы были в боях, и вот наконец пришло спасительное известие: смена. Наш батальон отошел в эту ночь в деревню Петрищево, лежащую в нескольких километрах от фронта. Мы были рады отдыху и вскоре ввалились в избу. В небольшом помещении было тепло.

Русскую семью выставили на ночь на улицу. Только мы вздремнули, как стража подняла тревогу. 4 избы вокруг нас пылали. Наша изба наполнилась солдатами, оставшимися без крова. Наше волнение быстро улеглось, и, выставив полроты для охраны от поджога остальных домов, мы довольно неудобно провели остаток первой ночи...»

Это – документ из архива. А старые люди, с которыми я виделся в Петрищеве, не просто подтверждали, что немцы стояли здесь, причем долго, до 14 января 1942 года, когда деревня была освобождена бойцами нашей 108-й стрелковой дивизии. Люди приходили в искреннее удивление от самого моего вопроса. Ведь оккупанты, заняв большинство крестьянских домов, поначалу даже выгнали жителей, которым пришлось перебраться в более глухие деревни за восемь – десять километров отсюда – в Богородское, Златоустово и другие. Только потом, после унижительных просьб и всяческих хитростей, удалось вернуться домой. Да и то ютились здесь кое-как – на кухнях да в запечках, спали на полу.

Мария Ивановна Шилкина, 62 года:

«Это как же немцев у нас не было? Битком набита ими была вся деревня. Почти в каждой избе, разве что кроме самых плохих, – по несколько человек. Мой старший брат сперва в лесу прятался. Нас же с сестренкой мама на санках в Златоустово перевезла. А когда мы вернулись, в домах немцы уже нары двухъярусные понаделали, чтобы спать на них, нам же места почти не оставалось».

Егор Степанович Тарасов, 63 года:

«У нас в доме жил какой-то важный немецкий начальник, офицер. Помню, по утрам приходили брить его. А вообще немцы размещались почти во всех избах. Когда Зоя подожгла соседний с нами дом Кареловых и сарай с лошадьми возле него, немцы выскакивали полуодетые. Это я тоже запомнил».

Много деталей, которые не придумашь. К примеру, *Антонина Семеновна Филиппова (ей 76 лет)* рассказывала, что немцы устроили за ее домом кузню, где ковали и перековывали своих лошадей. Стоял во дворе молодой вяз – на ствол его нанизывали подковы. Они так и остались потом, заросли. Вяз нынче в обхват толстенный. «Распилите, – говорила Антонина Семеновна, показывая на дерево, – и увидите там железо это заросшее».

Мария Ивановна Седова (сейчас 81 год) и ее дочери Валентина и Нина (было им тогда соответственно 11 и 9 лет) жили в доме на самом краю деревни, куда немцы сначала привели схваченную Зою и где обыскивали ее. Так вот, в этом доме тоже было полно незваных постояльцев. Они и

кур перестреляли на еду, и овец, поросенка, и корову у бабушки Седовой. Перед Рождеством елку срубили около избы (в лес пойти, очевидно, боялись) и установили ее в комнате. Перепились, бросались бутылками в стену, орал песни. А потом вывалились на улицу. Известно, что тело казненной Зои оставалось на виселице – для устрашения жителей – полтора месяца, до самого прихода наших, и в ту рождественскую ночь пьяные солдаты еще раз надругались над ним: искололи штыками, кинжалами, отрезали грудь...

А насчет того, что подожгла Зоя три дома (унтер Бейерлейн ошибся, назвав по памяти четыре), в газетах писалось уже тогда, вскоре после событий. Известны и фамилии владельцев этих домов – Кареловы, Солнцевы, Смирновы.

Кто поймал Зою? У Лидова в первом очерке сказано: в тот момент, когда она собиралась поджечь конюшню, где стояли обозные лошади, часовой подкрался и обхватил ее сзади руками. Уточню: первым Зою заметил один из местных жителей, которых после поджога немцы тоже выставили в караул. И схватил ее или он сам, или солдаты, которых он позвал.

Кто ее истязал

Да, в истории все гораздо сложнее, нежели в газетном очерке, написанном даже талантливым и честным журналистом, но оперативно, срочно, когда для подробного расследования просто не было времени. Учтем и суровые тогдашние военные табу. Что-то в очерк не вошло просто из-за недостатка места, что-то, возможно, было опущено сознательно, а какие-то моменты были переданы не совсем точно. Все это так. В подтверждение жизненной сложности обстоятельств могу привести не только факт поимки Зои, но и ряд других. Скажем, хозяева сожженных домов (а не только немцы) вполне естественно досадовали, оставаясь без крова. Кто-то из них, когда Зою схватили, прямо сказал ей об этом, кто-то даже ударил ее. Но достаточное ли это основание, чтобы утверждать теперь, что избили Зою жители деревни, а никаких фашистских зверств, о которых в свое время столько писалось, совершено не было? Ведь так же получается в статье Жовтиса!

Из показаний унтер-офицера Карла Бейерлейна: «На следующий день по роте пронесся шум и одновременно вздох облегчения – сказали, что наша стража задержала партизанку. Я пошел в канцелярию, куда двое солдат привели женщину. Я спросил, что хотела сделать эта 18-летняя девушка. Она собиралась поджечь дом и имела при себе 6 бутылок бензина. Девушку поволокли в помещение штаба батальона, вскоре туда явился командир полка подполковник Рюдерер. Через переводчика он хотел не только добиться признания, но и выяснить имена помощников. Но ни одно слово не сорвалось с губ девушки... На улице ее продолжали избивать до тех пор, пока не пришел приказ перенести несчастную в помещение. Ее принесли. Она посинела от мороза. Раны кровоточили. Она не сказала ничего...»

Так это было. О пытках, жестоких мучениях, которым была подвергнута фашистами Зоя, рассказывала в свое время Прасковья Кулик – хозяйка дома, где все это происходило. Рассказывали и хозяйки других домов, где допрашивали Зою, – Воронина, уже знакомые нам Мария Седова с дочерьми, которые живы до сих пор. Кошунство – отрицать это сейчас! Кошунство – подгонять под новую заданную схему то, что произошло в Петрищеве тогда!

А ведь Жовтис именно подгоняет.

«Трагедия в подмосковной деревушке, – пишет он, – явилась результатом того, что, срочно создавая партизанские отряды из готовых к самопожертвованию во имя правого дела мальчиков и девочек, их, видимо, ориентировали на осуществление тактики «выжженной земли». Ведь, как свидетельствует участник событий писатель В. И. Кожинов, «отряды подрывников уничтожали не только стратегические объекты, но и прихватывали обычные селения».

Что сказать? Хорошо, по-моему, написала об этом семья Лидова в «Аргументы и факты» (увы, редакция не сочла возможным или нужным напечатать это место из письма, как и многое другое из прочих писем, «невыгодное» и «неудобное» для этой газеты). Цитирую:

«У войны не женское лицо. Почти дети уходили на фронт и становились одновременно ее героями и заложниками, поджигали свои дома, чтобы в них сгорали чужие. Бывало, люди палили и собственные хаты. Из сегодняшнего далека можно пожалеть не только о сожженных пятистенках, но и о сгоревших лошадях. Но то было другое, жестокое время, которое нужно мерить его же собственной меркой».

Разве неверно сказано? О том же, хоть и по-своему, говорила мне в Петрищеве старая крестьянка Мария Ивановна Шилкина: «Да можно ли судить о военном времени с нашей нынешней колокольни? Надо в ту пору вникнуть...»

Нет, Жовтис внушает свое: «Заблуждался ли П. Лидов, обманутый смертельно запуганными жителями

деревни, или сам создал выгодную сталинской пропаганде версию событий, но именно эта версия стала признанной и вошла в историю».

Об этике и совести

Однако и этим «работа» газеты, охотно пошедшей вслед за сенсационным автором, не кончилась. Многие из того, что специально отобрано для публикации откликов, я бы назвал уже полным беспределом.

Представьте себе, нашлись медики из ведущего научно-методического центра детской психиатрии, которые написали (а редакция опубликовала!) письмо со ссылкой на историю болезни 14-летней Зои. Замечу: на историю, которой в архиве больницы нет – якобы изъята после войны. Но, положим, она была. И о чем же это свидетельствует? Что Зоя Космодемьянская, признанный эрудит и школьная отличница до 10-го класса, из которого ушла воевать, – психически больной человек, шизофреник? Говорят, Жанне д'Арк порой слышались неземные голоса, но французам и в голову не придет объявлять свою национальную героиню сумасшедшей. Неужели не стыдно вам, врачи-соотечественники? И вам не стыдно, коллеги из «Аргументов и фактов»?

Владимир Успенский правильно поставил вопрос об этике писателя. Но есть еще и этика врачебная, этика журналистская. Есть и редакционный профессионализм, который не позволяет – при любой гласности и свободе слова – публиковать заведомую нелепость. А именно таковой я считаю заметку некоего В. Леонидова из Москвы, напечатанную в той же подборке писем.

Автору хочется доказать, что Зоя – это вообще не Зоя, а кто-то другой. И он ставит под сомнение опознание тела, проводившееся после освобождения Петрищева зимой 42-го года. Причем как это делает!

«Расскажу вам, что я слышал примерно в 1948 году от жителей д. Петрищево», – так начинает он. Опять «слышал»... Ну ладно. А что же слышал-то?

«Бои в Петрищеве не шли. Немцы ушли. Через некоторое время в деревню приехала комиссия и с ней 10 женщин. Выкопали Таню. Никто в трупе не определил своей дочери, ее снова закопали. В газетах тех времен появились фотографии издевательств над Таней. Наконец, за подвиг девушке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого указа приехала комиссия с другими женщинами. Вторично вытащили из могилы Таню. Началось чудо-представление. Каждая женщина в Тане опознавала свою дочь. Слезы, причитания по погибшей. А потом, на удивление всех жителей деревни, драка за право признать погибшую своей дочерью. Побоище было страшное. Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей».

Ну почему Зоя назвалась Таней – давно и широко известно: по имени своей любимой героини Гражданской войны Татьяны Соломахи. Но вдумайтесь как следует в то, что вы прочитали. Я уж не говорю еще об одном грязном кощунстве, относящемся на сей раз к матери Зои. Однако оскорблена-то, по сути, не только она, потерявшая на войне дочь и сына, поседевшая и оглохшая от нервного потрясения при опознании дочери. Оскорблены и многие неназванные матери, тоже приезжавшие к могиле в надежде найти свое пропавшее без вести дитя. Но вы вдумайтесь: того, что описано, просто не могло быть по элементарной логике!

Получается: при первом приезде комиссии и матерей Зою не опознали. И тем не менее вскоре ей присвоили звание Героя Советского Союза. Но кому же присвоили? Бесфамильной Тане? Такого, естественно, не было и не могло быть. Бесфамильным, неизвестным званием и наград не выдавали. Звание Героя Советского Союза было присвоено Зое Анатольевне Космодемьянской (именно ей!) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года. Акт опознания, который я держал в своих руках, будучи в архиве, подписан 4 февраля. Значит, не было уже надобности после этого вторично вскрывать могилу и свозить матерей. Невозможен был никакой спор, а тем более драка, побоище (!) за

право стать матерью Героя Советского Союза. Мать уже была установлена. Где же она, логика? Как же можно было не заметить явной нелепости? Нет, скорее всего сознательно «не заметили», потому что нелепость-то выгодная...

Раз уж речь зашла об опознании, скажу немного, как это было на самом деле. Жителям Петрищева, близко выдавшим Зою (а таких оказалось немало), показали фотографии нескольких девушек из разведывательно-диверсионной части 9903 под командованием майора Спрогиса, – девушек, пропавших за последнее время без вести. Мария Ивановна Седова и две ее дочери сказали мне: принесли целую стопу комсомольских билетов с фотографиями. И среди них все смотревшие – каждый сам по себе – признали Зою.

Это первое. Второе: на опознание, кроме Любви Тимофеевны, знавшей некоторые интимные приметы дочери, приехала также ближайшая подруга Зои по отряду – Клава Милорадова. Незадолго они вместе были в бане, и какие-то приметы запомнились. Нашлись и характерные предметы одежды.

Но и это еще не все. В 1943 году под Смоленском у убитого немецкого офицера были обнаружены фотографии казни Зои (о том, что ее казнь гитлеровцы фотографировали, писал еще в своем первом очерке Лидов). Так вот, на этих фотографиях, сделанных в разных ракурсах, Зоя узнается совершенно четко и, думается, безошибочно.

Какие мы сегодня

Кстати, свидетелем неожиданного продолжения той истории я стал, приехав в Петрищево. Здесь, в музее, мне показали недавнее письмо из Воронежа от юриста Игоря Юрьевича Дубинкина. К нему от умершего отца, работавшего в саратовской областной газете, попала фотография (не репродукция – подлинник!), на которой воспроизведен еще один, ранее неизвестный ракурс Зоиной казни. Игорь Юрьевич поспешил послать этот уникальный снимок в петрищевский музей, сопроводив искренним, прочувствованным письмом.

О, благодарная человеческая память! Не все мы, к счастью, утратили ее, не все окончательно озверели в эти смутные годы. Есть и настоящие люди среди нас...

Считаю нужным сказать в связи с этим еще об одном эпизоде, связанном с разысканиями вокруг Зои. Елена Сенявская, аспирантка Института истории России, тоже послала в «Аргументы и факты» свое письмо. Дело в том, что некоторые студентки бывшего Московского геологоразведочного института, увидев в 1942 году в «Правде» фотографию казненной Тани, признали в ней свою однокурсницу Лилю Азолину.

У нее с Зоей много общего. Известно, что Лиля осенью 41-го ушла добровольцем в Коммунистический батальон Красной Пресни, что с ней беседовал майор Спрогис – командир Зоиной части. Но в эту часть Лиля почему-то не попала. Была в отряде Иовлева, который действовал в районе Звенигорода. Это примерно в 60 километрах от Петрищева. Где-то там, наверное, и погибла. Однако подруги продолжают поиск. Загоревшаяся их гипотезой, подключилась к ним и 24-летняя аспирантка Лена Сенявская.

Более увлеченного человека, увлеченного и историей Великой Отечественной, по которой она пишет диссертацию (тема – «Духовный облик фронтового поколения»), и личностью Лили Азолиной, пожалуй, трудно представить. Есть тому объяснение: ее отец, в юности – фронтовик, всю войну носил в комсомольском, а затем в партийном билете фото Зои Космодемьянской. Первой любовью его тоже стала девушка, сражавшаяся и погибшая в истребительном батальоне. Ей и Зое он, доктор исторических наук, после войны посвятил свою повесть «Лунная соната».

Но вдруг, когда он уже умер, Лена узнает, что есть еще одна, безвестная, но прекрасная героиня – Лиля Азолина. Стремление сделать ее тоже известной всецело овладевает девушкой.

Она показывала мне Лилин портрет. Сходство с Зоей действительно удивительное. Хотя это по существу единственный аргумент. Нет, имеется еще один – Лиля тоже могла назваться Таней, потому что так звали ее младшую сестру, и ей очень нравилось это имя. Лена Сенявская хочет непременно провести криминалистическую экспертизу, чтобы исследовать и квалифицированно сличить два портрета. Ведь жива еще Лилина мама – ей 95 лет, и она по-прежнему ждет свою дочку, пропавшую без вести.

Что ж, я считаю, дело, которым увлечена Лена Сенявская, не только правомерное, но и по-своему святое. Никогда нельзя ставить последнюю точку в военной истории, в поиске героев, которые где-то и когда-то погибли за Родину. Надежда умирает последней...

А теперь – вопрос, который ставили при нашей встрече все боевые друзья и подруги Зои. Да и не только они. Передо мной он, этот вопрос, тоже возник сразу после прочтения тех материалов в «Аргументах и фактах»: а случайно ли они появились именно в нынешнее время, да еще накануне 50-летия разгрома немецко-фашистских войск под Москвой?

Думаю, не случайно. У известного поэта есть известные строки: «...если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» Признаем и другое: если гасят звезды, это тоже нужно кому-нибудь. А сейчас (разве не видно?) идет целенаправленная стрельба по героическим звездам нашей истории. Добрались и

до Великой Отечественной. Стреляют, как в тире по мишеням, выбивая одну за другой.

Говорят, мертвым не больно. Не знаю. Вижу только: стреляют в мертвых, а попадают нередко в живых. Покончила с собой поэт-фронтовик Юлия Друнина. Узнав о невольном перезахоронении из Вильнюса своего боевого товарища, прославленного полководца Ивана Черняховского, и спеша на неожиданное новое прощанье с ним, скоропостижно скончался полковник в отставке, писатель и ученый Акрам Шарипов: сердце не выдержало...

Впрочем, трагический список можно бы привести большой. Довольны вы, гробокопатели?

Авторы ряда откликов, направленных в «Аргументы и факты», в разговорах со мной сетовали, что их материалы так и не появились в этом издании. Разумеется, в чем-то я понимаю его сотрудников: увы, всего не напечатаешь. Но в данном-то случае и авторы некоторых напечатанных заметок тоже огорчены и удручены. Считают, что их сократили и отредактировали весьма тенденциозно, из-за чего оказался или не вполне донесенным, или даже искаженным главный смысл. Приведу хотя бы два абзаца, которые – по техническим или более серьезным причинам – редакция «Аргументов и фактов» сочла нужным опустить.

Из письма кандидата исторических наук, ветерана Великой Отечественной войны Владимира Ивановича Залужного:

«Складывается впечатление, что некоторые сотрудники еженедельника, защищая свой мундир в связи с опубликованием провокационного материала А. Жовтиса, решили идти до конца и любой ценой попытаться развенчать светлый образ казненной немецкими фашистами Зои Космодемьянской. Если это так, то подобная затея должна квалифицироваться как аморальный поступок».

Из письма Елены Сенявской:

«Что же до обстоятельств гибели... На Руси мучеников всегда считали святыми. А то, что девушка погибла мученически, думаю, ни у кого не вызывает сомнений. И кто бы она ни была – Таня, Зоя, Лиля, – будем помнить. Ее и других, известных и безымянных, положивших жизнь на алтарь Победы. Большой жертвы не бывает. Сестры по судьбам, они совершили каждая свой подвиг во имя Отечества».

Полностью разделяю эти мысли – и ветерана, и юной исследовательницы великой войны. Но как огорчило ее, что, украв из этого абзаца мысль о жертвенном мученичестве героев для редакционной сводки, какая-то жестокая и расчетливая рука две последние фразы вычеркнула, вписав свою: «Другое дело – насколько оправданна была эта жертва». К счастью, Лена Сенявская так не думает. В оправданности героизма наших людей у нее нет сомнения.

Вновь и вновь вслед за ней я пытаюсь представить себя на месте тех совсем молодых ребят и девчат, которые, не очень-то и обученные воевать, добровольно, группами и поодиночке уходили в ночь, в мороз, в зимний лес, каждую минуту рискуя попасть в лапы жестокого врага. Кто-то из них стал известен потом стране и всему миру, о ком-то мы до сих пор ничего не знаем. Но воздадим славу им всем – заслуженную и неделимую. Низкий поклон и вечная память героям, достойно представляющим целое поколение нашего народа. Фронтовое поколение. Да святится в веках имя твое, Зоя, Лиля, Таня!.. Все вы, которых было так много, в страшные военные годы отдали за нас действительно самое дорогое – свою жизнь. И мы не можем, не должны, не имеем права забывать, а тем более предавать вас.

Это она, наша Зоя!

Скажем прямо: в развернувшейся целенаправленной кампании по тотальному охаиванию нашего советского времени Зоя стала одной из самых горьких жертв. Ведь договорились до того, что Космодемьянская – вовсе не Космодемьянская, а кто-то другой!

Как же воспринята была публикация моего расследования в «Правде»? Что произошло потом?

Сразу отмечу: статья вызвала более тысячи откликов. И они убедительно свидетельствовали, как все-таки неравнодушны честные люди к своей истории и сколь дороги им ее герои.

Посмертная судьба Зои больше всего, наверное, жгла души ее боевых друзей и подруг – бывших воинов разведывательно-диверсионной части 9903, действовавшей на Западном фронте под командованием мужественного, бесстрашного Артура Карловича Спрогиса. Это сюда она, совсем юная и слишком красивая для разведчицы (которая ни в коем случае не должна бросаться в глаза и привлекать внимание), была зачислена, одолев в конце концов своей настойчивостью даже волю сверхтвердого командира. Это здесь, в той части, принимала суровое фронтовое крещение на ближних подступах к столице – «в белоснежных полях под Москвой». Это они, тогдашние комсомольцы и комсомолки, были рядом с ней все безмерно тяжелые оборонные дни, а потом в стылую ночь провожали на последнее задание, с которого девушке уже не суждено было вернуться.

Так вот теперь их сердца первыми отозвались на возмутительное кощунство по отношению к Зое. Отозвались болью и протестом, которые и привели ветеранов в «Правду». Да и после нашей публикации до конца не успокоились они: как может кто-то утверждать, будто Зоя не есть Зоя?! Разумеется, память любого отдавшего жизнь за Родину священна, каково бы ни было имя его. Но Зоины однополчане верили, твердо верили, что в подмосковной деревне Петрищево 29 ноября 1941 года фашистами была казнена именно она, Зоя Космодемьянская.

Возникло под напором посеянной смуты у разных людей сомнение: а она ли действительно на известной фотографии Сергея Струнникова, опубликованной некогда в «Правде» вместе с очерком Петра Лидова «Таня»? Лицо девушки, снятой с виселицы и пролежавшей несколько недель в земле, искажено смертной мукой, сковано морозом. На ангажированный взгляд и в самом деле могло показаться кому-то непохожим на другое известное фото – задумчивой школьницы с округлым, аккуратным белым воротничком вокруг нежной шеи.

Что же делать? Как все-таки доказать, что это – одно и то же лицо? И тогда у нас в «Правде» появилась мысль: надо прибегнуть к экспертизе. Известно, эксперты-специалисты разгадывают самые мудреные жизненные загадки. И хотя мысль эта многих друзей Зои с самого начала приводила в смущение («выходит, и мы вроде сомневаемся, да и нет ли тут тоже своего рода кощунства над памятью павшей: технически как бы препарировать ее»), большинство все же сошлись на таком решении. Своих союзников ветераны нашли в Центральном архиве ВЛКСМ, где хранится обширное «дело» Зои...

И вот передо мной официальный пакет, из которого я достаю бланк с грифом и подписью заведующего архивом В. Хорунжего. Приведу текст полностью:

«В редакцию газеты «Правда». Мы глубоко благодарны вам за статью «Трагедия Зои Космодемьянской», все положения и факты которой полностью разделяем. Убеждены, что материал этот служит восстановлению правды о славной героине нашего народа вопреки распространяемым о ней некоторыми изданиями лжи и клевете.

В связи с рядом спорных вопросов, возникших вокруг подвига и имени Зои Космодемьянской

(публикации еженедельной газеты «Аргументы и факты» №№ 38, 43, 1991 г.), Центральный архив ВЛКСМ обратился в Научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации с просьбой провести экспертизу по установлению личности погибшей. Для этого были направлены фотографии З. Космодемьянской, Л. Азолиной и повешенной девушки. Всего 9 фотографий.

Заключение специалиста: «...на фотографии трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская».

Заключение подробное, обстоятельное, с детальным описанием проделанного исследования. Проведение его, как следует из текста, было поручено одному из опытейших и самых квалифицированных специалистов – кандидату юридических наук Александру Александровичу Гусеву, работающему в области судебно-портретной экспертизы с 1948 года.

Я позвонил ему и задал несколько вопросов.

– Трудная была работа?

– Да, трудная. Но легких у нас не бывает.

– Приходилось ли вам в вашей практике сталкиваться с чем-то подобным?

– Не один раз доводилось устанавливать по фотографиям личности наших партизанских командиров, действовавших в том числе, например, и на территории Польши. У них были измененные имена, какие-нибудь псевдонимы. Многим удалось вернуть подлинное имя.

– Но ведь Зоя Космодемьянская, согласитесь, имя особенное.

– Да, в народе оно всегда пользовалось особой любовью, и я рад, что внес какую-то лепту в восстановление правды о ней.

– А нет ли сомнения в достоверности результата?

– Ни малейшего. Абсолютно убежден, что вывод полностью соответствует действительности.

С меня будто свалился тяжелый груз. Повторюсь: любая девушка, которая была бы на месте Зои, достойна не меньшего уважения и поклонения. Но Зоя за многие годы уже вошла не только в историю, но и в сознание нашего народа. И отраднo, что это никакой не миф, а суровая и героическая действительность, память о которой, надеюсь, останется навсегда в народной душе.

Об этом, собственно, и говорится во многих сотнях писем, пришедших в редакцию после статьи «Трагедия Зои Космодемьянской».

Л. Педченко, г. Новая Каховка: «От души благодарны за статью в защиту Зои Космодемьянской. Все, кому я давал ее читать, были сильно взволнованы. Очень рады, что коллектив газеты борется с несправедливостью, в чем бы она ни выражалась, честно несет людям слово правды».

М. Шибалис, бывший редактор газеты 132-й стрелковой дивизии «В атаку», г. Минск: «Надругательство над памятью таких героев, как Зоя, ничем нельзя оправдать! Во время войны мне довелось писать о многих ее сверстницах. С какой искренней душевной чистотой рвались они защищать Родину! И как твердо шли на смерть во имя нее».

В. Соловьев, г. Борщев Тернопольской области: «Мы с женой два с половиной года находились в действующей армии и хорошо знаем, что такое война. Цену победы никогда не забудем, пока не остановится сердце. А Зоя – символ нашей великой борьбы и великой победы».

В. Белов, профессор, председатель этической экспертной медицинской комиссии совета федераций обществ психиатров и наркологов: «Наша комиссия однозначно расценивает публикацию в «Аргументах и

фактах» о Зое Космодемьянской как явное нарушение этических медицинских принципов и нормативных документов. Наши настойчивые попытки выяснить через редакцию «АиФ» источник получения этой информации оказались безрезультатными».

В. Кувабин, г. Калининград Московской области: «Пишет вам пятидесятилетний, сотрудник НИИ, ровесник подвига Зои, ни разу не произнесший слова «папа» (отец, ушедший на войну в первые же дни, погиб под Смоленском в 1943 году). Я и моя мама низко, по-русски вам кланяемся за ваше горячее сердце, нетерпимость ко лжи и заботу о будущих поколениях. У меня сын семи лет. И на каких примерах я буду его воспитывать, если верх возьмут всякие предатели?»

Верю все же: будущее – за истиной.

* * *

Так уверенно завершил я тогда, в начавшемся 1992 году, эту заметку, которая, конечно, обрадовала многих. По крайней мере, поставлена точка в сомнениях о личности Зои. Значит, думал я, есть основания верить, что истина действительно восторжествует в полном объеме.

Но, думая так, сознавал: за истину, за Зою еще предстоит бороться и бороться...

Глава вторая. В борьбе бывают горести и радости

Годы 90-е двадцатого века, в которые вместе со страной вступила «Правда» (все-таки вступила, отбив покушения на убийство!), стали для газеты, основанной Лениным, и всех причастных к ней исключительно тяжелыми. Нас опять волею власти закрывали, душили финансовой удавкой, чинили массу иных самых разных препон.

Однако газета держалась. Когда же в результате хитроумного маневра противникам удалось свести наш выход лишь к одному разу в неделю да всего на четырех страницах, выручила меня со множеством горящих тем единокровная «Советская Россия». Тема Зои, как и других советских героев, нуждавшихся в защите, при крайней правдинской тесноте этого периода громче зазвучала здесь. Чтобы затем снова занять достойное место в «Правде» и широко звучать в обеих газетах одновременно.

Борьба продолжалась, и были в ней некоторые победы. Пусть частные, что мы прекрасно понимали, и все-таки... Наверное, в борьбе всегда бывают горести и радости. Так вот радости, о которых напоминают включенные в эту главу публикации, давали нам новые силы.

Удалось поддержать музей Зои в Петрищеве. Заметно отмечен в Москве ее 75-летний юбилей. Еще совсем недавно ни о чем таком и помыслить было невозможно, а вот теперь, в 1998 году, состоялось!

Разумеется, не обольщались мы и насчет только нашего влияния. Главное – сильно уже заявила о себе КПРФ, а при этом и ветераны войны увереннее поднимали свой голос. Хотя давление на них и всяческие ухищренные махинации с этой частью «электората» тоже нарастали...

Вернемся к Зое в те дни горестей и радостей наших.

Думаю, вы обратите внимание, что какие-то аргументы в моей полемике, какие-то грани большой темы местами повторяются. Это будет и дальше. И это неизбежно даже при том, что многое из публикаций того времени я сократил. Но есть такое, что не только тогда, но и сейчас, я считаю, обязательно надо еще и еще раз повторять, чтобы дошло до сознания всех! Пока, увы, не дошло.

Третья казнь

Некоторое время назад в Государственной думе по инициативе группы депутатов-коммунистов была распространена записка о гибельном состоянии музея и памятных мест, увековечивающих подвиг Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Два профессора – Иван Осадчий и Станислав Чибиряев, представляющие общество «Российские ученые социалистической ориентации», били тревогу:

«На произвол судьбы брошен музей Зои Космодемьянской в деревне Петрищево. Уже несколько лет о нем ни районная, ни областная администрации не проявляют никакой заботы. Фактически музей заброшен. Он находится на попечении трех сотрудниц с нерегулярно выплачиваемой зарплатой в 200–300 тысяч рублей (очень мало в деньгах того времени! – В.К.). Основное здание музея с тысячами экспонатов находится на грани гибели. Филиал музея – домик Прасковьи Кулик, в котором Зоя провела последнюю ночь своей 18-летней жизни, – в аварийном состоянии и уже закрыт для посещения. Место казни Зои заброшено и запущено. Металлическая ограда разрушается, калитка сорвана и отброшена. От бывших прожекторов, освещавших обелиск, остались куски искореженного металла».

Год 1997-й...

Авторы записки обращались к Думе с просьбой: принять специальное постановление, требующее от правительства и Министерства культуры, от мэрии Москвы и администрации Московской области незамедлительных мер по спасению музея и памятных мест, связанных с подвигом славной патриотки России.

«Больно и горько сознавать, – писали они, – что имя и подвиг Зои, ее юная жизнь, отданная за свободу нашей Родины, нашего народа, за нашу свободу, кощунственно предаются забвению. Не иначе, память и совесть многих ответственных государственных чиновников подвержены эрозии. По нашему мнению, это – преступное равнодушие».

Прошло три месяца. И вот я снова еду в Петрищево.

* * *

Было время, когда название этой подмосковной деревеньки знали все в нашей стране. И, конечно же, все знали, кто была Зоя Космодемьянская.

Теперь, в письме профессоров, обращенном к Госдуме, поразили меня не только факты разрушения памятных мест. Поразило и то, что авторы сочли необходимым начать с биографической справки. Значит, не уверены, что всем депутатам известно, о ком идет речь?

«Зоя Анатольевна Космодемьянская, советская партизанка, героиня Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Родилась 13 сентября 1923 года в селе Осиновые Гаи Тамбовской области в семье служащего. Член ВЛКСМ с 1938 г. Училась в 201-й средней школе Москвы.

В октябре 1941 года, будучи ученицей 10-го класса, добровольцем ушла в партизанский отряд. У деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан перешла через линию фронта на занятую немецкими оккупантами территорию. В конце ноября 1941 г. при выполнении боевого задания была схвачена фашистами в деревне Петрищево Верейского района Московской области. Несмотря на чудовищные пытки и издевательства палачей, не выдала товарищей, не открыла своего настоящего имени, назвалась Таней. 29 ноября 1941 года была казнена.

16 февраля 1942 года Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Я решил привести эту справку, поскольку у меня вдруг возникла мысль: не только кто-то из депутатов, но и некоторые читатели мои могут нынче не знать, за кого это так хлопочет газета. Вот спросил в одной из московских школ, кто такая была Зоя Космодемьянская, и, оказалось, что среди 21 ученика в выпускном, одиннадцатом классе только двум известно это имя...

Боже мой! Да мог ли я представить еще сравнительно недавно, что такое когда-нибудь произойдет? Я уж не говорю про мое поколение – детей Великой Отечественной, выросшее с этим именем. В школе, куда обратился, училась в свое время моя дочь, и для ее сверстников Зоя Космодемьянская тоже была самой почитаемой, любимой героиней. Что же случилось потом? Почему приходится теперь давать справку о ней даже депутатам, а школьники растерянно смотрят на меня, когда я спрашиваю: кто она была, Зоя?

Пожалуй, в открытые ворота ломлюсь. Что случилось да почему – неужто еще неясно?

На глазах убивали и убивают нашу историю, наших героев, нашу память.

Результат налицо! Горький, скорбный результат, от которого впору кричать.

Мне немало пришлось писать за последние годы, как отстреливают память тех, кто был путеводным светом для нас. Среди трагических этих историй судьба Зои едва ли не самая трагическая.

...И вот опять, как и тогда, шесть лет назад, я схожу с автобуса на краю той деревни, неся тяжкий груз тревоги в душе.

Знакомый дом – деревянный, просторный, окрашенный в цвет небесной синевы, изрядно поблекшей от времени. Потом мне скажут, что за последние годы «новые русские» уже не раз примеривались закупить это здание, специально построенное в свое время для музея Зои. Замираю у входа перед знакомыми ее словами, сказанными под виселицей и звучащими сегодня с необыкновенной, забытой силой: «Это счастье – умереть за свой народ!»

И знакомые люди встречают меня: Надежда Серафимовна Ефименкова – директор музея, Татьяна Григорьевна Тенькова и Надежда Владимировна Савосина – научные сотрудники.

Все они работают здесь много лет. Все неотделимы от дорогого их сердцу музея, преданы ему беспредельно и, как могут, дают ему жизнь.

Чтобы громкие слова не воспринимались абстрактно, скажу для примера. Татьяна Григорьевна и Надежда Владимировна, получающие на руки мизерные деньги – по 216 тысяч рублей в месяц (да и то нынче нерегулярно!), живут на станции Дорохово, а билет оттуда и обратно каждый раз обходится в 6400 рублей. Но они другого места себе не ищут!

Я разговаривал с ними, а сам думал, сколько же вот таких подвижников в моей России – музейщиков, библиотекарей, учителей, врачей – не дают, вопреки всему, окончательно разрушить нашу культуру и накрыть нас мраком дикости, на который обрекает нынешняя власть.

Меня заботило, что сделано для спасения музея после постановки этого вопроса в Госдуме и публикаций в печати. Спросил:

– Помогли вам чем-нибудь?

– Видите, крыльцо новое, а то совсем завалилось... Был генеральный директор «Мосгаза» Бусанкин Вячеслав Алексеевич: у них детский лагерь здесь недалеко. Распорядился – и сразу привезли пиломатериалы, рабочие приехали.

Узнаю, что заезжал также Иван Петрович Самохин – начальник треста № 6 Мособлстроя. Когда-то он в Рузе работал начальником ПМК, детей его в этом музее принимали в пионеры. «Мне жалко, – сказал, – что

здесь все разрушается». Пообещал перекрыть крышу и сделать для начала хотя бы косметический ремонт.

Мы сидим в комнате музея, где немногим теплее, чем на улице: отопление не работает уже несколько лет. Вот можно теперь хоть к электрообогревателю руки и ноги прислонить – погреться.

Это подарок от комитета по делам молодежи администрации Московской области. Пять таких обогревателей привезли. Плюс к этому – пишущую машинку, часы, два телефонных аппарата. Выделили деньги для издания буклетов и путеводителей. Будут делать на заказ новые музейные витрины...

На этот комитет у директора музея надежды особые. И не только, так сказать, в плане материальной помощи. Порадовало, например, что они, как в былые времена, провели здесь на днях слет командиров поисковых групп, занимающихся установлением имен погибших в Великую Отечественную войну. Собираются восстановить в Тучкове турнир по художественной гимнастике памяти Зои и Шуры Космодемьянских, который проводился ежегодно, а потом был забыт. Планируют создать на базе музея областной центр, посвященный участию молодежи в партизанском движении на временно оккупированной территории Московской области в 1941–1942 годах. Деревню эту включили в молодежные и детские туристические маршруты...

– Вы, если будете писать, – просит директор, – не только наши беды перечисляйте. Скажите, что мы все-таки на плаву, мы не погибли. Пусть люди приезжают!

Когда-то народная тропа сюда, в Петрищево, не зарастала ни на один день. В середине 80-х годов, перед тем, что будет названо «перестройкой», принимали за год больше 200 тысяч человек. К началу 90-х эта цифра упала до трех тысяч. Понятно: злобная кампания по дискредитации героини достигла тогда своего апогея.

За последний год они приняли около 5 тысяч посетителей. Конечно, пока гораздо меньше, чем было в лучшие годы, но уже значительно больше, чем пять – шесть лет назад...

– Едут уже не только из Москвы и Московской области, но и из Калуги, Козельска, других мест... А главное – как слушают!

Надежда Серафимовна рассказывает: вела она группу девочек лет 15–16, так две из них были настолько потрясены услышанным, что чуть сознание не теряли.

А как волнующе до сих пор проходит посвящение в космодемьянцы ребят из соседней школы! Они выходят после торжественной церемонии такие гордые, такие очищенные и приподнятые духом...

* * *

Всем нам свойственно искать духовную опору в надежде. Сегодня, в эти труднейшие для Родины времена, – особенно.

Вместе с работницами музея, слушая их, я радовался каждому проявлению благородных человеческих чувств, о которых они говорили.

Однако – душу не отпускала тревога! Да, больше стало приезжать людей в Петрищево, и заметно, что на них обвал наглой лжи и клеветы не имеет прежнего действия. Но...

Я же помню, в выпускном классе столичной школы из 21 ученика 19 вообще не знают, кто она такая, Зоя Космодемьянская.

Значит, вслед за казнью петлей и казнью клеветой, которые довелось ей пережить, хотят подвергнуть еще одной казни – забвением.

В музей приезжают 5 тысяч человек в год.

А сколько учится в школах России?

Увы, многие из них, как я сам убедился, ничего не знают ни о Зое Космодемьянской, ни о других героях Великой Отечественной.

Да и войну эту все чаще называют им иначе – Второй мировой. В учебнике А. Кредера «Новейшая история. XX век», изданном на деньги американца Д. Сороса, сказано: «СССР стал соучастником развязывания новой (второй мировой) войны...» Вот так!

А когда и где произошел перелом в этой войне? После Сталинградской битвы, как признано было, кажется, во всем мире? Нет! Совсем нет! «Первым вестником перелома во второй мировой войне стало сражение... у атолла Мидуэй», – поучает профессор Кредер.

Вообще, в его (и не только его!) трактовке главные, решающие военные действия происходили не в полях под Москвой, не на Волге и не под Курском, а в Африке и Атлантике. На описание тамошних сражений автор не скупится, посвящая им множество страниц, а вот Сталинградская и Курская битвы уместились у него... в четыре с половиной строчки.

И такой учебник нашим детям выдается бесплатно – как подарок от дядюшки Сороса! То есть по существу навязывается забвение той великой роли, которую сыграла родная страна в разгроме германского фашизма. На это же, именно на это давно работает по всем каналам и телевидение, называемое российским.

Чтобы не любили свою Родину, а презирали ее!

– У детей укореняется чувство, что не повезло им – родиться в такой стране, на задворках мировой цивилизации, – говорили мне учителя. – Мы стараемся противостоять, но силы бывают неравны. Телевидение – это же страшный дурман! Плюс газеты, книги определенного толка, вроде пресловутого Резуна-Суворова, которыми завалены все прилавки. Хорошо еще, если в семье есть ветераны, – помогают правильно все понять. А если нет?..

Перед отъездом из Петрищева я долго стоял возле дома колхозницы Прасковьи Кулик, где Зое суждено было принять жестокие вражеские пытки, где она провела последнюю ночь своей жизни, откуда ушла на смерть и в бессмертие.

Домик покосился, накренился. Он – на запоре. В него уже не водят посетителей, боясь, как бы не рухнул потолок. Что потеряем мы, если не сохраним этот памятный дом, в стенах которого переживаешь ни с чем не сравнимые чувства?

В свое время писатель, претендующий на звание пророка, бросил фразу о «дурочке Зое». Дурочка она, конечно, потому, что отдала свою жизнь бездумно – «за сталинский режим».

О, эти мудрецы! Ведают ли, что натворили?

Теперешние молодые, лишённые идеалов и героев, – на их счету.

Растерянные, разобщенные, не верящие ни во что. Ну как им понять: «Это счастье – умереть за свой народ!»

В завихуре последних лет много раз доводилось слышать, что ведь ничего особенного и не совершила она на войне, девочка. Зоя. Действительно, не полководец же, выигравший крупные битвы.

Только пошла добровольно в бойцы. Только темной и холодной ночью, восемнадцатилетняя, пошла в промерзший лес в тыл врага. Только не сломилась и не предала под пытками, когда тело жгли огнем, вонзали иголки под ногти и босиком выгоняли на снег.

Мученица. Православными святыми становились мученики. За веру. И она тоже была сильна

величайшей верой, которую вырвали и продолжают вырывать из сердец нынешних молодых.

По разумению расчетливых «мудрецов» она сделала совсем мало и, конечно, не то.

Но если по правде – сделала она безмерно много! Ибо никаким мудрецам не дано подсчитать, сколь огромную духовную энергию рождает в людях нравственный и патриотический подвиг героя. «За Зою!» – с этими словами шли в бой. И победили.

Сможем ли теперь победить, если будем позволять и дальше посмертно казнить своих героев, казнить свою историю?

Земля и небо русской героини

Невозможно было раньше представить, что настанет время, когда упоминание в газете этого имени потребует какого-то дополнительного разъяснения. Но вот теперь, в 1998-м, я написал про ее 75 лет и подумал: а все ли поймут, о ком речь? Убедился же недавно – абсолютное большинство выпускников московской школы не знают, кто она такая, Зоя Космодемьянская. Ну а слышавшие о ней настолько извращенно все толкуют, что кричать хочется. Сделала свое черное дело антисоветская и антирусская пропаганда последних лет!

Вот почему в нынешнем июне так обрадовала меня весть: мэром Москвы издано распоряжение о подготовке к 13 сентября – юбилею одной из самых прославленных некогда героинь Великой Отечественной. Хоть в какой-то мере опамятались? Слава Богу! Ведь эта девушка, навеки оставшаяся восемнадцатилетней, по праву святого символа может с большой буквы именоваться Защитницей Москвы. Мне понятно, что во время войны старые женщины иногда молились на ее образ как на Заступницу. Дальше деревни Петрищево, где приняла она мученическую смерть, немцы к нашей столице не прошли. А ровно через неделю начался победный перелом и во всей Московской битве.

Если же вспомнить, сколько героев разных фронтов шло на подвиг, вдохновленные светлым подвигом, о котором «Правда» рассказала тогда в очерках своего военкора Петра Лидова, то можно сказать, что вклад этой школьницы-комсомолки в общенародную Победу поистине безмерен. Значит, безмерной и вечной должна быть благодарность всей страны!

Увы, нет уверенности, что вся она достойно отметит в эти дни священную память героини. Великая страна, усилиями врагов разбитая на «независимые государства», теми же усилиями все больше разрывается теперь на «независимые регионы». Еще недавно мы пели: «Память общая и сердце общее у моей земли и у меня». Так оно и было, А ныне все меньше объединяет нас общая память.

Хорошо, конечно, что в Москве и Подмосковье проходят мероприятия в честь 75-летия со дня рождения Зои Космодемьянской. Но ведь это не только не общесоюзные – даже не общероссийские мероприятия. По существу, региональные, то есть местные!

Очень хорошо, что газета «Московский север», выходящая в Северном административном округе столицы, посвятила Зое целую серию интересных материалов. Здесь, в бывшем Ленинградском районе, с 1930 года семья Космодемьянских жила, а в знаменитой школе № 201 будущая героиня училась. Но разве она герой лишь городского округа, а не Герой Советского Союза?

Как всегда, широко отметят Зоин день рождения тамбовчане – ее земляки. Даже в самую гнусную пору, в 1991 году, когда «демократами» была учинена над этой девочкой вторая казнь, еще более жестокая, нежели совершенная фашистами осенью 1941-го, на родной тамбовской земле ее память не предали. И, разумеется, особенно большие торжества пройдут здесь в этот раз – по случаю юбилея.

Но вот вопрос: а где еще на бескрайних просторах Отчизны (так писалось в недавние времена) будет отмечена дата Зои? Где еще почтят ее память? Ведь не за одну же тамбовскую землю и не только за Москву отдала она юную свою жизнь – она положила ее на алтарь всего Отечества. Так вот, вспомнят ли соотечественники в других российских городах и селах ту, которая их защитила ценою жизни? Вспомнят ли на Украине, в Грузии, Азербайджане? Или, скажем, в Казахстане?..

Написал это – и вдруг как лезвием по сердцу резануло. Оттуда, из Казахстана, совершено было в трагическом 1991-м первое покушение на подвиг Зои Космодемьянской! Разве забудешь подлейшую статейку в «Аргументах и фактах» за подписью: «Александр Жовтис, писатель». И адрес: г. Алма-Ата. В ней,

статьке этой, не было ни фактов, ни аргументов – только ложь, якобы раскрывшая нам истинную правду. Только грязь, выплеснутая с нескрываемой целью: замазать чистоту. Хотя можно ли винить в том Казахстан?

Минувшим летом был у меня разговор на эту тему в тамбовском селе Осиновые Гаи – родном селе Зои Космодемьянской. Директор ее музея, Сергей Иванович Полянский, по профессии учитель и сам здешний уроженец, естественно, не мог не коснуться того, что до глубины души возмутило семь лет назад всех односельчан.

– Знаете, – говорил он, – я жил после окончания школы четыре года в Казахстане, работал на комсомольской ударной стройке – сооружении Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. Но никогда, ни разу не слышал я имя писателя казахского – Жовтиса Александра Лазаревича...

* * *

Да, все трибуны подобным авторам предоставлялись весьма широко. А сейчас? Что в этом смысле изменилось сегодня?

Что-то, наверное, все-таки изменилось в атмосфере нашего общества, если мэр Москвы счел необходимым показательно отметить юбилей героини-комсомолки. Можно ли представить такое в связи с ее 70-летием пять лет назад? Вспомните год 1993-й...

Я пишу эти строки, когда основные московские торжества в честь Зои Космодемьянской еще не состоялись. Знаю, что будет сказано о ней на вечере, организованном коммунистами: для нас она была и навсегда останется верной дочерью Советского Союза, России, Ленинского комсомола, которому через полтора месяца исполнится 80 лет.

А вот что будет на торжественном собрании под эгидой правительства Москвы и администрации Московской области? Умудрились же два года назад с трибуны официального вечера, посвященного столетию Георгия Константиновича Жукова, даже не упомянуть, что он был коммунистом! И называли только маршалом, но ни в коем случае не Маршалом Советского Союза...

Впрочем, тогда главными фигурами на сцене Театра Российской армии были Чубайс и Черномырдин, так что иного трудно было и ожидать. Сейчас меня обнадеживает активная роль ветеранов в подготовке вечера памяти Зои. Собственно, сама идея широко отпраздновать эту дату в столице – так сказать, на официальном уровне, принадлежит именно им. 23 мая, у своего традиционного ежегодного партизанского костра в Измайловском парке 150 ветеранов-партизан единодушно приняли решение обратиться с соответствующими предложениями в правительство Москвы. Их поддержал председатель Московского городского комитета ветеранов войны И. А. Слухай. С этого все и началось...

Дорогие наши старые и навсегда юные солдаты! Мне хочется в эти дни сказать вам самые высокие слова и низко, низко поклониться Клавдии Александровне Милорадовой, которая вместе с Зоей уходила на боевое задание в тыл врага той холодной ноябрьской ночью в 41-м; Клавдии Васильевне Сукачевой, которая тоже героически сражалась в рядах особой разведывательно-диверсионной части 9903; Афанасию Кондратьевичу Мегере – он был заместителем командира этой легендарной части Артура Спрогиса; а затем и командиром ее; Герою Советского Союза, бесстрашной партизанке-подпольщице Надежде Викторовне Троян...

Мне хотелось бы назвать вас всех, да тесна газета. Простите. Но всем вам скажу великое спасибо от своего поколения за то, что вы сделали и делаете.

Вот уже и возраст, и силы не те, но вы не хотите и не ищете покоя, оставаясь верными идеалам своей

боевой молодости.

Это вы первыми вступились за честь Зои, когда новоявленные враги попытались ее осквернить. Я же помню, как пришли осенью 1991-го в редакцию «Правды» с категорическим требованием: дать отпор клеветникам!

С вами была тогда и Нина Васильевна Молий, которая для вас осталась Ниночкой Морозовой, такая отважная в опаснейших операциях за линией фронта и такая скромная, немногословная в той памятной нашей встрече. Мы потом время от времени перезванивались с ней. Еще две недели назад говорили по телефону – она так радовалась, что вечер в честь Зои состоится, так мечтала быть на нем...

Не судьба. В минувший четверг похоронили Нину Васильевну.

Мысленно с ней прощаясь, я вспоминал стихи вашего общего товарища Марата Шпилева:

А «шарик» кружится...
Бежит за годом год.
А круг друзей моих все уже, уже, уже.
Я знаю: Родина без нас не пропадет,
Но станет ей без нас намного хуже...

Нина Васильевна успела написать краткие свои воспоминания о боевых товарищах и подругах под заголовком «Вспомним погибших». На этих страницах лаконичными, скупыми штрихами запечатлены люди и дела потрясающие. А закончила так: «В нашей воинской части 9903 было более ста диверсионно-разведывательных групп. Каждый их боец, оставшийся в живых, может дополнить мой рассказ о героической гибели московских комсомольцев. О них должны знать соотечественники. Знать и помнить, что мы живы благодаря их мужеству».

* * *

Если бы все помнили, знали и понимали! Я считаю: памятная дата Зои Космодемьянской – не только большой праздник, но и повод для покаяния. Многим есть в чем покаяться перед этой девочкой.

Она защитила Москву, а ее в московских газетах и журналах облили грязью. Ведь эти люди никуда не исчезли: они живут, процветают. Покается когда-нибудь тот же Жовтис? Или светило «демократической» журналистики Александр Минкин, который черным по белому написал: «Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше бы – в 1941-м!»

А вот в книге «Советский Союз в зеркале политического анекдота», изданной иерусалимским Еврейским университетом, вы можете прочитать такой «перл»: «На веревке болтается, на «З» называется». Кто это? Зоя Космодемьянская, символ русского и советского героизма, наш идеал! Понятно, не русские и не советские люди сочиняют подобную кощунственную подлость. Автор – известная Дора Штурман. Но ведь эта книга продается сейчас на русском языке в нашей стране! Доколе же будем терпеть издевательства и глумление?..

Говорят, областной Дом искусств «Кузьминки», выделенный для Зоиною юбилейного вечера, – просторный и удобный. Наверное, так и есть. Но почему областной дом, а, допустим, не Кремлевский государственный дворец?

– Что вы! – ответили мне. – Мы и так нашли большое помещение. В такое время знаете как трудно...

Для национальной героини – трудно. Легко для каких-нибудь чужеземных поп-или рок-«звезд».

Ну а музей Зои в Петрищеве, бедственное состояние которого уже столько времени вызывает

серьезнейшую тревогу патриотической общественности? Вся надежда сейчас, говорят, на Лужкова. Найдут ли деньги Лужков?..

Есть время разбрасывать камни и время камни собирать.

Будем все-таки считать проведение юбилея Зои Космодемьянской в Москве неким знаковым фактом. Страна, в которой взявшие власть бесы лишили народ идеалов, лишили героев и святых, оказалась у края пропасти. Значит, снова обретать стране наших святых и наших героев!

Наверное, по воле свыше день рождения Зои совпал с днем присвоения 55 лет назад, посмертно, звания Героя Советского Союза пяти комсомольцам «Молодой гвардии» – подпольной молодежной организации в украинском городе Краснодоне, тогда захваченном немцами. Вспомните: фашисты сбросили мальчиков и девочек живыми в шурф шахты. Вспомните имена – Олег Кошевой, Ульяна Громова, Любовь Шевцова, Сергей Тюленин, Иван Земнухов. Какие у них всех, тоже ставших символами поколения и воплощением силы духа, прекрасные лица! Хочется даже сказать: не лица, а лики.

Недавно прочитал в православной газете: «Воскресить идеал святости». А главный смысл в том, что исконная святость русская якобы полностью утрачена была в советские годы. Но как же тогда отнестись к известным всем и воистину великим подвигам духа, свершенным за эти годы во имя Родины?

Оказывается, «можно добросовестно и усердно служить Родине и предаваться самолюбованию». Что же, «самолюбованию» предавалась Зоя Космодемьянская, когда переносила нестерпимые мучения от рук врагов, когда шла на казнь?

Оказывается, «в порыве самоутверждения человек может иногда совершить подвиг, который легко принять за героический, хотя здесь совершается не акт самопожертвования, а акт самоутверждения». Выходит, не самопожертвованием был подвиг Зои Космодемьянской?

О, по-моему, страшная несправедливость и большой смертный грех утверждать такое!

Я опять думаю о тех русских старухах в годину войны, которые истово на образ Зои молились. Что-то духовно высшее и пресветло-чистое сердцем им провиделось в ней.

Вспоминаю строки одного из очерков Петра Лидова в «Правде»: «Смерть смежила ее ясные очи. Она мертва, но лик ее спокоен и светел. Она как живая. Она как святая».

Наконец, случайно ли лучший памятник Зое работы Матвея Манизера поставлен был в Тамбове в 1947 году на фоне храма Казанской иконы Божией Матери? Это же была, говорят, «безбожная» пора, но вот какое-то провидение устроило все так, как есть. И прекрасная фигура советской героини совершенно неотделима (не внешне только, а органически, внутренне!) от куполов и крестов православного монастыря. Нынче летом я увидел еще один памятник Зое – в селе, где она родилась. Этот памятник тоже неподалеку от храма во имя иконы Знамения Божией Матери, краски которого как бы вобрали в себя зелень окрестных лугов и синь бесконечного неба. В этом храме служил когда-то дедушка Зои – священник, отец Петр Космодемьянский. Верую: православная русская духовность, воспринятая ею от предков, жила в пламенной комсомолке Советской страны. И вовсе не была эта духовность ни в каком противоречии с коммунистическими идеями, которые исповедовала Зоя, ибо по сути это вполне совпадает.

Наша страна – Русь, Россия, СССР – во времена грозных испытаний давала огромное число мучеников и героев, за Веру и Отечество живот свой положивших. Среди них – Зоя Космодемьянская. Среди них – молодогвардейцы, Александр Матросов да и многие, многие другие, может быть, даже неизвестные нам. Не о них ли Русская Православная Церковь молится в день праздника «Всех святых от века Богу угодивших в земле Российской просиявших»...

На небе есть планета, названная именем Зои Космодемьянской. Имя и подвиг русской героини будут

светить нашему народу всегда.

Зоин храм

А ведь казнили Зою на снегу —
Палач всегда
в усердиях торопится, —
И на далеком волжском берегу
Предупредила русских Богородица:

«Свинцом и кровью затыкают рот
Прямого сострадальца и воителя,
Ты, русский созидающий народ,
Твори судьбу народа-победителя!»

Качалась Зоя мертвая в петле,
Не предана друзьями и подругами,
А по славянской взорванной земле
Война катилась,
причитая вьюгами.

И не могу я замолчать о том,
Иных разрух
переживя безмерности, —
Сегодня входит Зоя в каждый дом
Спасением неистребимой верности

И говорит: «Ужасные года,
Ведь Кремль открыли
хаму и вредителю.
Но я клянусь,
что русских никогда
Не одолеть ему, поработителю!»

Вам, промотавшим реки и леса,
Скользящим по ворованному золоту,
Не опровергнуть Зоины глаза
Лишь красоте
распахнутые смолоду,

Вас даже горный
праздничный Давос
Не прополощет
в бане древнегреческой, —
Обыкновенный рыночный навоз
Под именем элиты человеческой!..

Мы, русские, герои многих драм,
Атак непредугаданных вершители,
Воздвигнем Зои Святоликой храм,
И пусть ее страшатся
разрушители.

И пусть взлетит с холма
суровый крест
Над виллами банкирства
и купечества.
Пусть встанет храм
несбывшихся невест
И нерожденных сыновей
Отечества.

Пусть он звонит,
в седых полях скорбя,
Весну зовет, мятежную, зеленую,
Где каждый русский
вспомнит про себя
И защитит —
Россию оскорбленную!

Венок памяти против беспамятства

Это событие настолько необычно для проклятых нынешних времен, что о нем надо говорить и говорить. В Москве было широко отмечено 75-летие со дня рождения Героя Советского Союза Зои Космодемьянской! Причем отмечено не только мероприятиями, которые организовали коммунисты, что, как я уже писал, вполне естественно. На сей раз специальное распоряжение о подготовке к юбилею славной дочери Ленинского комсомола издал также мэр Москвы Юрий Лужков.

Конечно, про комсомол в распоряжении этом ничего не говорилось. Но ведь Зоя была комсомолкой – одной из самых замечательных, самых ярких! Я думал: неужели на «мэрских» мероприятиях это замолчат? И не скажут, что воспитана она была в духе коммунистических идеалов, что защищала великую Советскую страну?

Эти и другие вопросы тревожили. Теперь, когда юбилей прошел, есть повод поделиться некоторыми впечатлениями.

* * *

Два торжественных вечера. Оба посвящены Зое. Один – в конференц-зале Совета Федерации на Новом Арбате, другой – в Московском областном Доме искусств. Первый организован молодежной секцией горкома КПРФ и Ленинградским райкомом КПРФ, второй – правительством Москвы и администрацией области совместно с ветеранскими организациями. Противопоставлять не хочется. Да в данном случае и не нужно. Дело святое, а все, что во имя святого, есть благо.

Непосредственные организаторы обоих вечеров вложили в них много души. Разумеется, по ряду атрибутов – декорации, звуковое оформление, использование кино – «правительственное» торжество было богаче. Оно и понятно. Однако теплоты сердечной на внешне более скромном вечере было ничуть не меньше.

Скажу о другом. Сперва я насторожился, когда со сцены Дома искусств прозвучало: «Этот вечер посвящается Зое Анатольевне Космодемьянской». Без упоминания, что она – Герой Советского Союза, что она – комсомолка. Но потом... Все-таки не смогли потом не говорить об этом! Ведущая вечера известная в недавнем прошлом теледиктор Анна Шатилова и председатель Всероссийской комиссии партизан и подпольщиков генерал-полковник Борис Шумилин, соратница Зои по боевой части особого назначения 9903 Клавдия Сукачева и депутат Госдумы генерал армии Валентин Варенников, огласивший приветствие председателя Думы Геннадия Селезнева, – каждый по-своему старался раскрыть истоки героизма Зои Космодемьянской. А как тут было не сказать о комсомоле, которому скоро исполнится 80 лет.

И даже Валерий Павлинович Шанцев, вице-мэр Москвы, то есть лицо официально ангажированное, хоть прямо и не назвал комсомол, Коммунистическую партию, Советскую власть, которые воспитали таких людей, как Зоя, но все же в своей эмоциональной речи по существу об этом многое сказал. О том, что все дороги были тогда открыты молодым. Что в них утверждалась великая любовь к Отечеству и необыкновенная духовная сила. Что они, молодые, ковали могущество Родины и построили заводы, которые до сих пор до конца не могут остановить (из зала кто-то крикнул: «Многие уже остановили!»).

– Она была настоящим человеком того времени, – сказал о Зое вице-мэр. – Она по-другому поступить не могла.

Правда, не довел свою мысль до логической точки, когда заговорил о тяжелом положении, в котором сегодня оказалась страна. Почему вдруг в мирное время потери, которые мы понесли, превысили потери в

Великую Отечественную войну? Кто виноват? И почему сегодняшняя молодежь в массе своей так разительно не похожа на ту, которую достойно представляла Зоя Космодемьянская?

* * *

Утром 13 сентября на Новодевичьем кладбище возлагали венок к Зоинной могиле. Напротив – могилы ее брата Шуры, тоже Героя Советского Союза, павшего смертью храбрых в 45-м под Кёнигсбергом, и матери Любви Тимофеевны. К подножию их памятников тоже ложатся цветы.

Представитель правительства Москвы Татьяна Алексеевна Васильева, заместитель председателя комитета общественных и межрегиональных связей, открывает митинг. Она говорит, что день сегодня вроде бы обычный. День рождения бывает у каждого человека каждый год. Бывает пятидесятилетие, семидесятилетие, вот сейчас 75-летие. Но мы, говорит она, чтим память такого человека...

А я опять (в который раз!) думаю: нет, совсем не обычный это день. Мог ли он быть, когда Зое исполнилось 70? В сентябре 1993-го... А в сентябре 1991-го? Ведь именно тогда в редакцию «Правды», которая только что начала выходить после августовского закрытия, пришли однополчане Зои с просьбой и требованием: защитить ее честь! От кого? От так называемых «демократов». От тех, кто, оказавшись у власти, вознамерился уничтожить всю нашу советскую историю и всех советских героев. Зоя стала одной из первых жертв.

А что, если бы «Правда» в то время смолчала? Если бы не поднялась против этого «Советская Россия»? Если бы не было сопротивления КПРФ и сторонников ее в других, самых разных формах? На демонстрациях, где людей избивали дубинками, на митингах и в пикетах, которые разгоняли... Может быть, так и не настал бы этот дань – 13 сентября 1998 года, когда правительство Москвы (!) сочло необходимым возложить венок на могилу Зои. Хотя пока еще не правительство России...

Кем была Зоя Космодемьянская для власти в 1991-м и 1993-м? «Красно-коричневой». Меняются времена? Однако не сама собой изменяется жизнь: нужно сопротивление злу, чтобы утверждать добро и справедливость.

* * *

С Новодевичьего едем в Петрищево. Там Зою казнили 29 ноября 1941 года.

Катят меж пышных подмосковных лесов, тронутых ранним осенним золотом, два «Икаруса».

В первом – ребята, школьники. Во втором – ветераны. Может, напрасно рассадили их по разным автобусам, как бы изолировав друг от друга? Они ведь теперь крайне редко общаются. Могли бы поговорить в дороге...

Я сижу рядом с Клавдией Васильевной Сукачевой. Она – председатель совета ветеранов Зоинной части. В эту особую часть 9903, разведывательно-диверсионную, пришла девятнадцатилетней комсомолкой, когда враг в полном смысле стоял у порога Москвы.

Проезжаем поселок Жаворонки.

– Здесь тогда была наша база, – вдруг говорит Клавдия Васильевна. – В помещении детского сада. Тут и проходили первое обучение. А уж потом нас перевели в Кунцево...

В этом ветеранском автобусе – в основном партизаны Подмосковья. Из Зоинной части вместе с Клавдией Васильевной едут еще шесть «девчонок», и она рассказывает мне то об одной, то о другой.

– Вон, видите, сидит Лия Кутакова. В январе 1942 года ей и Кате Елиной пришлось принять неравный

бой в тылу врага. Это у деревни Сосновцы тогда Смоленской, а теперь Калужской области. Были ранены. Кате потом ампутировали обе ноги. А Лия в 45-градусный мороз всю ночь ползла по лесу, продев руки в лыжные крепления, и буквально чудом спаслась...

Смотрю на Лию, на Лию Петровну, Ничем не выделяется среди других! Кто скажет, что вот эта скромно одетая, очень «простая» пожилая женщина совершила настоящий подвиг?

Впрочем, для многих сегодня такого понятия уже не существует. Да и удивительно ли это, если даже сами слова – «подвиг», «героизм», «патриотизм» – столько лет подвергаются издевательствам и глумлению! Раскройте хотя бы «Московский комсомолец» или «Комсомольскую правду». И причем здесь «комсомолец», причем «комсомольская»? Тоже ведь издевательства.

Лия Петровна, как раньше сказали бы, повторила подвиг Алексея Маресьева. Но вот как говорится об этом подвиге в книге «Советский Союз в зеркале политического анекдота»: «Ползет, ползет – шишку съест». Это и есть Алексей Маресьев в веселеньком изображении Доры Штурман. Про Зою Космодемьянскую, как я уже писал, – еще веселее: «На веревке болтается, на “З” называется».

Кошмар какой-то! Садизм, извращенчество. Книга издана иерусалимским Еврейским университетом, но ведь на русском языке, продается и у нас в стране. В Москве – тоже. Вот на что обратить бы внимание московскому правительству, если всерьез оно решило заботиться о патриотическом воспитании! Подобных произведений на книжных развалах, увы, изобилие...

В том же автобусе я познакомился с Анатолием Владимировичем Цветковым. Он представился:

– Председатель комиссии совета ветеранов Южного округа по патриотической работе с молодежью.

И тут же оговорился:

– Точно не знаю – может, сейчас официально комиссия уже называется просто «по работе с молодежью». Недавно видел документ – слово «патриотической» опущено.

– А почему?

– Да известно: кое-кто не терпит этого слова. Ориентируют нас только на работу с допризывной молодежью в смысле подготовки ее к армейской службе. Чтобы осваивали азы военного дела. А о патриотизме, чувстве Родины говорить – это, дескать, лишнее. Но мы все равно говорим!

От Анатолия Владимировича услышал я поразительные цифры. Оказывается, на территории Южного округа было в советское время 86 патриотических музеев при школах. А осталось... всего девять! Правда, за последнее время многие музеи вновь удалось восстановить. Но пока далеко не все. Некоторые бесценные материалы так и валяются где-то в запасниках (например, 7-й кавалерийской дивизии), а немало уже и пропало, наверное...

Это опять к вопросу о патриотическом воспитании.

* * *

Петрищево. Музей Зои. Выходим из автобусов, однако в музей войти сейчас нельзя. Начат наконец капитальный ремонт, которого несколько лет добивались КПРФ и патриотическая общественность. Спасибо, что московские власти взяли это наиболее болезненное дело на себя. Только вот с деньгами, говорят, трудности – как везде...

Директор музея Надежда Серафимовна Ефименкова хочет верить в лучшее.

– Мы надеемся, – говорит она, – что к 29 ноября нынешнего года, к дню гибели Зои, встретим вас уже в отремонтированном здании.

Дай-то Бог! Сегодня радует каждый сдвиг к лучшему, даже малый. Вот Надежда Серафимовна сообщает: раньше музей посещало до 170 и даже 200 тысяч человек в год, нынче – 5 тысяч. Но она и это считает определенным достижением, потому что было время, когда посещаемость упала совсем. И причина, кроме трудностей с проездом, понятна: массированная и яростная антипатриотическая, антикоммунистическая пропаганда, буквально перевернувшая мозги в головах у людей и развратившая души...

От музея идем к дому Прасковьи Кулик. Здесь Зою пытали. Здесь она провела последнюю ночь своей жизни. Сейчас в этот дом войти тоже нельзя – он в аварийном состоянии. Сохранится ли для будущих поколений?

Наша ведущая, Татьяна Алексеевна Васильева, явно торопится. Может, автобусы арендованы на определенный срок и надо спешить? Рыночные отношения вовсю внедряются в нашу духовную жизнь! Между тем Клавдия Васильевна Сукачева, с которой мы идем рядом, еле поспекает, тяжело опираясь на свою палочку.

Наконец ведущая с заметным облегчением сообщает:

– Вот и конечная точка нашего маршрута.

«Конечная точка маршрута» – место казни Зои. Ах, этот удивительный, неповторимый язык бюрократов!.. Поскорее митинг. Поскорее сфотографироваться на фоне обелиска. Боюсь, чтобы при этой американизированной туристической манере не получилось у некоторых ребят очень веселых улыбок на лицах – кажется, они уже и забыли, на каком месте фотографируются.

Скорее, скорее, скорее...

А ветеранам так хотелось бы несуетно посидеть в священных местах и помолчать. Вспомнить былое. Подумать. Наверное, и молодым это было бы не вредно.

Нет, не до этого...

Клавдия Васильевна вспомнила свою поездку сюда несколько дней назад – со школьниками Южного округа. Повела было ребят к месту первого захоронения Зои, но вдруг стеной стала какая-то «дама из муниципалитета»: «Туда не пойдём. Там грязно».

– Грязно-то не там, – грустно сказала Клавдия Васильевна. – Нечисто в душах таких вот людей.

А над нами по-прежнему, как и с утра, простиралось абсолютно чистое, синее небо, озаренное ярким солнцем. Совсем летняя теплынь. Первоосеннее разноцветье листвы на деревьях: лимонная, багряная, бронзовая... Невольно подумалось: какой же чудный день послан тебе, Зоя, в твой юбилей!

* * *

И не хотелось возвращаться в Москву, хотя по погоде чудный этот день здесь вроде бы продолжался.

В Москву – с ее чуждой рекламой, с ее порнографией, с нищими на каждом шагу...

Скажем еще раз спасибо Лужкову за все, что он сделал нынче во имя памяти нашей национальной героини. Но можно с уверенностью утверждать: для того, чтобы в Москве, да и во всей стране, воспитывались такие патриоты, как Зоя Космодемьянская, нужны не отдельные мероприятия, пусть даже очень хорошие. Нужна постоянная, целенаправленная и системная работа. Могу добавить: как было раньше. Более того, нужно кардинальное изменение всей нашей жизни! Ибо на нынешнем общем фоне такие мероприятия – капля в море.

Ведь школьник, приехав из Петрищева, включит телевизор – и что он там увидит?

Возьмет «Московский комсомолец» – и что прочитает? Раскроет учебник отечественной истории, изданный на деньги фонда Сороса, – и какая история родной страны предстанет перед ним?

В тот вечер, 13 сентября, я тоже включил телевизор. Показывали репортаж из Калининграда. Журналист задавал молодым людям вопрос:

– А как вы отнесетесь, если эта земля станет немецкой? Если вас оккупируют?

– Ну и что же, – ответил сперва один, а потом другой.

Вот такое поколение пришло на смену поколению Зои. Таков результат «демократического» воспитания.

Сейчас много разговоров о путях выхода из экономического кризиса. Но кризис ведь не только экономический. Еще страшнее, что страну загнали в духовный, идеологический тупик! И неужели непонятно: выйти из него можно лишь по лучшим нашим отечественным ориентирам. А другим словом – по ориентирам коммунистическим. Когда человек человеку – не волк, а друг, товарищ и брат. Когда он, как Зоя Космодемьянская, готов положить жизнь «за други своя». За Родину.

Если же и дальше люди будут у нас воспитываться, как все последние годы, на идеале «золотого тельца», в духе: «урви», «укради», «лишь бы мне было хорошо», – всем нам хорошо не будет.

Глава третья. Ненавистники не унялись и за гранью нового века

Сейчас принято проводить резкую грань между «лихими девяностыми» и начавшимися затем, после 2000 года, «нулевыми». Не стало Ельцина. Пришел Путин. Что-то действительно как будто начало меняться. О патриотизме, например, говорилось уже не обязательно как о «последнем прибежище негодяев». Ветераны Великой Отечественной радовались большему вниманию к теме героев и героизма.

Однако, оглядываясь в эти годы, да и в последующие, приходится признать: ложь и фальсификации по отношению к советской эпохе не прекратились. И к ее героям – тоже.

Вот почему первая же «круглая» дата, связанная в новом столетии и тысячелетии с именем Зои Космодемьянской – 60-летие ее гибели, потребовала опять не просто величального, а острого выступления «Правды». Вновь пришлось повторить уже звучавшие доводы и аргументы. Остро вынуждены мы были реагировать и на то, как извращенно продолжает представлять страну героев – Советский Союз российское телевидение.

Позднее, гораздо позднее президент России скажет о «пятой колонне», которая действует в стране. Неужто раньше она была не видна? Или, может, причина в том, насколько крепко и неразличимо переплелась эта колонна с властью, выражая во многом ее взгляды, намерения и интересы?

Впрочем, давайте перечитаем некоторые из публикаций «Правды», появившихся в те самые «нулевые».

Зою снова убивают

Восемнадцатилетняя девочка с тонкими и нежными чертами лица, школьница, покинувшая учебный класс, чтобы сражаться с лютыми врагами родной страны, убежденная комсомолка, она совершила свой подвиг верности Отчизне той холодной осенью 1941-го, когда захватчики уже готовы были ворваться в советскую столицу. Шестьдесят лет назад, 29 ноября, в подмосковной деревне Петрищево Зоя Космодемьянская приняла мученическую смерть от рук немецко-фашистских оккупантов.

А полвека спустя ее казнили вторично. Мрачной осенью 1991-го, когда к власти в стране героев приходили предатели, которым ненавистны такие, как Зоя, ставшая вечным обвинением предательству. И ее решили снова убить. Подлым словом, черной клеветой.

Чем больше ложь, тем лучше?

Сколько буду жить, не забуду встречу в «Правде» с боевыми подругами и друзьями Зои. Газета только что начала выходить после ельцинского закрытия в августе. Наша редакция переживала труднейшие дни, но, возмущенные глумлением над памятью героини, ветераны пришли именно сюда. Наверное, потому, что «Правда» в свое время первой рассказала о подвиге Зои Космодемьянской, и они были уверены: такая газета не может бросить ее в беде.

А это была еще какая беда! Организованная, целенаправленная, нарастающим валом катившаяся волна «разоблачений» наших советских героев достигла Зои. Казалось бы, за «перестроечные» годы, когда все было поставлено с ног на голову, люди перестали чему-либо удивляться, но тут многие пришли в состояние шока. Ведь речь шла о любимой народной героине – и отныне она лишалась права так называться!

Не хотелось сегодня, в день шестидесятилетия ее гибели, вновь говорить о мерзавцах и о методах, которыми они действуют. Но приходится. Как увидите дальше, жизнь заставляет.

Собственно, главный метод у них один: ложь. Есть масса разновидностей, и применяются все – в зависимости от обстоятельств, но они при этом твердо помнят заповедь Геббельса: чем больше ложь, тем более она оглушает.

Вот и тогда в ход было пущено все. Зоя болела перед войной? Это психическое заболевание. Так, как она, умереть может лишь ненормальная.

Поджигала дома с немецкими солдатами? А в Петрищеве немцев-то не было! Значит, поджигала своих.

И, наконец, самое впечатляющее: оказывается, Зоя – это вообще не Зоя, а кто-то другой!

Заметка некоего В. Леонидова, опубликованная в «Аргументах и фактах», начиналась так: «Расскажу вам, что я слышал примерно в 1948 году от жителей д. Петрищево». Обратите внимание: он «слышал». Это и есть основа всех версий – кто-то где-то когда-то что-то слышал. Что же в данном случае?

«Бои в Петрищеве не шли. Немцы ушли. Через некоторое время в деревню приехала комиссия и с ней 10 женщин. Выкопали Таню. Никто в трупе не определил своей дочери, ее снова закопали. В газетах тех времен появились фотографии издевательств фашистов над Таней. Наконец, за подвиг девушке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого указа приехала комиссия с другими женщинами. Вторично вытащили из могилы Таню. Началось чудо-представление. Каждая женщина в Тане опознавала свою дочь. Слезы, причитания по погибшей. А потом, на удивление всех жителей деревни, драка за право признать погибшую своей дочерью. Побойще было страшное. Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей».

Значит, это кому-то нужно?

Я привел эту цитату дословно, чтобы нагляднее продемонстрировать безмерность предпринятой лжи. Со времен «перестройки» повелось оправдывать публикацию каких угодно вымыслов плюрализмом мнений. Дескать, каждый может высказаться. Но если заведомо очевидно, что высказывается неправда и если она, тем не менее, публикуется, значит, это кому-то нужно?

Приведенное из «Аргументов и фактов» – ярчайший тому пример. Да, схваченная фашистами Зоя назвала себя по имени любимой героини Гражданской войны Татьяной, и самый первый очерк о ней – военкора Петра Лидова, напечатанный в «Правде» 27 января 1942 года, назывался этим именем – «Таня». Однако уже 18 февраля 1942-го «Правда» печатает второй очерк П. Лидова – «Кто была Таня». Установлено: это Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района Москвы.

Десять лет назад, стремясь фактами опровергнуть ложь, накотившуюся на светлую память героини, работая над статьей «Трагедия Зои Космодемьянской», которая появилась в «Правде» 29 ноября 1991 года, я прошел по всей цепи новоявленных «обвинений». Был в Петрищеве и разговаривал со всеми еще живыми к тому времени очевидцами событий, изучал документы, хранящиеся в тамошнем музее, в Центральном архиве ВЛКСМ. Нагромождения лжи рассыпались буквально на глазах.

Но ведь было такое (и немало!), что не требовало никаких перепроверок и дополнительных расследований. Ибо, повторю, заведомая неправда, более того – нелепость некоторых утверждений были просто вопиющими!

Вернемся к сочинению из «Аргументов и фактов». Тому, кто давал ему дорогу на газетную полосу, не могло же быть не ясно, что это – именно сочинение: ведь здесь нет элементарной логики. Вы только вдумайтесь в смысл написанного.

Что получается? При первом приезде комиссии девушку, назвавшую себя Таней, тело которой было извлечено из могилы, якобы не опознали. Однако вскоре ей присвоили звание Героя Советского Союза. Вопрос: кому же присвоили? Тане, фамилия которой неизвестна? Такого, естественно, не могло быть и не было. Бесфамильным, неизвестным званием не присваивали и наград не выдавали.

В данном случае звание Героя Советского Союза было присвоено Зое Анатольевне Космодемьянской (именно ей!) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года. А опознание, конечно, состоялось раньше: официальный его акт подписан 4 февраля. Так зачем вторично надо было вскрывать могилу и свозить матерей? О каком споре, а тем более драке, страшном побоище (!) за право стать матерью Героя Советского Союза могла идти речь, если мать уже установлена?

Тем не менее мы читаем: «Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей». Но ведь к моменту «драки» Зое Космодемьянской уже присвоено звание Героя. То есть Таня к этому времени уже стала Зоей! Где же тут элементарная логика?!

Искать напрасно – ее изначально нет. Тогда зачем это было написано и напечатано?

Во-первых, обратите внимание, как кощунственно представлена здесь мать Зои. Женщина, потерявшая на войне дочь, а затем и сына, поседевшая и оглохшая от нервного потрясения у дочерней могилы, изображена как корыстная и агрессивная торговка, озабоченная лишь одним – какими-то льготами за Героиню, так следует понимать. И такое кощунство совершено по существу над всеми русскими женщинами! Посмотрите, они же равнодушны к трупу «просто девушки», но готовы горло друг другу перегрызть, когда эта девушка становится Героем Советского Союза, – все вдруг хотят назваться ее

матерью. Вот они, матери-то русские...

Ну, а во-вторых, изображенная «разборка» ставит под сомнение главное: что Зоя Космодемьянская есть именно она. Если таким образом, то есть в вульгарной драке, всех разогнав, мать утвердила имя Героини, можно ли впредь воспринимать его за достоверное?

Простая логика, еще раз повторю, была отброшена. Это чубайсовский прием: больше наглости! Но ведь действует на многих...

Точки были расставлены?

Нет, разумеется, происходило все тогда, в начале 1942-го, совсем не так. Через полвека шаг за шагом восстановил я всю последовательность опознания.

После освобождения Петрищева, где была казнена неизвестная юная патриотка, жителям деревни, близко видевшим «Таню» (а таких оказалось немало), показали фотографии нескольких девушек из разведывательно-диверсионной части 9903 под командованием майора Спрогиса – тех, что ушли на задания и не вернулись, пропали без вести. Мария Ивановна Седова и две ее дочери, с которыми я встретился в Петрищеве, рассказывали: принесли целую стопу комсомольских билетов с фотографиями. И среди них все смотревшие – каждый сам по себе – выделили одну.

Далее. На опознание, кроме матери – Любви Тимофеевны, приехали также ближайшая подруга Зои по отряду Клава Милорадова, Зоины одноклассники и учителя. Сомнений, что перед ними – она, у них не было.

Но и это еще не все. В 1943 году под Смоленском у убитого немецкого офицера были обнаружены фотографии казни Зои (о том, что ее казнь гитлеровцы фотографировали, писал еще в своем первом очерке Лидов). Так вот, на этих фотографиях, сделанных в разных ракурсах, Зоя узнается совершенно четко.

Кстати, приехав десять лет назад в Петрищево, я стал свидетелем неожиданного продолжения той истории полувековой давности. Здесь, в музее, мне показали только что пришедшее письмо из Воронежа – от юриста Игоря Юрьевича Дубинкина. К нему от умершего отца, работавшего в саратовской областной газете, попала фотография (не репродукция – подлинник!), на которой воспроизведен еще один, ранее неизвестный ракурс Зоиной казни. Игорь Юрьевич поспешил послать этот уникальный снимок в петрищевский музей, сопроводив взволнованным письмом.

Разве могли после всего этого оставаться хоть какие-то сомнения, что в Петрищеве 29 ноября 1941 года казнена она, Зоя Космодемьянская?

Но сомнения, как мы видели, сеялись, распространялись! Чтобы окончательно расставить все точки над «и», после опубликования в «Правде» очерка «Трагедия Зои Космодемьянской» решено было провести еще и судебно-портретную экспертизу.

Инициатором этого стал бывший заведующий Центральным архивом ВЛКСМ В. Хорунжий. Официальная просьба была направлена в Научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации. Туда были посланы прижизненные Зоины фотографии вместе с известным снимком повешенной, который сделал в Петрищеве фотокор «Правды» Сергей Струнников (этот потрясающий снимок сопровождал в газете очерк П. Лидова «Таня»). Направлялось для исследования также фото еще одной девушки-бойца, пропавшей без вести в то же время и примерно в тех же подмосковных местах: однокурсницы по институту считали, что она похожа на казненную со струнниковской фотографии.

Само по себе такое не удивляло. Защищая Москву, погибло много Зоиных сверстниц. Они были юны и красивы. Обстоятельства гибели далеко не каждой установлены до сих пор. В один день с Зоей немцы повесили в деревне Головово (всего десять километров от Петрищева!) студентку Московского кооперативного института Веру Волошину, а известна эта героиня стала гораздо позднее, уже после войны – благодаря подвижническим трудам журналиста Георгия Фролова.

Установление имени Зои тогда, сразу после совершенного ею подвига, сделало это имя своего рода символом, как бы соединившим и представившим героические судьбы многих и многих. Ни одна из них

всем другим не противостоит. В самом главном – верности Родине, беспредельном мужестве и несгибаемой стойкости – они едины. Однако у Зои была и своя биография, своя личная судьба. Вот почему с таким волнением ждали мы ответа из Научно-исследовательского института судебных экспертиз.

Он пришел, обстоятельный и подробный, юридически скрупулезный. **А в заключении значилось: «На фотографии трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская».**

Теперь писать о другом?

Казалось, последняя точка в опровержении злобной клеветы была поставлена и возвращаться к этому уже не придется, а писать теперь, вспоминая любимую народную героиню, я буду совсем о другом.

Например, как бережно хранят память о Зое на Тамбовщине, где она родилась. Какие замечательные материалы публикует в газете «Тамбовская жизнь» журналист Иван Овсянников... Какой интересный музей создала в селе Борщевка учительница Лидия Алексеевна Шебунова... Какие прекрасные праздники проходят каждый год в день рождения Зои в родном ее селе Осиновые Гаи! Концерты, спортивные соревнования школьников, цветы к памятнику...

Смеясь, шалить любила,
громко пела —
И вдруг среди сельчан
окаменела.
Стан девичий из камня,
в сердце — ком...
За правду шла по снегу
босиком.

Это из песни преподавателя музыкальной школы Гавриловского района Раисы Усенко. В сентябре 2001 года ей была присуждена премия имени Зои Космодемьянской, учрежденная районной администрацией и вручаемая ежегодно за заслуги в патриотическом воспитании молодежи. Почетной награды удостоена нынче и «Правда».

А кандидатами в лауреаты на будущий год я обязательно назвал бы супругов Верольских из Тамбова. Соединившие в себе талант педагогов, историков и литераторов, а главное — душу истинных патриотов, Валентина Васильевна и Юрий Борисович подготовили великолепное методическое пособие для учителей и школьников — «Зоя Космодемьянская. Жизнь. Подвиг. Память». И оно уже издано, пошло в школы области! Хорошо бы — по всей стране...

Слава Богу, есть люди, которые помнят о главном. О том, что написала, например, в своем сочинении после посещения Зоиногу музея десятиклассница Тамбовской средней школы № 31 Даша Козачук:

«Как страшно одной идти лесом темной ноябрьской ночью, проваливаясь в сугробы, во вражеском тылу. Какой колючий, холодный ветер! Я чувствую, как пальцы рук похолодели, ком подступил к горлу. Опустив глаза, я увидела крепко сжатые пальцы моих одноклассников, как будто они сжимают бутылки с горючей смесью.

Немного старше меня, почти моя ровесница, но как она могла выдержать нечеловеческие пытки? Не закричала, не заплакала, не попросила пощады...

Девичьи ноги, ни разу не надевшие модные туфли на высоком каблучке, идут по колючему снегу. К губам еще не прикасался поцелуй любимого, но гитлеровский изверг поднес лампу, предложил выпить керосин.

Пытали ее, Зою, а это, казалось, я преодолеваю боль, в мое тело вонзается штык, мою шею вместо теплой маминной руки обняла петля палача. Мне нечем дышать. Мне казалось, что я умираю вместе с Зоей. И ведь это не просто смерть — это смерть за Родину, за свой народ...»

Можно сказать, как говорят некоторые, что Зоя не сделала НИЧЕГО. Но можно и нужно сказать: она сделала ВСЁ!

Нельзя не радоваться, когда правда берет верх над ложью. Вот в издательстве газеты «Правда» вышла книжка «Жизнь и подвиг Зои». В ней и очерки Петра Лидова, и разоблачение «демократических геббельсов» нового времени.

Казалось, они приумолкнут. Хотя бы с учетом того, что Путин, в отличие от Ельцина, стал говорить о патриотизме уже не в контексте ругательств. Может, и в самом деле что-то изменится, искренне надеялся я какое-то время. Вон даже московские власти торжественно отметили 75-летие со дня рождения Зои, а теперь готовились почтить ее память в связи с 60-летием гибели. Правда, роль Коммунистической партии и комсомола в воспитании героев Великой Отечественной, как правило, при этом не упоминается, но все же...

В преддверии трагического 60-летия позвонили вдруг с телевидения. Дескать, РТР готовит передачу о Зое Космодемьянской. Приехала с оператором в «Правду» девушка – студентка факультета журналистики, как она пояснила. С ужасом рассматривала фотографию казненной Зои. Спрашивала, зачем немцы фотографировали казнь и кому нужно было возводить напраслину на «эту барышню» полвека спустя. Долго и, как мне показалось, сочувственно записывали мой рассказ.

А при прощании Катя Харитонова (так зовут начинающую журналистку) оставила мне пачку материалов из Интернета, которыми она пользуется при подготовке телепередачи. Вечером я раскрыл их – и оцепенел от потрясения...

Опять она, черная тень!

Что же я прочитал?

«Первая женщина – Герой Советского Союза. За что ее, по совершении “подвига”, били русские, и почему ее “подвиг” так понравился товарищу Сталину».

Это заголовок. «Подвиг» – в кавычках. Суть понятна...

«Справедливости ради, – начинает автор, – надо отметить, что на первом этапе войны действовали не только партизаны-неугодники, но и некоторая часть партийно-советско-комсомольских активистов-“внешников”. Типичный пример этой “активности”, превращенной сталинской пропагандой в символ героизма той эпохи, – Зоя Космодемьянская, Герой Советского Союза».

Да, «активность» – тоже в кавычках. И тоже понятно почему. Сложнее с некоей заумью наподобие деления советских партизан на «неугодников» и «внешников», понять которое трудновато. Но суть, какова опять-таки суть всего предлагаемого текста!

«Итак, что же, собственно, известно о “Тане” – так назвала себя казненная девушка (пропагандистским аппаратом названная Зоей Космодемьянской уже позднее)?.. Известно, что была молодая девушка или женщина (особо гипнабельный возраст), назвавшая себя Таней, которую впоследствии назвали Зоей Космодемьянской (мертвую “Таню” по фотографиям в газетах опознали как свою дочь сразу несколько женщин, в конкуренции на право получения за нее пенсии, льгот и славы победила, естественно, та, которая лучше всего совмещалась с системой). Она не наносила вреда домам, в которых стояли немцы, но поджигала те, в которых жили только русские... Поскольку “Таня” не нанесла никакого урона немецкой армии, то ее действия влекли за собой только заключение в концентрационном лагере. Однако “Тане” удалось спровоцировать немцев на крайние меры. Она до конца отыграла шаблонную по тем временам роль, удобную гитлеровцам, – фанатички, не понимающей, что она не только не наносит немцам вреда, но, напротив, воюет против русского народа. Ее повесили. Считается, что она перед смертью высказалась о товарище Сталине в том смысле, что он герой и светлый витязь».

Ну вот, оцениваете изящество такого изложения? Оказывается, сама виновата: «удалось спровоцировать немцев на крайние меры» и «до конца отыграла шаблонную по тем временам роль». Вот и повесили. А то было бы всего-навсего заключение в концентрационном лагере. В героини, видите ли, захотелось!..

Меня всегда поражает бесчувственность людей, которые о самом трагическом могут повествовать в интонации анекдота или бухгалтерской ведомости. Много написано о жестокости гитлеровских фашистов. Но эти, «демократические», по-моему, еще более жестоки! Гитлеровцы не щадили живых. Эти же не щадят и мертвых.

Вот описание того, что происходило после трагедии в Петрищеве: «Вся эта ситуация интуитивно понравилась (слово-то какое! – В.К.) политработникам высокого ранга. Они и направили в Петрищеве, после его освобождения, корреспондентов газет даже не фронтовых, но центральных – “Правды” и “Комсомольской правды”. Корреспондентам, естественно, проверенным сталинцам, все случившееся в Петрищеве тоже очень понравилось. 27 января 1942 года Петром Лидовым в “Правде” был опубликован материал “Таня”... Сталину среди материалов “Правды” о многих и многих людях, возможно, и о тех, кто реально боролся с оккупантами, понравился материал именно о Тане (П. Лидова). Сталин сказал: “Вот народная героиня!” “Героине” было незамедлительно присвоено звание Героя Советского Союза...»

Ну что тут скажешь? По содержанию, «аргументам», издевательской интонации – все это

возвращение к тем же «Аргументам и фактам» десятилетней давности. Разве лишь с добавлением некоторой наукообразности – такого, скажем, типа: «А раз “Таня”, как и все вокруг нас, закономерна, то она сама, ее поступки, являющиеся порождением не ее лично, но стаи, к которой она принадлежит, как целого, есть эффективный инструмент аналитического познания, разумеется, не ее самой, а именно этой стаи и скрытой ото всех тайной жизни ее вождей».

Конечно, сама по себе она (человек!) разве может быть этим авторам интересна?

Читаю дальше – и хочется кричать: «Сама героиня непознаваема в том смысле, что “Таня” – не Зоя Космодемьянская. Зоя Космодемьянская действительно существовала и даже была заслана в немецкий тыл, но не погибла, хотя судьба ее горька. Когда Зою наши наступающие войска освободили из немецкого концентрационного лагеря и она вернулась домой, мать ее не приняла и выгнала... “Мать героини” познаваема – не столько потому, что выставила из дома свою нуждающуюся в помощи дочь, а затем десятилетиями давала интервью на тему, как воспитывать молодых, чтобы они стали Героями, сколько потому, что смогла добиться признания своего места в системе (не вызвала реакции отторжения у властей предрержащих; более того, и ее сын – по слухам, не без вмешательства самой матери – оказался в Героях – второго этапа войны)».

«По слухам...» Ну, с матерью расправился этот автор по фамилии Меняйлов (историк и писатель, представьте себе!) «в лучших традициях», нам уже известных. Но откуда взялось о воскресшей Зое, явившейся из концентрационного лагеря, чтобы быть «выставленной из дома»? Не дает ответа. Да и не может здесь быть никакого ответа: просто придумывается все, что потребно таким авторам! Придумывается с давно известной антисоветской целью, а затем распространяется, в том числе при помощи ставшего вездесущим Интернета.

Еще раз про безответственность

Кто-нибудь скажет: мало ли что в Интернете бывает, тем более и авторы здесь зачастую безымянные. Однако, к сожалению, как я убедился, некоторые именитые тоже продолжали – вольно или невольно – лить воду на мельницу бесчисленных выдумок и слухов.

Время идет, и в 2007 году появляется обстоятельное вроде бы исследование доктора исторических наук Вячеслава Боярского «Диверсанты Западного фронта». О воинской части 9903, ее бойцах и легендарном командире Артуре Карловиче Спрогисе. Труд в основном действительно серьезный, обобщивший многие материалы, собранные более чем за тридцать лет (!) группой «Поиск» московской средней школы № 1272 – несколькими поколениями учащихся под руководством преподавателя О. А. Гурычевой.

Но что читаю я здесь о Зое?

«...Был и остается открытым вопрос, который волнует не только меня. Кто эта девушка, известная всей стране сначала под именем “Таня”, а потом Зоя Космодемьянская?»

Вот это да! После всего, что рассказано мною выше, согласитесь, странный вопрос. И как же отвечает на него доктор наук Боярский, говоря далее о прославленной героине?

«Безусловно, это конкретный человек. Но это и символ минувшей войны, созданный пропагандой, ее женский символ. Символ нашей многострадальной страны. Не случайно ее и сейчас называют российской Орлеанской девой».

Согласимся, что она стала символом, хотя вовсе не созданным пропагандой, а вполне реальным. Только почему же вдруг понадобилось автору книги снова возобновлять уже окончательно закрытый, казалось бы, вопрос о том, кто есть Зоя?

Более того, он этот вопрос продолжает дальше развивать, выдвигая какие-то странные «версии». Например: «...Задержанных в Петрищево девушек могло быть две. Одну задержали через несколько часов после поимки Клубкова (оказавшегося предателем. – В.К.) по его наводке. И это была Космодемьянская. Другую, неизвестную, назвавшуюся Таней, обнаружил на окраине деревни более чем через сутки Свиридов и рассказал об этом немцам. Ранее эта девушка скрывалась в доме у опушки леса. Ее пытали немцы. Она и оказалась повешенной 29 ноября. Разве так уж неважно узнать ее имя?! Что же в таком случае стало с Космодемьянской?..»

Вот нагородил, так нагородил! Далеко не сразу и поймешь, что к чему. Ясно только одно: опять ставит под сомнение давно установленное и доказанное. Опять отделяет казненную в Петрищеве девушку от Зои Космодемьянской. То есть она – это не она...

Зоина однополчанка Клавдия Васильевна Сукачева, с которой к тому времени установились у меня тесные дружеские отношения, прислала по этому поводу возмущенное письмо. Было чему возмущаться: безответственность «исследователя» действительно поразительная.

А очень скоро мы с ней же, Клавдией Васильевной, оказались вместе на телевидении. Событие, которое должно было бы обрадовать вниманием к нашей героине, увы, обернулось горечью и острой болью для нас обоих.

Что же у них на уме?

По поводу одной телепередачи и объявленной моды на патриотизм

Журналистов «Правды» уже около двадцати лет на телевидение почти не приглашают. Вот почему так удивил меня апрельский 2008 года звонок с предложением принять участие в передаче Первого канала. Да еще в какой! «Пусть говорят», где суетится бойкий Андрей Малахов, – это же одна из самых «желтых» программ, не брезгующая ничем в погоне за пресловутым рейтингом. И что мне в ней делать?

Наверное, предвидя такую мою реакцию, звонившая сразу стала уверять, что на этот раз передача будет совершенно особенная. Ведь она посвящается Дню Победы, и название у нее – «Страна героев».

– Один из сюжетов будет связан с Зоей Космодемьянской, а нам стало известно, что вы писали о ней, – пояснила сотрудница программы интерес, проявленный ко мне.

Когда я услышал это, намерение немедленно и категорически отказаться сменилось колебаниями. Начиная с «перестроечных» лет святое имя национальной героини много раз подвергалось всяческому надругательствам, в том числе и на Первом телеканале.

Правда, за последнее время клеветники вроде несколько поутихли, но неизвестно, как обернется сейчас. Кто же тогда защитит Зою?

Короче говоря, согласился приехать на съемку.

Первые ряды в павильоне заполнили в основном ветераны, и я рад был увидеть Клавдию Васильевну Сукачеву, которая осенью 1941 года одновременно с Зоей Космодемьянской пришла в часть особого назначения 9903.

Но насторожили кадры, заранее снятые, судя по всему, для предстоящей передачи. Их, пока мы ждали начала малаховского шоу, время от времени высвечивали на двух боковых экранах. Чаще всего повторялся кадр, где Зоя под виселицей (известная фотография, снятая немецким офицером) и тут же – улыбающийся Сталин. Понятно, что в жизни улыбка сталинская никакого отношения к сцене казни комсомолки не имела, однако соединены были два этих изображения в данном случае, конечно же, не случайно. Символически зловецкий получился монтаж, и увиделось мне в нем нечто вроде эпитафии ко всей затее.

* * *

К сожалению, я не ошибся. Уже по ходу первого выступления – бывшего жителя подмосковной деревни Петрищево, который мальчишкой видел казнь Зои, Малахов счел нужным его спросить: а правда, что одна местная жительница «стала тогда на сторону немцев»?

И отсюда, как говорится, пошло-поехало. Клавдия Васильевна потом делилась воспоминаниями, какой была в отряде будущая прославленная героиня, но акцент, перемещенный на другое, продолжал нагнетаться. Показали на экране троих нынешних жителей Петрищева, которым был задан вопрос: как вы относитесь к тому, что Зоя поджигала в деревне дома? Они не одобрили. Про то, что в домах этих были немцы, – ни слова. Ни они, ни Малахов.

А когда дошла очередь до меня и я начал отвечать на вопрос, почему именно Зоя стала своего рода символом партизанской борьбы, ведущий поспешил прервать: но как, дескать, вы воспринимаете высказывания людей из Петрищева, которые только что прозвучали?

– Найти трех таких в деревне можно, – отвечаю. – Тем более не из тех, кто пережил войну, кто, может

быть, и приехал-то сюда гораздо позднее. Вы же специально искали.

– Почему специально?

– Да потому, что я в Петрищеве был не раз и знаю мнение многих других жителей. Иное мнение!

– Но ведь господин Сталин не готовился к войне, – утратив профессиональное спокойствие, в сильном раздражении бухнул Малахов.

– Во-первых, не господин, а товарищ Сталин. Во-вторых, готовился, да еще как! Спросите об этом присутствующих ветеранов. И, в-третьих, хватит уже проводить лживые параллели: Сталин – Гитлер, коммунисты – фашисты, нацистская Германия – Советский Союз!

Все это, признаюсь, я не говорил, а кричал. Оставаться в уравновешенном состоянии было невозможно. И тут ведущий – в пику мне! – «выложил» свой козырь. С торжествующей интонацией он сообщил, что в зале сидит племянник Зои Космодемьянской.

– Вы считаете, образ вашей тети заслуживает такого пристального внимания? – спросил Малахов человека средних лет, находившегося аккурат за мной – значит, специально так разместили.

Полностью путаную его речь воспроизвести не берусь, ибо диктофона со мной не было. Воспроизведу дословно то, что осталось после монтажа в передаче, которая вышла в эфир вечером 8 мая.

– Первое, – сказал человек по имени Святослав Чуриков, – это не моя родная тетя, а двоюродная. Второе – это была цепь подвигов народа. Причем народа, зачастую не принимающего решения по стратегическим операциям, а подвиг солдат, рядовых офицеров. Это цепь подвигов, и этими подвигами была выиграна война. И слава им, и вечная память тем, кто погиб, отдал жизнь за нашу страну.

Конечно, слава и вечная память! Но вы заметили, что прямого ответа на заданный вопрос здесь нет? Его не было и в полном тексте довольно длинного рассуждения. Но понять можно было так: никакого особого внимания Зоя, конечно, не заслуживает. А главная мысль раскрывалась в факте, который двоюродный племянник постарался по-своему «обыграть». Напомнив известный кадр кинохроники – абсолютно деморализованный Гитлер обходит строй подростков в военной форме, когда советские войска уже близки к Берлину, этот самый Чуриков и провел свою параллель: не так ли посылали на смерть Зою? Кто посылал – понятно. Недаром же Сталин улыбался в другом, только что показанном кинокадре...

* * *

Словом, Зоя Космодемьянская – жертва сталинизма, тоталитаризма, Советской власти. И не одна она, а, как вытекало из следующего выступления, вся молодежь, пошедшая на войну. Следующей выступавшей стала известная в советское время теледиктор Анна Шатилова, и ей-то было доверено произнести основную концепцию передачи. Какую? А вот, пожалуйста: «Да, мы, конечно, страна героев, но лучше бы мы ею не были. Лучше бы просто жили, трудились, отдыхали, любили...»

Я был потрясен. Ну да, лучше бы. Однако ведь произошло 22 июня 1941 года! Не выдержал:

– Что вы говорите? Вы, советский теледиктор!..

Но она продолжала свое.

Сразу скажу: в упомянутой передаче, вышедшей 8 мая, многое было опущено. Снимали больше четырех часов, а осталось на 50 минут, да еще с рекламой. Приведу слова Анны Шатиловой так, как они прозвучали с экрана:

– Да, наш народ героический. Девушки, парни, которые действительно неподготовленные пошли и потом попадали в пекло, в окружение, в плен и погибали. Просто сущность нашего человека. Мы

поставлены были в такие условия... Мы все время ведь чувствуем – и 9 мая, и ветеранов. Я очень много встречаюсь с ветеранами, веду концерты, веду встречи с ними. И вы знаете, как это грустно! Наши люди, с орденами, они вынуждены были терпеть такие трудности. Миллионы погибли. Это чудовищно. Я думаю, вы поняли меня. Может быть, я как-то сумбурно...

Поняли, поняли! Все было построено так, что это не Гитлер, а Сталин виноват в гибели миллионов наших людей во время войны. В том, что наша страна, увы, стала страной героев. В том, что юная Зоя Космодемьянская была повешена.

Сидевший неподалеку от меня ветеран возмущенно сказал:

– Да всех этих малаховых и шатиловых не было бы в живых, если бы не Сталин и не такие, как Зоя!

Клавдия Васильевна Сукачева глотала таблетки и шептала, держа меня за руку:

– Только бы выдержать...

А до этого она с болью говорила:

– Вы заметили, что Малахов всем дает высказываться, не прерывая? Кроме вас и меня. Я видела, как он перекосялся, заметив мой значок.

На пиджаке у нее был значок члена КПРФ.

* * *

Передача, как я уже сказал, вышла в сильно урезанном и перемонтированном виде. Можно даже сказать, в сильно приглаженном. Кто-то «сверху», видимо, решил, что не стоит накалять страсти в канун праздника. Нынче ведь объявлена мода на патриотизм.

Не знаю, обратили вы внимание или нет, но в ночь после мартовских президентских выборов 2008 года собравшиеся в основных телестудиях политологи – «законодатели политических мод» именно так и говорили: патриотизм теперь в моде. Говорили телемонстры. Несть им числа.

Ну, конечно, патриотизм у них специфический. С обязательной антисоветской подкладкой.

Собственно, появление военной темы в передаче «Пусть говорят» – тоже дань «моде». А следом на Первом канале пошло 8 мая «Поле чудес», и Якубович пафосно приветствовал здесь кадетов, заявив, что все вопросы сегодня будут о войне и Победе.

Что ж, пристроиться к моде можно. К любой. И те, кто еще вчера называл патриотизм последним прибежищем негодяев, всячески оскорбляя «эту страну» и «этот народ», сегодня пытаются говорить о чем-то по-другому, натягивают на себя иную одежду.

Но только одежду! Суть их не меняется, на уме и на душе – то же, что было. В этом убедили меня и съемки телепередачи под названием «Страна героев».

С гневом и пристрастием

Ответ малаховым-смердяковым

Величественный парад на Красной площади советской столицы, состоявшийся 24 июня 1945 года, стал мощным и радостным аккордом в честь Победы, ради которой почти четыре года сражался, трудился, отдавал все свои силы народ первой в мире социалистической державы.

И каким неимоверно тяжким был путь к этому праздничному дню! На бастионах яростно оборонявшейся Брестской крепости и под Ельней, где в боях рождалась Советская гвардия, среди насквозь простреливаемых украинских степей и в суровых снегах Подмоскovie бойцы вряд ли могли представить себе, как торжественно будет чествовать их страна.

Теперь им говорят: да лучше бы вы и не были героями!

Именно это прозвучало накануне нынешнего 9 Мая 2008 года в телепередаче Первого канала «Пусть говорят», словно для издевательства над этими людьми названной «Страна героев». Я рассказал о том, как она снималась, в статье «Что же у них на уме?»

Пришло много откликов. И вот один из них – от настоящей героини Великой войны, которой, как и мне, довелось стать свидетелем происходившего в павильоне телестудии «Останкино» в тот вечер, – предлагаю вниманию читателей.

В своем письме Клавдия Васильевна Сукачева, однополчанка легендарной Зои Космодемьянской, обращается ко мне, но через меня и через газету она хочет донести переполняющие ее боль, гнев, негодование до всех, в ком, вопреки современным смердяковым, жива не показная, а истинная любовь к Родине.

Виктор Кожемяко, обозреватель «Правды»

Очень внимательно и с глубоким волнением прочитала я ваш очерк «Что же у них на уме?» Разделяю ваши чувства и считаю своим долгом, своей обязанностью перед боевыми друзьями, погибшими в 16–20 лет в борьбе с фашистскими оккупантами, продолжить разговор об этой передаче. Да и не только о ней, потому что хитро выстроенная при ее съемках подлость очень характерна для нынешнего подлого времени. А тот факт, что не вся она выплеснулась на экран, отношу лишь на счет нашего с вами сопротивления по ходу съемок.

Итак, когда в двадцатых числах апреля мне позвонили с Первого канала телевидения, попросив принять участие в передаче, посвященной Зое Космодемьянской, поначалу я вынуждена была отказаться: состояние моего здоровья было совсем плохое. Но через день позвонили вновь. Говорили, что пришлют машину, что на телевидении есть доктор, который в случае необходимости окажет мне медицинскую помощь. И я согласилась приехать.

Накануне весь день посвятила подготовке к выступлению. Поскольку Мария Сергеевна, представлявшая по телефону передачу «Пусть говорят», сказала, что ведущий будет спрашивать меня не только о Зое, но и о других моих подругах и товарищах по воинской части особого назначения 9903, подобрала их фотографии, продумала, что самое главное можно коротко сказать о каждом.

Но, как оказалось, ничего этого не нужно было! Когда с разложенной по карманам домашней «скорой помощью» я прибыла в Останкино и заняла указанное место в павильоне рядом с человеком, о котором было сказано, что он в детстве видел казнь Зои Космодемьянской, очень скоро мне стало ясно: здесь

разыгрывается заранее подготовленный сценарий. Причем сценарий гнусный, оскорбительный по отношению к памяти героев, отдавших жизнь за Родину.

* * *

Показательно, на чем сразу же сосредоточил внимание ведущий Андрей Малахов, слушая рассказ очевидца казни. Прервал его вопросом: а правда ли, что, когда Зою вели к виселице, одна женщина из толпы местных жителей ударила ее? Да, ответил тот, ударила по ноге кочергой. И вступил в рассуждения о том, что женщину можно понять, поскольку у нее было трое детей, а Зоя сожгла ее дом.

О, ведущий, по сценарию, к этому был уже готов! Заранее его «команда» подобрала и отсняла в деревне Петрищево троих из нынешних жителей, которые на вопрос, как они относятся к тому, что Зоя поджигала дома, ответили: мол, не одобряем.

Поражает меня вот такой абсолютно неисторический подход к сложным и драматическим, даже трагическим событиям совершенно иного времени. Конечно, с точки зрения сегодняшних собственников (это слово нынче особенно в ходу!) трудно понять, а тем более одобрить какие-то действия защитников Родины в экстремальных обстоятельствах. И тем более в ноябре – декабре 1941 года, когда враг стоял буквально у порога Москвы.

Но понимать это нужно людям иных поколений! А задача телевидения и вообще журналистов, если для них Родина не пустой звук, – разъяснять молодежи, почему и как было в ту сложнейшую, критическую, грозную пору, когда на кону была судьба всего народа и всей страны.

Вспомнили бы пожар Москвы в 1812 году: почему русские сожгли тогда любимую свою столицу? Да потому, что в ней были враги и их надо было выкурить отсюда во что бы то ни стало. Судьба Родины дороже любых домов, даже если они очень нам дороги...

Я прошу прощения за этот исторический экскурс, вроде бы затягивающий наш разговор, но считаю важным высказать свои суждения по поводу того, что приходится слышать уже не в первый раз: дескать, зачем же Зоя Космодемьянская поджигала дома своих же, русских, в русской деревне? Странно, что умалчивают при этом о главном: в домах-то наших разместились тогда захватчики, фашисты! Вот кого поджигала Зоя.

Да, она выполняла приказ Ставки Верховного Главнокомандования. Да, был такой приказ за номером 0428 от 17 ноября 1941 года. А продиктован он был следующими обстоятельствами. Когда фашистские войска этой рано наступившей в Подмоскovie зимой занимали наши населенные пункты, то хозяев домов они, как правило, выбрасывали на улицу, а сами уютно располагались в тепле. Поэтому и принято было решение – сжигать дома, в которых устраивались немецкие оккупанты, чтобы заставить их мерзнуть под открытым небом.

Все это я хотела объяснить многочисленным слушателям в телепавильоне и, конечно, будущим телезрителям, но Малахов фактически не дал мне говорить. Сначала прерывал какими-то несущественными вопросами, а потом и вовсе махнул на меня рукой...

* * *

Но почему об этом и о многом другом, что связано с Зоей Космодемьянской, с действиями нашей в/ч 9903, вообще с первым этапом войны, обязательно нам надо говорить и говорить? Потому что здесь нанесено столько всяческой лжи и она так крепко засела в головах людей, что выкорчевать ее оттуда не так-то просто. Тем более вместо утверждения правды то же телевидение и прочие СМИ продолжают, как

мы видим, повторять давно опровергнутое.

Действительно, слушая нападки на Зою в нынешней телестудии, я вспоминала 1991 год и кампанию, которую подняла тогда против народной героини газета «Аргументы и факты». Мы, Зоины однополчане, которых в то время было еще немало, обратились за опровержением этой клеветы в газету «Правда». И ее выступление помогло восстановить правду!

Однако для Малахова и его «команды» этого словно никогда и не было. Удивляюсь, как держатся многие журналисты за старую и давно опровергнутую ложь о войне, о Победе, о ее героях и полководцах. Впрочем, зная убеждения и задачи таких журналистов, удивляться, пожалуй, нечему. Есть выработанные клише, которые повторяются почти механически. Так было и на этот раз!

Вы же помните, Виктор Стефанович, как Малахов буквально походя бросил вам фразу: «Но ведь господин Сталин не готовился к войне!» И ваше ответное страстное возмущение вызвало у меня желание тоже вмешаться в спор с этим круглым невеждой. Однако снова не дал он возможности сказать ни вам, ни мне.

Вы правильно предложили ему спросить у присутствующих в студии ветеранов, готовились ли мы к войне или нет. Каждый немало смог бы на эту тему рассказать! Как стремительно создавалась наша оборонная промышленность. Как разрабатывались новые усовершенствованные конструкции танков, самолетов и другого вооружения. Как мы, школьники-комсомольцы, целыми классами шли в аэроклубы, на курсы снайперов и санитарных дружинниц, сдавали нормы на значки «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок».

А Сталин... Ну ясно же, что он и руководимая им Коммунистическая партия стали главными организаторами подготовки страны к обороне, а затем – отпора врагу. Хотя сегодня, к великому сожалению, ясно это далеко не всем. По той же причине: вдалбливается неправда вместо правды, ложь повторяется автоматически, и люди так же автоматически ее глотают.

* * *

Чего стоит, например, без конца повторяемое утверждение, что Сталин якобы с первого дня войны был настолько ошеломлен, подавлен и растерян, что не смог выступить перед народом и вообще никакими делами не мог заниматься. Чушь! Она пошла от Хрущева, который всячески хотел принизить и дискредитировать Сталина.

Что ж, придумать можно все что угодно. Однако ведь есть документы, и они свидетельствуют совсем о другом.

В 4 часа утра самолеты фашистской Германии бомбили наши города, а уже в 5 часов 45 минут Сталин начал прием руководителей различных ведомств и командиров Красной Армии. Закончил он прием в 16 часов 45 минут. А 23 июня тов. Сталин начал принимать людей в 3 часа 20 минут и закончил в 1 час 25 минут следующего дня.

Вот так он работал – сутками! И данные эти взяты не «с потолка», а из журнала сталинских приемов, где секретари тщательно, пунктуально записывали все по минутам.

Да, в первый день войны сообщить о ее начале было поручено В. М. Молотову. Но уже 3 июля, решив массу важнейших неотложных вопросов, товарищ Сталин выступил по радио перед народом со своим знаменитым обращением, которое начиналось так: «Дорогие товарищи! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои...»

Сталин даже в самые опасные для столицы дни не покинул Москву, и это имело колоссальное,

неоценимое значение для настроения народа.

Мне в те дни довелось действовать вместе с товарищами в тылу врага. Встречались мы с командирами и красноармейцами, прорывавшимися с боями из окружения. И первые вопросы их были обычно такие: «Как Москва? Где товарищ Сталин?» А когда мы отвечали, что Сталин в Москве, на своем посту, надо было видеть, какой радостью и верой в нашу победу загорались глаза людей.

Мне интересно, слышал ли когда-нибудь телеведущий Малахов от ветеранов войны о том, что значило для них имя и слово Сталина. Знает ли он, знают ли члены его «команды», какую высочайшую оценку дали деятельности И. В. Сталина в годы войны не только наши друзья, но и противники, временные союзники, объективные историки на Западе?

Отзыв Черчилля о советском вожде достаточно широко известен. А вот слова Гарримана, посла США в Москве: «Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

* * *

Не могу не остановиться еще на одном моменте, который сильно задел меня. Участник съемок той передачи, рассказавший как очевидец о казни Зои, потом оговорился: дескать, не все немцы были злые и жестокие – были среди них и добрые. Оказывается, один солдат угощал его, мальчишку, хлебом с медом.

Мне понятна благодарность голодного ребенка, получившего хлеб, да еще с медом. И, конечно, говоря о наших врагах в годы Великой Отечественной, мы имеем в виду не в целом немцев как нацию. Речь идет о немецких фашистах. Но вот их-то массовые злодеяния никакие поступки добрых немцев искупить не могут, о чем забывать ни в коем случае нельзя. Иначе воспоминания, подобные тому, которое я услышала от «милого мальчика», создадут у сегодняшней молодежи совершенно превратное представление о наших врагах и о доле, которую всем нам они готовили. Между тем такое превратное представление у многих уже создано, и отсюда – страшный по невежеству и цинизму вопрос к ветеранам: а зачем, дескать, вы воевали? Если бы Россия стала частью Германии, мы бы прекрасно жили...

Эх, почитали бы хоть материалы Нюрнбергского процесса, и тогда перспектива «прекрасной жизни» увиделась бы в ином, реальном свете.

Будучи бойцом в/ч 9903, я насмотрелась на жизнь, которую устраивали нашим людям оккупанты. В лесах Подмосковья мы часто встречали население ближайших деревень, выброшенное фашистами из своих домов. Некоторые успели прихватить кое-что из одежды и продуктов, а другие и совсем не взяли ничего. И вот они сидели у чахлах костерков, варя в солдатских касках полевых мышей, чтобы хоть как-то подкрепить силы и не умереть от голода. Страшно было смотреть в испуганные детские глазенки! Конечно, мы отдавали детям имеющиеся у нас продукты, но что ждало бы этих детей в случае победы фашистов?

Когда бои под Москвой завершились нашей победой и Красная Армия отогнала фашистские войска от советской столицы, ЦК ВЛКСМ отозвал меня из в/ч 9903 и направил в распоряжение Смоленского обкома комсомола для восстановления комсомольских организаций в районах, освобожденных от оккупантов. Помню, 5 марта 1942 года вошла я с 18-й гвардейской дивизией 49-й армии в город Юхнов, и жуткое зрелище предстало перед нами. Город весь, до основания, был разрушен! Торчали только остовы русских печей.

Вот так поступали фашисты. Такое было их отношение к нашей стране и нашим людям. Помню, в селе Знаменка Угранского района, которое тоже полностью было разрушено, нам не нашлось даже где переночевать. А в соседнем селе Замосье мне рассказали о страшной трагедии, которая тут произошла.

Фашистов, разместившихся в сельском доме, раздражал плач заболевшего ребенка. И тогда немец взял маленького Юрочку за ноги, выбежал с ним из дома и, подойдя к колодцу, бросил туда. Старшая сестренка Юрочки – Клава, на глазах которой это произошло, через некоторое время сошла с ума.

Вот в каких зверей превращались фашисты, незванными гостями явившиеся в нашу страну!

* * *

При съемках той телепередачи слово было предоставлено и Анне Шатиловой, известному в советское время телевизионному диктору. Нынче ее приходится видеть иногда на патриотических мероприятиях, поэтому я думала, что услышу от нее правильную оценку войны и Победы. Но выступление госпожи Шатиловой повергло меня в шок. Главная ее мысль свелась к следующему: да, мы страна героев, но лучше бы мы ею не были.

Она, видите ли, «пожалела» нынешних ветеранов и тех героев, которым за Победу пришлось отдать жизнь. В конце своего путаного выступления обратилась ко всем с вопросами: «Вы поняли меня? Вы со мной согласны?»

Я бросила реплику: «Нет, не согласна!» Однако Малахов опять не обратил на это внимания и слова мне не дал.

Но я все-таки хочу сказать через «Правду» от себя и от своих товарищей: не нуждаемся мы в такой «жалости»! Многие из нас уходили на фронт почти детьми (подчеркиваю: уходили добровольно), а возвратились, если «повезло», уже с сединой на голове и рубцами на теле, на сердце, в душе.

Однако мы ни тогда не жалели себя, ни сейчас не жалеем, что пошли воевать. Этого требовал священный долг перед любимой Советской Родиной! А ваше «лучше бы», госпожа Шатилова, – из области пустых мечтаний. На нашу страну напали, и мы должны были ее защищать. И защитили!

Если же сегодня приходится о чем-то жалеть, то это в связи с далеко не лучшими переменами, свалившимися на Родину нашу за последние двадцать лет. Перемены не просто горькие – зачастую они оборачиваются настоящим кошунством.

Мне и моим товарищам, например, невыносимо видеть, как во время нынешних парадов 9 Мая Мавзолей В. И. Ленина тщательно прячут от глаз людских. Да еще вынашивают идейку вообще убрать его с Красной площади куда-нибудь подальше...

Но ведь с трибуны Мавзолея И. В. Сталин выступал на историческом параде 7 ноября 1941-го. К подножию Мавзолея воины Красной Армии бросили знамена поверженных фашистских орд на Параде Победы. Ленинский Мавзолей – на высшем воинском ордене Великой Отечественной войны, который тоже получил название «Победа».

Сколько же можно нашу Победу исказить и оскорблять, издеваться над памятью наших героев?

Глава четвертая. Зоя – это жизнь

Зоина биография, если взять лишь основные ее факты, может вместиться в один абзац. Посмотрите мой очерк «Третья казнь»: там профессора-коммунисты так и поступили для информирования невежественных думских депутатов «демократического разлива».

Однако факты нуждаются в осмыслении. Причем с течением времени что-то отходит на второй план, а что-то, наоборот, возникает с неожиданной остротой. Мы ведь убедились в этом, прослеживая бессовестные попытки посмертно уничтожить Зою.

«Новое время, новые поколения требуют своего прочтения и осмысления подвига», – написал в редакцию «Правды» Б. Журилов из Владивостока, представившийся как пропагандист Первореченского первичного отделения КПРФ. Обращался он, собственно, ко мне: почему до сих пор не подготовил и не выпустил книгу о Зое? «Если вы скажете, что у нас про это столько написано-расписано, что нового не откроешь, то будете не правы», – категорически утверждал автор письма, говоря далее о выросших поколениях, которым многое из ранее общеизвестного теперь неведомо.

Соглашусь и добавлю: или злонамеренно искажено, против чего все последние годы пришлось воевать и чему посвящены предыдущие страницы этой книги.

Зоя по-гречески – это жизнь. Секрет проявленного ею героизма, непостижимый ныне для очень многих, надо искать в ее жизни, которая неразрывно была связана с жизнью страны. Неразрывная, органическая эта связь – вот главное! Помните, как пелось в то время (и она, школьница, конечно, пела): «Здравствуй, страна героев...» Или еще: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой...»

Все-таки не любой, нет, однако столь массового героизма, какой в годы Великой Отечественной был явлен советскими людьми, до того мир не знал никогда.

Есть в России осиновые гай

Здесь родилась Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская

Героями, как и солдатами, не рождаются. Но все же где-то и когда-то рождаются герои!

Зою Космодемьянскую обычно называют московской школьницей-комсомолкой, и это, разумеется, абсолютно правильно. Однако почему совсем забыто, что она тамбовчанка?

В сумрачный, промозглый день конца ноября 1992 года я шел по Тамбову, куда привела меня командировка «Правды». И вдруг, свернув на центральную улицу, замер. В сквере передо мной стояла девушка. На ней была распахнутая телогрейка, а за спиной винтовка. Такое знакомое мне с детства лицо! Но вот и я не сразу ведь вспомнил тогда, почему памятник Зое – в Тамбове...

«На севере Тамбовской области есть село Осиновые Гаи. “Осиновый гай” значит “осиновый лес”. Старики рассказывали, что когда-то здесь и вправду росли дремучие леса. Но в пору моего детства лесов уже не было и в помине. Кругом далеко-далеко расстились поля, засеянные рожью, овсом, просом...»

Так писала о родном селе героини Зоина мать. В последние годы, после упомянутой тамбовской командировки, мне все больше хотелось побывать там. Я верю: место рождения и место смерти человека не по одной лишь метрике, но и как-то мистически, духовно связаны с началом и концом его земного пути. И, бывая в подмосковной деревне Петрищево, где морозным днем 29 ноября 1941-го оборвалась земная жизнь этой девочки, шагнувшей в бессмертие, я все чаще думал о другом русском селе, где восемнадцатью годами раньше жизнь ее началась. Во глубине России...

13 сентября 1998 года Зое исполнилось бы 75. А 29 октября – 80-летие Ленинского комсомола, который ее воспитал. Настоящим счастьем для меня стало, что в преддверии этих памятных дат, в июне, удалось наконец осуществить заветную мечту. И хотя немало тяжелого, драматического, даже трагического как из давно прошедшей, так и из сегодняшней жизни встретилось на тамбовской Зоиной земле, все равно скажу: возобладало светлое ощущение. Не только потому, что мир был залит солнцем в эти летние дни, а раскинувшиеся широко под бездонной синью небес поля и луга поднимали в душе чувство вечной России. Ощущение радости, вдохновляющий свет надежды шли больше всего от людей, с которыми я встречался. От Зоиных земляков.

Сергей Полянский. Музей

Чудесное это слово – земляк! Не «зёма», которым пытаются нынче его вульгарно подменить. В «зёме» нет земли. А земля тут и есть самое основное – родная земля, соединяющая людей через расстояния и годы.

Я, когда разговаривал с Сергеем Ивановичем Полянским (а разговаривать с ним, директором Зонного музея, естественно, мне привелось за эти дни больше, чем с кем-либо другим), все время ловил себя на мысли, что он – ее земляк. Если подразобраться, то и родственник, пусть дальний. В селе ведь почти все так или иначе родственники.

Вот он рассказывает мне историю музея, который полностью называется: «Музей Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских и С. Н. Перекальского». Степан Николаевич Перекальский – тоже их земляк, командовал дивизией и погиб при освобождении Курска. Так вот, говоря о музее, которым он, учитель здешней школы, заведует уже без малого тридцать лет, с особой уважительностью вспоминает своих предшественников:

– Организаторами музея стали наши учителя – кавалеры ордена Ленина Евдокия Семеновна Свиридова и Анастасия Ивановна Каратаева. Возглавила же это благородное начинание Матрена Даниловна Перекальская...

– Родственница того Перекальского?

– Однофамилица. Она была учительницей начальных классов, дружила с матерью Зои и Шуры – Любовью Тимофеевной Космодемьянской и хорошо знала уклад жизни этой прекрасной семьи.

Позже Сергей Иванович и сам много лет дружил с Любовью Тимофеевной. Часто бывая у нее в Москве, каждый раз привозил для музея бесценные экспонаты.

Хотя музей Зои в моем представлении начал действовать еще тогда, когда никаких специально собранных экспонатов и специально для них отведенных комнат в двухэтажном здании школы не было. Как не было самого этого здания, построенного тридцать лет назад. Но было село Осиновые Гаи, где родилась и росла девочка, совершившая свой подвиг во имя любимой Родины. И здешний музей начался фактически сразу, как только страна, область, район узнали о ее подвиге.

В Тамбове, в фонде областного краеведческого музея, нашел я интересные материалы, относящиеся к тому времени. Они свидетельствуют: паломничество в Осиновые Гаи, чтобы приобщиться к месту, отныне для наших соотечественников святому, развернулось еще в годы войны. Например, летом 1943-го одна из пионерских экспедиций попросила дедушку Зои, отца Любви Тимофеевны, написать свои воспоминания. Он был уже стар и недавно похоронил жену, которая не смогла перенести смерть внучки, но на просьбу ребячью откликнулся. И вот передо мной эти пожелтевшие листки, где красивым каллиграфическим почерком (Тимофей Семенович Чуриков в молодости служил волостным писарем) трогательно излагается, какой заботливой была Зоя по отношению к дедушке и бабушке...

Осиновые Гаи, по-теперешнему Осино-Гай, расположены далеко и от областного центра, и от железной дороги, так что добираться сюда всегда было нелегко. Но люди добирались. Сергей Иванович говорит, что в 1990 году он принял в музее 32 тысячи посетителей. Потом, как и во всей нашей жизни, наступил резкий спад. Для многих ездить стало совсем невозможно. И все-таки за минувший год проведено 1.008 экскурсий! Опять приезжают не только из соседних районов и областей – были две делегации аж из Якутии.

Полянский видит в этом добрый знак. Он, посвятивший себя воспитанию людей на патриотических

традициях нашего прошлого, причем делающий это поистине талантливо, считает: не удалось убить в народе самое главное – историческую память. А ведь как старались, что только не предпринимали ради такой подлой цели в годы «перестройки» и «реформ»!

Тамара Подымова. Подруги

Земляки к 50-летию Победы поставили памятник Зое в центре села. Авторы – тамбовчане: молодой скульптор Михаил Салычев и заслуженный архитектор России Александр Куликов. Очень помогли им в нынешнее трудное время руководители тамбовского завода «Полимермаш». Памятник прекрасный! Девушка в порыве устремилась вперед, и трепещет на ветру платье, развевается косынка. Вокруг постамента посажены ромашки: впечатление такое, что бежит Зоя по ромашковому лугу. Может быть, к речке Кашме, купаться...

Именно такой запомнили ее здесь многие, когда каждое лето приезжала вместе с братом из Москвы на каникулы к бабушке и бабушке.

Рассказывает Тамара Григорьевна Подымова, ныне учительница-пенсионерка:

– Зою помню в предвоенные годы, особенно в последний ее приезд – летом 39-го. На реке тогда устраивали запруду, и ребята постарше прыгали в воду со спиленного дерева. А мы, детвора, барахтались на мелководье. Но тоже вроде бы пытались прыгать и нырять, хотя фактически лишь ползали по песку да животы себе царапали. Зоя внушала нам, что делать этого не следует, а нужно учиться плавать по-настоящему: «Я вам помогу».

У девочки одной мячик резиновый был – по тем временам редкость. И вот попал он на большую воду, стал уплывать. Девочка заплакала, а Зоя тут же бросилась, поплыла за мячом и поймала его.

Тамаре Григорьевне запомнилось, что она вообще была очень добрая. Добрая и смелая. На речку ребята пригоняли лошадей купать. Так Зоя была единственная из девочек, которая взбиралась на коня.

– А с кем дружила больше всего?

– С Шурой Подымовой. А за Шурой ухаживал Саша Филатов, поэтому они ходили часто втроем. Бывал с ними еще Сеня Кожаринов. Я-то намного моложе их была, а они Зоины ровесники...

– И какие судьбы у них?

– Судьбы таковы. Они все были на фронте. Саша Филатов – офицером в пехоте, Сеня – на Балтике моряком, и Шура тоже воевала – стрелком-радистом в авиации. Для меня это какое-то необыкновенное поколение, самое честное и самое чистое...

Замечу: и для меня. Спасители Отечества! Из Осиновых Гаев не только парни – многие девушки пошли воевать. Как и Зоя, прямо со школьной скамьи. А всего более 600 односельчан ушло на фронт, и 308 из них не вернулись.

Имена павших высечены на десяти гранитных плитах, которые установлены рядом с Зоиним памятником. Я читаю фамилию за фамилией и вижу то же самое, что видел на скромных памятных знаках во множестве русских сел: жизнь за Отечество отдавали целыми крестьянскими родами. Вот и здесь – 22 Кожариновых и 21 Полянских, 13 Епихиных и столько же Вендиных...

Россия, которую убивали, но не смогли убить, смотрит на меня с этих плит. Бессмертная Россия. В густой июньской зелени парка, выращенного окрест, весело щебечут разноголосые птицы, и где-то чуть поодаль все заливаются и заливаются соловей.

Отец Петр. Предки

От памятника и мемориала дорожка поднимается к церкви. Собственно, все это как бы едино, и в праздничные дни, выходя из храма, люди направляются сюда. Кланяются Зое, кладут ей цветы, а потом каждый с цветами идет «к своим»...

Церковь деревянная, построена на средства сельского общества в 1885 году. Во имя иконы Знамения Божией Матери. Рассказывают: когда в конце 1945-го в церкви хотели разместить пленных японцев, женщины здешние стали стеной и не позволили осквернить храм.

А одним из первых его настоятелей был отец Петр – дедушка Зои Космодемьянской.

Я прикоснусь сейчас к теме острой и сложной. В известной книге Любви Тимофеевны «Повесть о Зое и Шуре», литературная запись которой сделана писательницей Фридой Вигдоровой, про этого дедушку – по линии Зоиноного отца Анатолия Петровича – даже не упомянуто. Причина по тем временам мне казалась вполне понятной: не соединялись в тогдашнем сознании комсомолка и священник.

Теперь, в канун юбилея Зои, я решил как можно подробнее все узнать о ее родовых корнях. Известно, что мать была учительницей, отец заведовал сельской избой-читальней и работал в 20-е годы по ликвидации безграмотности, что один дед, как уже упомянуто, был волостным писарем. И вот, оказывается, дед по отцу – священник, причем умер не своей смертью, а был убит.

Версия живущей в Москве Зоиной двоюродной сестры – Нины Сергеевны Ланге, урожденной Чуриковой (а она мне ее рассказала со слов ближайшей боевой подруги Зои – Клавдии Александровны Милорадовой), была такая. Во время Гражданской войны нагрянула на Осиновые Гаи банда белых. Потребовала у священника лошадей. Он не дал – и его убили. А хоронили буденновцы, когда освободили село. Под «Интернационал».

Получалось красиво, но именно эта чрезмерная красивость и вызывала сомнение.

Приехав в Тамбов, по пути в Осиновые Гаи, первым делом начал наводить справки про обстоятельства смерти священника Космодемьянского. Поскольку это дед прославленной героини, я был уверен: не могут не знать о нем местные историки, да и в архивах что-то должно быть.

Оказалось – ничего! Обращаюсь последовательно в областной архив и Центр документации новейшей истории (бывший партархив), в областное управление ФСБ и епархиальное управление. Всюду ответ отрицательный. Ничего определенного не могли сообщить и краеведы. Известно, что убит в 1918 году, а кем, по какой причине, при каких обстоятельствах – об этом очень туманно и противоречиво.

Что же прояснили на сей счет Осиновые Гаи? Я переговорил со всеми старейшими жителями села, и каждый излагал эту историю по-своему.

Общими во всех рассказах были только лошади, за которыми пришли к отцу Петру, чердак, где он спрятался и откуда его стащили, и пруд в нескольких километрах от села, возле которого был убит и куда спрятали тело. Все остальное – полное разноречие. От версии, что убили соседи из корысти, до каких-то таинственных книг, которые якобы хранились у отца Петра и стали главной причиной его гибели.

Впрочем, было еще нечто общее. Все рассказы о смерти отца Петра сопровождались упоминанием про какие-либо чудесные знамения. Одна женщина утверждала, например: когда убийцы везли его к роковому пруду, кони не хотели идти – «становились в дубошки», а кругом слышалось ангельское пение. Другая женщина говорила, что на месте убийства долго видели потом горящую свечу. Ну и буквально все мои собеседники сходились вот на чем. Убили отца Петра осенью, а обнаружили труп только в следующем

году – уже летом, под Троицу. «И люди поразились: как живой! Не было никаких следов тления. Тело свежее, гладкое. Таким его хоронили...»

Словом, я понял: в селе отца Петра давно уже почитают как святого. Почитают не только за мученическую смерть, но и за праведную жизнь. Память о добрых делах Петра Ивановича Космодемьянского и жены его Лидии Федоровны сохранилась сквозь годы.

А вспомните, как говорят в селе о Зое – что отличало ее с детства. Смелость и доброта!

– Доброта эта необычная у нее и от бабушки Мавры Михайловны шла, – рассказывает восьмидесятипятилетняя Анна Васильевна Подымова. – Та бедным всегда старалась помочь. А потом, смотрю, уже и Зоя стала подвигать свою бабушку на добрые дела. Жил в это время у нас один старый бобыль – избенка совсем завалилась. И вот Зоя, бывало, зовет бабушку: «Пойдем покормим его, а то он голодный».

Добрые и смелые испокон века становились святыми на Руси.

...Уже вернувшись в Тамбов, встретился я в областном архиве с научным сотрудником Юрием Владимировичем Мещеряковым, который, как мне сказали, занимается 1918 годом. Обратил и к нему свою просьбу. В многочисленных выписках из документов того времени (это не одна тетрадь и не одна папка!) разыскал он следующие строки – протокол заседания чрезвычайной комиссии при Кирсановском Совете от 25 ноября:

«Слушали: по обв. священника Косьмодемьянского и Попова в противосоветской агитации.

Постановили: Косьмодемьянского и Попова как лиц, призывавших толпу к разгону Советов в тот момент, когда было восстание контрреволюционных банд и уезд был введен в осадное положение, расстрелять и широко опубликовать среди населения».

Такой документ. Совпадают фамилия и время, однако не может быть пока полной уверенности, что речь о нем, Космодемьянском Петре Ивановиче. Не обозначено имя и не указано, из какого села. Между тем фамилия эта среди священников была распространенная, а в бывшем Кирсановском уезде есть даже деревня Козьмодемьяновка. К тому же обстоятельства смерти отца Петра, которые запомнились в селе, кажется, не похожи на расстрел по официальному постановлению. Хотя в бурное, смутное то время всякое и всяко могло произойти. Могли ведь и корыстные соседи, о которых я слышал, с помощью навета использовать чекистов в своих целях...

Короче, по этому факту нужно еще немалое дополнительное расследование. Но если даже подтвердится, что найденное постановление ЧК относилось к деду Зои, я заранее и самым категорическим образом хочу отвести политиканские спекуляции, до которых многие ныне так охочи.

Понятно: разное было мировоззрение, разное отношение к советской власти – у сельского священника 1918 года и комсомолки года 1941-го. Но и внучка, и дед, если это был он в предполагаемой ситуации, отдали жизнь за то, во что верили. А вера, надежда, любовь обоих были неотделимы от их Отечества.

Сергей Павлов. Потомки

Сегодня Осино-Гай живет теми же проблемами, что и вся страна. Директор школы Анатолий Николаевич Верин ломал голову, как выбить деньги учителям: зарплата к июню 1998-го была уплачена только за март, и отпускных не предвиделось. Задерживались пенсии. В бывшем совхозе (потом ТОО, теперь СПК) мучились из-за нехватки средств на обновление техники, горючее, электроэнергию...

Но при этом от многих, когда речь заходила о судьбе хозяйства и всего села, я слышал произносимое с особым уважением и заметным упованием: Павлов.

Оказался Павлов Сергей Александрович, руководитель этого самого ТОО – СПК, человеком достаточно молодым и очень красивым. Я разыскал его спозаранку у механизаторов, где он отдавал срочные распоряжения перед отъездом в Котовск.

Дело в Котовске такое. Новый руководитель решил подвести к селу газ от магистрали Саратов – Москва, которая проходит в десяти километрах. Заручился поддержкой губернатора Рябова. Но... ресурсы на строительство газопровода среднего давления выделены в виде краски с Котовского лакокрасочного завода. А нужны-то трубы! Пришлось искать фирму (отыскалась она в Орле), выпускающую полиэтиленовые трубы и нуждающуюся в краске. Бартер, вполне современно...

Разговор наш с Павловым, если коротко определить его суть, получился на тему: быть или не быть? Быть ли сельскому хозяйству в России, да и самой России?

– Нас душат, – говорил Сергей. – Невольно думаешь, что действуют настоящие враги. Даже по сравнению с прошлым годом и без того мизерные закупочные цены на зерно уменьшены вдвое! А возьмите соотношение цен на сельхозпродукцию, с одной стороны, и горюче-смазочные материалы, электроэнергию – с другой. Одно это, если не поправить, может село добить вконец...

Но сдаваться он не настроен. Высокий, сильный, умный, человек этот показался мне воплощением всего лучшего, что было и есть в русском крестьянине. Крестьянский сын, с отличием окончивший школу и сельхозинститут, он никогда не мыслил себя вне села. Работал после института бригадиром тракторной бригады, потом инженером в совхозе. И когда в самый трудный для хозяйства момент предложили возглавить коллектив – взялся.

Я скажу, что особенно вдохновило меня в нашей встрече. Его уверенность. Не легкомысленная или наигранная, а глубокая, основательная. Уверенность в том, что вопреки всем врагам (сколько их уже было, да сгнуло!) Россия выстоит. Так же непоколебимо в 41-м верила Зоя, когда враг находился уже у порога Москвы...

Слушая Павлова, я слышал голос не просто жителя на русской земле, а ее законного хозяина. Да, дров за последние годы временщиками у власти наломано много. Что ж, придется поправлять. Нам придется, кому же еще.

Только не допустить купли-продажи родной земли – это все равно что торговать матерью.

Конечно, и Зоя размышляла бы сейчас так же. Ведь она по-дочернему, всей душой любила эту землю, за которую без сомнений отдала молодую свою жизнь.

* * *

В чем для нас тайна вечного притяжения тех земных мест, где когда-то пришел в этот мир человек, призванный свершить подвиг и свершивший его ради других людей? Мы ищем истоки духовной силы,

которая единственно способна поддержать, когда невыносимо трудно. Тогда мы думаем: вот он же смог, она смогла...

Восемнадцатилетняя русская девушка, защищая Родину, стала сильнее смерти. Эта девушка родилась в полевом, соловьином селе под названием Осиновые Гаи.

Какой была школа ее героизма

Вот побывал я там, где она родилась. А дальше была у нее жизнь. Короткая, всего 18 лет, но за эти годы сформировалась личность, готовая к подвигу самопожертвования. Как это происходило? Благодаря чему? Наверное, именно такие вопросы в первую очередь интересуют каждого, кто обращается к биографии того или иного героя.

Мать написала о дочери, а потом и о сыне

Замечательно рассказала про короткую жизнь Зои ее мать – Любовь Тимофеевна Космодемьянская в книге «Повесть о Зое и Шуре». В самом деле, кто знает, возрастание детей лучше их матери? А тут еще и мать прекрасная...

Писать о Зое начала Любовь Тимофеевна вскоре после ее гибели. Потрясение было страшное: как известно, при опознании тела дочери, выкопанного из земли на окраине Петрищева, мать поседела и потеряла слух. Но, видимо, очень сильно было желание поделиться с людьми, какая она была, ее Зоя, чьи портреты вдруг появились в газетах. К тому же пошли письма с фронта и из тыла, в которых не только выражалось восхищение Зоиним подвигом и высказывалось искреннее сочувствие матери, но и задавались ей разные вопросы.

Словом, она стала писать, озаглавив свои заметки «Зоя». Написанное публиковалось. Еще жив был Шура, сын, младше Зои без малого на два года. Продолжал учиться в той же школе и в том же классе, где с начала учебы они были вместе. Но вскоре и сын уйдет на войну. И тоже погибнет. Ее воспоминания о детях расширились, и в конце концов с помощью профессионального журналиста Ф. Вигдоровой вышла уже после войны году эта книга, выдержавшая затем много изданий на разных языках не только в нашей стране, но и по всему миру.

Однако попробуйте найти ее сейчас. Мемуары гитлеровских генералов – пожалуйста, а вот воспоминания матери двух Героев Советского Союза – увы. Разве уже одно это не говорит о том, в какое время и в каком обществе живем мы сегодня?

Сравнивать время Зои и Шуры с нынешним, размышляя об их воспитании, придется не раз. В этом ключ к пониманию не только становления их личностей, но и некоторых вопросов бытия.

Когда мать будущих героев стала учительницей

Итак, знакомое уже нам село Осиновые Гаи на Тамбовщине. Здесь в начале третьего десятилетия XX века живет и работает молодая учительница Любовь Тимофеевна Чурикова.

«Я росла в большой и дружной семье, – рассказывает она о себе. – Мой отец, Тимофей Семенович Чуриков, был волостной писарь, человек без образования, но грамотный и даже начитанный. Он любил книгу...»

Заметим: даже писарь волостной – человек без образования. Потому что для крестьянских детей в дореволюционной России образование было очень большой, а для абсолютного большинства – просто неразрешимой проблемой. Или, можно сказать, недоступной роскошью. Это я хорошо знаю и по собственному отцу (1898 года рождения, деревня Александровка, ныне Красногорского района Брянской области), чьи воспоминания о дореволюционном детстве и юности мне удалось напечатать в своей книге «Время борьбы».

Любе стремился отец дать желанное образование. Три зимы в земской школе, а потом (не без усилий и волнений, как видно по воспоминаниям ее) устраивает в женскую гимназию ближайшего города Кирсанов.

Октябрьская революция застает Любу уже старшеклассницей, близкой к выпуску. В жизни что-то заметно меняется. Уходит добровольцем в Красную Армию любимый старший брат Сергей. Его ответ на вопрос сестры «А мне что делать?» без колебаний: «Учительствовать! Конечно, учительствовать... Все учиться будут, вот увидишь. Народ больше без грамоты жить не станет».

Замечу, что в это же время, в 1918 году, на станции Подмосковная создается школа для детей рабочих-железнодорожников – будущая знаменитая московская 201-я, где будут учиться Зоя и Шура Космодемьянские и которая позднее получит их имена...

А их мать, окончив гимназию и следуя совету брата, идет в отдел народного образования с просьбой о месте учительницы. Сперва это место – в деревне Соловьянка: «бедная, неприглядная деревенька, убогие избы, крытые соломой».

Но что ее утешило, как выразилась она сама? Школа, только что открывающаяся новая школа! «Бывший барский дом стоял на краю деревни, утопая в зелени...» Обратите внимание: школой стал барский дом. Значит, сбывалось сказанное братом Сергеем? И окрепло ее намерение посвятить себя образованию тех, кто еще вчера не имел такой возможности.

И родилась девочка

Потом ее переводят учительствовать в родное село.

«Вернувшись в Осиновые Гаи, я снова встретила с товарищем детства Толей Космодемьянским. Он был моим сверстником, но оказался много взрослее: по серьезности, по жизненному опыту я не могла равняться с ним. Анатолий Петрович около года служил в Красной Армии, а теперь заведовал в Осиновых Гаих избой-читальней и библиотекой.

Тут же, в избе-читальне, собирался на репетиции драматический кружок: молодежь Осиновых Гаев и окрестных деревень, школьники и учителя ставили “Бедность не порок”. Я играла Любовь Гордеевну, Анатолий Петрович – Любима Торцова. Он был и нашим руководителем, и режиссером...»

Вы ощутили атмосферу послереволюционного села в начале 20-х годов? И на других страницах своих воспоминаний Любовь Тимофеевна, по-моему, очень хорошо ее передает. Но главное здесь – Анатолий Петрович, о котором всюду пишет она с необыкновенной любовью, глубоким уважением и сердечной теплотой.

Но давайте обратим внимание и вот на что. Вы не забыли, что он – сын священника, да к тому же, как пытаются утверждать, расстрелянного ЧК? А находится в селе, где служил этот священник, на самой идеологической должности – заведующий избой-читальней. Вас это не озадачивает?

Нет, я не сглаживаю реальной остроты, сложившейся в отношениях Церкви и Советской власти, особенно в годы революции и Гражданской войны: оказались, что называется, по разные стороны классовых баррикад. Но во имя той же реальности хочется разъяснить, что далеко не все происходило так примитивно и огульно, как изображается сегодня. То есть чуть ли не всех священников – под расстрел, а детей их – в ГУЛАГ...

Я уж и на свои личные воспоминания сошлусь. У нас в селе Можары на Рязанщине церковь закрыли, превратив ее в клуб, но священник отец Николай Некрасов продолжал жить в своем доме. А сыновья его (их было несколько!) все стали учителями, и одного из них я знал в детстве очень хорошо.

Когда же годы спустя работал я в рязанской областной молодежной газете, одновременно в другой газете – областной партийной работали два брата Князевы – Георгий Иванович и Андрей Иванович. Сыновья священника. Первый заведовал отделом культуры, был членом Коммунистической партии, второй – фотокорреспондент.

Да подобных примеров у меня на памяти множество, так что вовсе не каким-то разительным исключением был заведующий избой-читальней и библиотекой, а позже и учитель Анатолий Космодемьянский. Однако вернемся к воспоминаниям Любви Тимофеевны про начало 20-х прошлого века – послереволюционное время:

«Вскоре мы с Анатолием Петровичем поженились, и я переселилась в дом Космодемьянских. Анатолий Петрович жил с матерью – Лидией Федоровной – и с младшим братом Федей. Другой брат – Алексей – служил в Красной Армии».

Это опять реальность. И второй сын якобы расстрелянного священника вслед за первым служит в Красной Армии. А молодая семья при выборе, где жить, останавливается на «поповском доме», который вроде бы должен вызвать подозрительность своей «неблагонадежностью».

Но ведь все по-житейски просто и понятно. В семье у Тимофея Семеновича и Мавры Михайловны Чуриковых восемь человек, а здесь в данный момент всего трое. Особой подозрительности, чтобы

воспрепятствовала, как видно, не было. Вот и поселились, и жили дружно, хорошо. И отношения между двумя домами – Космодемьянских и Чуриковых – были по-родственному ладные.

Очень обрадовались молодые, узнав, что у них будет ребенок. Почему-то решили, что непременно будет сын, даже имя мальчугану придумывали. Но оно пригодится почти через два года.

«– С дочкой вас, Любовь Тимофеевна, – сказала ходившая за мной старушка. – А вот и сама она голос подает.

В комнате раздался звонкий плач. Я протянула руки, и мне – показали крошечную девочку с белым личиком, темноволосую и синеглазую. В эту минуту мне показалось, что я вовсе никогда и не мечтала о сыне и всегда хотела и ждала именно ее, вот эту самую девочку.

– Назовем дочку Зоя, – сказал Анатолий Петрович.

И я согласилась.

Было это 13 сентября 1923 года».

Повторю: Зоя по-гречески значит жизнь.

Окажется, что она пришла в этот мир, чтобы умереть ради жизни. Но тогда, когда она родилась, конечно же, этого никто не знал...

«Врать нельзя!»

И вот девочка стала расти. Как это было? В каких условиях?

До 1929 года Космодемьянские жили и работали в Осиновых Гаях. А потом, как я уже рассказал, Зоя с радостью приезжала сюда из Москвы на летние каникулы. Четыре года подряд – с 1936-го по 1939-й, каждое лето.

Приезжала именно с радостью и всегда ждала этих поездок. Любовь Тимофеевна приводила запись из ее дневника: «Все дни я только и думаю о деревне. И наконец это сбылось».

Раннее детство среди русской природы подсознательно заложило глубокую любовь к ней. Эти бескрайние поля вокруг, эти деревья, эта речка... А еще – коровы и лошади, козы и куры, сенокос и огород – обыкновенный деревенский быт, тоже вошедший в душу. Игры с братом Шурой, который родился в 1925-м, и с деревенскими подружками.

«Как сейчас вижу ее пятилетнюю, – вспоминала в своей книге Любовь Тимофеевна. – Только что прошел быстрый летний дождь – и снова жарко светит солнце, с высокого неба ветром сметает куда-то далеко за горизонт последние облака, с ветвей еще падают крупные капли, и Зоя бежит ко мне босая по теплым лужам и смеется, показывая, как промокло ее платье...»

Пришли тогда к Зое с Шурой, о чем нельзя не сказать, и русские сказки, которые слушали они, затаив дыхание, в доме у бабушки Мавры Михайловны. «Бабушка была мастерица рассказывать сказки. Она знала их великое множество и умела рассказывать, ни на минуту не оставляя своего дела: вяжет, чистит картошку или месит тесто, а сама приговаривает спокойно, неторопливо, точно думая вслух:

– Бежит лиса по лесу. Видит – на дереве сидит тетерев...»

Не зря воскликнул когда-то Пушкин: «Что за прелесть эти сказки!» И ведь не только занимательностью и красотой народного слова прелестны они, а и воспитательной мудростью. Чтобы с малых лет усваивал ребенок, что такое добро и зло, правда и справедливость, как они борются между собой и как необходимо отстаивать справедливость и правду.

Когда Зоя совершит свой подвиг и поэт Маргарита Алигер напишет пронзительную поэму о ней, она назовет свое произведение «Зоя». А вот инсценировка поэмы, поставленная во многих театрах, получит название «Сказка о правде». Смысл в том, что невероятное, казалось бы, стало правдой в героическом поведении совсем юной девушки. И в том, что погибла она за правду. Такой сформировался характер. С детства.

«Как-то Шура разбил чашку, но не сознался, – запомнилось матери. – Зоя посмотрела на него в упор и нахмурилась:

– Зачем говоришь неправду? Врать нельзя! – строго сказала она со всей убежденностью своих неполных восьми лет».

Откуда убежденность, что так должно быть, а не иначе? Во многом, конечно, от родителей. Вряд ли можно научить детей жить по правде, если родители погрязли во лжи.

У Зои с Шурой оказались прекрасные родители. Которые сами старались жить в соответствии с тем, что хотелось видеть им в дочери и сыне.

Себе Любовь Тимофеевна, понятно, в книге характеристики не дает – мы сами составляем ее образ по ходу воспоминаний, а про мужа, каким он был, пишет немало. Выделю, на мой взгляд, самое главное:

«Односельчане очень любили и уважали Анатолия Петровича, доверяли ему, советовались с ним по семейным и иным делам, а уж если надо было выбрать надежного человека в ревизионную комиссию – проверить работу кооперации или кредитного товарищества, неизменно говорили: “Анатолия Петровича! Его не проведешь, он во всем разберется”... Он был на редкость правдив и прямотушен. Если кто-нибудь приходил к нему за советом и он видел, что человек этот неправ, он не задумываясь говорил:

– Неправильно ты поступил, я на твою сторону не стану...

“Анатолий Петрович никогда душой не покривит”, – нередко слышала я от самых разных людей».

Чем год сибирский запомнится

Видимо, не случайно Любовь Тимофеевна подчеркивает эту редкостную правдивость мужа перед той главой своей книги, в которой рассказывается об их переезде в Сибирь. Это было в 1929 году. Около года они жили в селе Шиткино (ныне Иркутская область), учительствуя в местной школе, куда получили направление в районном отделе народного образования. И вот этот факт после свержения Советской власти, как и многое другое, стал поводом для антисоветских спекуляций.

Например, в книге уже упоминавшегося доктора исторических наук Вячеслава Боярского без обиняков утверждается: «В 1929 году в ходе коллективизации семью Козьмодемьянских (изменение фамилии он тоже трактует в антисоветской духе. – В.К.) вместе с не желавшими вступать в колхоз крестьянами “раскулачили” и выслали в Иркутскую область (за резкое выступление отца Зои на собрании односельчан)».

Мне совершенно ясно: доктор исторических наук этот факт нисколько не исследовал – безответственно взял из какой-то столь же безответственной антисоветской писанины и вставил в свою книгу «походя». Но разве так можно? Получается опять, что нынче можно все, особенно если против Советской власти.

А правда состоит в том, что семью не «раскулачивали» и не «высылали». Решение уехать отец принял сам. Да, резкое его выступление на собрании было, об этом помнят в селе. То есть был конфликт с кем-то из местных начальников, возникший в связи с методами проведения коллективизации. В этом тоже сказались правдолюбие и прямота отца Зои. Опасаясь нежелательных последствий (не от Советской власти как таковой, а от местного начальства!), Анатолий Петрович и решает переехать вместе с семьей в другое место. Ну а то, что место это оказалось столь далеким, Любовь Тимофеевна объясняет словами мужа: «Людей посмотреть, мир повидать!»

В сибирском селе Шиткино после подвига Зои тоже был создан музей в память о ней и ее семье. Вот что значит искренняя людская благодарность. Ведь Козмодемьянские прожили здесь всего-то один год, но для сибиряков и это дорого. Бережно сохраняют все подробности их пребывания здесь.

«Наш дом в Шиткине стоял на высоком берегу, а мимо текла река – широкая, быстрая. Смотришь – и голова кружится, и кажется, сама плывешь куда-то. И какой лес!»

Это написала Любовь Тимофеевна. Что же запомнилось ей о том годе? Как ходили дети в лес за ягодами и на реку за водой, а зимой катались на санках; как Анатолий Петрович учил Зою плавать, а когда во время учебного года родители целый день были заняты в школе, Зоя училась управляться по дому и с младшим братом самостоятельно. Уютные вечера, когда они могли быть все вместе, вчетвером, и пусть за окнами завывает метель...

Хорошая, дружная семья, в которой должны вырастать хорошие дети. Такое впечатление и от последующих страниц, уже об их московской жизни. Тепло и чистота семейного очага, воспитание в детях собственным примером трудолюбия и чувства ответственности – красной нитью проходит это в книге Любви Тимофеевны.

Однако, кроме семьи, есть окружающий мир, а в нем не только красота и радость природы. Есть жизнь страны, которая тоже будет воспитывать Зою и Шуру. Будет воспитывать, наверное, даже сильнее всего остального.

Вспоминая сибирский год, Любовь Тимофеевна пишет: «В нашем районе кулаки убили семерых сельских коммунистов. Весть об этом быстро разнеслась по Шиткину. Я стояла на крыльце, когда семь

гробов везли по улице. Следом шел оркестр, медленно и сурово играя “Вы жертвою пали в борьбе роковой”. А дальше сплошным потоком шли люди, и на всех лицах были горе и гнев.

И вдруг я невольно оглянулась на наше окно. К стеклу прильнуло побледневшее Зоино лицо, она испуганно смотрела на улицу. Через секунду она выбежала на крыльцо, схватила меня за руку и, крепко прижавшись ко мне, долго смотрела вслед похоронной процессии».

Конечно же, сразу вопросы: «За что их убили? Кто такие кулаки?..» И так далее. Непростыми вопросами вторгалась в детское сознание жизнь. Приходилось говорить с дочкой о том, что такое бедность, богатство и несправедливость. Приходилось объяснять, почему произошла революция и кто за что воевал в Гражданскую войну...

Сегодня, когда я пишу эти строки, расхожим стало утверждение: у обеих сторон в ту войну была своя правда. Что ж, можно и согласиться. Только вот в чем она была, эта правда, с одной стороны – у Чапаева или Буденного, а с другой, скажем, у Каппеля или Колчака? Завоевать благо для миллионов тех, кто трудится, но обездолен, или отстаять собственное богатство и безмерные владения таких же «избранных», как ты, – это, что называется, две большие разницы.

Вдумываясь в смысл Великого Октября, любой православный верующий да и вообще каждый считающий себя христианином должен бы вспоминать предвозвестие Христа: «Последние станут первыми».

Поколение Зои было атеистическим. Но оно с малых лет впитывало и усваивало высшую справедливость революции, которая произошла в родной стране. И поколение это готовилось отстаивать идеалы и завоевания революции.

В Шиткине Зое идет всего лишь седьмой год. Но, говоря о ее воспитании, хочу привести еще один эпизод из воспоминаний Любви Тимофеевны:

«В сельском шиткинском клубе часто показывали кинофильмы, и время от времени я водила туда Зою с Шурой... Всякий раз, когда зал наполнялся народом, кто-нибудь говорил вопросительно, нараспев, упирая на “о”:

– Споем?

И всегда сразу несколько голосов откликалось:

– Споем!

Пели удивительно: с воодушевлением, со страстью, и все больше старинные сибирские песни и песни времен Гражданской войны. Далекие дни оживали в этих протяжных, широких и вольных напевах, грозные события, суровые и смелые люди вставали перед нами. Голоса были глубокие, сильные. Над большим, дружным хором разливался высокий молодой тенор или волной рассказывался могучий, низкий, поистине таежный бас, за сердце хватая такой неподдельной задушевностью, что иной раз слезы навертывались на глаза.

Зоя и Шура пели вместе со всеми. Особенно любили мы одну песню:

Ночь прошла. Веял ласковый ветер.
День весенний и яркий настал.
И на солнечном теплом рассвете
Молодой партизан умирал».

Песня... Меня очень волнует этот момент раннего Зоино детства, потому что я чувствую, какое волнение переживает она, когда поет. И как глубоко входит в ее сердце смерть молодого красного

партизана, который погибает за справедливое дело.

Будут у нее потом и другие прекрасные песни о героях борьбы за справедливость – «Орленок», «Каховка», «Песня о Щорсе»...

Но где такие песни сейчас? Или стране уже не нужны герои?

Нет, скорее всего суть в другом. Отринута справедливость как высший общественный идеал. А то, что якобы должно людям ее заменить – мечта о больших деньгах, о комфорте и удовольствиях, – таких песен, увы, не рождает.

Впрочем, к теме справедливости и борьбы за нее мы еще не раз обратимся, перелистывая страницы Зоиной жизни.

Они в Москве, и дети – в школе

В 1930-м родители Зои переезжают в Москву, куда их настойчиво звали Ольга и Сергей – сестра и брат Любви Тимофеевны. А на следующий год, обустроившись, перевозят в столицу и Зою с Шурой, которые около года жили у бабушки и дедушки в Осиновых Гаях. Начинается московская жизнь семьи Космодемьянских.

Поселились они в небольшом домике близ Тимирязевской академии, в маленькой комнате. Другую, более просторную и удобную, они получают через два года после приезда детей в Москву – в доме № 7 по Александровскому проезду, который стал потом улицей Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских.

Жилье Анатолий Петрович получал от Тимирязевской академии, где он начал работать. Одновременно учился на курсах стенографии и усиленно готовился к поступлению в заочный технический институт, что было его давнишней мечтой. Любовь Тимофеевна преподавала в начальных классах и одновременно училась на заочном отделении пединститута. (Вот так же, невольно вспоминаю, было и у моей матери: стремление к учебе очень многими владело у нас в 30-е годы – можно сказать, от мала до велика).

Осенью 1931-го Зоя и Шура пошли в школу. Хотя братишка до школьного возраста еще не дорос – исполнилось шесть лет, но дома оставлять его было не с кем. Да и очень привык он к сестре, даже представить не мог, что останется дома, а Зоя учиться пойдет. Так что пойдут они вместе, в один класс, и вместе будут уже до десятого...

Школа. Это больше половины ее жизни. Конечно, случайностью можно считать, что в основном учебные годы прошли у нее в замечательной 201-й школе Москвы. Директор – выдающийся педагог и организатор Николай Васильевич Кириков. Новое великолепное здание в три этажа (теперь, замечу, оно пропадает!). Рядом уникальный фруктовый сад, который сажали и за которым ухаживали сами дети...

Словом, есть чем восхититься и чему порадоваться. Но все-таки, когда задаюсь я вопросом, а стала бы Зоя такой, какой она стала, если бы учиться ей довелось в другой школе, менее образцовой, что ли, отвечаю себе: да, все равно она стала бы такой. Потому что все равно это была бы советская школа, что, по твердому моему убеждению, и есть самое главное.

Советская школа. Советское воспитание. Советская жизнь вокруг. Вот что формировало Зою, как и целое поколение, которому в 1941-м предстояло встать на защиту Родины и, не щадя себя, спасти ее от лютого и сильного врага.

Обратите внимание на даты. В 1931 году, когда Зоя становится первоклассницей, Сталин с высокой трибуны говорит о необходимости сделать нашей стране за десять лет то, для чего другим странам потребовалось не меньше столетия. Сделать во что бы то ни стало! – «или нас сомнут».

Разумеется, тогда еще Зоя не могла слышать тех слов и тем более осознать их суровую значимость. Но все десятилетие ее школьной жизни, как и десятилетие жизни страны, прошло под знаком неотвратимости этой задачи.

Когда во время так называемой перестройки валом пошли самые разные обвинения в адрес советской эпохи, появилось среди них и такое: Советский Союз не готовился к обороне от фашизма, то есть Сталин страну к войне не готовил. Это дошло и до XXI века. Вспомните передачу «Пусть говорят» на Первом телеканале, про которую рассказал я выше в очерке «Что же у них на уме?»

А ведь более нелепого обвинения Сталину и всей Советской стране, по-моему, придумать

невозможно! Если реально все в стране было подчинено именно подготовке к защите от вражеского нападения, а утверждается с точностью до наоборот, какая еще ложь может эту превзойти? Воспоминания Любви Тимофеевны Космодемьянской, как и множество других честных свидетельств о том времени, злобную ложь напрочь опровергают. И жизнь ее дочери, сына, о которых она рассказывает, становится документальным аргументом правды, с чем вы, надеюсь, тоже согласитесь.

Удар горем тоже ее воспитывал

При всей неотрывности от больших забот страны семья живет обычной для своего времени жизнью. В каждодневном труде. Небогато, но с радостью и надеждой, а любовь друг к другу укрепляет эти светлые чувства. Хотя приходит и горе.

Таким словом назвала Любовь Тимофеевна главу о неожиданной смерти мужа в 1934 году. Нетрудно понять, какой это ужасный удар для любящей женщины, да еще оставшейся с двумя маленькими детьми. Какой удар для детей! Вот почему невыносимо мне было читать «сенсации», появившиеся в смутное время конца 80-х. Дескать, умер отец Зои «не своей смертью».

Доказательств никаких. «Версии», «соображения» и «предположения», многозначительные намеки... И, понятное дело, с кивками туда же – в сторону Советской власти, которая отныне во всем виновата. Эдакая пляска на гробу, от которой уже недалеко было и до «низвержения» Зои в 1991-м. Невольно спрашиваешь себя: есть ли предел низости и бесчеловечности? Ведь все это надо сочинять, распространять, а цель одна: бросить тень на биографию знаменитой советской героини. Любой ценой и любым способом.

Иногда я думаю: а решились бы эти нелюди на клевету против Зои, будь жива ее мать? Такое ощущение, что и это их не остановило бы...

Но мы вернемся от злонамеренных выдумок к воспоминаниям матери. Горе и беда, испытывая человека, по-своему тоже воспитывают. «Зоя приняла наше горе, как взрослый человек, – написала Любовь Тимофеевна. – Она старалась, как умела, отвлечь меня от горьких мыслей. Но иногда по ночам я слышала, что она плачет».

Матери пришлось преподавать еще в одной школе. Еще меньше, чем прежде, могла она быть дома. С вечера готовила обед, а Зоя разогревала его, кормила Шуру, убирала комнату. Когда же чуть подросла, стала и печь топить. Даже и приготовить обед могла сама.

Вот заключение матери: «Впоследствии, вспоминая те первые месяцы после смерти Анатолия Петровича, я не раз думала, что именно тогда утвердилась в Зоинем характере ранняя серьезность, которую замечали в ней даже малознакомые люди».

Так чем же плоха советская идеология?

Личное и общее, свое и товарищеское, жизнь семьи и всей страны, чувство ответственности и долга... Перед растущим человеком, который учится еще только в младших классах, такие вопросы уже встают. И могут даже возникать сложные противоречия.

Запомнился ведь матери случай как раз такого рода. Она пришла с работы раньше обычного, а детей дома нет. Пошла в школу. Оказалось, Зоя после занятий разъясняет что-то у доски трем своим одноклассницам, а Шура за последней партой поджидает ее, безмятежно пуская бумажных голубей.

Мать попросила учительницу Лидию Ивановну немного погодя послать Зою домой и больше не позволять ей подолгу задерживаться после уроков. Вечером и сама сказала ей про это: дескать, вот я постаралась освободиться пораньше, хотела побыть с вами, а вас нет. И закончила: «Ты уж, пожалуйста, не задерживайся в школе понапрасну...»

А что дальше?

«Зоя выслушала меня молча, но потом, уже после ужина, вдруг сказала:

– Мама, разве помогать девочкам – напрасное дело?

– Почему же напрасное? Очень хорошо, когда человек помогает товарищу.

– А что же ты говоришь: “Не задерживайся понапрасну”?

Я закусила губу и в сотый раз подумала: до чего осторожно надо выбирать слова в разговоре с детьми!»

На страницах воспоминаний Любовь Тимофеевна раскрывается как вдумчивый и чуткий воспитатель. Но вместе с тем, восстанавливая в памяти годы роста своих детей, она откровенно пишет, что не раз тогда задерживалась на мысли: воспитываю их не одна я, мать – воспитывает все, что они видят и слышат вокруг.

Написала она это в связи с воспоминанием о костре в пионерском лагере, куда однажды летом приехала к детям. С ребятами беседовал отец одной из девочек. Он воевал в дивизии Чапаева, слышал Ленина на Третьем съезде комсомола. «И кто знает, в какое пламя разгорится в будущем искра от этого лагерного костра?» – заметила про себя Любовь Тимофеевна.

А сама Зоя в сочинении «Как я провела лето» написала так: «У костра хорошо думается. Хорошо у костра слушать рассказы, а потом петь песни. После костра еще больше понимаешь, как славно жить в лагере и еще больше хочешь дружить с товарищами».

Ныне в значительной части общества уже наступило некоторое отрезвление от разрушительного угара «лихих 90-х». Можно даже услышать, что и пионерское, комсомольское воспитание были совсем не так уж плохи, а наоборот. Но при этом нередко добавляют: «Вот если бы только без идеологии...»

А чем же плоха идеология?

Поколение Зои правомерно гордилось своей страной, потому что она была самой справедливой. Писал, например, поэт С. Я. Маршак стихи для детей под названием «Мистер Твистер». И в них такие строки:

Мистер Твистер,
Бывший министр,
Мистер Твистер,
миллионер,
Владелец заводов,

Газет, пароходов,
Входит в гостиницу
«Англетер»...

Каждому советскому ребенку было ясно, что несправедливо и противоестественно это – какой-то мистер (один!) владеет заводами, газетами, пароходами. В конце концов, если и с христианской точки зрения честно взглянуть, тоже несправедливо, ибо: «Не можете служить Богу и Мамоне».

По-моему, трудновато оправдать в глазах нынешних детей существование новоявленных олигархов, не отбросив напрочь принцип справедливости. А отбросив, само собой возносятся на пьедестал стяжательство. И оно становится, вольно или невольно, в основу воспитания.

Когда-то настоятель Кентерберийского собора в Лондоне Хьюлетт Джонсон, с огромным интересом посещавший и изучавший Советскую страну (в результате чего родилась книга «Христиане и коммунизм»), признал: «...В обществе, где обрублен главный корень, питающий стяжательские инстинкты, у людей больше возможности выработать в себе надлежащие душевные качества, и они действительно их вырабатывают».

Это, безусловно, было фундаментом воспитания того поколения, которое родилось после Великого Октября!

«Это освобождение совести от власти стяжательского инстинкта, приведшее к замене конкурентной борьбы сотрудничеством, дало небывалые материальные плоды, очевидные сегодня для всего мира, – делал свое заключение Хьюлетт Джонсон. – Моральные результаты его еще значительнее. Строй жизни изменился. В центре внимания стоит общество, а не своекорыстные интересы отдельных лиц. На смену благоденствию какого-либо одного класса или классов пришло благоденствие коллектива и каждой отдельной личности в рамках этого коллектива. Забота о пользе общества вытесняет погоню за прибылью».

Да, да, так и было! Это – правда. Потому и отчеканил христианский священник свой вывод на основе знакомства с людьми Советской страны: «Утверждение, будто бы только погоня за прибылью дает великие результаты и денежный стимул – самый могучий из всех стимулов, – есть гнусная ложь».

Как печально и горько, что наши люди (под мощнейшим и хитрейшим натиском собственнической идеологии, стяжательских сил!) вновь поддались этой лжи. Но разве стали от этого лучше? Пусть по совести ответит каждый, кто испытал жизнь при капитализме в «постсоветской» России!..

Думать не только о себе, а быть душой с другими

А тогда, в 30-е годы XX века, освободившись от власти денег и собственнической, стяжательской страсти как главной идеи жизни, от эксплуатации человека человеком, молодая Страна Советов не только набирала неслыханные темпы в материальном своем развитии, но и достигла изумительных успехов в воспитании новых людей. Зоя и Шура Космодемьянские были в их числе.

Действительно, если читать литературу того времени и многие документальные свидетельства, слушать песни и смотреть кинофильмы тех лет, нельзя не заметить нечто общее. А именно – необыкновенный душевный подъем, вызванный причастностью людей к великим свершениям во имя социализма, во имя справедливости. Ради этого совершались подвиги, и это рождало героев.

Какие события из жизни страны, по воспоминаниям Любви Тимофеевны, произвели особенно сильное впечатление на дочь и сына?

Ледокол «Челюскин», отправившийся в большую арктическую экспедицию и потерпевший катастрофу во льдах. Сто четыре человека, в том числе двое детей, высажены на льдину.

Вся страна в едином напряжении следит за эпопеей спасения. А затем вся Москва встречает героев. И один из них – летчик Молоков (о, счастье!) приходит в школу, где учатся Зоя и Шура. Он говорит: «Вот вы думаете, что есть такие, какие-то особенные герои-летчики, ни на кого не похожие. А мы самые обыкновенные люди. Посмотрите на меня – разве я какой-нибудь особенный?»

Конечно же, захватывает сердца детей встреча с таким человеком. И каждый, наверное, примеряет на себя: а я смог бы?..

Открылось в 1935-м московское метро – первые станции. Сперва дети могли видеть на улицах Москвы юношей и девушек в перепачканных землей и рыжей подсыхающей глиной спецовках, в резиновых сапогах и широкополых шахтерских шляпах. Строители метро... А вот теперь уже – результат их работы! И захватывающее восхищение, с которым дети совершают самое первое, поистине чудесное путешествие по этим волшебным подземным дворцам, платформам и туннелям.

Вскоре метро становится привычным, но первое впечатление от чуда, свершенного твоими современниками, остается...

Много интересных новостей приносит «Пионерка» – так называет Зоя «свою» газету «Пионерская правда» (разве не замечательно, что такую создали специально для детей?). Происходящее в разных концах страны и даже всего мира становится ближе. Вот, например, она записывает в дневнике 24 мая 1936 года:

«Завтра начнутся испытания (то есть очередные школьные экзамены. – В.К.)...

Нет времени читать книги, но читать «Пионерку» я нахожу время. Сегодня в ней напечатано, что в Ростове открылся Дворец пионеров. Очень хороший. В самом лучшем здании. Там восемьдесят комнат – куда хочешь туда и иди. Там есть игрушечная телефонная станция. А в другой комнате включишь рубильник – и два трамвая понесутся по кругу. Трамваи, конечно, игрушечные, но совсем как настоящие. И еще в «Пионерке» сказано, что скоро во дворце будет маленькое метро, как московское, но только маленькое. И тогда те ребята, которые никогда не были в Москве, все-таки смогут увидеть метро».

Она думает о других ребятах, которые должны получить такую же радость, что дарена ей! Согласитесь, ведь это прекрасно...

Единство мысли, слова и действия

А вскоре ее любимая «Пионерка» из номера в номер начинает печатать сообщения о войне в Испании. Самолеты немецких фашистов бомбят позиции республиканцев, сносят с лица земли целые города...

«Испания сейчас у всех в сердце и на устах, мысль о ней владеет нами, – пишет мать Зои. – Крылатые слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» – облетели мир, запали в душу каждому честному человеку. Поутру, едва проснувшись, Зоя бежит к почтовому ящику за газетой: что сегодня на фронтах Испании?»

Ныне трудно представить, как много значили испанские события для советских людей. Волновал не только героизм сопротивления фашизму – было еще и горячее предчувствие: это фашистская проба сил, имеющая в перспективе нападение на нашу страну.

Почти за год до начала войны в Испании Николай Островский, уже ставший любимым писателем молодежи, писал: «Угроза войны черным вороном носится над миром... Душно в Европе. Пахнет кровью... Мир лихорадочно вооружается». А еще некоторое время спустя, выступая по радио, он же предупреждает: «Было бы предательством забывать о том, что нас окружают злейшие кровавые враги. Фашизм бешено готовится к войне против Советского Союза».

И после этого с началом «перестройки» стали утверждать, будто в стране тогда царила беспечность, а песня «Если завтра война» была «шапкозакладательской»! Что сказала бы Зоя на это? И можно ли не понять возмущение ее сверстников, ее однополчан, которые остались в живых, такой вопиющей ложью?

Увы, очень многие погибли. Как написала Любовь Тимофеевна, «много погибло молодых, чистых и честных», в том числе учеников Зоинной 201-й школы. В главе «Одноклассники», посвященной предвоенному времени, называет она по именам тех, кто учился вместе с Зоей и бывал у них дома. Вспоминает, например, как скромный, застенчивый Ваня Носенков читал друзьям стихи Константина Симонова «Генерал», посвященные героической памяти Матэ Залка, венгерского коммуниста, который погиб в Испании. А в заключение книги пишет, что Ваня тоже погиб. На другой войне, но против того же фашизма. И Олег Балашов, восхищавшийся фильмом о Чкалове и, конечно, самим Чкаловым, мечтавший стать летчиком – станет им, и он тоже отдаст жизнь в бою с фашистами...

Единство мысли, слова и действия стало замечательной чертой поколения, которое достойно представит Зоя Космодемьянская. Они готовили себя к борьбе за Родину и, когда пробил час, повели себя так, как учили школа и комсомол, пример героев и лучшие книги.

Если требовательность, то по максимуму

Все это было у Зои. А выделяло ее (чего, может быть, и не все замечали) восприятие по максимуму того, что в жизни надо и как надо. Стремление так и поступать – с максимальной требовательностью к себе и другим.

Впрочем, когда касалось других, этого уже нельзя было не замечать. Особенно после того, как ее избрали комсомольским группоргом. Недаром же кое-кто стал отзываться о ней как о «слишком принципиальной», а одна из одноклассниц в анонимном новогоднем пожелании написала ей: «Зоенька, не суди людей так строго. Не принимай все так близко к сердцу. Знай, что все почти люди эгоисты, льстецы, неискренние и полагаться на них нельзя. Слова, сказанные ими, оставляй без внимания. Таково мое пожелание к Новому году».

Пожелание реалиста идеалисту? О реакции дочери при прочтении этого текста мать написала следующее: «С каждым словом Зоя все больше хмурилась, а дочитав, резко отбросила записку.

– Если так думать о людях, то зачем жить? – сказала она».

Но, может быть, что-то из написанного ей все-таки следовало учесть? Или хотя бы задуматься над этим?

Да откуда мы знаем, что она не задумалась. Не все же, что происходило у нее в душе, могла знать даже ближайший друг – мама. Однако если размышления о «завышенной» требовательности и доверчивости к другим у нее, вполне возможно, и могли возникнуть, то уж к себе – абсолютно точно! – менее требовательно относиться она не могла.

Пройти одной «на спор» через Тимирязевский парк темной осенней ночью под дождем – это же не просто упрямство, а испытание себя. Достаточно ли смелости твердости, чтобы пойти на такое, если всерьез обяжет жизнь?

А история с ее педагогическим опытом? Зоя и еще несколько комсомольцев из класса берутся обучать неграмотных женщин в доме по Старопетровскому проезду. Это нелегко. И само по себе нелегко, потому берет у матери книгу по методике обучения грамоте. И ходить надо дважды в неделю, а есть ведь и другие дела, школьные и домашние. Но, как бы ни было, несмотря на усталость, дождь или снег, в точно назначенное время она идет, чтобы заниматься с Лидией Ивановной – пожилой женщиной, которая совсем не умеет ни читать, ни писать и очень хочет научиться грамоте.

– Если случится землетрясение, – говорил о сестре Шура, – она все равно пойдет. Будет пожар – она все равно скажет, что не может подвести свою Лидию Ивановну.

Имел основания так говорить! И хотя ни землетрясения, ни пожара, к счастью, не произошло, дополнительные испытания выдерживать ей все-таки приходится.

Вот мама приносит билеты на концерт в Большой зал консерватории. Будет исполняться Пятая симфония Чайковского, которую Зоя очень любит. Радость от билетов понятная. И вдруг...

– Мама, а ведь это в четверг! – с огорчением произносит она. Я не могу пойти. Ведь я по четвергам у Лидии Ивановны.

И никто – ни брат, ни мать – не могут ее переубедить: «Взялся за гуж, так не говори, что не дюж. Она меня ждет заниматься. А я пойду на концерт? Нет, нельзя».

Согласитесь, не каждый так поступил бы на ее месте. Если что-то подобное складывалось у других, могли занятие и пропустить. А некоторые, в том числе та девочка, что написала ей в новогоднем

пожелании о людском эгоизме и неверности, к концу зимы вообще перестали посещать своих подшефных. Объяснения и оправдания для группорга Зои, конечно, находились, но это не уменьшало глубочайшего ее огорчения: да как же так можно отнестись к своему комсомольскому долгу?!

Для нее это было вовсе не какое-то формальное понятие. И сама она за всю зиму не пропустила занятий ни разу, даже когда бывала не совсем здорова.

– Ну и характер! Ну и характер! – твердил брат Шура, в душе, наверное, не только удивляясь, но и восхищаясь сестрой, которая все больше становилась примером для него.

Читайте «Овод», читайте «Как закалялась сталь»

Если попытаться как-то определить движущую силу этого характера, я назвал бы ее стремлением к идеалу. А представление об идеале складывалось из комсомольской жизни, школьной учебы и, разумеется, из книг, влияние которых на нее оказалось исключительно сильным.

Началом, как и для многих, был Пушкин. Потом стали приходить другие русские классики, которые фантастическими тиражами издавались для народа в Советской стране. Потом – зарубежные классики, советские писатели и поэты. Поразительный диапазон! Особенно если учесть, что ей ведь совсем мало лет:

– Ваша дочь учится в институте? – спросила как-то Любовь Тимофеевну библиотекаря, у которой она брала книги по Зоиному списку.

Списки эти всегда были длинные и разнообразные. Широта интересов Зои, а также глубина, с которой относилась она к чтению, произвели большое впечатление на правдиста Петра Лидова – первого, кто писал о ней. И такое же впечатление, я думаю, было у каждого читавшего его очерк 1942 года «Кто была Таня».

Сужу, конечно, прежде всего, по себе и школьным своим товарищам в те далекие военные годы. Но и гораздо позднее, когда имел я возможность с трепетом держать в руках заветную записную книжку Зои, возникало прежнее чувство: как же успевала столько прочесть и осмыслить!

В самом деле, она ведь не просто «глотает» одну за другой десятки книг. Ей необходимо все продумать, извлечь самое главное, а наиболее созвучное ее душе занести в свою книжку, чтобы снова и снова к этому возвращаться.

Лидов привел несколько выписок, которые, как он заметил, помогут нам понять Зою. Вот они:

«...В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (Чехов).

«Быть коммунистом – значит дерзать, думать, хотеть, сметь» (Маяковский).

«Умри, но не давай поцелуя без любви» (Чернышевский).

«За десять французов и одного русского не дам» (Кутузов).

«Ах, если бы латы и шлем
Мне достать,
Я стала б Отчизну свою
Защищать...
Уж враг отступает
Пред нашим полком.
Какое блаженство
Быть храбрым бойцом!» (Гёте).

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!» – записывает она карандашом в свою памятную книжку. И далее: «Отелло» – борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» – победа настоящего большого человеческого чувства!»

Как журналист, прекрасно понимаю Петра Александровича Лидова, насколько нелегко ему было остановиться в этом цитировании. Хочется привести читателям и то, и другое, и третье...

Перед такой же трудностью оказалась Любовь Тимофеевна, когда писала свою книгу. Кроме того, что привел в очерке Лидов, у нее почти две страницы занимают выдержки из Зоиних записей. Выделю лишь некоторые:

«Маяковский – человек большого темперамента, открытый, прямой. Маяковский создал новую жизнь в поэзии. Он – поэт-гражданин, поэт-оратор».

«...Что такое правда? Человек – вот правда!»

«...Ложь – религия рабов и хозяев...

Правда – бог свободного человека!.. Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо!.. Надо уважать человека! Не жалеть... Не унижать его жалостью... Уважать надо!.. Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми. Не в этом дело!.. Человек – выше! Человек выше сытости!» (Горький, «На дне»).

«Мигуэль де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский. «Дон-Кихот – воля, самопожертвование, ум».

«Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего» (М. Горький).

«Впервые прочел хорошую книгу – словно приобрел большого задушевного друга. Прочел читанную – словно встретился вновь со старым другом. Кончаешь читать хорошую книгу – словно расстаешься с лучшим другом, и кто знает, встретишься ли с ним вновь» (китайская мудрость).

«Дорогу осилит идущий».

«В характере, в манерах, стиле, во всем самое прекрасное – это простота» (Лонгфелло).

Согласитесь, из того, что в книгах задерживает внимание Зои, уже видно, какая она. Лидов заметил: «В этих записях она вся – чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь...»

Это так. И духовное богатство отечественной, мировой литературы поддерживает ее в таком высоком стремлении. Но есть книги и герои, которые оказали особое воздействие на юную душу. Назову «Овод» Войнич, «Что делать?» Чернышевского (и, соответственно, его собственную жизнь), «Как закалялась сталь» Николая Островского (и опять-таки жизнь автора этой книги).

Что здесь общее? Героический характер. Человек, способный на самопожертвование ради других людей, во имя большой идеи.

Удивительные совпадения. Например, «Овод» был и любимой книгой Островского-Корчагина, а также Татьяны Соломахи, героини Гражданской войны, имя которой возьмет себе Зоя в тылу врага и под которым она погибнет.

В романе «Как закалялась сталь» Корчагин читает «Овод» своим боевым товарищам. И один из них после сцены смерти Овода заключает: «Умирать даже обязательно надо с терпением, если за тобой правда чувствуется. Отсюда и геройство получается».

Терпение и героизм нераздельны? В том же романе после тяжелого ранения Павла врач клинического военного госпиталя Нина Владимировна записывает: «Нас, врачей, поражает это поистине безграничное терпение, с которым раненый переносит перевязки. Обычно в подобных случаях много стонов и капризов. Этот же молчит и, когда смазывают йодом развороченную рану, натягивается, как струна. Часто теряет сознание, но вообще за весь период ни одного стога. Уже все знают: если Корчагин стонет, значит, потерял сознание. Откуда у него это упорство? Не знаю».

А через несколько дней она же запишет: «Я знаю, почему он не стонал и вообще не стонет. На мой вопрос он ответил: «Читайте роман «Овод», тогда узнаете».

Вы поняли? И ведь это не только литературный герой говорит – самому Николаю Островскому приходилось переносить ужасные боли. И он их так же стоически переносил.

А теперь вспомните, что придется перенести перед казнью Зое и как будет держаться она.

Вынужден сделать здесь необходимое отступление. В попытках как угодно принизить подвиг советской героини ненавистники по-прежнему доходят до мерзостнейших пакостей. Один из таких – некий «историк и журналист» Алексей Богомолов – объявился уже в 2013 году, то есть к 90-летию со дня рождения Зои. Я подробнее расскажу о его происках дальше, а сейчас лишь про один.

Знаете, какое «открытие» он сделал, объясняя секрет «ненормальной стойкости» этой хрупкой вроде бы девушки, перенесшей жуткие пытки врагов? Да у нее, оказывается, просто была такая «особенность организма»! И в чем же конкретно заключалась? Якобы мать Космодемьянской вспоминала, что у Зои был «высокий болевой порог». Именно поэтому она (якобы!) спокойно переносила спинномозговые пункции и другие болезненные процедуры. Значит, ничего не стоило ей и вражеские мучения перенести: она ведь, благодаря этому «порогу», никакой боли не чувствовала...

Выдумка! Вранье! Наглая ложь!

То есть Зое действительно делали спинномозговые пункции, когда осенью 1940 года она оказалась в больнице с тяжелым менингитом. И она их терпеливо выдерживала. Но я приведу дословно, что и как вспоминала об этом Любовь Тимофеевна:

«Болезнь Зои протекала очень тяжело. Ей делали уколы в спинной мозг – это была мучительная и сложная операция.

Как-то мы с Шурой после одного из таких уколов пришли справиться о состоянии Зои. Медицинская сестра внимательно посмотрела на нас и сказала:

– Сейчас к вам выйдет профессор.

Я похолодела.

– Что с ней? – спросила я, должно быть, уж очень страшным голосом, потому что вышедший в эту минуту профессор бросился ко мне со словами:

– Что вы, что вы, все в порядке! Я хотел вас повидать, чтобы успокоить: все идет на лад. У девочки огромная выдержка, она все переносит без стопа, без крика, очень мужественно и стойко. – И, взглянув на Шуру, он спросил добродушно: – А ты тоже такой?»

Одно дело – какой-то выдуманный «порог», позволяющий якобы не чувствовать боли, а совсем другое – реальные терпение и воля, выдержка и стойкость, помогающие боль преодолеть. Как у Николая Островского, который, вполне возможно, был незримо с ней и в дни тяжелейшей болезни, и при фашистских пытках, когда совершила она свой подвиг. «Читайте «Овод», читайте «Как закалялась сталь», – могла бы, наверное, сказать тем, кто поражался ее терпению и недоумевал, что такое может быть...

Что такое счастье?

После больницы у нее был санаторий в Сокольниках. И там – встреча, которую тоже надо отнести к удивительным совпадениям, несущим прямо-таки символический смысл.

Одновременно с Зоей в санатории отдыхал писатель Аркадий Гайдар. Вот уж чьи книги входили в ряд ее любимейших! Причем девочка знала, что он живет в Москве, где-то недалеко, продолжает писать что-то новое и наверняка очень интересное. Так разве не подарок судьбы встретиться и пообщаться с автором «Школы», «Р.В.С», «Тимура и его команды»? Словом, мы можем представить великую Зоину радость, о которой написала и ее мама.

Это сейчас фамилия «Гайдар» обидно запачкана недостойным внуком, с которым, наверное, ассоциируется для большинства. Это сейчас книг того Гайдара дети почти не знают и не читают. А тогда на искренних, светлых его произведениях, как и на великой книге Николая Островского, росло поколение, которое впереди ждала война за спасение не только своей Родины, но и всего человечества. И то, что это поколение вступило в войну таким убежденным в благородстве своей миссии, готовилось лучшими советскими писателями.

Гайдар же влиял на молодых как талантливими книгами, так и необыкновенно обаятельной личностью. Здесь было единство, была цельность. Недаром, когда они подружились, Зоя сказала матери: «Я всегда думала: человек, который пишет такие хорошие книги, непременно и сам очень хороший. А теперь я это знаю».

К тому же он, совсем юный, был ведь красным командиром в Гражданскую. Ныне и это стало поводом для извращений и антисоветских спекуляций. Но в моем представлении исключительно важной для Зои оказалась боевая его юность. Есть довольно затасканное выражение: передача эстафеты от одного поколения другому. А ведь по существу именно это, напрямую, происходило в санатории «Сокольники» когда закаленный жизнью и борьбой знаменитый человек катался вместе со школьницей на лыжах и коньках, пел с ней песни по вечерам и разговаривал о прочитанных книгах.

Однажды Аркадий Петрович сказал матери Зои: «Она у вас великолепно читает Гёте». И был у девочки с большим писателем серьезный разговор о том, что такое счастье. Вот и подарил он ей на прощанье свою новую книжку, написав на титульном листе слова из нее, которые потом станут широко известными:

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Сегодня уже упоминавшийся мною доктор исторических наук В. Боярский так комментирует строки Гайдара, обращенные к Зое: «Была ли эта огромная страна счастливой? Вопрос».

Для него – вопрос. Но для них такого вопроса не было! Как и для множества других советских людей, которые готовились к смертельной схватке с фашизмом. Что трудно, подчас очень трудно жила страна – это факт. Но разве счастье лишь в легкой жизни?

Пройдет всего год, и Зоя, приговоренная к смерти, скажет с эшафота свои последние слова. Она скажет и о счастье: «Это счастье – умереть за свой народ!»

Гайдар погибнет почти одновременно с той девочкой, которой он написал, как напутствие, о любви к Советской стране. Никто не смеет даже намеком упрекать его в неискренности или фальши. Он писал так, как думал, и жил так, как писал. Абсолютная искренность его доказана героической гибелью.

И разве есть у кого-то право ставить под сомнение беззаветную искренность Зои, если ее жизнь и поступки в самое критическое для Советской Родины время ничуть не отделились от ее убеждений, а неуклонно следовали им? До конца!

По зову долга перед Родиной

Час величайшего испытания для каждого человека Советской страны и для всего советского народа в целом пробил ранним утром 22 июня 1941 года. Перед каждым неотвратимо встал вопрос: а где мое место теперь?

Кому-то, казалось бы, что же озадачиваться. Если ты школьница, продолжай учебу. Если, например, актер, да еще немолодой и «белобилетник», то есть признанный негодным к военной службе, продолжай играть на сцене.

Но вот именно такой актер Московского театра Революции Виктор Розов (будущий известный драматург) говорит себе: «Твое место там, где всего труднее». И добивается, чтобы его взяли в дивизию народного ополчения.

А школьница? Зоя нет еще и восемнадцати, исполнится только в сентябре. Что она может сделать для фронта?

Сначала вместе с матерью шьет вещевые мешки, с которыми бойцы отправятся воевать. Это ведь тоже необходимо. Потом с братом Шурой они пойдут на завод «Борец» и упрелят, чтобы их взяли учениками-токарями. Когда же в школе начнется учебный год, с одноклассниками отправится на трудовой фронт в подмосковный совхоз: скорее надо убрать картошку, дабы не попала под снег...

Да, все это надо, все необходимо. Но у нее, как и у актера Розова, как и у многих-многих других советских людей – от мала до велика, – тот же внутренний приказ: «Я должна быть там, где всего труднее».

С радостью сообщает матери, что ее, наверное, примут на курсы медсестер. Но... возникает возможность еще более трудного и опасного дела. Точнее, находит она такую возможность. И страстно начинает добиваться ее осуществления.

Подумать только: московский комсомол отбирает ребят и девчат для борьбы с оккупантами во вражеском тылу. А он уже совсем недалеко от столицы, тот тыл – враг вплотную приблизился к Москве. Поистине решается вопрос: быть Советской стране или не быть. Остановить фашистов во что бы то ни стало – важнее задачи нет.

Наверное, узнала Зоя о наборе в какую-то особую, секретную воинскую часть, будучи в своем райкоме комсомола. Оттуда ее направили в горком. Наверняка ей сказали при этом, что берут самых сильных, крепких, закаленных. Подойдет ли она, такая хрупкая на вид?

Конечно же, отбирают самых отважных и смелых. Самые убежденных, с надежным внутренним стержнем, чтобы не сломался, даже если попадешь в лапы к врагу. Об этом ей, может, и не сразу было сказано, однако потом говорилось непременно, поскольку при таком отборе иначе просто нельзя.

Где это было потом? В специальной комиссии, которая работала с утра до позднего вечера. И по всем воспоминаниям, которые я читал и слышал от непосредственных участников тех событий, в коридорах ЦК и МК комсомола, с утра до вечера было полным полно молодого народа.

Добровольцы... Знаковый феномен Великой Отечественной. Длинные очереди из желающих пойти на фронт, которые выстраивались перед военкоматами уже с 22 июня 1941-го. Явление, какого в подобных масштабах не было нигде и никогда. Так проявилась совершенно особенная сила советского патриотизма, и на этом слове – советский! – надо сделать особое ударение. Все лучшее, что было воспитано в этих людях за советские годы, поднялось тогда, в роковые для Родины дни.

И нетрудно понять горчайшую обиду тех, кому выпало пережить самую страшную войну, когда про

них во время так называемой перестройки вдруг начали говорить, будто воевали они – «под дулами автоматов». То есть их всех якобы заставляли воевать! Они не хотели, а их принуждали...

– Я не могу слышать такое! – возмущалась ближайшая подруга Зои по воинской части 9903 Клавдия Александровна Милорадова. – Это кто же нас заставлял, если мы буквально рвались воевать?!

– Мы были комсомольцы-добровольцы, и это самое главное, – вторила ей другая однополчанка Зои – Клавдия Васильевна Сукачева.

Во время борьбы за светлую Зоину память я познакомился со многими из оставшихся в живых бойцов легендарной разведывательно-диверсионной части, которой командовал не менее легендарный Артур Карлович Спрогис. Его самого уже не было, но еще оставался заместитель командира Афанасий Кондратьевич Мегера. Именно он сменил в свое время Спрогиса на посту командира. И он же возглавил группу бывших своих подчиненных, приехавших ранней осенью 1991-го в «Правду», чтобы отстаивать правду о своей прославленной боевой подруге.

Так вот, они и стали первыми, от кого как из самого достоверного источника узнавал я подробности формирования, учебы и последующих действий необыкновенного боевого объединения, в котором прошли последние недели краткой Зоиной жизни и откуда суждено ей было уйти на подвиг – на смерть и в бессмертие.

А наиболее тесные отношения из всех ее однополчан и однополчанок сложились у меня с упомянутыми двумя Клавами – Клавдией Милорадовой, которая была, как я уже сказал, ближайшей, лучшей подругой Зои по в/ч 9903, и Клавдией Сукачевой. Первая пришла в эту воинскую часть будучи студенткой пединститута, вторая, окончив школу, работала и готовилась поступать в институт. Все они были молоды, все комсомольцы. Биографии, понятное дело, отличались одна от другой, но схожим было воспитание. И вот теперь, много лет спустя, в пожилых и не очень здоровых женщинах я остро ощущал вдруг ту страсть идейной убежденности, которая жила в них с комсомольских лет.

Как захватывающе увлеченно пела Клавдия Александровна одну из любимых песен своей юности, когда снимались мы вместе с ней в документальном фильме о Зое!

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди...
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

И как яростно отстаивала Клавдия Васильевна высокую правду своего поколения, когда снова и снова на нее покушались, извращали ее и оскорбляли! Да для них обеих, как, наверное, и для всех фронтовиков, не было большей боли, чем эта.

Глядя на очень пожилых уже людей, я видел перед собой тех девчат 1941 года, которые, не позволяя себе ничего похожего на равнодушную позицию стороннего наблюдателя и стремясь к делу самому ответственному, трудному и опасному, добивались, чтобы их взяли в ту никому тогда неизвестную, а впоследствии прославившуюся подвигами многих героев боевую часть.

Среди них была и Зоя Космодемьянская.

Какая радость – она стала бойцом!

Да, она, школьница-десятиклассница, была среди них, молодых рабочих и работниц, студентов и студенток, начинающих учителей, врачей, инженеров, оставивших прежние занятия, чтобы защитить Москву, спасти дорогую свою Советскую Родину.

Выделялась ли чем-то? Отличалась ли от других? Есть воспоминание Артура Карловича Спрогиса, командира в/ч 9903, в интервью, которое он дал журналисту Валентину Лаврову в 1978 году:

«Когда Зоя пришла на комиссию, ей только недавно исполнилось 18 лет. Немного смуглая, приятная, хорошенькая девочка. Разведчик же среди общей массы не должен выделяться. Ну представьте: появляется такая в населенном пункте, занятом врагом. Естественно, у немцев сразу проснется к ней интерес. В наши планы такое не входит. Поэтому я сказал: “Идите домой, когда надо будет, мы вас позовем”. Когда мы закончили работу поздно ночью, видим: в приемной сидит человек. Это Зоя осталась на ночь возле нашего кабинета, чтобы еще раз к нам обратиться. Твердо мне заявляет: “Хочу воевать за Родину!”»

Как бы там ни было, а она убедила и командира Спрогиса, и секретаря Московского горкома ВЛКСМ по военной работе Александра Шелепина, и всех других, кто в комиссию входил, что ее надо взять. Обязательно надо!

Осталась запись в заветной ее книжке, сделанная тогда: «Секретарь Московского комитета – скромный, простой. Говорит кратко, но ясно. Его тел. К 0-27-00, доб. 1-14». О Шелепине, наверное?

И тут же – большие выписки из «Фауста» Гёте. Кое-что читается как отзвук переживавшегося ею в те дни:

Лозунг мой в этот миг —
Битва, победный крик...
Пусть! На крылах своих
Рвусь туда!
Рвусь в боевой пожар,
Рвусь я к борьбе.

Представляю, как счастлива была, когда все-таки зачислили ее в отряд.

«Зоя пришла взволнованная, щеки у нее горели, – вспоминала Любовь Тимофеевна. – Она подошла ко мне, обняла и сказала, глядя мне прямо в глаза:

– Мамочка, это большой секрет: я уйду на фронт, в тыл врага. Никому не говори, даже Шуре. Скажешь, что я уехала к дедушке в деревню».

Позднее, на следующий день, уже совсем незадолго до прощания, она (под большим секретом, конечно) все же рассказала матери кое-что из того, как было там, при отборе. О первом разговоре своем с тем комсомольским секретарем. И я приведу этот Зоин рассказ по книге Любви Тимофеевны:

«Открыла дверь. Он сразу внимательно-внимательно посмотрел мне в лицо. Потом мы разговаривали, и он то и дело смотрел на мои руки. Я сначала все вертела пуговицу, а потом положила руки на колени и уже не шевелила ими, чтобы он не подумал, что я волнуюсь... Он сначала спросил биографию. Откуда? Кто родители? Куда выезжала? Какие районы знаю? Какой язык знаю? Я сказала: немецкий. Потом про ноги, сердце, нервы. Потом стал задавать вопросы по топографии. Спросил, что такое азимут, как ходить по азимуту, как ориентироваться по звездам. Я на все ответила. Потом: “Винтовку

знаешь?” – “Знаю”. – “В цель стреляла?!” – “Да”. – “Плаваешь?” – “Плаваю”. – “А с вышки в воду прыгать не боишься?” – “Не боюсь”. – “А с парашютной вышки не боишься?” – “Не боюсь”. – “А сила воли у тебя есть?” Я ответила: “Нервы крепкие. Терпеливая”. – “Ну что ж, говорит, война идет, люди нужны. Что, если тебя на фронт послать?” – “Пошлите!” – “Только, говорит, это ведь не в кабинете сидеть и разговаривать... Кстати, ты где бываешь во время бомбежки?” – “Сижу на крыше. Тревоги не боюсь. И бомбежки не боюсь. И вообще ничего не боюсь”. Тогда он говорит: “Ну хорошо, походи в коридор и посиди. Я тут с другим товарищем побеседую, а потом поедем в Тушино делать пробные прыжки с самолета”.

Я пошла в коридор. Хожу, думаю, как это я стану прыгать – не сплеховать бы. Потом опять вызывает: “Готова?” – “Готова”. И тут он начал пугать... (Зоя крепче сжала мою руку.) Ну, что условия будут трудные... И мало ли что может случиться... Потом говорит: “Ну, иди, подумай. Придешь через два дня”. Я поняла, что про прыжок с самолета он сказал просто так, для испытания.

Прихожу через два дня, а он и говорит: “Мы решили тебя не брать”. Я чуть не заплакала и вдруг стала кричать: “Как так не брать? Почему не брать?”

Тогда он улыбнулся и сказал: “Садись. Ты пойдешь в тыл”. Тут я поняла, что это тоже было испытание. Понимаешь, я уверена: если бы он заметил, что я невольно вздохнула с облегчением или еще что-нибудь такое, он бы ни за что не взял... Ну, вот и все. Значит, первый экзамен выдержала...»

* * *

Взяли!

Дальнейшее уложится всего в четыре недели. Последние для нее. Считанные дни – от того дождливого, промозглого, когда они, комсомольцы, зачисленные в часть особого назначения, собирались возле кинотеатра «Колизей» на Чистых прудах, чтобы ехать оттуда на грузовике к своей базе под Кунцевом, до морозного и заснеженного 29 ноября, когда в тесном кольце врагов Зоя взойдет на эшафот и обратится к собравшимся соотечественникам со своим страстным словом, с призывом к борьбе.

А что между этими двумя днями и после? Я решил, что лучше всего про то расскажут воспоминания и документы. И первой предоставляю слово Клавдии Александровне Милорадовой, с которой много раз беседовал, в том числе и для публикаций в родной «Правде». Беседовали с ней и другие журналисты. Теперь ее уже нет, а воспоминания, записанные в конце 90-х годов минувшего века, остались. Беру текст, начиная с приезда боевых подруг на базу воинской части.

Из рассказа К. А. Милорадовой

В части началась учеба. Ускоренными темпами нас учили стрельбе, хождению по азимуту, с картой, без карты, взрывному делу, «снятию» часовых. Мы ведь и холодным оружием научились владеть.

Потом нас признали годными к выполнению заданий. Первым нашим командиром был «дядя Миша», он нам показался очень старым: еще бы – 34 года! В группе – 12 человек: 8 мальчишек и 4 девочки – Лида Королева, Валечка Зоричева, Зоя и я.

Первое задание выполняли под Волоколамском. В том же направлении ушла группа Кости Пахомова, 8 человек. При случае мы должны были с ними соединиться. Привез нас сопровождающий офицер капитан Федя Батурин, впоследствии – генерал-майор Батурин, умер он... Мы остались с группой бойцов, они жгли костер у станции Дубосеково. Офицер спросил Зою: «Ты кто будешь? Медсестра?» Зоя ответила: «Партизаны мы». – «А до войны кем была?» – «В 10-й класс перешла...» Офицер обратился к бойцам: «Ребята, слышите! Школьницы насмерть идут...» Потом мы узнали, что это были бойцы из тех 28 панфиловцев, которые погибли, но не пропустили фашистов в Москву. А тогда накормили нас печеной картошкой, проводили немного. Между станцией Дубосеково и Горюны мы перешли линию фронта.

Двое суток шли спокойно, хотя одежда промокла и обледенела. Мы шли в своих пальто, в чем приехали. На четвертые сутки, в ночь с 6 на 7 ноября, начали выполнять полученное задание. Минировали дорогу Шаховская – Князьи Горы. Мы ставили совсем новые натяжные мины конструктора Старикова. Взрывали мосты. Натянули провод на дороге, подстерегли мчавшегося фашистского мотоциклиста, свалили, взяли его полевую сумку. Вернулись через линию фронта на седьмой день...

В штабе доложили обо всем виденном. Нам дали машину и повезли в Москву. А Зоя, когда подрывала мост, наступила на гнилую балку и провалилась в ледяную ноябрьскую воду. Температура у нее была высокая, сильно болело ухо. Зоя умоляла не отдавать ее в госпиталь. Просила: «Везите меня только в часть!» Наш врач за неделю вылечил ее, а еще через неделю снова вызвали в Красный уголок Зою и меня да еще двух девочек. Мы вошли в группу Павлуши Проворова из 10 человек. Ему было 18 лет. Другая группа была у Бориса Крайнова, тоже 18-летнего. Горком комсомола Ярославля направил их на подмогу комсомольцам Москвы. Поезда уже не ходили, и они добрались до Москвы пешком. В нашей группе, кроме нас с Зоей, были комсорг Вера Волошина и Наташа Обуховская. Наталочку мы этой весной хоронили... В группе Крайнова – тоже 10 человек. Из девочек – Аля Воронина, комсорг Наташа Самойлович, Лида Булгина и Клава Лебедева.

Через реку Нару нас переправляли разведчики знаменитой 32-й Восточной дивизии, той, что до войны была 27-й. Предупредили нас: «Головково обходите! Опасно!» На третьи сутки вышли к Головковскому полю. Стали совещаться: обходить – потеряем больше суток. Идем напрямую! Ночь. Вперед выслали разведку. Только на взгорок вышли – перекрестный огонь. Крайнов скомандовал: «Перебежкой – за мной!» Когда собрались на опушке, оказалось, что шло 20 человек, а осталось только 10...

На наши позывные никто не ответил. Решили: этим составом двигаться и выполнять задание. Резали связь. В Анашкино подожгли межштабной узел связи...

Петрищево перед нами. На опушке я встретила мальчика. Хворост вез. Сказал, что это Петрищево. Я назвалась беженкой. Была в гражданском, сапоги на мне были яловые, крестьянские. Потом Боря Крайнов (мы его выбрали командиром, а Павлушку – заместителем) послал Лиду Булгину и меня в разведку. Мы отошли метров на 400 – засада! Стали уходить. Нас преследовали. Потом группу свою мы так и не смогли найти: ведь они услышали, что немцы стали поблизости стрелять, и снялись. В ту же ночь Зоя ушла в Петрищево. Больше я ее не видела – живую... Видела мертвую, но уже 3 февраля 1942 года.

Из рассказа А. К. Спрогиса

Почему Петрищево стало объектом повышенного стратегического внимания? В этой глухой деревушке, затерявшейся среди лесов, немцы расположили часть армейской радиоразведки. Она перехватывала наши радиопереговоры, устраивала эфирные помехи. В те дни советское командование планировало мощное контрнаступление. Вот почему стало необходимо вывести вражескую станцию из строя хотя бы на время. Гестаповцы надежно охраняли Петрищево. Мы посылали несколько групп – никто задания не выполнил, мы несли обидные потери. В ту зиму стояли лютые морозы, выпал глубокий снег – местами его нанесло по пояс. Все это осложняло нашу задачу.

В очередную группу была включена Зоя. Но и теперь подступы к Петрищеву оказались перекрытыми...

(Записано Валентином Лавровым в 1978 г.)

* * *

После того, как в номере «Правды» за 27 января 1942 года появляется очерк Петра Лидова «Таня» с фотографией, сделанной Сергеем Струнниковым, для расследования всех обстоятельств, изложенных в газете, Московский горком ВЛКСМ создал комиссию. Результаты проведенной ею работы и составили содержание докладной записки о трагедии, происшедшей в Петрищеве.

Из докладной записки в МК и МГК ВКП(б) секретаря МК и МГК ВЛКСМ А. М. Пегова от 5 февраля 1942 года:

«Из рассказов местных жителей: гр. Седовой В. Н., Седовой М. И., Ворониной А. П., Кулик П. Я., Кулика В. А. комиссией установлены следующие обстоятельства обыска, допроса и казни неизвестной советской гражданки.

В дом гр. Седовой М. И. привели ее со связанными руками три немецких патруля примерно в 7 часов вечера. Она была в пиджаке, холодных сапогах, подшлемнике, рукавицах. Во время обыска присутствовали еще 15–20 немцев, которые жили в этом доме. Они все время над ней смеялись и кричали: “Партизан, партизан!” Вначале с нее сняли рюкзак, затем сумку с горючей жидкостью. Под пиджаком нашли наган, который висел через плечо. Немцы ее раздели: сняли пиджак, курточку, подшлемник, сапоги. Осталась она в ватных брюках, носках и нижней кофточке.

После обыска старший скомандовал: “Рус! Марш!” Ее привели в дом Ворониной А. П., где размещался немецкий штаб войск связи. Ворониной немцы приказали лезть на печку, а сами стали раздевать эту девушку. Она осталась в одном нижнем белье, после чего офицер стал ей задавать вопросы по-русски. Она ответила, что идет из Саратова на Калугу. А потом сказала, что больше ничего говорить не будет. Этот ответ взбесил офицера, и он приказал четверем солдатам бить ее ремнями. Они ударили ее с перерывами более 200 раз. Били и спрашивали: “Скажешь или нет?” Но она все время молчала. Лишь однажды от боли вздохнула и сказала: “Хватит. Я больше ничего говорить не буду”. Во время избиения офицер несколько раз выходил в другую комнату и держался руками за голову, так как не мог смотреть на эту картину.

В 10 часов вечера ее, босую, со связанными руками, в одной нижней рубашке, повели по снегу в дом гр. Кулика В. А., где жили 25 немцев. Ее посадили на скамейку. Она стонала от боли. Губы у нее были черные, лицо вздутое, лоб разбит. Она попросила пить. Вместо воды один из немцев поднес к ее подбородку горящую керосиновую лампу и сжег его. Посидев полчаса, немцы водили ее босую и раздетую по морозу минут 20. Затем привели обратно в дом. Так продолжалось с 10 часов вечера до 2 часов ночи. Все это делал молодой немец, приставленный к ней. Когда его сменил другой, он положил ее на скамейку спать и развязал ей руки. Она уснула и спала три часа.

В 9 часов утра пришли 3 офицера с переводчиком и стали ее допрашивать. Когда вошли офицеры, она сказала: “Вот ваши немцы оставили меня разутой и раздетой”. Ей дали надеть мокрые ватные брюки, принесенные с улицы. После этого ее снова стали допрашивать. Но она ни единого слова не произнесла. После 10 час. 30 мин. ее вывели на улицу к приготовленной заранее виселице. Там уже собралось много народа. Когда ее привели к виселице, офицер скомандовал расширить круг зрителей. После этого ее стали фотографировать. Она стала говорить, обращаясь к населению. Затем поставили под веревкой деревянный ящик. Она без всякой команды поднялась на него. Немец стал надевать ей на шею петлю. Она успела произнести: “Всех не перевешаете! Нас 200 миллионов. За меня вам мои товарищи отомстят!” Она схватила петлю рукой, хотела еще что-то сказать, но солдат выбил из-под ног ящик.

В течение трех дней возле виселицы стояли часовые. Так провисела она полтора месяца. За три дня до отступления немецкое командование приказало снять ее с виселицы и закопать в землю.

При проверке всех обстоятельств ее смерти была вскрыта могила и осмотрен труп. Показания гр-н Седовой В. Н., Седовой М. И., Ворониной А. П., Кулик П. Я., Кулика В. А., осмотр трупа и сличение его с

фотографиями подтвердили, что это была Космодемьянская З. А.».

* * *

«3 февраля 1942 г. члены комиссии в составе: т. Владимиров – от ЦК ВЛКСМ, т. Шелепин – от МК ВЛКСМ, старший лейтенант т. Клейменов – офицер Красной Армии, т. Муравьев – от Верейского РК ВКП(б), т. Березин – от Грибцовского сельсовета, т.т. Седова, Воронина, Кулик – от жителей села Петрищево – произвели осмотр и опознание неизвестной гражданки, повешенной в с. Петрищеве Грибцовского сельсовета Верейского района Московской области. К работе комиссии были привлечены т. Новоселова В. С. – преподаватель языка и литературы школы № 201 и ученик 10-го класса этой школы т. Белокунь В. И., знавшие Зою Космодемьянскую в течение нескольких лет. По предъявленным разведотделом штаба Западного фронта фотографиям все они опознали, что повешенной была Космодемьянская Зоя Анатольевна. Осмотр трупа подтвердили показания вышеуказанных товарищей». (По материалам акта, составленного 4 февраля 1942 года).

Как стало известно позже, в опознании участвовали также командир разведывательно-диверсионной части майор А. К. Спрогис, бойцы этой части Б. С. Крайнов и К. А. Милорадова, которые в 1942 году не упоминались в акте опознания из соображений секретности.

Из воспоминаний К. А. Милорадовой

Когда мы прочитали в «Правде» статью Лидова «Таня», то сказали командиру части: «Это не Таня, это – наша Зоя!» Когда приехали в Петрищево, вижу: тот мальчик идет, который встретился мне здесь в ноябре 41-го. «А ты говорила – беженка!» – повернулся и убежал, а вскоре вернулся. Протягивает мне варезки Зоины, они остались в избе Седовой, куда ее с самого начала привели. Достаяю из карманов такие же... Это нам с Зоей достался подарок от ребятишек из Горьковского детдома. В них было припрятано по 10 конфет-подушечек, завернутых в бумажку. Дети от себя отрывали для девушек-бойцов...

Потом пошли к могиле. Мама Зоина, Любовь Тимофеевна, с нами идет, впервые я увидела Сашу, Зоиною брата младшего. Идут Шелепин с командиром части, врач военно-медицинской экспертизы. Подходим. Уже вырыли Зою из могилы. Сорванная с петель дверь, на ней лежит труп. Волосы забиты снегом. Исколотое штыками тело, срезанная грудь. У мертвой срезали, издевались над трупом. Ногти вырваны, на пальцах выцветшая кровь. Когда перевернули – сплошь иссеченное, в запекшейся крови тело. Толстая обрезанная веревка на шее. Подошел врач: «Какие приметы помнишь?» Я молчу, горло сжалось. Он меня потрянул: «Ты боец или нет?!» Говорю: «На левой ноге через колено и вниз – шрам. Это она в детстве еще в Осиновых Гаях от быка спасалась и полезла через колючую проволоку. Долго не заживало. Зоя мне об этом рассказывала...» Чуть стянули чулок на окоченевшей ноге: этот самый шрам... Никаких сомнений у нас не было: это Зоя! Какое лицо у нее было: как у спокойно спящего человека... Зою оставили там, в могиле. Мы в Москве вместе с Борей Крайновым поставили свои подписи под актом эксгумации.

Зимой 42-го наш командир отобрал тех немногих девушек, которые вернулись с задания, и начал их готовить к серьезному броску – в Белоруссию. Помню, как в апреле пришла новенькая: маленькая девушка с косичками-хвостиками – Нина Молий. Пришла по комсомольскому призыву «Отомстим за Зою!» Я, как уже обстрелянная, взялась ее учить всем нашим боевым премудростям. Говорю: «Будешь теперь моей дочкой!» Весной, 5 мая, мы поехали в Петрищево за Зоей. Надо было ее похоронить как подобает. Мы понимали, что земля уже сильно подтаяла и труп трудно будет обрядить. Инструктор МК ВЛКСМ Лида Сергеева взяла с собой несколько метров голубого крепдешина. Когда мы пеленали Зою в голубую полупрозрачную ткань, бабы петрищевские выли в крик... Потом была кремация. Тяжело это было, ужасно...

В ночь с 14 на 15 мая мы вылетели во вражеский тыл, на глубокую усадку. В Белоруссию. С собой я взяла газеты, листовки и книжечки со статьями Лидова «Таня» и «Кто была Таня».

* * *

От себя скажу: вот так, уже после своей гибели, Зоя продолжала борьбу.

Глава пятая. И стала вдохновляющим примером

Помните, как написал Маяковский в своей поэме о Ленине?

Стала
величайшим
коммунистом-организатором
Даже
сама
Ильичева смерть.

Похоже было после смерти Зои.

Когда приходится слышать (все еще приходится, увы), а что особенного, дескать, сделала она, я думаю: если бы эти люди могли перенестись в то время, не возник бы столь кощунственный, нелепый и далекий от жизни вопрос. Тогда, по-моему, каждый или почти каждый понимал, как много сделала и после смерти продолжает делать для Победы эта восемнадцатилетняя девочка.

Вот закончил я предыдущую главу воспоминанием разведчицы Клавдии Александровны Милорадовой про новое ответственное задание, которое она получила, едва завершилась битва за Москву: лететь в тыл к фашистам в Белоруссию. «На глубокую усадку», – сказала она, а это значит – для продолжительной работы в глубокой конспирации на оккупированной врагами земле. И Клава берет с собой листовки и книжечки, изданные «Правдой», где перепечатаны очерки о ее боевой подруге. Берет вместе с тем, без чего нельзя обойтись, вместе с оружием. Берет как оружие.

Она знает: когда ее выбросят с парашютом к белорусским партизанам, для них рассказ о «Тане»-Зое станет мощнейшим духовным подкреплением. А ведь они и до местных жителей рассказ о ней донесут, и как им это важно в фашистской неволе...

Слово матери звало к отмщению

Кажется прямо-таки чудом, но недавно, совсем недавно одна из тех книжечек, прошедших в огненные годы немереный путь на фронте и в тылу, дошла до меня от дочери одной из ветеранов «Правды» Нины Александровны Архипенко. Маленькая брошюра карманного формата: ее легко было спрятать, если ты на оккупированной территории, среди врагов. На обложке, на суровом черном фоне, – яркие языки пламени. И надпись «Таня», тоже словно огнем.

Открывает памятное издание самая известная предвоенная Зоина фотография, а дальше трагический снимок, сделанный С. Струнниковым. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ей звания Героя Советского Союза от 16 февраля 1942 года. Оба очерка П. Лидова. А еще – выступление по радио Любови Тимофеевны Космодемьянской, напечатанное «Правдой» 18 февраля, и один из откликов на него – фронтовое письмо, тоже с правдинской страницы из номера за 8 марта.

Внимание! Я-то помню и это радиовыступление матери героини, обращенное прежде всего к советской молодежи, и многие письма, адресованные ей же, матери, которые тогда печатались в газетах и передавались по радио. Сегодня кто-то брюзжит «через губу»: это, мол, советская пропаганда. Если пропагандой называть то, что идет из самых глубин сердца и души, я согласен. Но судите сами, Любовь Тимофеевна с первых дней ощутила, что в своем горе она не одинока. И представьте себе, было именно так вовсе не потому, что кто-то «предписал» или «приказал», чтобы так было.

«Однажды, – вспоминала Любовь Тимофеевна в своей книге, – когда я вынимала из ящика газету, к моим ногам упало несколько писем. Я подняла их и развернула первое попавшееся – чуть потертый на сгибах фронтовой треугольник без марки.

“Дорогая мать...” – прочла я и заплакала.

Это писали незнакомые люди, бойцы Черноморского флота. Они старались поддержать меня в моем горе, называли Зою сестрой и обещали мстить за нее.

И вот каждое утро почта стала приносить мне письма. Откуда только не приходили они! Со всех фронтов, со всех концов страны столько теплых, дружеских рук протянулось к нас с Шурой, столько сердец обратилось к нам. Писали и дети, и взрослые, матери, потерявшие своих детей на войне, ребята, у которых фашисты убили родителей, и те, кто в это время был на поле боя. И все они словно хотели принять на себя часть нашего горя...»

Действительно, незнакомые люди, тысячи людей, душевным теплом и участием согревали мать и брата Зою, а Любовь Тимофеевна и Шура, каждый по-своему, старались соответствовать такой любви. И делать все возможное для главного – для Победы.

Вот и радиообращение матери, напечатанное в «Правде» и вошедшее в изданную «Правдой» книжечку, было о самом главном. Поведав, какой росла ее дочь, как относилась к жизни, к Родине, к комсомолу, Любовь Тимофеевна сказала:

«Товарищи! Сердце мое тяжело ранено, и время не залечит эту рану. Но я горжусь, что дочка моя смело пошла на великое дело и осталась сильной, честной, гордой до последнего своего дыхания. Зоя встретила смерть как настоящий человек, борец, коммунист.

...Пусть будут прокляты эти фашистско-немецкие кровососы, душегубы! Пусть их матерям, их дочерям приснится страшная казнь моей Зою! Кровавые палачи получают по заслугам! Я знаю это. Фашизм будет истреблен раз и навсегда. Я знаю это, товарищи. Но я прошу вас, как мать, потерявшая любимое дитя: отомстите скорее и за мою Зою!

Отомсти, молодежь, немецким зверям, которые мучили, терзали мою дочку!

Я прошу вас об этом. И я повторяю вслед за незабвенной своей Зоей:

– Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев! Смерть фашистским палачам! Смерть им!»

А бойцы отвечали: «Отомстим за Зою!» Писали это на танках и самолетах. Клялись отомстить. Таким письмом в адрес Зоиной матери (одним из тысяч!) завершалась и та книжка «Правды», тоже сходу отправившаяся воевать:

«Сейчас ночь, темная и грозная. Нас пятеро командиров Красной Армии. Сидим мы в землянке. Бой давно стих, с рассветом он начнется заново. Нам бы поспать, но спать невозможно. Мы прочли вашу речь...

Вам, нашей матери, выросшившей для нас героиню, – наша сыновняя благодарность... Мы не забудем. Мы отомстим. Она погибла геройской смертью, но дух ее живет...

Держитесь, мама! Победа будет за нами!»

Так твердо и уверенно: «Будет за нами...» А ведь еще только начало 1942-го. И это Зоя, ее подвиг и дух, ее героический пример, конечно, прибавили уверенности в Победе.

Сознавая, что слово матери тоже действует во имя Победы, Любовь Тимофеевна стала все чаще выступать перед людьми, когда ее приглашали. Вот как вспоминала потом про первое приглашение и самое первое свое выступление: «...В дверь нашей комнаты несмело постучали, и вошла незнакомая девушка. Она была высокая, худенькая; смуглое лицо, короткая стрижка и большие глаза – только не серые, а синие – напомнили мне Зою. Она стояла передо мною смущенная и неловко теребила в руках платок.

– Я с военного завода, – сказала она, запинаясь и робко поглядывая на меня из-под ресниц. – Я... наши комсомольцы, мы все очень просим вас: приходите к нам на комсомольское собрание... и выступите. Мы очень-очень просим вас, очень! Я понимаю, вам это трудно, но мы...

Я сказала, что выступать не могу, но на собрание приду.

На другой день к вечеру я пошла на завод. Он находился на окраине Москвы; многие строения вокруг были полуразрушены.

– Фугаска упала. Пожар был, – кратко пояснила провожатая, отвечая на мой безмолвный вопрос.

Когда мы вошли в красный уголок, собрание уже началось. Первое, что я увидела, – лицо Зои, смотревшее на меня со стены за столом президиума. Я тихо села в стороне и стала слушать.

Говорил юноша, почти подросток. Он говорил о том, что план уже второй месяц не выполняется, говорил сердито, горячо. Потом выступил другой, постарше, и сказал, что опытных рук в цехе становится все меньше и меньше, вся надежда на ремесленников.

– А холод какой! Цех не лучше погреба! Руки к металлу примерзают! – раздался голос с места.

– Не стыдно тебе! – крикнула моя спутница, резко обернувшись в ту сторону. – Посовестись!

Неожиданно для себя я встала и попросила слова. Меня пригласили пройти на невысокую трибуну, и пока я шла, Зоины глаза с портрета смотрели мне прямо в глаза. Теперь портрет Зои был за мною, немного сбоку, как будто она стояла за моим плечом и смотрела на меня. Но я не говорила о ней.

– Ваши братья, ваши сестры на фронте каждый день, каждый час жертвуют жизнью, – сказала я. – Ленинград голодает... Каждый день от вражеских снарядов гибнут люди...

Нет, не стану пытаться передать то, что я сказала тогда. Я не помню слов. Но глаза молодежи, устремленные на меня, подтвердили: я говорю то, что нужно.

Потом они отвечали мне – коротко, решительно.

– Мы будем работать еще злее, – сказал тот, кто выступил первым.

– Мы назовем нашу бригаду именем Зои, – сказал другой.

...Через месяц мне позвонили с того завода.

– Любовь Тимофеевна, мы теперь перевыполняем план, – услышала я.

И я поняла: дать горю сломить себя – значит оскорбить память Зои. Нельзя сдаться, упасть, нельзя умереть. Я не имею права на отчаяние. Надо жить.

Выступать перед людьми, говорить с большой аудиторией мне было очень трудно. Но я не могла отказать, когда меня просили приехать, а это бывало все чаще. Не смела отказать потому, что поняла: если мое слово помогает, если оно доходит до людей, до молодежи, если я могу внести хоть небольшую долю в великую борьбу с врагом – значит, я должна это сделать».

* * *

То было только начало ее огромной, поистине подвижнической работы, связанной с памятью Зои, – работы, продолжавшейся затем много лет. До последних дней жизни.

И, конечно, была она в этом святом деле далеко не одна. Выдающийся скульптор Матвей Манизер уже в 1942-м создает один из лучших монументов героини, удостоенный Сталинской премии. Знаменитое содружество трех друзей-художников, известное как Кукрыниксы, пишет картину, запечатлевшую казнь в Петрищеве. Кинорежиссер Лео Арнштам снимает художественный фильм «Зоя». А Маргарита Алигер, талантливый поэт, входит в захватывающую тему одноименной пронзительной поэмой – лирической и героической. И многие театры ее инсценируют, ставя спектакль под названием «Сказка о правде»...

Впрочем, всех поэм, стихов и песен, посвященных любимой героине и родившихся тогда же, в годы войны, наверное, невозможно не только собрать, но и перечислить. Приведу хотя бы одно из первых стихотворений, написанное для бойцов на фронте и посланное с письмом матери Зои 3 марта 1942 года лейтенантом Владимиром Егоровым:

По сугробам босую водили,
Выжигали, пытали огнем,
Насмехались, куражились, били
Своим кованым сапогом.
И застыли уста молодые...
Затянулось тугое витье...
Трепещите, мучители злые,
Перед мстительной тенью ее!
Воин! Пусть твой гнев,
Рвет и глушит врага на пути!
Слышишь голос замученной Зои?
«Отомсти! Отомсти! Отомсти!..»
И рокочет в ответ канонадой:
«Нет, не будет убийцам пощады!
Вражьей кровью свой путь
Освящу!
Отомщу! Отомщу! Отомщу!»

Стихи фронтовика, обращенные к фронтовикам...

Говорят, Сталин приказал не брать в плен офицеров и солдат 197-й немецкой пехотной дивизии, «отличившейся» истязаниями и казнью Зои. Достоверного источника мне найти не удалось, но все более убеждаюсь: в сознании народном это крепко живет.

А вот факты. Дивизия та будет разгромлена под Смоленском, добывать же остатки ее предстоит на белорусской земле. К этому мы еще вернемся.

* * *

Конечно, не измерить и не подсчитать влияния Зои на тех, кто стали героями Великой войны вслед за ней, под ее воздействием. Но один, особенно знаковый в моем представлении факт следует привести.

Донбасс, город Краснодон, тогда Ворошиловградская, а ныне Луганская область. В начале 1942-го фашисты этот город еще не смогли захватить, и газета «Правда» приходит сюда. Она приходит и в дом, где живет семья Кошевых.

Здесь мальчик Олег. Скоро о нем, как и о Зое, узнают вся страна, весь мир. Узнают о комиссаре подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Олеге Кошевом. А пока он девятиклассник, хотя сейчас, когда враг рвется к городу, учиться все труднее. Про то, что и как происходило в этой семье, рассказала мать Олега – Елена Николаевна в своей волнующей книге «Повесть о сыне», изданной, разумеется, уже после войны. Так вот, полстранички из нее, относящиеся к нашей теме:

«У нас на квартире поселился комиссар, майор Василий Данилович Говорущенко. За несколько дней Олег близко с ним сошелся. О многом они беседовали, но всегда заканчивали разговор о войне, о трудностях ее, о неизбежной победе над врагами.

Как-то, морозным днем, Говорущенко принес свежие газеты. Олег первым кинулся к ним. Перебирая их, сын увидел статью о героическом подвиге и смерти Зои Космодемьянской.

– Хотите, прочитаю вслух? – спросил он взволнованно.

Статья эта ударила Олега, кажется, в самое сердце. Как он ни старался закрыть глаза газетой, я заметила в них слезы.

Кончив читать, он тихо сказал:

– Вот настоящая комсомолка!

Некоторое время он сидел, опустив голову, задумчивый. Может быть, в это мгновение он представлял себе мужественный путь Зои, а возможно, что именно тогда его сердце загорелось огнем мести, который уже никогда с тех пор не угасал в его груди.

Вдруг он поднял голову, взглянул на нас и сказал:

– Если бы и мне пришлось попасть в их руки, мама...

Он замолчал и молчал долго.

Помню, был обычный донбасский зимний день с морозом и резким ветром. За окнами лежал глубокий снег. Густой иней облепил сучья деревьев, окна в домах. Ветер тревожно высвистывал в трубе.

Долго в нашем доме говорили о Зое. Олег слушал, сосредоточенно думая о чем-то своем.

Когда пришли газеты с портретом Зои, Олег вырезал его, заботливо вставил в рамку и повесил над своей кроватью».

Пять фотографий

Газеты с портретом Зои... Сколько же будущих героев, подобно Олегу, вырезали эти фотографии на память, вдохновляясь ими!

Пройдет некоторое время после ее гибели, и Зоя Космодемьянская вновь появится в «Правде». И это снова будет потрясающим явлением, какого не смог бы, наверное, придумать даже самый изобретательный режиссер. «Придумала» жизнь.

В номере «Правды» от 24 октября 1943 года были опубликованы пять фотографий, найденные в полевой сумке гитлеровского офицера, убитого советским бойцом под деревней Потапово, близ Смоленска. Когда громили ту самую 197-ю дивизию Зоиных истязателей и палачей.

То, о чем писал Лидов в своей «Тане» и чего Струнников, понятно, не снимал, зафиксировали как вещественное доказательство собственного преступления сами фашисты.

Зафиксировали казнь Зои. От начала до конца. От приготовления утреннего, когда в русской деревне двое немецких солдат деловито ставят виселицу, до висящей в петле девушки. Жуткая картина! А между этим...

Да, страшные кадры, сделанные за минуты и секунды до убийства. Девушку ведут на казнь. Она перед эшафотом. Вот сейчас неотвратимо случится, произойдет, сейчас жизнь ее покинет...

Но, как ни поразительно, эти кадры можно назвать и жизнеутверждающими. Потому что Зоя на них – победительница.

В самом деле, все рассказанное Лидовым о несломленном мужестве этой девочки наглядно предстает перед нами. Достаточно увидеть, как она держится, с каким достоинством и подчеркнутым презрением к врагам. А их-то много – целая орава, целое стадо, вон как тесно окружили ее. А она – одна.

«Но сколько силы и гордости в ее опущенной голове! – очень верно написала мать Зои, для которой публикация этих снимков стала новым неожиданным испытанием. – Ее убийцы – ничто перед нею. С нею – все высокое, прекрасное, святое, все человеческое, вся правда и чистота мира. Это не умирает. Не может умереть».

И как ничтожны фашисты перед нею! Они сейчас в силе, сытые, самодовольные, они во всеоружии, а она – истерзанная, беззащитная, обреченная. Но она недостижимо выше их.

Даже вот это садистское, маниакальное стремление сфотографировать всю последовательность расправы над своей жертвой, по-моему, о многом говорит. Ведь снимал с упоением не один офицер – несколько, о чем написал в «Тане» Лидов. Гораздо позднее, уже в 1991-м, еще один снимок той казни придет в Петрищевский музей. Его пришлет сын уже покойного ветерана Великой Отечественной, а при каких обстоятельствах оказался он у него, осталось неизвестным.

Где-то, возможно, целы и другие снимки того трагического дня, но и по этим каждый впечатляюще может представить высоту советского подвига и низость фашистского преступления.

Брат Шура

Снова из «Правды», тот же 1943-й:

«Действующая армия. 27 октября (по телеграфу). Части энского соединения добивают в ожесточенных боях остатки 197-й немецкой пехотной дивизии, офицеры и солдаты корой в ноябре 1941 года в деревне Петрищево замучили и убили отважную партизанку Зою Космодемьянскую. Опубликованные в “Правде” пять немецких фотографий расправы над Зоей вызвали новую волну гнева у наших бойцов и офицеров. Здесь отважно сражается и мстит за сестру брат Зои – комсомолец-танкист, гвардии лейтенант Космодемьянский. В последнем бою экипаж танка КВ под командованием тов. Космодемьянского первым ворвался во вражескую оборону, расстреливая и давя гусеницами гитлеровцев. Майор Г. Вершинин».

Вот так: брат Зои, тот самый Шура-маленький, бок о бок с которым она росла и училась, воюет с фашистами, мстит за сестру.

Могло ли быть иначе? Он говорил матери: «Мы были с Зоей одно». Переживал, узнав, что сестра, не поделившись с ним, ушла воевать, а он – дома. Тогда же (нет, раньше, конечно!) мысленно принял свое решение.

А когда не стало сестры, хоть ему еще и семнадцати не исполнилось, начал добиваться, чтобы решение это осуществилось как можно скорее. Маму одну оставлять тяжело, но он говорит: «Мамочка, ты только пойми. Ну пожалуйста! Чужие люди пишут тебе: «Мы будем мстить за Зою». А я, родной брат, останусь дома? Да как же я посмотрю в глаза людям?»

Это – его сознательный и убежденный нравственный выбор. Мало того, еще четверо его товарищей по школе – Володя Юрьев, Володя Титов, Юра Браудо и Коля Неделько, поддержав друга, решают вместе с ним составить «Экипаж мстителей за Зою». Адрес учебы определен: Ульяновское танковое училище.

И трое из пяти не вернутся с войны. В том числе он, Александр Космодемьянский.

От Зои после того, как она ушла из дома, Любовь Тимофеевна получила только одно письмецо, совсем коротенькое: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мамочка, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, приеду навестить домой. Твоя Зоя».

Не приехала, не навестила.

Письмецо датировано 17 ноября, а 29-го ее не станет...

Шура успел написать с фронта больше писем, старался маму успокоить и чем-то порадовать.

«...Настроение хорошее, особенно после последней атаки. В этом бою я не вылезал из танка больше двух суток. Чудом уцелел, вокруг все горело и сотрясалось от взрывов, танк бросало во все стороны, как спичечную коробку. В общем, мама, за меня не беспокойся».

«...Я был ранен, но не покидал поле боя. Перевязал рану и вступил снова в строй. Сейчас у меня все затянулось и поджило. В одном из боев выбыл мой старший командир, я принял командование на себя и вместе с товарищами ворвался в расположение противника. И утром Орша была наша. Сейчас я жив и здоров, так же как и мой экипаж... Получил письмо от деда. Трудно ему. Все вспоминает Зою и бабушку. Я ответил ему, постарался поласковее».

«...Местные жители тепло встречают нас. Им все интересно, все кажется необычным. В одной избе я показал книжку о Зое. И меня долго расспрашивали и очень просили, чтобы я оставил им книжку. Я не мог – она у меня одна. Потому прошу: если можешь, пошли им – г. Орша, Перекопская улица, дом 69».

«...Спасибо за поздравление, я действительно получил золотой орден – орден Отечественной войны 1-й степени. У меня на руках находится и приказ о моем награждении орденом Красного Знамени. Не думай про меня, будто я изменился. Характер у меня остался тот же. Но только стал я сильнее, тверже».

«...Мы идем на запад, по земле врага. Вот уже полмесяца, как я непрерывно в боях, потому и не писал. Но письму твоему я так рад, так рад – это было письмо с родной земли, от родной матери. Сейчас, когда я пишу тебе, в воздухе сплошной гул, моя машина содрогается, земля так и пляшет от разрывов. Через несколько минут наши ребята пойдут в атаку, в глубь немецкой земли».

Это уже Восточная Пруссия. Тогда газеты писали: «Логово врага». Добавлю: предельно укрепленное логово, цитадель германского милитаризма.

«Здравствуй, милая, дорогая моя мама! Прошло уже больше месяца, как я нахожусь в тяжелых наступательных боях. Знаешь, у меня не было времени не только писать, но даже читать полученные мною письма... И все же настроение у всех самое счастливое, самое праздничное: мы идем по вражеской земле. Мы мстим за сорок первый год, за боль, за слезы, за все унижение, которому фашисты подвергли людей. Мы скоро увидимся в Москве, в знакомой обстановке».

Вот о чем он мечтал. И мечтали об этом все бойцы – увидеться со своими, с родными и близкими. Дома, «в знакомой обстановке».

«...Дожди, дожди. Вода в море холодная, серая, так и веет ненастьем. Мрачно, холодно тут. Хочу домой, и, надеюсь, это скоро исполнится. Береги себя. Береги свое здоровье и почаще пиши. За меня не беспокойся. Целую тебя. Твой единственный сын Александр».

На этом письме Шуры была дата: 1 апреля 1945. И оно оказалось последним от него. Следующее оттуда, из Восточной Пруссии, на котором значилось 14 апреля, прислал матери уже не он. Давайте прочитаем:

«Дорогая Любовь Тимофеевна!

Тяжело Вам писать. Но я прошу: наберитесь мужества и стойкости. Ваш сын гвардии старший лейтенант Александр Анатольевич Космодемьянский погиб смертью героя в борьбе с немецкими захватчиками. Он отдал свою молодую жизнь во имя свободы и независимости нашей Родины.

Скажу одно: Ваш сын – герой, и Вы можете гордиться им. Он честно защищал Родину, был достойным братом своей сестры.

Вы отдали Родине самое дорогое, что имели, – своих детей.

В боях за Кенигсберг самоходная установка Саши Космодемьянского 6 апреля первой форсировала водный канал в 30 метров и открыла огонь по противнику, уничтожив артиллерийскую батарею противника, взорвала склад с боеприпасами и истребила до 60 гитлеровских солдат и офицеров.

8 апреля он со своей установкой первым ворвался в укрепленный форт Кениген Луизен, где было взято 350 пленных, 9 исправных танков, 200 автомашин и склад с горючим. В ходе боев Александр Космодемьянский вырос из командира установки в командира батареи. Несмотря на свою молодость, он успешно командовал батареей и образцово выполнял все боевые задания.

Он погиб вчера в боях за населенный пункт Фирбруденкруг, западнее Кенигсберга. Населенный пункт был уже в наших руках. В числе первых Ваш сын ворвался и в этот населенный пункт, истребил до 40 гитлеровцев и раздавил 4 противотанковых орудия. Разорвавшийся вражеский снаряд навсегда оборвал жизнь дорогого и для нас Александра Анатольевича Космодемьянского.

Война и смерть неотделимы, но тем тяжелее переносить каждую смерть накануне нашей Победы.

Крепко жму руку. Будьте мужественной.

Искренне уважающий и понимающий Вас гвардии подполковник *Легеза*».

Второй страшнейший удар обрушился на эту святую русскую женщину. Как такое перенести – гибель обоих детей? В ней еще остро жила наиссякающая боль от встречи с дочерью в стилом зимнем Петрищеве, когда подняли Зою из промерзшей могилы на краю деревни, и надо было «распознавать» в этой измученной жертве фашистских палачей с обрывком петли на шее свою любимую, свою единственную девочку.

Мать оглохла и поседела тогда от потрясения. И вот теперь за Зоей – он, ее Саша, ее Шура...

Позднее она напишет: «Сколько раз Шура спрашивал: “Мама, как ты представляешь себе День Победы? Как ты думаешь, когда это будет? Ведь правда же – весной? Непременно весной! А если даже зимой, то все равно снег растает и расцветут цветы!”

И вот Победа приближалась. Это был уже канун Победы. Канун счастья. А я сидела у гроба своего мальчика. Он лежал, как живой: лицо было спокойное, ясное. Не думала я, что мы так свидимся. Это было больше, чем могло вынести обыкновенное человеческое сердце...»

Тогда она попросила, чтобы ей помогли добраться до места, где погиб сын, чтобы увидеть все своими глазами и встретиться с его боевыми товарищами. Была у нее и еще одна просьба: чтобы Шуру похоронили рядом с Зоей, а для этого тело надо было перевезти в Москву.

Любовь Тимофеевну сопровождала в той труднейшей поездке до Кенигсберга и обратно известная журналистка Ольга Четкина – корреспондент «Комсомольской правды», а позже политический обозреватель «Правды». Она вела дневник, и 5 февраля 1985 года ее впечатления тех дней «Правда» опубликовала. Вот запись Ольги Ивановны после встречи с Александром Рубцовым, механиком-водителем самоходной пушки Космодемьянского:

«Молод так же, как был его друг – командир. Воевали вместе с июня прошлого года. Начали под Оршей, Борисовом. Потом прорыв под Тильзитом. В январе был Инстербург. А во второй половине февраля наши войска начали наступление на Кенигсберг. Немцы перешли в контр наступление. Бои носили ожесточенный характер. На один из наиболее тяжелых участков бросили часть, в которой была и батарея Александра Космодемьянского.

Рубцов показал свой самодельный альбом с фотографиями. Среди них снимок Космодемьянского с его заряжающим.

– Был Саша очень добрым, к нему всех тянуло, – делился Рубцов. – Любил петь. А что не любил – так отставать ни в чем и нигде. Бывало, как часть тронется, он все норовит вперед. Машина была всегда исправная, экипаж слаженный. Команду отдавал, начиная словами: «За Зою!»

Иногда мы ему говорили: «Поезжай в тыл учиться». Отвечал: «Нет, пока не отомщу за Зою полностью, не уйду. Я должен выполнить наказ матери». Пуще глаз берег фотокарточку сестры, на которой мать написала: «Будь таким, как Зоя».

Мечтал стать художником. Он и для нашей батареи рисовал... цветы.

6 апреля наши войска поднялись в наступление на Кенигсберг. И тут произошел такой случай. Подошли мы к небольшому леску и каналу. Саперы перебросили через канал мосток.

Командир части спрашивает:

– Кто пойдет первым?

– Я, – сразу вырвался Саша.

Только он перемахнул через переправу, как она рухнула, и Космодемьянский остался один на том берегу. Немцы – у них было пять орудий – открыли огонь по нему. Но Саша опередил и успел шквальным огнем подавить всю батарею. Три дня оставалась самоходка на той позиции и держала бой. Потом подошли наши танки, восстановили переправу, и Саша вернулся в свой полк.

Это был один из подвигов, за которые Александр Космодемьянский получил звание Героя Советского Союза...»

Да, он тоже стал Героем Советского Союза!

Герои – сестра и брат. Они были разные по характеру – задумчивая, мечтательная Зоя и кипящий энергией непоседа Шура. Но в самом главном, как верно заметил брат, они «были с Зоей одно».

Она могла стать прекрасной учительницей или, может быть, писателем; в нем уже раскрывался талантливый художник. Но свои таланты вместе с жизнью отдали за самое дорогое – за Родину. Зоя восемнадцатилетней, и Шура тоже не дожил до двадцати...

Похоронили Шуру, как и просила Любовь Тимофеевна, рядом с Зоей, напротив ее могилы, на Новодевичьем кладбище в Москве. Это произойдет 5 мая 1945 года. За четыре дня до Победы...

Здесь же, вместе с детьми, в 1978 году упокоится сама Любовь Тимофеевна. Низкий земной поклон жизненному подвигу русской, советской Матери!

Глава шестая. Часть особого назначения

Когда П. Лидов писал о «Тане» – Зое Космодемьянской, он назвал ее партизанкой. Так же значилась она и в Указе о присвоении звания Героя Советского Союза. По сути это было верно: героиня действовала в тылу врага. Однако Зоя и ее боевые друзья были особыми партизанами. Потому что они входили в состав воинской части особого назначения № 9903 разведотдела Западного фронта.

Таково официальное название поистине легендарного формирования в годы Великой Отечественной войны. По-другому говоря, разведывательно-диверсионная часть. Конечно, об этом не писали в газетах и не говорили по радио: есть же понятие военной секретности, и оно в данном случае должно было строго соблюдаться.

Пытавшие Зою гитлеровцы прежде всего хотели установить, чье задание она выполняет, от какой части или подразделения действует. Не установили. Не добились, не выпытали, что в районе Кунцева близ Москвы базируется часть особо отважных, которые, проникая в расположение оккупантов, бьют им в спину – взрывают их технику, мосты и дороги, нарушают связь, нападают на посты и склады, достают военные тайны для Красной Армии...

Начало

А как начиналось? Я сейчас приведу свидетельство человека, с которым познакомился в сентябре 1991-го. Это он, Афанасий Кондратьевич Мегера, пришел к нам в «Правду» во главе группы своих бойцов-ветеранов, чтобы защитить честь Зои. Уже не было в живых командира в/ч 9903 Артура Карловича Спрогиса, а Мегера служил его заместителем и потом стал преемником в должности командира.

Так вот, обращаюсь к воспоминаниям Афанасия Кондратьевича о том, с чего начиналось создание будущей прославленной воинской части:

«На третий день Великой Отечественной войны нас, группу слушателей и выпускников Военной академии имени Михаила Васильевича Фрунзе – Андрея Свирина, Артура Спрогиса. Ивана Матусевича, Анатолия Азарова, Ивана Банова, Федора Коваленко и меня – вызвали срочно к заместителю начальника Генштаба Красной Армии Ф. И. Голикову. Приказ, отданный нам, был лаконичен. Вся семерка под командованием полковника Андрея Ермолаевича Свирина – старшего преподавателя кафедры разведки Высшей разведшколы – должна срочно отправиться в распоряжение штаба Западного фронта, находившегося где-то в районе Могилева.

В тот же день мы получили необходимые документы, личное оружие, снаряжение. Нас разделили для выполнения будущего специального задания на группы: на Смоленском направлении предстояло действовать Спрогису и Коваленко, на Могилевском – Матусевичу и Мегере, в районе Кричева – Банову и Азарову. Работу всех наших групп координировал полковник Свирин. В задачу каждой из них входило – организация глубокой разведки, проведение диверсий на коммуникациях противника. Надо было также установить тесные связи с советскими и партийными организациями на местах, всячески помогать им в организации партизанского и подпольного движения.

27 июня 1941 года все командиры, выделенные Генштабом РККА для выполнения специальных заданий, прибыли в штаб Западного фронта, расположенный в лесу восточнее Могилева. Получив последнюю информацию о боевой обстановке, уточнив свои задачи и возможности, немедленно приступили к формированию боевых групп из личного состава частей и соединений, отходивших с тяжелыми боями под напором превосходящих сил противника...»

Вы только представьте себе: пятый день войны, войска Западного фронта продолжают тяжелые оборонительные бои севернее Минска, а на Бобруйском направлении вынуждены отходить за реку Березину. И в это время активно начинают создаваться боевые группы для выполнения диверсионно-разведывательных заданий в тылу наступающих вражеских войск.

Известны первые из таких групп, заявившие о себе уже в июле 1941-го: под командованием младшего политрука Матвея Русакова (в районе Западной Двины), младшего лейтенанта Григория Сороки (западнее Смоленска) и секретаря Ельнинского райкома комсомола Смоленской области Андрея Юденкова (район Ельни – Дорогобужа).

* * *

Число их будет быстро расти, хотя штаб части, еще не имевшей тогда знаменитого номера 9903 (он появится уже в начале 1942-го), вместе с отступающими советскими войсками вынужденно передвигается в восточном направлении. Пока не остановится, наконец, на подмосковной станции Жаворонки, что в 25 километрах от Москвы по Белорусской железной дороге. Здесь будет создана база части, перенесенная затем в Кунцево. А в Жаворонках эта особая в/ч получит новое, очень нужное пополнение – десять

выпускников военных академий, ставших инструкторами-преподавателями: они должны были в кратчайшие сроки, за пять – семь дней, обучать и готовить к нелегким заданиям добровольцев – юношей и девушек Москвы, Ярославля, Горького, Рязани, Владимира, Смоленска, других городов и областей.

Еще по ходу отступления, в августе, из-за болезни полковника Свирина его сменил на посту командира части майор Спрогис. Надо прямо сказать: легендарный Спрогис!

«Полковой комиссар Никита Дорофеевич Дронов стал политическим руководителем, а военврач 3-го ранга Исхат Зарипович Галикеев – заведующим медсанчастью. Выбор Дронова комиссаром оказался весьма удачен. Никита Дорофеевич – член партии коммунистов с 1918 года, принимал участие в штурме Зимнего дворца, в Гражданской войне. Был он человеком сильной воли и большого личного обаяния».

Это я цитирую замечательную книгу Георгия Фролова и Ирины Фроловой «Часть особого назначения», открывшую много дотоле неведомого мне об уникальном войсковом формировании. И вот тут следует несколько остановиться для необходимого и важного комментария.

Был гриф секретности

В книге сказано: «Долгое время в газетных очерках, начиная с военного корреспондента Петра Лидова, в поэме Маргариты Алигер “Зоя”, в передачах радио, а затем и телевидения юная героиня была поразительно одинока. Ничего не говорилось о боевых товарищах Зои, о диверсионно-разведывательной группе, в составе которой она ушла на последнее боевое задание. Мало знали и читатели, и люди пишущие о воинской части № 9903 особого назначения, в составе которой сражались в тылу врага сотни, тысячи добровольцев из Москвы, Ярославской, Тульской, Смоленской, Рязанской областей. И многие из них, как и Зоя, погибли смертью героя...

Затянувшееся на долгие годы “одиночество” Космодемьянской нарушил ярославский писатель, следопыт Истории Евгений Савинов. Результатом его поиска стал интереснейший очерк в “Литературной газете” от 11 декабря 1956 года “В их отряде сражалась Зоя”, а также документальная повесть “Зоины товарищи”, неоднократно выходившая в свет в Ярославле.

К сожалению, Евгения Федоровича Савинова, участника Великой Отечественной войны, перенесшего несколько ранений и контузий, уже нет в живых. И нам, Фроловым, подхватившим следопытскую эстафету этого славного, замечательного человека, с которым мы дружили при его жизни, хочется выполнить его мечту, добрый завет – рассказать полнее, подробнее и ярче о “спрогисовцах”...»

Что же, Георгий Николаевич Фролов вместе со своей женой Валентиной, а затем и дочерью Ириной, внуком Николаем очень много сделали для выполнения того завета, и это заслуживает низкого поклона, великой благодарности. Об их подвижнической работе я далее еще скажу. Но прежде все-таки – о «затянувшемся на долгие годы “одиночестве” Космодемьянской».

Георгий Николаевич и Ирина Георгиевна правы: довольно долго о тех, кто в дни обороны Москвы находился рядом с Зоей, известно было мало, как и вообще о том, что представляла собой воинская часть 9903. Однако был ли в этом чей-то несправедный умысел? Следует четко ответить: нет и еще раз – нет!

Во-первых, сказала (и не могла не сказываться до поры до времени) секретность этой части – разведывательно-диверсионной, о чем выше я уже говорил. Потому, например, ставший известным всей стране Герой Советского Союза Константин Заслонов, действовавший и погибший во вражеском тылу в Белоруссии, о котором и фильм великолепный давно был снят, никак с этой частью не связывался. А между тем, оказывается, именно здесь этот железнодорожник по профессии прошел обучение непривычному для него делу, и через линию фронта переводил его не кто-нибудь, а уже знакомый нам Афанасий Мегера, боевой заместитель Спрогиса. Но разве можно было тогда обо всем этом широко рассказывать и писать?

Вот что, во-первых, надо иметь в виду, чтобы понятнее стало некое «одиночество» Зои в публикациях того времени. А во-вторых, когда гриф секретности, как говорится, был уже снят, потребовалось время и немалые (очень и очень большие!) исследовательские усилия, чтобы детально, в подробностях, с конкретными эпизодами и подлинными именами восстановить грандиозную панораму войны в тылу врага, которую вели бойцы этой глубоко засекреченной воинской части.

Первое Зоино задание и мученики Волоколамска

Я не случайно написал: с подлинными именами. Разведчики уходили на задание, сдавая все свои личные документы и вещи. Не было у них, как у солдат, и так называемых смертных медальонов. Поэтому многие и оказывались «пропавшими без вести» – погибали безымянными.

Так нередко и газеты вынуждены были писать тогда. Например, в декабре 1941-го: «Безымянные мученики Волоколамска взывают о мщении. Вперед, бойцы! Смело идите в бой! Спешите! Каждый ваш успех поможет быстрее освободить советские города и села. Ваша смелость и доблесть спасут тысячи и тысячи людей, томящихся в фашистском аду. Они ждут вас... Быть может, их сегодня ведут на казнь, как тех восьмерых... Мученики Волоколамска уже сейчас воздвигли себе памятник в сердцах советского народа. А когда грянет наша Победа, мы их увидим в мраморе и прекрасных скульптурах там, на святом месте, где они приняли смерть за свою верность Отчизне!»

Что же произошло в подмосковном Волоколамске? Кого газеты тех дней называли его мучениками, не называя имен?

Теперь-то мы можем сказать: восьмерых однополчан Зои Космодемьянской по в/ч 9903 – членов боевой группы во главе с Константином Пахомовым, посланцем знаменитого московского завода «Серп и молот».

Как и Зоя, он вместе с четверкой своих заводских товарищей отправлялся в часть на грузовике от кинотеатра «Колизей» (теперь это здание театра «Современник» на Чистых прудах). По сохранившимся воспоминаниям, Георгий и Ирина Фроловы воспроизвели следующую картину:

«Пятеро парней, обняв друг друга за плечи, весело смеялись, махали провожающим кепками. Один из них, худенький, черноглазый, вдруг сказал:

– Костя, давай нашу песню, заводскую!

Высокий красивый парень с шапкой вьющихся русых волос запел:

– Орленок, орленок, взлети выше солнца...

Все ребята, стоящие в кузове полуторки, подхватили. А одна из девушек вдруг спросила:

– А почему это ваша заводская песня? Я ее тоже очень люблю!

Костя ответил:

– Мы все пятеро с завода “Серп и молот”. А песню эту написал наш рабочий, Яков Шведов. Замечательный у нас на заводе народ! Вот, девчата, знакомьтесь: Коля Галочкин, Коля Каган, Павел Кирьяков, Виктор Ординарцев. А меня уже слышали, как зовут: я – Константин Пахомов.

Не было, пожалуй, человека более известного на “Серпе и молоте”, чем прекрасный альпинист и лыжник, молодой конструктор и редактор заводской многотиражки “Мартеновка” Константин Пахомов. С Рогожской заставою, будущей Заставой Ильича, была связана вся жизнь Кости. После седьмого класса пришел он на завод, стал работать монтером и учился в вечернем техникуме. Здесь же закончил Metallургический институт. Очень скоро стал выполнять свой личный план на 150 процентов...

Удивительные совпадения иногда происходят в жизни! Перед войной товарищи выдвинули Пахомова на ответственный пост – он стал главным редактором многотиражки “Мартеновка”. И Костя, как всегда, с жаром принялся за новое дело. Перед его глазами был живой пример бывшего редактора “Мартеновки” Петра Лидова, который уже год работал корреспондентом “Правды”. Статьи его с гордостью читали на

родном заводе, говорили:

– Лидов – наша рабочая косточка!

А сейчас, когда Костя Пахомов едет на базу своей воинской части, он еще не знает, что его заводской товарищ Петр Лидов будет первым журналистом, который расскажет людям о подвиге Зои Космодемьянской...»

Они вместе будут на Кунцевской базе, Костя Пахомов с друзьями и Зоя. В один день отправятся на боевое задание, самое первое. Только группы у них будут разные: Зоя – под командованием «дяди Миши» Соколова, а Костя сам возглавит группу из восьми человек.

Вместе на двух полуторках отправятся к линии фронта: сперва до Истры, а заночевав там, дальше на запад.

Из книги Георгия и Ирины Фроловых: «В густеющих сумерках остановились на опушке леса возле железнодорожной станции Горюны. Армейский представитель, сопровождавший разведчиков, подозвал командиров групп. Вскрыл пакеты, предназначенные для них, и что-то долго объяснял Пахомову и Соколову: показывал по карте, светя фонариком. Потом обошел всех парней и девчат, никого не пропустив, пожал каждому руку и пожелал счастливого возвращения. Машины, доставившие группы, ушли. Тихо стало в осеннем подмосковном лесу...»

* * *

Дальше пути двух групп разошлись. Но я вот на что хочу обратить внимание: ведь это чистая случайность, что Зоя оказалась в группе Соколова, а не Пахомова. Могло быть иначе, и погибла бы тогда Зоя почти на месяц раньше. В том самом Волоколамске, вместе с Костей и его заводскими друзьями, с юным совсем Ваней Маленковым, посланцем завода «Москабель», и двумя своими новыми знакомыми по базе, студентками Московского художественно-промышленного училища Женей Полтавской и Шурой Луковиной-Грибковой, которую с доброй шутливостью девчата стали называть просто Луковкой. Две неразлучные, задорные, веселые и, судя по всему, талантливые подружки...

Думала ли Зоя, прощаясь с ними в обманчиво притихшем ночном лесу, что больше никогда уже их не увидит?

Для группы, в которую она попала, то первое задание сложилось довольно удачно. Их было восемь ребят и четыре девушки. Зоя и Клава Милорадова по поручению «дяди Миши» ходили в разведку, отыскивая наиболее безопасное место на шоссе, где можно было установить мины. Ребята потом, разбившись на пары, эти мины установили, а девчата находились в боевом охранении. Напряженно ждали результата. И велика была общая радость, когда со стороны шоссе вслед за гулом машин блеснула яркая вспышка и раздались взрывы, слышались заполосные крики на немецком и автоматные очереди...

Да, это был успех. Рассвет застал их в зарослях орешника неподалеку от деревни Ново-Васильевская. Отдыхали, как и все те группы ранней зимой 1941-го, под открытым небом, зачастую не имея возможности даже развести костер, чтобы не выдать себя. Консервы подогревать помогали иногда банки с сухим спиртом: пламя было бездымное и малозаметное.

А место для привала выбиралось, если можно, под хвойными деревьями, чтобы меньше вымокнуть, когда начнется снегопад. Делали небольшое углубление в снегу и устилали еловым лапником: постель готова. Хотя не раз приходилось потом просыпаться и вскакивать от холода, приплясывая и размахивая руками для согрева...

На этот раз группа «дяди Миши» устроилась в густом кустарнике, покрытом первым снегом, и снег

продолжал идти. Когда все немного передохнули и вздремнули, командир обратился к своим бойцам:

– Товарищи, поздравляю вас с большим праздником! С 24-й годовщиной Великого Октября!

Конечно, настроение у всех сразу поднялось, и начались воспоминания, как здорово отмечался этот праздник в мирной жизни.

Теперь они отметили его так: следующей ночью ребята сожгли деревянный мост на большаке, а девчата разбросали по дорогам «колючки». Повезло, что с немцами не столкнулись.

Впоследствии Валентина Федоровна Коростелева (тогда, в девичестве, Зоричева) вспоминала, как было потом:

«Продукты подходили к концу, остатки сухарей стали горькими от их неосторожного хранения вместе с брикетами тола. В группе появились больные: Зоя простыла, и у нее заболели уши. И командир, посоветовавшись со всеми, принял решение возвращаться. Единственным человеком, который высказался против этого, была Зоя. Она прямо заявила, что, несмотря ни на что, мы должны были еще лучше выполнить задание.

Назад линию фронта перешли в расположении танковой бригады генерала Михаила Катукова, которой через месяц предстояло брать Волоколамск. Пользуясь гостеприимством наших бойцов, отогреваясь в землянках, мы еще не знали о том, что несколько дней назад на Солдатской площади этого подмосковного города погибли от рук фашистских палачей наши товарищи – разведгруппа Кости Пахомова. Танкисты Михаила Катукова первыми ворвутся в Волоколамск и торжественно предадут земле тела казненных героев...»

* * *

Как они погибли?

Диверсионно-разведывательная группа Константина Пахомова в составе восьми человек перешла линию фронта возле деревни Ченцы Волоколамского района. Минировали ночью шоссе и большаки, разбрасывали по проселкам «колючки». Это было в тылу 5-го армейского корпуса генерала Рихарда Роуфа. Когда боеприпасы в группе стали уже заканчиваться, решили проникнуть в занятый врагами Волоколамск – наверное, чтобы совершить там более крупную диверсию.

Но их заметили немецкие часовые, и на рассвете 5 ноября группа Константина Пахомова была окружена на городском кладбище.

«Среди мрачных могил и крестов разведчики приняли последний бой», – написали в своей книге Георгий и Ирина Фроловы.

«Взять живыми!» – таков был приказ карателям. Бойцы отбивались гранатами, бутылками с горючей смесью, отстреливались. Но их огонь все слабел. Ранеными москвичей захватили фашисты. Долго допрашивали, пытали – тщетно. Ничего не добившись, измученных друзей вывели на Солдатскую площадь.

Их назовут потом дважды казненными. Действительно, так и было: сперва расстреляли, а затем еще повесили. И суть вот в чем. Партизанам была приготовлена виселица. Но восьмерка героев, обнявшись и дружно запев «Вставай, проклятьем клейменный...», вдруг двинулась на окружавших врагов, и у тех не выдержали нервы: раздалась автоматные очереди. После этого, для устрашения местных жителей, расстрелянных пленников, кое-кто из которых был еще жив, повесили на той же площади. И трупы их до освобождения Волоколамска несколько недель висели под снегом, на пронизывающем ледяном ветру. А командованию части № 9903 судьба группы Константина Пахомова оставалась неизвестной, и все они

считались «пропавшими без вести».

Позднее, уже в январе, будет произведена процедура опознания и составлен соответствующий акт. Стоит привести его, потому что в подобных скорбных расследованиях командованию в/ч 9903 придется принимать участие многократно. Итак, текст акта, составленного 9 января 1942 года:

«Мы, нижеподписавшиеся члены комиссии в составе: полкового комиссара т. Дронова Н. Д., ст. лейтенанта Клейменова М. А. (от разведотдела Зап. фронта), тт. Сизова Н. Т. и Шелепина А. Н. (от МК и МГК ВЛКСМ), Мыларщикова В. П. (от Волоколамского райисполкома), Брызгалова Н. В. (от райвоенкомата г. Волоколамска), Петрова И. И. (сержант от Волоколамского горотдела НКВД), Локтюшина И. Д. (от секретаря Волоколамского РК ВЛКСМ), составили 9 января 1942 г. настоящий акт по осмотру и опознанию товарищей, повешенных в городе Волоколамске.

Установлено следующее:

1. При опросе очевидцев – граждан Волоколамска Зиминой П. Д. и ее дочери, установлено, что в первых числах ноября в доме, где они проживают (Волоколамск, Н. Солдатская, 32), производился допрос германскими офицерами 8 советских граждан.

После допроса все 8 человек в тот же день были расстреляны и повешены на площади г. Волоколамска, причем некоторые товарищи при повешении были еще живы.

Гражданка Зимина, ее дочь, а также тт. Бурдин, Брызгалов и Мыларщиков по представленным фотографиям разведотдела Западного фронта опознали, что среди повешенных были тт. Пахомов К. Ф., Кирьяков П. В., Галочкин Н. А., Ординарцев В. В., Маленков И. А., Луковина-Грибкова А. В., Полтавская Е. Л., Каган Н. С.

2. Комиссия произвела раскопку братской могилы, где похоронены 8 повешенных граждан. Осмотр трупов подтвердил показания вышеуказанных товарищей, еще раз подтвердил, что повешенными являются тт. Пахомов, Кирьяков, Галочкин, Ординарцев, Маленков, Луковина-Грибкова, Полтавская и Каган.

3. Комиссия на основании показаний очевидцев допроса и казни установила, что все восемь повешенных товарищей вели себя героически, как истинные патриоты своей Родины. При расстреле выкрикивали лозунги: “Да здравствует Сталин!”, “Да здравствует Родина!”.

О чем и составлен настоящий акт.

Подписи

г. Волоколамск, 9/1.1942 г.»

А ровно через месяц, 9 февраля 1942 года, в «Правде» было опубликовано следующее сообщение:

«От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу Военный совет Западного фронта наградил орденами Ленина восемь отважных комсомольцев, народных героев, замученных немецкими мерзавцами в Волоколамске...»

Далее следовали имена. Я приведу их полностью, с указанием того, кто кем был. Пятеро добровольцев с завода «Серп и молот» – это командир группы Константин Федорович Пахомов (конструктор), Николай Александрович Галочкин (тоже конструктор), Николай Семенович Каган (инженер), Павел Васильевич Кирьяков (машинист завалочной машины), Виктор Васильевич Ординарцев (монтер); две студентки Московского художественно-промышленного училища имени М. В. Калинина Евгения

Яковлевна Полтавская и Александра Васильевна Луковина-Грибкова и рабочий завода «Москабель» Иван Александрович Маленков.

Словом, имена безымянных дотоле героев Волоколамска довольно быстро были установлены, и страна тогда же узнала их. Хотя без упоминания той самой воинской части, в которой вместе с ними находилась Зоя Космодемьянская.

Да, бывало так – устанавливалось, что называется, по горячим следам. Но бывало гораздо сложнее, когда поиск без вести пропавших затягивался не на месяцы, а на годы. Собственно, расследованием одной такой судьбы – Зоиней однополчанки Веры Волошиной – и началась эпопея следопыта Истории, как сам он себя назвал, Георгия Фролова.

Вера, вместе с которой Зоя шла на второе свое задание

Родился Георгий Николаевич Фролов в Белоруссии, на многострадальной могилевской земле. Здесь подростком пережил гитлеровскую оккупацию. Старший брат Петр воевал в партизанском отряде «За Родину!», так что дела партизанские были близки ему сызмальства. Когда же в августе 1943-го Могилевщину освободила Красная Армия, едва Георгию исполнилось 17, встал в ее ряды.

А после войны, окончив школу рабочей молодежи и философский факультет МГУ, он осваивал новую для себя профессию журналиста в должности ответственного секретаря многотиражной газеты Московского института народного хозяйства имени Плеханова. И вот 15 февраля 1957 года забегает в редакцию активистка газеты, студентка экономического факультета Валя Залозная со свежим номером «Комсомольской правды»:

– Посмотрите, Георгий Николаевич, не о нашей ли студентке здесь написано?

В газете – портрет красивой светловолосой девушки с задумчивыми глазами и тут же небольшая заметка кемеровского корреспондента «Комсомолки» Валентина Калачинского «Она сражалась рядом с Зоей». Говорилось в ней о том, что поздней осенью 1941 года вместе с Зоей Космодемьянской в тылу немецко-фашистских войск сражалась девушка из сибирского города Кемерово, студентка Московского торгового института Вера Волошина.

«Первые изыскания, к которым мы с Валею Залозной приступили сразу же, 15 февраля 1957 года, принесли и первые разочарования, – признавался Г. Фролов. – Оказалось, что Вера Волошина у нас не училась, она была студенткой другого вуза – Московского института советской кооперативной торговли Центросоюза...»

Здесь-то интерес у приступивших к расследованию мог и закончиться: раз «не наша» – значит, и не тема для институтской многотиражки. Но что-то большее, гораздо большее, нежели «ведомственный интерес», повело в дальнейший поиск журналиста Георгия Фролова и студентку Валентину Залозную, которая вскоре станет его женой.

В архиве другого, Вериного института они найдут личное дело Волошиной Веры Даниловны, 1919 года рождения, члена ВЛКСМ с 1935 года, студентки торгово-экономического факультета. Фото, краткая автобиография, написанная в июле 1938-го, при поступлении в этот институт. Из автобиографии видно: закончив десятилетку в Кемерово год назад, она поступила в Московский центральный ордена Ленина институт физической культуры, но дальше, по состоянию здоровья, учиться там не смогла.

О, конечно, она была увлеченной и многообещающей спортсменкой! Фроловы позднее установят, что именно с нее была сделана для Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве известная скульптура «Девушка с весом», копии которой широко распространились затем по всей стране. Однако с мечтой о большом спорте и с Институтом физкультуры из-за перенесенной тяжелой болезни пришлось расстаться.

Привлекала внимание в личном деле Веры благодарность ей: «В ознаменование 23-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота за активную оборонную работу в сочетании с отличными и хорошими успехами в учебе...» Дата приказа – 22 февраля 1941 года.

А дальше в папке были подшиты письма Вериной мамы Клавдии Лукьяновны, которая упорно, но безуспешно разыскивала свою дочь, пропавшую где-то под Москвой осенью 1941-го. Уж больше

пятнадцати лет прошло, как получила мать задушевное письмо командира, сообщившего страшное: «...Ваша дочь, Волошина Вера Даниловна, пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага».

Как же это – «пропала без вести»?! Что же случилось с ее любимой Веруськой? Где найти хоть какие-то следы?

С болью читая те слезные материнские строки, Георгий Фролов решил откликнуться на них. Пишет письмо Клавдии Лукьяновне в Кемерово. Она в ответ по его просьбе сообщает адреса институтских товарищей Веры и ее боевых подруг – Клавы Милорадовой и Наташи Обуховской. Зовет к себе в гости...

В общем, начинается большая работа – воссоздание жизни и прекрасного образа одной из соратниц Зои Космодемьянской по воинской части 9903. Сюда она была зачислена по направлению комсомола в том же октябре 1941-го. Вместе проходили боевую учебу. Вместе делили напряженные будни на подмосковной базе. Вместе 21 ноября отправились выполнять последнее, как оказалось, для обеих задание.

В тот день в тыл немецко-фашистских войск, действовавших в районе Наро-Фоминска, уходили две группы разведчиков – Бориса Крайнова и Павла Проворова. Линию фронта у деревни Обухово они перешли, объединившись под командованием Крайнова, а Проворов стал его заместителем. Два восемнадцатилетних комсомольца-ярославца, и с ними еще двадцать ребят и девчат. Правда, при переправе через линию фронта один немецким снайпером был ранен, и его пришлось отправить обратно...

Минировали дороги и уничтожали линии связи. Удалось поджечь отдельные постройки, занятые фашистами, в деревнях Якшино и Болдино, забросать гранатами крайние избы, занятые немецким гарнизоном. Однако во время отхода отряд напоролся на незамеченную вражескую пулеметную точку и под огнем распался на несколько частей, потерявших связь между собой.

Вот здесь, у деревни Якшино, и разлучились две боевые подруги – Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. Как мы уже знаем, Зоя оказалась в той части группы, где были сам командир Борис Крайнов и Клава Милорадова. Они направились в сторону деревни Петрищево. А осколок отряда, где была Вера, вскоре попадет в фашистскую засаду по дороге между деревней Якшино и совхозом «Головково».

Вместе с Верой находились тогда Александра Воронина и Наталья Самойлович, на глазах которых подруга была сражена вражеским огнем. Вытащить ее не удалось. И у Али с Наташей сложилось твердое убеждение, что тут Вера и погибла. Хотя ведь они не хоронили ее – отсюда то самое «пропала без вести»...

Но оказалось, Вера была не убита, а ранена и попала в лапы к фашистам. После жестоких допросов и пыток ее казнили. В тот же день 29 ноября 1941-го, что и Зою. Может быть, даже в один час. Всего в десятке километров от нее. И только спустя много лет Георгий Фролов буквально по крупицам собрал воедино картину того, что произошло с Верой и как погибла она.

В Головково многие старожилы знали, что поздней осенью 1941-го немцы повесили здесь на придорожной иве неизвестную девушку. Спустя время местные жители ее и похоронили. Между собой называли: «наша партизанка». Но имени не знал никто, да и каких-либо других подробностей – тоже. Ведь захватив совхоз, немцы выгнали почти всех жителей из их домов, и они ушли в лес, где кое-как перебивались в шалашах и землянках. Так что девушку они увидели уже повешенной, после освобождения этих мест.

И все-таки разыскал Фролов неподалеку от совхоза, в поселке Скугорово, одну женщину – Александру Федоровну Звонцову, которая пролила некоторый свет на многолетнюю тайну. Когда немцы пришли, она жила в Головково и ждала ребенка, потому не могла уйти в лес в таком положении. Оставалась с Александрой мама, ухаживавшая за дочерью. Немцам было сказано, что в этой избе больная, они боялись

заразы и не заходили сюда.

Однажды мать, которой приходилось отлучаться в поисках съестного, вернулась домой потрясенная:

– О, дочка, что я видела сейчас! На моих глазах немцы только что повесили молоденькую девушку. Привезли ее, бедную, на машине к иве, а там петля уже болтается на ветру. Кругом немцы собрались, много их было. И наших пленных, что работали за мостом, тоже пригнали...

Дальше Г. Фролов воспроизвел рассказ матери Александры Федоровны Звонцовой – так, как он дочери запомнился:

«Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли в машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, уцепившись одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита – висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему.

“Я, – говорит, – не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!”

И девушка запела. И знаешь, какую песню? Ту самую, что каждый раз поют на собраниях и по радио играют утром и поздно вечером.

– “Интернационал”?

– Да, эту самую песню. А немцы стоят и молча слушают. Офицер, который командовал казнью, что-то крикнул солдатам. Они набросили девушке петлю на шею и соскочили с машины.

Офицер подбежал к шоферу и дал команду трогать с места. А тот сидит, побелел весь, видать, не привык еще людей вешать. Офицер выхватил револьвер и кричит что-то шоферу по-своему. Видно, ругался очень. Тот словно проснулся, и машина тронулась с места.

Девушка еще успела крикнуть, да так громко, что у меня кровь застыла в жилах: “Прощайте, товарищи!” Когда я открыла глаза, то увидела, что она уже висит».

Вот и все, что рассказала моя мама.

Александра Федоровна замолчала. По ее щекам текли слезы.

– Позднее, когда поправилась, – сказала она, – я ходила к дереву. Видела девушку я и тогда, когда ее хоронили. Эта та самая, что у вас на фотографии...»

Да, Георгий Николаевич привез с собой несколько фото Веры Волошиной. Сначала показывал людям групповую фотографию, где Вера среди подружек-спортсменок. И не только Александра Федоровна Звонцова, а и другие, кто видел в свое время повешенную на дереве девушку, сказали: это она.

Так была восстановлена еще одна из героических судеб бойцов в/ч 9903, считавшихся пропавшими без вести. Имя Веры Волошиной по праву стало рядом с именем Зои Космодемьянской.

И этому посвятит свою «Балладу о Зое и Вере» поэт-фронтовик Владимир Федоров:

Их в разных местах схватили.
Несхожие имена...
Две матери их растили —
Россия у них одна.

Плеснули в девичьи лица

Морозная синь и ширь.
А рядом Москва дымится,
А там – вся в лесах – Сибирь.

За Зоей снега месили
Подкованные сапоги.
На иве, на грустной иве
Повесили Веру враги.

Где сыщешь ты человека,
Чтоб шапку пред Зоей не снял?
Про Веру же четверть века
Никто ничего не знал.

Молчала седая ива,
Растаял кровавый снег.
Две звездочки горделивые
Пусть светятся рядом вовек!

Друг, ты родился в 41-м.
В их юные лица взглядишь...
Вера – по-русски вера,
Зоя – по-гречески жизнь...

Нет, Зоя не была одинока!

Конечно, и тогда, когда П. Лидов писал о ней, вряд ли кто мог помыслить, что это героизм какой-то случайной одиночки. Недаром же фашисты добивались от нее: «Кто послал? Кто твой командир и твои товарищи?» И, конечно, читавшие очерки Лидова хорошо знали, что не обо всем и не обо всех в газете сегодня можно рассказывать.

А ведь они все или, если уж абсолютно точно, – почти все, кто зачислен был в эту особую воинскую часть, проявили себя как герои. И было их более двух тысяч, комсомольцев-добровольцев! Больше трех тысяч прошло через московскую комиссию – отбирали лучших, самых надежных. Так же строго подходили к отбору добровольцев комсомольские комитеты в других городах и областях. Причем обращались в эти комиссии те, кто по возрасту (слишком юные). Или имея бронь, или по состоянию здоровья, не подлежал призыву в армию. Их от армии освобождали, а они в нее рвались! Рвались в ополчение, в истребительные батальоны, в разведчики и партизанские отряды...

У воинской части 9903 сложится большая и славная биография. А у каждого ее бойца, естественно, своя биография и своя судьба.

Вот, скажем, два непосредственных командира Зои при выполнении двух боевых заданий. Первую группу возглавлял уже не раз упоминавшийся «дядя Миша» – Михаил Николаевич Соколов. Один из старейших по возрасту среди бойцов части (в ноябре 1941-го ему наполнилось аж 34 года), он был внебрачным, «незаконнорожденным» сыном помещика и крестьянки. Ничего помещичьего, однако, с детства не имел. Батрачил, затем работал в совхозе, а переехав в Москву, стал токарем на заводе «Подъемник». В 1932 году вступил в Коммунистическую партию, и, судя по всему, отнюдь не формально. Когда началась война, вступил в истребительный батальон завода «Подъемник». А с 28 октября 1941 года – добровольно в воинской части 9903.

Был на ряде заданий в Подмосковье, позднее отличился при подрыве трех вражеских эшелонов в брянских лесах. Геройски служил потом и связистом в артиллерийском полку, получив за форсирование Вислы орден Ленина. И, дойдя до Берлина, старший лейтенант Михаил Соколов расписался на рейхстаге. От себя и от всех своих боевых товарищей – павших в живых. В том числе, конечно, от незабвенной Зои. Умер Михаил Николаевич 22 марта 1998 года.

А вот руководитель второй Зоинной группы Борис Крайнов погибнет 5 марта 1943 года в бою возле деревни Кошельки под городом Старая Русса Новгородской области, спасая своего командира. В часть 9903 он пришел 18-летним при следующих обстоятельствах. Уроженец Ярославля, после семилетки окончил курсы инструкторов физкультуры в городе Горьком и, вернувшись домой, работал учителем физкультуры в ярославской школе № 54. С началом войны был избран секретарем Ярославского горкома комсомола по военной работе.

И вот 14 октября 1941-го его направляют с командой земляков-комсомольцев в ЦК ВЛКСМ, чтобы, пройдя через комиссию, стали они бойцами в/ч 9903. Бориса в списке той команды не было, он ехал как сопровождающий. Но – упрямый Спрогиса взял его! Что ж, секретарь комсомольского горкома, да к тому же с отличной физкультурной подготовкой...

Трижды водил он во вражеский тыл разведывательно-диверсионные группы в Подмосковье. А затем был с группой под Смоленском и в Витебской области Белоруссии. С января 1943-го откомандирован в военно-воздушные части Действующей армии, где погиб во главе отделения десантников 2-го гвардии воздушно-десантного полка 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Погиб, спасая командира.

Как видите, пути и судьбы у бойцов в/ч 9903 будут разные. Ведь им предстояло воевать в тылу врага на Смоленщине, Брянщине, в Белоруссии и Прибалтике, на Украине и в Молдавии, причем размах и масштабы их действий со временем неизмеримо возрастут. Это будут в основном уже не группы из 10–15 человек, направляемые на кратковременное задание в ближние места, а целые отряды, десантировавшиеся в глубокий тыл врага на многие месяцы. Они соединялись со здешними партизанами, и численность партизан росла вокруг них. И углублялась разведка, ширилась рельсовая война, все больше летели под откос эшелоны с вражескими солдатами и техникой, а фашистские гарнизоны дрожали под угрозой нападения в любой момент.

Возрастут масштабы, но начиналось все это в Подмосковье, осенью и зимой 1941–1942 годов. Самое трудное, самое опасное для столицы и всей страны время! Воистину судьбоносное, когда решался вопрос, быть нам или не быть. Не потому ли «спрогисовцы», с которыми мне доводилось встречаться, больше всего вспоминали, как правило, именно об этой суровой поре. И днем ежегодных своих встреч после войны определили 5 декабря – день начала контрнаступления советских войск под Москвой. Их вклад в этот великий перелом был несомненен и по-особому дорог каждому. Зоя тоже навсегда осталась по-особому связанной с битвой за Москву.

Известно, она стала первой женщиной Героем Советского Союза во время Великой Отечественной войны. И первой из бойцов в/ч 9903, кому было присвоено это высокое звание. А второй станет Елена Колесова.

На три года старше Зои, она успела окончить после семилетки педагогическое училище и работала преподавателем начальных классов в 47-й школе Фрунзенского района столицы. Да к тому же – старшая пионервожатая. Была она, видимо, прирожденным организатором, и характер, что называется, огонь. Еще в детстве, когда спрашивали Лену, кем она хочет быть, отвечала: «Командиром. Как дядя Боря. Ведь красный командир ничего не боится. Правда?»

Был ее дядя, Борис Савельевич, бойцом Чапаевской дивизии. А саму Лену мальчишки прозвали «Алешкой-атаманом», потому что ни в чем им она не желала уступать.

Неудивительно, что стала в конце концов Лена, или Леля, как чаще называли ее подруги по в/ч 9903, командиром. Именно ей поручил Спрогис возглавить первую боевую группу, целиком состоящую из девчат.

В части было много девушек, и проявляли они себя в основном отлично. Однако поначалу, в смешанных группах, состоявших из ребят и девчат, им отводилась все-таки роль второго плана. Многих такое положение не устраивало, а уж Колесову с ее рискованным характером – особенно. Наверное, это и побудило Спрогиса выдвинуть Елену командиром чисто девичьей группы. Идя навстречу девушкам, он учел, что у них есть даже определенное преимущество: под видом местных жительниц им легче, нежели парням, переходить линию фронта, а главное – вести разведку в населенных пунктах, вызывая гораздо меньше подозрений.

Вот первый приказ, который они получили и который сохранился в военном архиве:

«Группе в составе 9 человек под командованием товарища Колесовой Е. Ф. надлежит перейти линию фронта и выйти в тыл противника в район Акулово – Крабузино с задачей разведать силы гитлеровцев в деревнях Акулово, Крабузино, Бутаково, Вишенки, Алферово, Шахалево, Покроселово, Свинухово, Солодово, Шульгино, Токарево, Глазово, заминировать дороги, ведущие к этим населенным пунктам. После выполнения задания перейти линию фронта и попасть к нашим частям. Коротко доложить в штабе воинской части, куда вы попадете, все, что вы знаете о противнике...»

Сохранился и список группы:

«Колесова Елена Федоровна, 1920 года рождения, член ВЛКСМ; Лапина Антонина Ивановна, 1920 года рождения, члена ВЛКСМ; Маханько Тамара Ивановна, 1924 года рождения, член ВЛКСМ; Суворова Нина Павловна, 1916 года рождения, член ВЛКСМ; Суворова Зоя Павловна, 1923 года рождения, член ВЛКСМ; Белова Надежда Алексеевна, 1917 года рождения, член ВЛКСМ; Морозова Зинаида Дмитриевна, 1921 года рождения, член ВЛКСМ; Шинкаренко Нина Иосифовна, 1920 года рождения, член ВЛКСМ; Лаврентьева Мария Ивановна, 1922 года рождения, член ВЛКСМ».

В большинстве это были москвички, студентки вузов и техникумов. Восемнадцать суток провели они в тылу врага, выполняя задание. И, несмотря на короткие стычки с немцами, несмотря на то, что при возвращении в прифронтовой полосе попали под минометный огонь, к счастью, никто не пострадал.

Рано утром 5 декабря вышли к передовым советским постам.

«Вскоре мы уже были в штабе, рассказали командованию о расположении немецких войск на этом участке, – вспоминала впоследствии Нина Иосифовна Шинкаренко. – Нас хорошо накормили, отвели нам землянку, чтобы мы могли отоспаться после долгого похода по тылам врага.

А наутро, 6 декабря, мы проснулись от грохота артиллерии, разрыва мин, далекой канонады. Это перешли в наступление под Москвой наши войска. Как же мы все были счастливы в это мгновение! Наконец-то погоним зарвавшегося врага от родного города, нашей дорогой столицы! Нас переполняла радость, что и девичья разведгруппа внесла свой – пусть маленький – вклад в это наступление. Данные о противнике, собранные за 18 дней и ночей, безусловно, пригодились советскому командованию, сберегли десятки, сотни солдатских жизней...»

Но это было лишь начало действий героической девичьей группы. Бойцам ее, при несколько менявшемся составе, под руководством своего боевого командира предстояло многое перенести и совершить. Так, в историческом бою под Сухиничами, куда в январе 1942 года был послан сводный отряд воинской части 9903, погибнут Нина Суворова и ее сестра Зина. Будут погибшие и при десантировании группы 1 мая 1942-го в Борисовском районе Минской области.

Здесь, обосновавшись с подругами в лесу недалеко от деревни Миговщина, на краю болота, Елена Колесова установит связь с белорусскими патриотами. К десантницам начнут приходить местные люди, чтобы чем-то помочь им или вместе с ними бороться против фашистов с оружием с руках.

При участии новобранцев организовали первую засаду на большаке, во время которой удалось подорвать на mine автомашину гитлеровцев и обстрелять их. Затем в одной из деревень внезапным налетом группа Колесовой разгромила полицейский участок.

И вскоре по окрестным селам и деревням уже полетела весть о большом парашютном десанте из Москвы (хотя их было лишь несколько человек!) и о партизанском отряде, которым командует девушка. Говорили, что это они взорвали на железнодорожном перегоне под Борисовом эшелоны с немецкой боевой техникой, они разгромили в районном центре Крупки волостную управу... И так далее.

Вот строки из воспоминаний командира другой боевой группы, действовавшей в том же районе Белоруссии, – Бориса Николаевича Вацлавского, который знал многие дела колесовцев: «В июне 1942 года ее группа сожгла мост на шляху, около Винятич. Немцы выехали на восстановление моста. Узнав об этом, Колесова с пятью бойцами устроила засаду. Подпустив машину вплотную, группа уничтожила всех ехавших в ней гитлеровцев...»

Фашисты, встревоженные не на шутку такими фактами, число которых росло, объявили награду за голову командира партизан: 30 тысяч рейхсмарок, а впридачу корову и два литра шнапса. В немецких объявлениях командир назывался «бабой с орденом». Дело в том, что после приземления десантниц на условленную встречу с руководителем ранее доставленной сюда разведывательно-диверсионной группы,

Борисом Вацлавским, девушки пошли с оружием и в военной форме, а Колесова – с орденом Красного Знамени на груди, которым ее наградили за действия в Подмосковье.

Можно представить, какое огромное впечатление произвело на жителей деревни Прудки появление здесь, в глубоком тылу немецко-фашистских войск, представителей Красной Армии, да еще при полном параде! Для фашистов, надо полагать, такое известие стало не менее впечатляющим. Вот и засекли: «баба с орденом». А было той бабе неполных 22 года...

Дерзкая личная смелость Лели Колесовой («Алешка-атаман!») вдохновляла ее подруг. Приведу еще раз свидетельство Нины Иосифовны Шинкаренко, одной из двух девушек колесовской группы, которым посчастливилось остаться в живых:

«Несколько раз наши небольшие диверсионные группы ходили на железную дорогу, но все безуспешно: гитлеровцы усилили охрану.

Однажды, после очередной неудачи, Елена взяла десять килограммов тола, взрыватели и ушла в деревню. В доме у наших связных она взяла детскую шапочку, одеяло, переделалась сама, и вот по дороге идет молодая женщина с ребенком на руках. Подошла к железной дороге, видит: на луговине у кустов старуха и девочка собирают щавель, а поодаль на солнышке дремлет часовая, охранявший здесь участок дороги.

Елена посоветовала старухе с девочкой поскорее уйти отсюда, а сама быстро взобралась на насыпь, развернула “ребенка”, заминировала полотно, подбежала к часовому и крикнула: “Беги, а то взорвешься!”

А поезд уже подходил к mine. Елена бросилась в лес, вскоре за ее спиной раздался взрыв. Она оглянулась. Увидела, как вздыбился паровоз и вагоны один за другим с треском и грохотом покатались под откос... “Началось! – подумала Елена. – Теперь дело пойдет!”

И действительно, с этого дня удача стала сопутствовать партизанской группе Колесовой. Меньше чем за месяц под откос было пущено четыре эшелона, разгромлено шесть полицейских участков, устроено несколько засад на дороге Борисов – Минск, стоивших гитлеровцам сотен солдат и офицеров...»

Такой была она, Елена Колесова, командир девичьей боевой группы в/ч 9903, ставшая вслед за Зоей Космодемьянской Героем Советского Союза. И тоже посмертно.

Погибнет она 10 сентября 1942 года в бою под Выдрицей, когда с прибытием сюда пополнения, возглавляемого подполковником Спрогисом, будет решено объединенными силами нескольких партизанских отрядов разгромить здешний вражеский гарнизон. Елена была впереди, и пуля попала ей в грудь.

«Весть о гибели Елены Колесовой, – вспоминала Нина Шинкаренко. – мгновенно разнеслась по атакующей цепи партизан. С криком “ура” они поднялись в последнюю, страшную и беспощадную атаку. Гарнизон был уничтожен».

* * *

А другую разведывательно-диверсионную группу, целиком укомплектованную девушками, Спрогис по их просьбе доверил возглавить Кате Пожарской. Она была старше всех своих подруг, одновременно с ней 1 ноября прибывших в часть по путевке комсомола (почти 23 года), и уже с первых дней учебы приобрела особый авторитет среди девчат.

К началу войны Екатерина, член ВЛКСМ с 1936 года, работала лаборанткой на кафедре марксизма-ленинизма в Московском институте инженеров транспорта (МИИТ). Сперва она после 22 июня пошла на оборонительные работы, потом в противопожарную команду МПВО. Но, как и многие другие, стремилась к

большему, и этим большим стала для нее в в/ч 9903.

Двенадцать девчат, которых по прибытии на базу в Кунцево разместили в одной большой комнате, составили ту самую группу во главе с Пожарской. Вот они поименно: Зина Бабухина, Катя Елина, Надя Жеглова, Рита Каравай, Шура Королева, Лиза Крылова, Лия Кутакова, Аня Лаптева, Лида Новикова, Соня Пашуканис, Катя Пожарская, Мила Хотовицкая.

Старшей 23 года, младшей – 17. Недавние школьницы и студентки, работницы московских заводов и фабрик, они горели одним желанием – бить врага. Бить, чтобы победить!

Первое задание выполняли в районе Волоколамска. Минирование дорог и нарушение линий связи противника. Справились успешно и без потерь, если не считать, что Мила Хотовицкая обморозила ноги, из-за чего ее пришлось на несколько дней госпитализировать.

Второе задание – под Звенигородом. Аналогичное предыдущему, на сей раз оно выполнялось с гораздо большим трудом. Дело в том, что район этот оказался чрезвычайно плотно насыщен немецкими войсками, делавшими в начале декабря последние яростные попытки продолжить наступление на Москву. И все-таки девчатам удалось в ряде мест оборвать вражескую связь, а главное – раздобыть очень ценные сведения о расположении гитлеровских частей. С этими разведанными группа и вошла 12 декабря в освобожденную Истру.

А вот третье задание для девчат во главе с Пожарской сложилось весьма драматично. Это был уже январь 1942-го. Немцев гнали от Москвы, но надо было создать им максимально невыносимые условия на пути отступления. Чтобы встретить гитлеровцев там, где за подмосковным Можайском начиналась калужская земля, в тыл немцам 16 января направился сводный отряд, возглавляемый Всеволодом Ильиным. В него, наряду с группами Николая Семенова и Самуила Кагана, влилось пополненное девичье отделение Екатерины Пожарской.

Встретившись с местными партизанами у Красного поселка, отряд вместе с ними заминировал несколько дорог и взорвал переход через противотанковый ров возле деревни Иваново. Это серьезно осложнило немецким войскам отход на запад от Вереи под напором Красной Армии. Пришлось отсюда потоку отступающих оккупантов кружным путем влиться в русло частей, идущее из Можайска через деревни Головино, Сосновцы и Дунино.

Именно здесь, на этом участке, бойцы в/ч 9903 и решили совместно с партизанами организовать засаду. По замыслу, предстояло обстрелять и уничтожить идущий немецкий обоз со снаряжением и награбленным добром, чтобы создать пробку на дороге и внести замешательство в ряды идущих следом колонн.

Справа в засаде расположилась группа Кагана, слева – Семенова. Позиция девушек была в центре: в случае окружения их должны были прикрыть группы ребят. Мороз доходил до 30 и более градусов, а они, затаившись, лежали в снегу. Когда же наконец на дороге появились немцы, оказалось, что это не просто обоз: кроме повозок, в колонне двигались танкетки, артиллерия, минометные подразделения.

С ходу неожиданным обстрелом панику среди гитлеровцев удалось создать. Однако очень скоро к ним подтянулось значительное подкрепление, и силы стали еще более неравными. Выступ, в центре которого находилась группа девушек, попал под перекрестный огонь.

Первой была убита Лиза Беневская. Она стреляла из-за двух близко стоявших берез и, падая, повисла между стволами. На руках у Кати Пожарской от ранения в грудь умерла Надя Жеглова, прошептав, что ей нечем дышать. Лиду Новикову от гибели спасла пряжка офицерского ремня: попав в нее и отрикошетив, пуля ранила руку.

В бой вступили партизаны отряда Гаева, и немцы перенесли основной огонь с засады на них. Девушки получили приказ отходить. Прикрывали отход Лия Кутакова и Катя Елина. В это время Лия была ранена пулями в обе ноги. Тут же она вдруг увидела, что Катя без сознания, а из бедра и ноги у нее течет кровь.

Раненая Лия попыталась тащить подругу с собой, но сил не было: она и сама почти теряла сознание. Прочитую об этом драматическом эпизоде интереснейшую книгу ветерана воинской части 9903 Дмитрия Мариновича Дмитриева «Военные партизаны»:

«В этих условиях Лия решает оставить раненую подругу и самой отправиться за помощью. Легла на лыжи, продела руки под ремни креплений и поползла. По найденной лыжне 7 километров она ползла более 12 часов. Она ползла на четвереньках, не замечая ночи, трескучего мороза, волоча винтовку, не помня, отдыхала или нет. Валенки налились кровью, застыли коркой. Прошла ночь и часть дня. Уже к вечеру ее подобрала на окраине Красного поселка партизанские связные – подростки из местных жителей».

Конечно, самое первое, что прошептала выбившаяся из сил Лия, были слова о подруге: «В лесу осталась Катя Елина. Надо скорее найти ее». И сразу же была организована партизанская группа поиска. Рассыпавшись цепью, раз за разом стали прочесывать лес и кустарник в указанном Лией районе.

А дальше предоставляю слово еще одной из ветеранов в/ч 9903 – моей многолетней доброй знакомой Клавдии Васильевне Сукачевой:

«Более суток Катя пролежала в лесу. Партизаны нашли ее, полузанесенную снегом, а в обмороженной руке она сжимала гранату, приняв решение подорвать себя вместе с немцами, если те ее обнаружат. Партизаны положили девушку на санки и повезли в подпольный партизанский госпиталь.

К счастью, вскоре Красная Армия освободила эти места. На самолете Лию и Катю доставили в городской госпиталь, где продолжилась борьба за их жизнь и здоровье. Лию лечили почти пять месяцев. Она перенесла несколько операций и только в мае была выписана. Но, вернувшись в родную часть, при ее физическом состоянии действовать в тылу врага она уже не могла. Однако демобилизоваться категорически отказалась, и ее направили в действующую армию. В ее рядах Лия Петровна Кутакова дошла до Берлина».

У Кати Елиной сложилось гораздо хуже. «Когда ее доставили в госпиталь, – рассказывает Клавдия Васильевна, – врачи старались всячески облегчить ее страдания, считая своим долгом поставить девочку на ноги, ведь было ей в то время всего 19 лет. Но на ноги Катя так и не встала: кроме ранений, сказалось то, что обе ноги были сильно обморожены, началась газовая гангрена, и их пришлось ампутировать».

Сама Екатерина Степановна Елина, рассказывая позднее о наиболее памятных моментах войны, всегда называла и тот день, когда в 1943 году в Московском военном госпитале генерал-майор Алексеев вручил ей орден Красного Знамени: «Я была так счастлива! К тому времени я уже научилась ходить на протезах и готова была плясать. Я защищала свою Москву, и меня не забыли!»

Орденом Красного Знамени была награждена и командир группы Екатерина Пожарская.

Ну а Клавдия Васильевна Сукачева, много лет дружившая с Катей Елиной и познакомившая меня с ней уже в 90-е годы, подготовила незадолго до своей кончины волнующий фотоальбом, посвященный боевым товарищам и подругам по в/ч 9903. И вот как завершила там повествование про подвиг Кати Елиной:

«Не могу удержаться от желания рассказать подробнее о дальнейшей судьбе этой замечательной, мужественной, героической женщины. Освоив протезы, в 1947 году она вернулась на завод “Динамо” в отдел технического контроля, откуда в 1941-м уходила на фронт. Активно включилась в общественную жизнь коллектива. Пять лет работала делегатом социального страхования. Когда в доме не работал лифт,

Катя поднималась на седьмой этаж к людям, которые нуждались в помощи. А когда она приходила домой и снимала протезы, культы ног были окровавлены, и она испытывала мучительную боль. Но Катюша выдержала, выстояла, душой и сердцем не ожесточилась.

У поэта-фронтовика Неверова есть такие строки:

Война нас мяла и давила,
И норовила бить под дых,
И все ж она нас не сломила,
Знать, сил хватило молодых.

У Катюши хватило сил. И в награду за ее мужество, упорную борьбу за жизнь она, жизнь, одарила ее счастьем: к ней пришла любовь! Она встретила Михаила Столярова – родилась счастливая семья. Екатерина окружила супруга вниманием, заботой, создав в доме уют и тепло. Они жили полноценной, интересной жизнью, часто путешествовали, хотя на двоих у них была одна здоровая нога. Но у обоих были умные головы, добрые сердца, нежные души, работающие, умелые руки. Тридцать лет они прожили вместе, любя и радуя друг друга. Сильная, добрая, женственная Катя Елина подарила счастье Михаилу Столярову, которого война так же, как и ее, ударила под дых!»

Благодаря кому живет память о них

Одна за другой проходят перед вами судьбы Зоиных однополчан, для которых, как и для всей воевавшей страны, стала она примером патриотизма, мужества и отваги. Но разве мог бы я охватить столько людей, если бы сбор материала о них начинал, как говорится, с чистого листа? Немыслимо, невозможно. И счастье великое состоит в том, что еще много лет назад, вскоре после окончания войны, обрела воинская часть № 9903 своих следопытов-исследователей и заботливых хранителей памяти.

Неподалеку от столичной станции метро «Автозаводская» есть школа. На первый взгляд, обычная, каких сотни в Москве. Была это средняя школа № 15, теперь гимназия № 1272. А необычной оказалась потому, что среди ее учителей была Ольга Алексеевна Гурычева.

Мне о ней говорили: поисковик по натуре. Наверное, так и есть, иначе не создала бы учительница географии группу из ребят-энтузиастов, которая так и была названа – «Поиск». Важно еще, кому и чему этот свой поиск они посвятили. Ольгу Алексеевну, а вместе с ней и школьников, которых объединила она вокруг себя, увлекли разыскания адресов, имен, событий, связанных с той самой воинской частью, бойцом которой была Зоя Космодемьянская.

Почему об этой части, глубоко засекреченной во время войны, по-прежнему было почти никому ничего неизвестно? Они решили, что так не должно быть. И начали огромную работу, продолжающуюся уже более полувека.

Экспедиция, походы по местам действий разведывательно-диверсионных групп. Запись воспоминаний местных жителей и ветеранов части. Поиск могил, где похоронены зачастую безымянные герои, а потом возвращение им утраченных имен. Восстановление, казалось, из небытия подробностей множества биографий и боевых операций, которые необходимы для нашей истории...

Постепенно в этой школе, ставшей центром притяжения для всех живущих бойцов в/ч 9903 и потомков многих погибших, собрался колоссальный документальный материал. На его основе открыли музей. Каждый год перед Днем Победы и 5 декабря, в день начала советского контрнаступления под Москвой, ветераны встречались здесь, как в родном своем доме.

Встречаются и теперь, хотя осталось их совсем немного. Решено: традицию будут продолжать дети и внуки. Но самое главное – удалось сохранить и музей, и поистине бесценный архив, собранный поколениями поисковиков.

Я помню, в начале 90-х годов прошлого века, под натиском новых, «демократических» требований, «за ненадобностью» разорялись сотни, тысячи школьных музеев боевой славы, а все, что было собрано усилиями ребят и учителей за долгое время, бесцеремонно выбрасывалось на помойку. Молодцы руководители этой школы! Молодцы Ольга Алексеевна Гурычева и ее ученица, преемница Арина Васильевна Нестерова! Не поддались всяческому разрушительным нажимам и устояли.

А ведь теперь даже страшно подумать, чего мы лишились бы, если бы исчез собранный в школе уникальный материал по истории Зоинной части – воинской части особого назначения № 9903. Вот я упомянул некоторые книги о ней, вышедшие за последнее время: «Военные партизаны» Дмитрия Дмитриева (2006 г.), «Диверсанты Западного фронта» Вячеслава Боярского (2007 г.), «Часть особого назначения» Георгия и Ирины Фроловых (2009 г.), фотоальбом Клавдии Сукачевой (2011–2013 гг.). И все эти авторы во время своей работы по максимуму, что называется, обращались к документам группы «Поиск», бережно хранящимся в московской гимназии № 1272. Все они высказали искреннюю благодарность Ольге Алексеевне Гурычевой и ее соратникам-следопытам за неизмеримый

подвижнический труд, результатами которого будут пользоваться и грядущие исследователи Великой Отечественной.

* * *

Радует, конечно, что успели появиться издания, соединившие личные воспоминания ветеранов в/ч 9903 и документальные свидетельства, собранные группой «Поиск» – особенно о тех, кого давным-давно нет в живых и кто сам о себе не успел рассказать и уже никогда не расскажет.

Выделяется в этом смысле книга Дмитрия Мариновича Дмитриева. Он ушел из жизни вскоре после ее выхода – оставил как завещание и как памятник своим боевым друзьям. Объемный труд, почти полтысячи страниц! Очень скрупулезный, стремящийся к предельной точности, выверяющий по разным источникам то или иное события. И вместе с тем, где возможно, опирающийся на личные воспоминания.

Дмитрий Маринович 1924 года рождения. По заданиям в/ч 9903 пробыл в тылу врага в общей сложности более 26 месяцев. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красного Знамени. После войны заочно окончил командный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе и инженерный факультет Военной академии химической защиты. Кандидат исторических наук, доцент. Уволился из рядов Советской Армии в 1984 году в звании полковника и ряд лет был председателем Совета ветеранов в/ч 9903.

Книге своей «Военные партизаны» он дал подзаголовок: «Летопись партизанских действий части особого назначения 9903». И, следуя жанру исторической летописи, избегает чрезмерных эмоций, предпочитает, чтобы больше говорили факты и цифры. Даже о себе рассказывает в третьем лице: «минер Д. М. Дмитриев», «подрывник» и т. п. Но ведь если при этом оживает в душе пережитое, такой рассказ дает нам возможность остро представить и прочувствовать состояние бойца в опаснейшей ситуации. Например, когда надо, чтобы сошел с пути вражеский поезд.

Приведу фрагмент как раз на эту тему:

«В начале третьей декады февраля 1943 г. за Днепр был предпринят еще один рейд. На этот раз на более значительную глубину – под Буда-Кошелево Гомельской области (около 160 км от лагеря). Офицеры собирали информацию, опрашивая население и беседуя со встречавшимися партизанами. Через них же была установлена связь с дежурным по станции Буда-Кошелево, который дал ценную информацию по железнодорожным перевозкам, организации службы пути, а также сообщил расписание пассажирского движения. В частности, стало известно, что в 9 часов вечера через станцию проходит пассажирский поезд из Гомеля на Жлобин. Он-то и заинтересовал десантников.

На другой день, 6 марта 1943 г., вечером, группа десантников в составе девяти человек во главе с И. М. Соколовым выехала на санях под Буда-Кошелево. От временной стоянки до намеченного места диверсии было около десяти километров. Но время движения рассчитали неверно. Не доезжая 400–500 метров до дороги, услышали далекий шум поезда. Справа, в одном километре, просматривались контуры поселка и станции. Не беспокоясь о скрытности, десантники погнали лошадей галопом. Минер загнал патрон в патронник пистолета и сунул его за пазуху, забросил автомат за спину и готовил мину. Остановились за одиноким сараем в двухстах метрах от железнодорожного полотна. Соскочив с саней, десантники бросились к полотну, развертываясь в цепь. Этот порядок был оговорен заранее: двое остаются с лошадьми, а семеро идут к “железке”. В середине цепи бежал минер с миной и двое подносчиков заряда, справа и слева, в 25–30 метрах, по одному автоматчику прикрытия. Командир с одним бойцом бежал чуть сзади, за минером. Ни о какой непосредственной разведке думать было некогда: наскочим на пост или патруль – отходим, не будет охраны – минирuem без выбора места.

Вот и рельсы. Ни охраны, ни патрулей. Минер Д. М. Дмитриев с подносчиками выбежали на полотно, остальные залегли в 15–20 метрах от него по сторонам или сзади минера. Подносчики бросили рядом с минером заряды – две упаковки по шесть килограммов – и отошли к товарищам вправо и влево. Слева показался силуэт паровоза. Теперь все в руках минера: минировать, отходить или рвать мину вместе с собою, не успев ее установить. В такой ситуации прикрытие отходит. И оно отошло. На пути остались двое соперников: минер и паровоз.

Установить мину нужно было между шпал. В данном случае дело усложнялось тем, что уровень мелкой щебенки между шпалами был низок, ее как бы выдуло. Установленная на этот щебень мина не получила бы нажима ребром колеса. Попытка сгрести в кучку смерзшиеся камешки могла улучшить положение. А паровоз все ближе и ближе, вздрагивают рельсы, или это кажется... А время шло. Собрать щебень было уже некогда. Подрывник выдернул из-за плечевого ремня рукавицу и подложил ее под мину – мало, еще одну рукавицу. Вроде бы нормально. Да, нормально. Теперь уложить впритык дополнительные заряды... Все. А паровоз – вот он...

Подрывник успел отбежать метров на 15, когда раздался взрыв, и тут же вокруг свист и шум осколков. Взрывная волна от тринадцатикилограммового заряда довольно жестко толкнула десантника, словно громадным резиновым мячиком, приподняла и швырнула на неровную вспаханную землю. Автомат, находящийся за спиной, больно ударил через шапку по голове. Одновременно боец почувствовал сильный удар в локтевую часть и кисть левой руки. Руку буквально швырнуло вперед.

Сколько десантник пролежал – трудно вспомнить. Но, видимо, недолго, минуты две-три. Первое, о чем он подумал, когда пришел в себя: цела ли рука, не оторвало ли ее? Правой рукой оцупал левую. Цела, но кисть не чувствует прикосновения. Следующая мысль: что за шум? Почему так долго летят осколки? Да нет, это пар шумит, выходя из паровоза. А рядом вагон, товарный (он был первым за паровозом). Вспыхнула и погасла ракета. Почему-то зеленая. Надо уходить. И побрел в открытую, не оборачиваясь. Тошнило. За сараем стояли одни сани, ждали. На двух санях уже уехали. Подрывник ткнулся в сено, подостланное в сани, и опять забылся...

В результате подрыва перевернулись паровоз и восемь пассажирских вагонов. А подрывник в течение трех недель носил руку на перевязи. Но ушиб прошел без серьезных последствий, так как ранения не было. О прошлом напоминает небольшая контрактура кисти».

При всей сдержанности этого повествования, кажется, мне еще не доводилось читать столь пронизывающего описания действий десантника-подрывника, выполняющего боевое задание на железнодорожном пути. А в книге Д. М. Дмитриева схожих по силе впечатления страниц немало. То есть он воссоздает и летопись родной части в обширном объеме, и личные чувства все-таки в нее привносит.

* * *

Личные чувства трепещут и бьются на страницах фотоальбома, подготовленного в конце жизни Клавдией Васильевной Сукачевой. Она постаралась собрать как можно больше фотографий боевых друзей и воспроизвести их со своим сопроводительным текстом. Эпиграф из Давида Самойлова:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Действительно, какие молодые, какие прекрасные, вдохновенные лица ребят и девчат! А Клавдия Васильевна пишет (год 2011-й): «Нас, участников этих величайших событий, осталось очень мало, да и

возраст-то у нас уже критический: кому за 80, а кому и за 90 лет. Поэтому, уходя из жизни, мы должны рассказать правду о войне, о величайшем патриотизме, о героизме своих боевых друзей...

Семьдесят лет прошло с тех пор.

В жизнь вошло поколение, которое воспринимает годы Великой Отечественной войны из бурным потоком льющейся современной информации, а она, к сожалению, бывает абсолютно недостоверна. С развалом Советского Союза появились новые историки, точнее – лжеисторики, которые ужасающе искажают историю Великой Отечественной войны. С лютой ненавистью пишут и говорят они о годах Советской власти, поливая грязью руководителей Советского государства, Коммунистическую партию, наших героев войны и труда...»

Вот что более всего ее терзало, как и многих других ветеранов! Вспомните мой рассказ в одной из предыдущих глав о нашей совместном с Клавдией Васильевной пребывании на Первом канале телевидения в 2009-м, когда в малаховском цикле «Пусть говорят» снималась передача под названием «Страна героев». Невыносимо было участвовать в этом, особенно потому, что говорить нам с ней фактически не дали. И Клавдия Васильевна через «Правду» ответила тогда на извращение военной истории своей статьей «С гневом и пристрастием», которую в этой книге вы могли прочесть.

Но ей хотелось еще и еще предъявлять всем реальные свидетельства героизма комсомольцев-добровольцев. Отсюда идея ее завещательного фотоальбома, за который взялась уже тяжело больная, совсем незадолго до ухода из жизни. Потому что в душе неизменно жило это:

И шагнула молодость в огонь.
В час, когда гремели грозно пушки,
Парни со студенческой скамьи,
Школьницы, девчонки-хохотушки,
Отложив мечтанья о любви,
Слов прощальных не сказав и маме,
По полям заснеженным ползли
В тыл врага морозными ночами.

Для нее это была не просто «возвышенная поэзия», «красивая литература», а самая что ни на есть подлинная, собственная жизнь. Потому на одной из первых страниц альбома о товарищах и подругах той поры от себя имела право поставить вопрос и ответить на него:

«Что такое боевой рейд в тыл врага для бойца разведывательно-диверсионной части?

Это тяжелое физическое испытание и моральное напряжение.

Это холод, насквозь промокшая и оледеневшая одежда, невозможность переодеться и переобуться.

Это скудное питание.

Это постоянная угроза смерти, жестоких пыток, страшного увечья.

И комсомольцы шли на это добровольно, во имя жизни, во имя торжества Добра над Злом, во имя Свободы своего народа!»

Она не была писателем, публицистом, ей было уже 90, но долг перед погибшими товарищами и перед новыми поколениями молодых заставлял ее браться за перо, словом и собранными в альбоме фотографиями восстанавливать память для тех, кто это забыл или вообще не знал. И она сообщала:

«15 октября 1941 года первая группа комсомольцев-добровольцев, прошедших через комиссию ЦК ВЛКСМ, прибыла на базу воинской части 9903, которая располагалась на станции Жаворонки. В числе прибывших были сорок москвичей, тридцать шесть ярославцев, шестнадцать латышей...

Фашистские войска были на подступах к Москве, и командование после соответствующей кратковременной учебы стало комплектовать разведывательно-диверсионные группы. Уже 20 октября несколько групп было переброшено в тыл врага.

Переходить линию фронта приходилось под минометным и пулеметным огнем, по минным полям. А возвращаться и того труднее, часто уже обнаруженными фашистами.

Жертвы были неизбежны.

В тылу врага в районах Подмосковья при выполнении заданий погибли 431 человек, из них 348 пропали без вести. (Большое количество пропавших без вести объясняется тем, что мы уходили в тыл врага без документов и медальонов).

Наша однополчанка Антонина Могилевская-Горькова в своем стихотворении, посвященном матери Сони Пашуканис, которая получила извещение, что ее дочь пропала без вести, написала так:

Неизбывна матери боль,
И не властно время над ней.
Перед ними мы в вечном долгу
За «без вести» пропавших детей.
Не без вести пропали они,
А страну заслонили собой,
Даже имя свое не назвав,
С ходу бросились в смертный бой.
Сколько их, патриотов страны,
Грудью вставших ее защищать,
Жизни отдали под Москвой,
Чтоб не смог ее враг топтать.

Война родила сотни тысяч героев.

Имена многих из них узнал весь мир, имена других известны только узкому кругу людей или вообще остаются пока неизвестными.

Хочется верить, что поколение XXI века воскресит имена неизвестных героев.

Не должно быть без вести пропавших!»

Так написала ветеран воинской части 9903 коммунист Клавдия Васильевна Сукачева. Выше эта тема – пропавших без вести – в книге уже прозвучала, и надо еще раз отметить, что сами они, ветераны, вместе с Ольгой Алексеевной Гурычевой и ребятами замечательной школьной группы «Поиск» очень многое сделали, чтобы число бесследно пропавших сократилось и неизвестные герои стали известными.

Вот и альбом, подготовленный Клавдией Васильевной, свидетельствует об этом. Она составила его из трех разделов – по адресам основных действий бойцов в/ч 9903 во вражеском тылу: Подмосковье, Брянская и Смоленская области, территория Белоруссии. Наверное, серию таких альбомов намеревалась она продолжить, отразив в них и другие адреса, но смерть в феврале 2014 года прервала ее работу.

Однако вновь и вновь обращаясь к подаренному ею заветному труду, листая такие волнующие страницы фотографий и текста, я каждый раз убеждаюсь, сколько сил и души в этот труд вложено, сколько героических имен и судеб здесь запечатлено.

Кое-что отсюда о комсомольцах-добровольцах в Подмосковье я уже приводил. Хочется добавить о них хоть немного и в связи с действиями на Брянщине, Смоленщине, в Белоруссии. Слово Клавдии Васильевне Сукачевой:

«Антонина Могилевская-Горькова, наша поэтесса, в одном из своих стихотворений пишет:

Лес брянский, ночь черным-черна,
Кусты нас за ноги хватают.
Наш путь без края и конца,
Кишки пустые “марш играют”.
Не чуешь рук, немеют ноги,
Мешок прилип к твоей спине...
Да, были тяжелы дороги
На проклятущей той войне.
Но рядом Муськино плечо,
А впереди шагает Клава.
А Аня шепчет горячо:
“Держись, недолго до привала,
Конины сварим, и Наташка
Тебе уделит мосолок
И поровну на всех разделит
Ржаной заветный сухарек”.
Единый жар сердец горячих
Нас грел, а песня единила.
И отступала прочь усталость,
И тело наливалось силой.

Муська – это Мария Гусева, Клава – Клавдия Акифьева, Аня – Анна Юрова, Наташка – Наталья Кузнецова.

Девиз комсомольцев-добровольцев воинской части 9903:

Лучше смерть на поле,
Чем позор в неволе.
Лучше злая пуля,
Чем раба клеймо.

И, попадая в безвыходное положение, они проявляли чудеса храбрости, стойкости, самопожертвования, героизма.

Комсомольцы Виктор Черняев и Сергей Жижикин при выполнении боевого задания были обнаружены и окружены немцами. Ребята приняли решение вступить с фашистами в бой. Они захватили здание станции и вели по немцам прицельный огонь. Тогда немцы подожгли здание, но ребята не покинули его и в огненном кольце продолжали обороняться. Около часа длился бой двух комсомольцев со 150-ю фашистами. Виктор Черняев и Сергей Жижикин погибли, но в последний час своей жизни они уничтожили около 40 врагов.

А другая группа наткнулась на засаду немцев. Пришлось принять бой и отходить к лесу. В бою погибли Лида Новикова, Соня Пашуканис, Таня Орлова. Тяжелораненый Николай Орлов прикрывал отход группы бойцов. Когда фашистские солдаты вплотную подошли к нему, Коля взорвал гранату. Так героически погиб Николай Орлов, взорвав вместе собой несколько фашистских солдат. А было Коле всего 16 лет. Боевые друзья нежно называли его Орленком.

В июле 1942 года Антонина Штырова в составе группы партизан была направлена на подрыв железнодорожного полотна. Тоня приступила к минированию на отведенном ей участке. Но что-то у нее не получалось, а железнодорожный состав был уже виден... Тоня продолжала работать. Когда мина была установлена, железнодорожный состав был всего в нескольких метрах от Тони. Взрыв был такой силы, что

он разорвал вагоны, разорвал и нашу Тонечку.

В это же время, в июле 1942-го, группа подрывников получила задание – заминировать железнодорожное полотно в районе станции Сельцо. Несколько попыток не имели успеха – кругом патрули и подойти к полотну было невозможно. Когда на рассвете показался поезд, комсомолец Анатолий Коршунов с зарядом взрывчатки на виду немецкого патруля бросился под колеса паровоза. Раздался сильный взрыв. Так Анатолий, пожертвовав своей жизнью, не пропустил к фронту воинский эшелон с фашистскими солдатами и боеприпасами.

А какие мучения, какие страдания переживали тяжелораненные в тылу врага! Рядом нет ни врачей, ни медикаментов. Возвращаясь на базу партизанского отряда после выполнения задания 13 октября 1942 года, Василий Бирюков попал на немецкую мину, и ему раздробило ногу. Боевые друзья на руках донесли его до базы. Медицинская сестра обработала его страшно раненную ногу. Но через несколько дней началась газовая гангрена, срочно нужна была операция. А хирурга нет. Медицинского инструмента, необходимого для операции, нет. Человек погибает. Тогда сделать операцию решился местный фельдшер. Пилу, которой пилили дрова, прокипятили в бочке, затем обработали ее спиртом. Василию дали выпить стакан водки. И приступили к операции. Два здоровых, сильных парня держали Васю за плечи, чтобы он не шевелился. Два других партизана прижимали к столу его здоровую ногу. Василий испытывал мучительные боли, искусал губы, но выдержал «муки ада». Операция закончилась благополучно. Жизнь Василия Бирюкова была спасена».

Да, что ни страница в этом труде, то герой или сразу несколько! А когда Клавдия Васильевна переходит к действиям в Белоруссии, куда за три года фашистской оккупации были десантированы 22 боевые группы в/ч 9903, наглядно видишь, как вступали они в эпопею повсеместной партизанской войны и какой существенный вклад в нее вносили.

Вспомните славу Героя Советского Союза Елены Колесовой и ее подруг. Но ведь и одновременно с ними, и позднее в разных районах на белорусской земле вершили свой подвиг сотни отважных посланцев этой особой воинской части.

Итак, две страницы их героической борьбы в изложении Клавдии Васильевны Сукачевой.

* * *

«В конце сентября 1942 года Аня Анисимова окончила разведшколу и готовилась к отправке на задание в тыл врага.

Характеристика на красноармейца А. Анисимову:

«За время пребывания в разведшколе хорошо овладела навыками конспиративной и подпольной работы, дисциплинирована, сообразительна, хорошо развито чувство интуиции, здорова, вынослива. В быту скромна, правдива и честна. Ведет себя естественно.

Работать на оккупированной территории радистом может».

Вот строки из дневника Ани: «Каким должен быть разведчик? Находчивым, смелым, не теряться в трудные минуты».

Аня стремилась изучить материальную часть рации так, чтобы любую неисправность могла найти и устранить.

Ей присвоили имя «Ванда», а позывной – «Ласточка».

Аня-Ванда хорошо знала немецкий язык, и это помогло ей в Могилеве быстро устроиться на работу в

Управление железной дороги.

Обосновалась она в доме Степана Фурсова, который имел связь с командиром разведывательно-диверсионной группы в/ч 9903 И. Г. Наумовичем. Хозяйка дома сказала соседям, что к ним приехала ее племянница. Соседи видели, как каждое утро эта тихая девушка спешит на работу, после работы копается в огороде. Но такой она была для окружающих людей. А на самом деле жизнь Ани была боевой, тревожной, опасной, в постоянном психологическом напряжении. Хозяин дома Фурсов дал ей список связных, с которыми она стала ежедневно встречаться, получать от них важные разведанные и передавать их командованию. Ее донесения шли одно за другим.

«Вчера, 15 октября, из Могилева отправился эшелон немецких танков – 26 платформ, 20 «тигров» и три самоходки. Ласточка».

«Сегодня, 21 октября, в направлении Минска тремя эшелонами ушел пехотный полк. Ласточка». И так каждый день, точнее – каждую ночь.

Были предприняты все меры предосторожности. Антенну растянули в сарае, замазали глиной, забили досками. В комнате куски провода на стене заклеили газетами. Прибили полочку, на которую сложили посуду. В глиняном полу выдолбили яму. «Закончишь передачу – ящики с рацией закладывай сюда и замазывай глиной. Затем пройдишь горячим утюгом, и пол быстро высохнет», – напутствовал ее командир группы Наумович.

Но, несмотря на все предпринятые меры предосторожности, начались аресты связных. В соседнем доме появились нездешние люди. Степана Фурсова это встревожило, и Ванда перебралась в другую часть города, в дом Полины Комаровской. Рацию перенесла сама, в свертке с бельем. Каким мужеством, бесстрашием обладала эта девочка! В доме Комаровской рация хранилась на чердаке. Отсюда же велась передача, здесь же Аня-Ванда шифровала и расшифровывала радиogramмы.

При выполнении очередного задания командования 13 сентября 1944 года «Ласточка» – московская комсомолка Аня Анисимова – погибла.

Жизнь ее была короткая, но яркая, светлая!

* * *

3 февраля 1944 года командованием была начата операция «Иволга».

Героями этой операции стали Раиса Владимировна Минаева, имевшая уже большой опыт работы в разведке, и Галина Степанишина, которая до этого почти год работала в тылу врага на Смоленщине радисткой-разведчицей.

Операция готовилась тщательно. В поселке Колодищи была найдена семья, согласившаяся принять в своем доме наших разведчиц с радиостанцией. Это семья Борщевских. Глава семьи – Надежда Феликсовна, с которой жили две дочери – Люба и Ира с сыном. Старший сын Николай жил своей семьей и был старостой поселка, занимая эту должность по поручению партизан. Средний сын Михаил воевал в партизанском отряде.

Командир воинской части 9903 Артур Спрогис лично давал нам напутствие и проверял готовность каждой группы, уходящей в тыл врага. И неоднократно повторял: «Кто ищет громкой славы, особых наград и боится рисковать, тот не должен служить в разведке, так как это удел смелых и бесстрашных».

По легенде, Раиса Владимировна и Галина Степанишина – мать и дочь, родственники отца Борщевских, преданные немецкому режиму люди, вместе с немцами отступающие от Смоленска.

Встреча «родственников» была разыграна артистично. Хозяйка дома Надежда Феликсовна так естественно охала, сокрушалась о том, что они пережили, похудели, изменились, вспоминала каких-то общих знакомых, спрашивала о ком-то и старалась скорее увести «родственников» от любопытных глаз соседей.

Дом Борщевских стал поистине родным домом для Раисы Владимировны и Галины, а все члены этой замечательной семьи – их основными помощниками.

Мария, старшая дочь Надежды Феликсовны, работала на пункте приема молока от населения и ежедневно давала нужную информацию. Через руки Иры, которая работала у начальника станции Колодищи, проходила вся документация, и она тоже приносила очень важные сведения. Галина и Люба устроились на работу в штаб полка охранной дивизии. Они много видели и слышали, что давало полезную разведке информацию. Короче, информация потекла непрерывным потоком. Раиса Владимировна обобщала ее и готовила к передаче.

Условия радиосвязи были очень тяжелые. Под печью была вырыта яма. Здесь установили сундук, в котором хранились рация и питание к ней. Готовя рацию к работе, Галина отгребала верхний слой земли, открывала сундук и, подключив антенны, начинала связь, согнувшись в три погибели в своем тесном «кабинете». Просиживала таким образом иногда по четыре-пять часов, чтобы передать одну радиограмму.

Бывало, когда Галина после работы сидела под печкой и передавала очередную радиограмму, у дома собирались немцы. Тогда Люба и Ира организовывали танцы, включив на полную мощь патефон, а Надежда Феликсовна суетилась у печки, гремя посудой, чтобы заглушить писк морзянки. Закончив передачу, Галина переодевалась и влетала в круг танцующих, веселая, беззаботная.

Командование было довольно работой «мамы и дочери» и не раз благодарило их за важные разведданные.

В селе Колодищи было относительно спокойно. И вдруг пронеслась страшная весть – арестовали связного одного из партизанских отрядов. Вскоре арестовали Любу и Иру. Центр приказал Раисе Владимировне и Галине уйти к партизанам, оставив на месте рацию. Но Галина решила, уходя из поселка, рацию забрать с собой. В опасный путь собирала Галину Надежда Феликсовна. Она положила рацию в большую сумку, накрыла ее пестрой тряпкой и сверху положила бутылку молока для маскировки. И Галина отправилась в путь.

Она шла по улицам поселка, а навстречу ей громыхали танки, машины, шли солдаты. Но Галина была смелой, отважной девушкой. Даже когда ей грозила смертельная опасность, она шла с гордо поднятой головой, с веселой, обольстительной улыбкой. Галина спокойно прошла почти весь поселок. Осталась еще одна улица, на краю которой стояла школа, и поселок заканчивается, дальше – пост. Галина невольно замедлила шаг. «Только бы не проверили сумку», – в тревоге думает она.

И вдруг на крыльцо школы выходит знакомый немецкий офицер из местного гарнизона. Увидев Галину, он заулыбался и пошел ей навстречу. Галина опускает свою тяжелую ношу на землю. «Сегодня день рождения фюрера, в гарнизоне будут танцы. Я приглашаю вас!», – говорит он Галине. Поднимает с земли ее сумку и несет, идя рядом с Галиной. Солдаты на посту берут под козырек, приветствуя офицера, а Галина небрежно кивает им головой. Дойдя до первых кустов, офицер прощается с Галиной. «Пронесло!» – думает она.

Но впереди еще одна деревня. И опять повезло: немцев здесь не было, а за деревней начинался лес, где Галю ждали ее «мамочка», которая выходила из поселка на день раньше, и партизаны. Про таких «везучих», как Галина, говорят: «В рубашке родилась».

После войны Галина вышла замуж и стала Галиной Романовной Старовойтовой. Закончила

педагогический институт, некоторое время работала в школе преподавателем русского языка. И затем много лет – в Московском городском институте усовершенствования учителей. Активно участвовала в военно-патриотическом воспитании молодежи. Часто встречалась со школьниками и студентами. В 2004 году Галина Романовна, не справившись с тяжелым заболеванием, ушла из жизни.

*** * ***

Длительные и успешные действия десантников воинской части 9903 на оккупированной территории были возможны благодаря не только их мужеству, находчивости, бесстрашию, но и огромному патриотизму белорусов, которые, несмотря на репрессии, постоянно помогали десантникам.

Ольга Николаевна Живописцева возглавляла группу подпольщиков, а ее дочь Аза была активной разведчицей, поставляя полезную информацию радистке группы Наумовича Анне Анисимовой. Ольга Николаевна была расстреляна вместе с младшей, десятилетней дочерью. А вот Аза чудом осталась жива и продолжала активно действовать.

Две дочери Надежды Феликсовны Борщевской, в доме которой жила и работала Галина Степанишина, Люба и Ира, были расстреляны.

Вся семья Данилкович – родители и трое их детей – активно работали по заданию командира соединения десантников Г. М. Линькова, а в сентябре 1943 года пришли в его соединение.

Можно привести еще несколько тысяч имен белорусских патриотов, не щадя своей жизни боровшихся с фашистскими оккупантами. О них надо писать документальные повести, слагать поэмы и стихи, чтобы память о них никогда не умирала».

*** * ***

Конечно же, я понимал: в этом разделе книги, посвященном воинской части 9903, обязательно должны быть основные данные об Артуре Карловиче Спрогисе – легендарном ее командире. И для этого решил еще раз предоставить слово Клавдии Васильевне Сукачевой, перечитав ее заметку из «Правды» за 7—10 ноября 2008 года.

Артур Спрогис не боялся рисковать

Когда в преддверии 90-летия Ленинского комсомола я думала, о ком обязательно надо бы рассказать сегодня новым поколениям молодых, первым возникло имя Артура Спрогиса. Вот я вспоминала его, и тут же – мысль: а ведь нынче имя это почти никому ни о чем не говорит. Попросту неизвестно. А разве справедливо забывать о таких героях?

Родился Артур Спрогис 26 марта 1904 года на хуторе под Ригой в семье латышского крестьянина. В 1918 году в возрасте 14 лет он уже был разведчиком революционного партизанского отряда в деревне Дикли. В апреле 1918-го несколько красных латышских стрелков влились в Пскове в состав только что созданной регулярной Красной Армии. В составе 7-го Латышского полка был 14-летний стрелок-пулеметчик Артур Спрогис. Однополчане ласково называли его Гаврошем Гражданской войны.

Вскоре Советское правительство отозвало с фронтов некоторые наиболее стойкие полки красных латышских стрелков для охраны Кремля и важных правительственных учреждений. Среди них был и он, Артур Спрогис. В это время Артур становится курсантом Первой Московской революционной школы, часто стоит часовым на посту № 27 у квартиры Владимира Ильича Ленина.

8 марта 1919 года секретарь Замоскворецкого райкома РКСМ города Москвы вручил Артуру комсомольский билет за № 1830. А год спустя, в 1920 году, Кремлевская партийная организация приняла Артура Спрогиса в ряды РКП(б). И было ему в то время всего 16 лет.

Учась в пулеметной школе, Артур понимал, что учеба будет недолгой. Всюду – на юге страны, в Сибири, Поволжье, на Дальнем Востоке – полыхала Гражданская война. Со всех сторон на молодую республику Советов устремились полчища интервентов. Партия посылала в помощь Красной Армии отряды коммунистов-добровольцев. И вот в эту тяжкую для России пору Артур Спрогис отправляется на фронт. Назначение он получил в особый отдел Юго-Западного фронта при сводном отряде, действовавшем против банд Махно и Булак-Балаховича, против белогвардейских захватчиков.

А после Гражданской войны его ждет напряженная чекистская работа в органах ОГПУ. Артур принимает участие в сложной операции по выманиванию из-за рубежа Бориса Савинкова – лидера эмигрантского антисоветского подполья. Участвует в организации охраны белорусской границы. Неугомонный характер и желание принять личное участие в военно-патриотических начинаниях комсомола привели его в Витебскую парашютную школу. Он настойчиво изучает материальную часть самолета, прыгает с парашютной вышки и с крыла самолета, а затем – прыжки на точность и быстроту приземления в заданной точке. Через два года у пограничника Спрогиса их было более ста.

Летом 1936 года недавний выпускник Высшей пограничной школы, сотрудник Особого отряда 20-й Отдельной авиабригады УГБ НКВД БССР впервые за много лет тревожной службы получил отпуск и вместе с матерью и сестрой отправился к Черному морю. Но по прибытии в санаторий ему тут же вручили телеграмму: «Срочно вернуться в Москву». В столице ему предложили отправиться в Испанию военным советником и вместе с республиканцами сражаться против мятежников генерала Франко. Спрогис дает согласие.

Прибыв в Мадрид и встретившись с командиром корпуса Яном Карловичем Берзиным (в Испании его знали как генерала Гришина), Спрогис получил назначение в диверсионно-подрывной отряд, действовавший в тылу врага. Командир отряда – испанец из рабочих-шахтеров. Командовать и учить разведке не искушенных в этом искусстве бойцов практически предстояло Спрогису. И он (в Испании его звали комрад Артур) срочно приступил к формированию разведывательно-диверсионного отряда из местных патриотов-антифашистов.

Отчаянная смелость комрада Артура вошла в легенды. Попытки вражеской агентуры выследить и уничтожить его партизанский отряд всякий раз срывались – он был неуловим.

Вернувшись в Москву, Артур Карлович стал слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе. Здесь его застал черный день – 22 июня 1941 года. В Генеральном штабе он получил новое назначение: «Предъявитель сего майор тов. Артур Карлович Спрогис является особоуполномоченным представителем Военного совета Западного фронта. Предлагаю командирам частей и соединений Западного фронта оказывать всемерное содействие в его работе, а также обеспечить людским составом, вооружением и другими видами снабжения, необходимыми для выполнения возложенных на него особых поручений. Указания майора А. К. Спрогиса для командиров частей и соединений, связанных с исполнением спецзаданий, являются обязательными. Майору Спрогису и другим лицам по его указанию разрешается переход фронта в любое время. Начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин».

Вскоре была создана воинская часть 9903, которая вошла в историю как особая разведывательно-диверсионная. Командиром ее стал Артур Карлович Спрогис. Он сумел в кратчайшие сроки подготовить часть к активным действиям в тылу противника. Было принято решение увеличить численность личного состава за счет массового набора комсомольцев-добровольцев через ЦК ВЛКСМ.

Наплыв добровольцев превзошел все ожидания. Через комиссию по их отбору прошло более трех тысяч комсомольцев. После индивидуальной беседы с каждым в часть зачислили две тысячи человек. В основном это были мальчишки и девчонки шестнадцати – девятнадцати лет. Они прибыли в воинскую часть 9903 в самые опасные и трудные дни для Москвы, когда столица строила баррикады и готовилась к уличным боям. Переходить линию фронта боевым группам в/ч 9903 приходилось под минометным и пулеметным огнем, ползти по заминированным полям. Но прибывшие в воинскую часть комсомольцы-добровольцы готовы были выполнить любое задание.

Спрогис лично давал нам напутствие и проверял готовность каждой группы, уходящей в тыл врага. Он неоднократно повторял: «Кто ищет громкой славы, особых наград и боится рисковать, тот не должен служить в разведке, так как это удел смелых, бесстрашных».

После разгрома фашистских войск под Москвой воинская часть 9903 приступила к подготовке групп действия в глубоком тылу противника на Брянщине, в Белоруссии, Латвии, Польше, Восточной Пруссии. Летом 1942 года Артур Спрогис получил новое задание: он назначается начальником оперативной группы, действующей в тылу врага.

С присущей Артуру Карловичу настойчивостью и целеустремленностью он стал готовиться к рейду в леса Белоруссии. Несмотря на забрасываемые в глубь лесов подразделения карательной военно-полевой жандармерии и полицейские облавы в деревнях, штабу Спрогиса удалось собрать на совещание командиров ближайших партизанских отрядов. Обсуждался план совместных действий. К августу 1942 года партизанское движение в Белоруссии уже набирало большую силу. Отряды объединялись в бригады и крупные соединения. Артур Карлович принимал непосредственное участие во многих боевых операциях, а наиболее важные и опасные возглавлял лично.

В одной из таких операций А. К. Спрогис был тяжело ранен и самолетом доставлен в Москву, в госпиталь. Но, едва встав на ноги, возвращается в строй. Теперь полковник Спрогис назначен начальником штаба партизанского движения Латвийской ССР. Организует подпольные группы, готовит кадры для развертывания партизанской борьбы на всей территории республики. В апреле – мае 1944 года в лесах Латвии сражались уже три полнокровные партизанские бригады и отдельные отряды с личным составом до 10 тысяч человек!

После окончания Великой Отечественной войны Артур Карлович много лет был на ответственной

военной, партийной, государственной работе. Заведовал военным отделом ЦК Компартии Латвии, был заместителем постпреда Латвийской ССР в Москве. А когда ушел на пенсию, проводил огромную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

В октябре 1980 года перестало биться сердце Артура Спрогиса. Воспитанник комсомола, он стал кавалером 25 государственных наград, в том числе двух орденов Ленина, четырех – Красного Знамени, ордена Отечественной войны.

Мы, бывшие бойцы в/ч 9903, однополчане Зои Космодемьянской, Веры Волошиной и других прославленных героев, с гордостью называем себя спрогисовцами.

Она была рядом с Зоей

Клавдия Александровна Милорадова живет с дочерью в небольшой квартире возле метро «Сокол». А еще вместе с ней живет память.

Клавдия Александровна – одна из немногих сегодня, кто помнит живую Зою Космодемьянскую. Да не просто помнит! Она имеет полное право, как мало кто другой, называть себя боевой подругой Зои.

– Где познакомились? В МК комсомола, в Колпачном переулке. Потом вместе ехали на грузовике, который вез нас от кинотеатра «Колизей», где собиралась наша часть, под Кунцево – там была учебная база...

Октябрь 1941-го. Враг у стен Москвы. Часть, в которую зачислены комсомолки Зоя и Клава, – легендарная разведывательно-диверсионная № 9903 под командованием майора Артура Карловича Спрогиса. Создавал ее московский комсомол. Если называть лично, то руководил этим Александр Шелепин, секретарь МК ВЛКСМ по военной работе. Для Клавдии Александровны он остался Сашей.

Задача – работа на переднем крае в тылу врага. Кто-то из обстрелянных уже фронтовиков, увидев этих мальчиков и девочек со школьной, студенческой скамьи, назвал их смертниками.

– Вы понимали, какая опасность вас ждет?

– Конечно.

– А пришли добровольно?

– Мы все были комсомольцы-добровольцы.

Зое только что исполнилось 18. Она перешла в десятый класс. Клава Милорадова и Вера Волошина немного постарше, уже студентки.

– А был у нас Витя Ромахин, радист, так тому едва 15 стукнуло. Из кружка радиолюбителей Московского дворца пионеров, что на улице Стопани. И знаете, какой изумительный радист оказался!

Я всегда удивляюсь, скольких своих товарищей из той суровой подмосковной осени и зимы она помнит по именам. Хотя быть с ними тогда ей довелось не очень долго. Уже к весне 1942-го Клавдия Милорадова получает новое ответственное задание, и в ночь с 14 на 15 мая в составе группы разведчиков она выбрасывается с парашютом в глубоком немецком тылу – близ Выдрицы.

– Это Минская область, – поясняет она.

И вспоминает, какой самый драгоценный подарок доставила в тот раз белорусским партизанам. Свежий номер «Правды»! Целую пачку только что отпечатанных газет (она помнит: за воскресенье, 15 мая 1942 года!) самолет специально ждал.

Специально «Правда» выпустила брошюрой и знаменитые очерки своего военкора Петра Лидова «Таня» и «Кто была Таня». О подвиге Зои Космодемьянской.

– Эти книжечки я не только раздавала, но и сама рассказывала о Зое все, что могла рассказать.

Клава несколько недель жила бок о бок с ней. Вместе учились искусству разведчика. Вместе в минуты отдыха пели «Каховку» и «Орленка». Вместе ходили на первые боевые задания во вражеский тыл. И на то последнее, роковое для Зои задание провожала ее Клава Милорадова.

Могла ли она знать, что вскоре придется ей стоять перед свежесрытой могилой на краю деревни Петрищево и распознавать в изуродованном фашистами трупе девушки свою красавицу подругу...

Но мало этого! Могла ли представить еще более чудовищное – что полвека спустя ей и другим оставшимся в живых ветеранам части 9903 придется доказывать, что Зоя есть Зоя? В черную пору самой разнузданной клеветы на героическую нашу историю, после августовского переворота 1991-го, они пришли к нам в «Правду». Газета ельцинистами была закрыта, еще не вполне ясна была завтрашняя ее судьба. Но – ветераны пришли именно в «Правду»!

– Мы тогда и свои партийные взносы передавали для «Правды», – замечает она. – Для «Правды», «Гласности» и «Советской России». Наш парторг сказала: «Партия разгромлена, но раз мы как парторганизация существуем, значит, и партия жива!»

– Вы остаетесь коммунистом?

– Конечно!

Я часто думаю: будь помоложе комсомольцы и коммунисты Великой Отечественной к «перестроечным» 80-м годам, да и будь их в живых побольше, – не допустили бы того, что учинено теперь с нашей Родиной.

...Недавно мы встретились с Клавдией Александровной у нее дома, когда она вышла из больницы после тяжелой операции. Война ее здоровье все-таки сильно подорвала. Приходилось и речку Нару в декабре переходить по горло в ледяной воде (за доставленные тогда сведения ее благодарили от лица самого Жукова и вручили первую боевую награду – орден Красной Звезды). Приходилось неделями ничего не есть или, как было в Белоруссии, вырываясь из немецкой блокады, семнадцать дней питаться одной лишь травой.

– Это был май, так что травка зеленая, сочная, – шутит она.

Я порадовался, узнав, что правнучку Клавдии Александровны назвали Настей: прекрасное русское имя! А она вдруг сказала, что была против. Почему? В Орше и Бобруйске пришлось ей жить и работать по немецкому аусвайсу (то есть паспорту) под именем Анастасии Антиповны Пунченко. Воспоминания о тех днях далеко не радостные...

Она, как и ее товарищи, очень тяжело переживает трагедию родной страны. Месяц назад, получив письмо от юных космодемьянцев из Черкесска, позвонила и попросила напечатать это письмо в «Правде». И свой ответ – с горячим призывом объединиться всем здравым людям, чтобы добиться мира на Кавказе. А когда я вспомнил о предстоящем ее 80-летию, в свою очередь напомнила: это же почти в день рождения комсомола.

Дорогая Клавдия Александровна! Есть у нас огромное чувство вины, что не сумели сберечь мы трудную и славную вашу Победу. Но, поверьте, будем делать все, чтобы Победу вернуть. Для вас и для будущих поколений.

Глава седьмая. Открытие героини и предательство ее

Целая плеяда героев, воспитанных Советской Родиной, прошла перед вами. Нет сомнений, что каждый из них заслуживает славы. Минуло время, и о многих появились очерки, рассказы, повести, а некоторые из тех, кто остался в живых, сами написали свои воспоминания.

Но Зоя Космодемьянская была среди самых первых героев той войны, получивших необыкновенно широкую известность, что называется, по горячим следам. И этим все мы обязаны двум журналистам газеты «Правда» – Петру Александровичу Лидову и Сергею Николаевичу Струнникову. Именно поэтому я решил, что о них тоже надо рассказать в книге, посвященной памяти Зои.

А еще в этой главе надо непременно обратиться к тем обстоятельствам трагедии в Петрищеве, про которые Лидов не знал, когда писал «Таню» и «Кто была Таня», а позднее, узнав, не успел написать. Они, обстоятельства эти, много лет спустя во время наступления на советский строй и Советский Союз стали поводом для усилившихся спекуляций с целью принижения и очернения не только подвига Зои, но и в целом нашей Великой Победы. Значит, следует еще раз в них разобраться и дать им соответствующую оценку сегодня.

Кто первым рассказал о ней стране и миру

27 января 1942 года в «Правде» был напечатан очерк «Таня» – о героической гибели в подмосковной деревне Петрищево девушки-партизанки, назвавшей себя Татьяной. Не жившим в то время трудно даже представить, с какой потрясающей силой прозвучал тогда этот газетный материал. Утверждаю как свидетель: за все последующие годы немногие из журналистских выступлений могли сравниться с ним по воздействию на читателей.

А меньше чем через месяц, 18 февраля, в «Правде» появился очерк «Кто была Таня». Вся страна и весь мир узнали ее настоящее имя – Зоя Космодемьянская, школьница из Москвы.

Под обоими очерками была одна подпись: П. Лидов.

Он, автор газетных работ, ставших в полном смысле слова историческими, заслуживает, чтобы о нем знали и помнили – как и о бессмертной его героине. Вот почему в 2002 году, к 60-летию тех незабываемых публикаций, я написал и впервые опубликовал в его и моей родной газете этот очерк.

В отделе кадров «Правды» хранится личное дело Петра Александровича Лидова. А когда я готовил свой материал, еще была жива его вдова Галина Яковлевна, тоже много лет проработавшая в «Правде»; ей шел 93-й год, но память сохранилась хорошая. Есть дочери – Светлана и Наталья. Остались его письма, дневники, записные книжки. Товарищи по работе и войне успели опубликовать ряд воспоминаний о пережитом вместе с ним. Так что мой рассказ строго документальный.

* * *

Годом рождения его значится 1906-й, местом рождения – Харьков. Но родителей своих он не знал. В автобиографии пишет: «Воспитывался первое время в приюте в Харькове и в колонии для подкидышей в с. Липцы Харьковской губернии.

Из колонии был взят на воспитание и усыновлен профессором химии Харьковского технологического института А. П. Лидовым».

Вот каким образом он получил фамилию и отчество.

В семье профессора и его жены-врача, у которых недавно умер свой ребенок, его очень любили. Однако в 1919-м приемный отец умирает, и мальчику приходится идти на работы по найму – на спичечную фабрику, на телефонную станцию Технологического института, а с 1920 года он – курьер в Харьковском губкоме партии. Здесь вступил в комсомол, и здесь же произошло еще одно, не менее важное для дальнейшей его жизни событие.

Об этом событии в официальных автобиографиях он не упоминает, но жене своей рассказывал не раз: в 1920-м Петя Лидов написал и напечатал первую свою газетную заметку. В Харьков прилетел самолет, который он увидел впервые в жизни, и нахлынувшее чувство восторга четырнадцатилетний подросток излил на бумаге.

Это стало знаком призвания. Были затем учеба в школе, комсомольская работа, служба в Красной Армии (все так типично для его поколения!), однако газета притягивала больше всего. И вот в мае 1925-го на I губернском съезде рабселькоров он был рекомендован – выдвинут, как тогда говорили, – на работу в партийном отделе газеты «Харьковский пролетарий».

Когда пишешь о журналисте, заранее зная, чем из опубликованного он в первую очередь для нас интересен, мысленно как-то само собой сопоставляешь его жизнь и поступки, его внутренний мир с

жизнью, поступками и внутренним миром той, которую он восславил.

Самое большое мое открытие и, не скрою, величайшая радость – что автор в данном случае достоин своей героини. Он по возрасту мог быть ее старшим братом, но главное, оказывается, он брат ее по духу.

Что роднит? Чувство долга. Горячая вера в идеалы, во имя которых идет борьба. Любовь к Родине и готовность отдать за нее свою жизнь. Да вообще, я бы сказал, та нравственная цельность и красота, что свойственны Зое, открываются и в нем, Петре Лидове, чем больше этого человека узнаешь.

А вся предвоенная его жизнь кажется подготовкой к главным, военным трудам, как вся короткая жизнь Зои по сути была подготовкой к ее подвигу.

Если говорить о стороне личной, то и знакомство с рабфаковкой Галей Олейник на дне рождения ее подруги в конце 1930-го, а затем женитьба на ней неотделимы от основной жизненной линии. Когда будущая жена первый раз его увидела, то назвала мысленно – солдат: был он в форме и по-солдатски подтянут, потому что служил в красноармейских газетах. А Галя с десяти лет – круглая сирота: отец погиб в Гражданскую, мать умерла, и все шестеро малых, из которых она была старшая, попадают в детский дом.

Впереди же назревала еще одна война. Великая и грозная, где будет решаться судьба Родины.

– Он мне часто на ушко говорил: будет война, – вспоминает Галина Яковлевна Лидова.

Переехав в 1932-м в Москву, оба работают на оборонном заводе. Она – контролером ОТК, он – в редакции многотиражной газеты. Затем становится редактором знаменитой «Мартевки» на «Серпе и молоте», откуда летом 1937-го Московский комитет партии направляет его в «Правду».

О сформировавшемся к тому времени внутреннем стержне коммуниста Петра Лидова больше многословных характеристик может сказать один эпизод, зафиксированный в его личном деле. Работая на заводе № 24, он выступает в защиту человека, исключенного по чистке из партии. Судя по всему, выступает он один, за что местная парторганизация объявляет ему выговор.

Подробностей в деле нет, однако Лидов, видимо, не смирился, убежденный в своей правоте. И через полгода человек этот, по фамилии Михайлов, был в партии восстановлен, а выговор с Лидова снят.

Война застает всю их семью в Минске. Тремя месяцами раньше Петр Александрович утвержден собственным корреспондентом «Правды» по Белорусской ССР, а 7 июня, после окончания занятий в школе, к нему приезжает жена вместе с обеими дочками. Старшая, Светлана, окончила второй класс. Младшей, Наташе, два года. Поселились пока в гостинице.

Почему канун рокового 22 июня запомнился многим особенно радостным и безмятежным? Петр и Галина выбрались наконец в театр. Смотрели «В степях Украины», и спектакль им очень понравился. Долго потом гуляли по ночному Минску.

Утром разбудил резкий междугородный звонок. Редакция. Лидов разговаривает односложно: да, нет. Положив трубку, спрашивает жену:

– Где моя военная форма?

Она сразу все поняла...

* * *

Лидов во время войны, военный корреспондент «Правды» Петр Лидов, – тема настолько большая, что требует целой книги. Я смогу привести тут лишь некоторые штрихи.

Прежде всего надо сказать о его журналистской мобилизованности и активности. Первый свой

военный материал он передал в редакцию уже 22 июня. И очень досадовал в дневнике, что появился этот материал на первой странице «Правды» только в номере за 24-е, а не за 23-е. Рвался в Брест, но туда его не пустили.

А потом... «Он вел потом своеобразный дневник на страницах «Правды», – вспоминает его товарищ по редакции Александр Дунаевский. – Дневник битвы за Москву. Вел регулярно, из номера в номер. А когда газета выходила «без Лидова», в редакции раздавались телефонные звонки: «Что с Лидовым?», «Не ранен ли военкор Петр Лидов?»»

Ну а в каких условиях ему приходилось действовать и как он действовал, расскажет хотя бы такой эпизод из воспоминаний еще одного правдиста – Оскара Курганова:

«Мне доводилось не раз наблюдать за Лидовым в период его работы под Смоленском в 1941 году. Мы как-то получили телеграмму от редакции: “Написать о летчиках”. Аэродром под Смоленском был в те дни, пожалуй, самым опасным местом на фронте. Лидов все же поехал туда. Машину не пропускали на аэродром, так как только что закончился налет вражеской авиации, а к аэродрому пробивались все новые «юнкеры». Лидов пошел пешком. Потом он мне говорил, что этот день показался ему необычайно длинным. В момент, когда Лидов беседовал с летчиками, снова началась бомбежка аэродрома. Наши летчики взлетели в воздух на своих “ишаках”, как называли тогда на фронте истребитель И-16. Лидов остался один на аэродроме. Он лег на землю, которая сотрясалась от гула взрывов. После, когда все стихло, он хотел идти к командному пункту, но, должно быть, силы покидали его. Он сел на траву и так сидел минут десять. Потом он встал, взглянул на часы и сказал:

– Надо торопиться в Смоленск – мы не успеем сегодня передать...

Приехав в Смоленск, мы не могли связаться с Москвой – город в эти минуты подвергся налету немецкой авиации. Мы оказались в это время в городском саду, где увидели щель. Там, сидя на корточках, Лидов написал часть нашей корреспонденции о летчиках. Потом, когда взрывы немного стихли, он побежал к телефону...»

Конечно, условия работы у всех военных корреспондентов были не сахарные. «Но всегда, – написал тот же О. Курганов, – выделяется кто-то один – то ли своей смелостью, то ли своей осмотрительностью, то ли умением быстро ориентироваться в обстановке. И тогда этот человек становится неофициальным главой журналистского корпуса. Таким главой был у нас на Западном фронте Лидов».

Не случайно в августе 1941-го именно он летит на месте стрелка-радиста с одним из наших бомбардировщиков дальнего действия, чтобы бомбить фашистские города. И вскоре в «Правде» появляется большая его корреспонденция о дерзком полете в логово врага.

А некоторое время спустя, тоже не случайно, конечно, он летит к партизанам Белоруссии, совершив затем отчаянно смелый поход в захваченный немцами Минск. Можно представить изумление фашистов, прочитавших в «Правде» очерк «В оккупированном Минске» – за подписью Петра Лидова! Сохранилось свидетельство, что один из гитлеровских главарей заявил тогда:

– Не так уж прочно здесь сидим мы, если корреспонденты большевистской «Правды» могут ходить по оккупированному городу, хотя мы думаем, что вырубили большевизм в Белоруссии под корень.

Лидов побывал, кажется, во всех самых трудных и опасных, самых судьбоносных местах войны. Он писал свои очерки, корреспонденции, заметки из Сталинграда и с Курской дуги, с берегов Северского Донца и Днепра, из Чехословацкого корпуса Людвика Свободы, у которого первым из советских журналистов он взял интервью и который позднее скажет о нем: «Петр Лидов был прекрасный и мужественный человек, воодушевленный и страстный журналист. Перо в его руках было острым оружием...»

* * *

Лидов и «Таня», Лидов и Зоя – тоже огромная тема. Также на книгу! Выскажу и попробую обосновать здесь только одну мысль, которую считаю принципиально важной.

Мысль эта состоит из двух частей. Во-первых, Лидов не мог не написать то, что он написал. Во-вторых, написать о Зое так он смог потому, что сам был такой.

Известно, где и при каких обстоятельствах Лидов впервые услышал о происшедшем в Петрищеве. Это было в чудом уцелевшей придорожной избе, недалеко от только что освобожденного нашими войсками Можайска, куда он направлялся. Остановившись тут на ночевку, он случайно услышал рассказ старика об отважной юной партизанке, которую повесили немцы.

– Ее вешали, а она речь говорила! – несколько раз повторил старик.

Вот что особенно потрясло Лидова. Какая же это должна быть девушка, что за человек?! И хотя утром следующего дня ему передали редакционное задание – срочно побывать в деревне Пушкино, он, выполнив то, что требовалось, устремился в Петрищево.

Он всем существом своим понял: надо обязательно туда ехать и надо будет обязательно писать!

А как Лидов там работал, как написал... Об этом есть немалая литература, и короткий его газетный очерк разобран, что называется, по косточкам. Мне же хочется сказать не о мастерстве журналиста, которое, несомненно, а о душе человека. Потому что знаю: при любом, пусть даже еще более высоком, мастерстве не родилось бы Слово столь искренней силы, не будь у автора этой чуткой и отзывчивой, чистой и доброй, этой редкостно красивой души!

Чтобы полнее ощутить ее, надо прочитать письма Лидова к жене и дочерям, оказавшимся в далеком Чернолущье под Омском, – письма, проникнутые удивительной нежностью: «Ваш любящий до конца жизни отец».

Надо прочитать лидовские дневники самых страшных военных месяцев. Где, например, среди мыслей о начавшемся немецком наступлении на Вязьму и о положении обреченного города, который они вынуждены покидать, вас пронзит такая запись:

«Думал о судьбе знакомых мне ни в чем не повинных, мирных, хороших людей, о судьбе 12-летней Вали – нашей соседки. Ее отец – на фронте, мать – на девятом месяце. Валя – умница, хорошая, воспитанная девочка. Когда я сказал ей: “Ничего, Валя, выживем”, она ответила: “Выживем, да не все”. Я улыбался ей, но знал, что она-то, наверное, и не выживет. Зная историю Минска, Смоленска и Гомеля, можно было предвидеть и трагедию Вязьмы».

Это он записал 2 октября 41-го. А 6 октября: «Вязьма накануне вечером эвакуирована – учреждениям было предложено покинуть город в 15 минут. (Валя, где ты? Где-нибудь на морозной дороге, среди ночи в поле с беременной матерью бредешь на восток...)».

У него множество неотложных забот, со всех сторон – удары на его голову, но... он помнит о Вале!

Наверное, вспомнил ее и тогда, когда стоял в Петрищеве над разрытой могилой, видя, что повесили немцы... совсем еще девочку. Всего лет на шесть старше той Вали, да и его Светлана не намного моложе...

Когда душа все это вмещает и на все откликается, только тогда может быть написана «Таня». Так, как она написана.

* * *

А начиная работу над вторым очерком – «Кто была Таня» (уже стало известно, что это Зоя Космодемьянская), Лидов записал в дневнике следующее:

«Еще там, в придорожной избе, слушая рассказ старика, хозяйка сказала: “Неужто все это правда, неужто бывают такие?” Да, “такие” были, есть и будут. Я хочу рассказать в этом очерке, откуда берутся “такие”. Я хочу показать, что не порыв чувств, а большая любовь к Родине, к своему народу помогла Зое совершить подвиг».

Он сумел в своем очерке это показать. И сделал еще больше: ценой собственной жизни доказал, что такие у нас есть и будут.

Вместе с другом Сергеем Струнниковым, военным фотокорреспондентом «Правды», сделавшим потрясающий снимок истерзанной «Тани», он погибнет при исполнении служебных обязанностей 22 июня 1944 года. Ровно три года спустя после начала войны и меньше чем за год до нашей Победы.

Автор фото скорби и любви

Каждый раз, когда вспоминаю Петра Лидова, думаю и о Сергее Струнникове. В сознании моем они нераздельны, как нераздельны их имена на мраморной доске у нас в редакции памяти журналистов «Правды», погибших во время Великой Отечественной войны.

Я уже сказал, что погибли они вместе. Произошло это в день третьей годовщины начала войны, 22 июня 1944-го, на военном аэродроме близ Полтавы. Погибли при исполнении служебных обязанностей – абсолютно точное выражение. Они приехали сюда, чтобы написать о летчиках и сделать снимки для «Правды», но попали под внезапный налет вражеской авиации.

Эта их совместная командировка оказалась последней. А до нее было много других. Сошлись они в общем деле на Западном фронте, в труднейшие дни обороны Москвы. Сотрудничество двух журналистов – пишущего и снимающего не было редкостью на войне. Однако составы таких пар менялись, и даже не всегда бывало, что один хорошо знает другого. В данном же случае, судя по всему, возникла не только профессиональная, но и душевная близость, которая притягивала их друг к другу, побуждая искать возможности еще и еще раз поработать вместе.

Так, перенеся в феврале 1942 года тяжелый сыпной тиф и оказавшись в подмосковном санатории «Архангельское», Сергей Николаевич пишет П. А. Лидову: «14 марта 1942 г. Судьба и обстоятельства перебросили меня в санаторий, где я ремонтирую свое здоровье, чтобы вновь вместе с Вами (это мое желание) создавать ценные вещи нашей эпохи для потомков, для истории, отойти от стандарта и брать самую соль жизни, самое острое, самое необходимое».

Надо же, как чувствовал он необыкновенность этого их журналистского призвания в суровое время великой войны! Не одни лишь сиюминутные задачи для повседневности, а гораздо больше – для истории, для потомков. И при этом острое ощущение эпохи, которую они отражают и выражают, стремление, как он написал, «отойти от стандарта и брать самую соль жизни». Нелегко? Еще бы! Но личность творческая этого требует.

А у Лидова – то же самое. Потому и он при встречах, в письмах, дневниках с искренней теплотой и пониманием обращается к Струнникову, видя в нем уже не просто коллегу, а друга. Хотя главным для него тоже остается их совместная работа, которая, впрочем, из текущей, повседневной на глазах становится исторической. Об этом я думал, например, читая такую запись в дневнике Петра Александровича от 16 мая 1942 года:

«... Он (С. Н. Струнников) показал мне сотню снимков, увеличенных и наклеенных на паспарту. Большинство этих снимков было сделано во время наших совместных поездок: по Минскому шоссе – в начале ноября (1941 г.), в Тулу – 13–15 ноября, в Ступино к генералу Белову – 1 декабря, в Венев с наступающими частями Белова – 10–11 декабря, в Петрищево – 26 января (1942 г.). К некоторым из этих снимков я сделал надписи, после чего отправился в путь».

Вроде бы буднично: сделал эти самые надписи к фотографиям – и отправился по очередным делам. Но меня не оставляет уверенность, что уже тогда, то есть совсем немного времени спустя после того, как Струнников те фотографии напечатал, у Лидова было ощущение их исторической значимости.

Да, Минское шоссе под Москвой в ноябре 41-го, обороняющаяся Тула, наступающие части генерала Белова в декабре – все это и многое другое к маю 42-го стало уже кадрами истории великой битвы за советскую столицу. И, конечно, те снимки, которые Струнников сделал 26 января 1942 года в подмосковной деревне Петрищево...

* * *

Однако мне давно была интересна жизнь этого талантливейшего фотожурналиста и фотохудожника. А сведения, оставшиеся о нем в «Правде», крайне скудны. Даже обычного личного дела в редакции нет – всего лишь так называемый листок по учету кадров. Может быть, потому, что пришел в «Правду» Сергей Николаевич Струнников в августе 1941-го, когда уже всю кипела война, а меньше чем через три года он погибнет.

Не только я – все мы должны быть благодарны ветерану Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ) Людмиле Ивановне Смирновой, которая, приложив много сил и старания, буквально по крупицам собирала биографический материал о С. Н. Струнникове. На него я и буду в основном опираться.

Кстати, от Людмилы Ивановны впервые узнал, при каких обстоятельствах и как Струнников стал военным фотокорреспондентом «Правды». До этого он был уже известным мастером фотографии, работал в разных местах и печатался во множестве изданий, включая «Правду». В 1940 году в Центральном доме журналиста состоялась его персональная выставка «Фото С. Струнникова. 1930–1940», получившая высокую оценку профессионалов. А вот начало войны застало его в дальней геологической экспедиции. Выйдя с изыскателями из тайги в маленькую сибирскую деревушку, Сергей Николаевич узнал, что фашистская Германия напала на Советский Союз и уже несколько недель на западе страны идут ожесточенные бои.

Только через месяц он смог добраться до Москвы. Дома его ждали повестка из военкомата и письмо из редакции газеты «Правда». Утром следующего дня по редакционному приглашению он пришел сюда и был утвержден фотокорреспондентом главной газеты страны. Согласно листку по учету кадров, произошло это 22 августа 1941 года. А 17 октября он уже официально военный фотокорреспондент.

Приглашение в «Правду» с началом войны говорит о том, что Струнников был замечен здесь раньше, а теперь, в особых обстоятельствах, интерес к молодому одаренному фотомастеру еще более возрос. Наверное, сказалось и то, что, будучи призванным в 1932 году в Красную Армию, он сдал экзамены на звание командира запаса. И тогда же, находясь на военной службе, Сергей Струнников в течение года работал в красноармейской газете «На боевом посту». На фотоконкурсе, организованном в воинских частях, он даже получил первую премию. «Значит, военная тема уже ему знакома», – рассуждали, видимо, кадровики «Правды».

Не ошиблись в своем выборе!

* * *

Жизнь ему выпала короткая – неполных 37 лет, и делится она четко на две части: до войны и во время нее.

Родился в 1907-м, в Херсоне. Отец его, Николай Иванович Струнников, был выходцем из бедной провинциальной семьи. Ощувив в себе художественный дар и рано начав рисовать, возможности для учебы не получил. Образование его ограничилось трехлетним обучением в приходской школе, а затем был отдан «мальчиком» на мануфактурный склад. Так и сгинул бы его талант, если бы не природное упорство, которое привело подростка в Москву, где он сумел устроиться в мастерскую живописца С. И. Грибкова. Правда, опять-таки «мальчиком»-подмастерьем, на побегушках.

О жизни пробивавшегося к любимому делу парня рассказал в своей знаменитой книге «Москва и

москвичи» Владимир Алексеевич Гиляровский, известный журналист и необыкновенно добрый человек, очень поддерживавший начинающего художника:

«Н. И. Струнников, сын крестьянина, пришел в город без копейки в кармане и добился своего нелегко. После С. И. Грибкова он поступил в Училище живописи и начал работать по реставрации картин у известного московского парфюмера Брокара, владельца Большой художественной галереи.

За работу Н. И. Струнникову Брокер денег не давал, а только платил за него пятьдесят рублей в Училище и содержал «на всем готовом». А содержал так: отвел художнику в сторожке койку пополам с рабочим, – так двое на одной кровати и спали, и кормил вместе со своей прислугой на кухне».

И все-таки при помощи Гиляровского, а также Павла Михайловича Третьякова удалось Николаю Струнникову закончить Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а затем и Академию художеств в Петербурге по классу И. Е. Репина.

Об отце выдающегося фотомастера нельзя не сказать, потому что от него унаследовал Сергей и художественный талант, и страстную любовь к искусству. Правда, из всех его видов для себя выбрал не живопись, а более современные – кино и фото. Окончив в 1926 году среднюю школу, он успешно сдает вступительные экзамены и поступает на операторское отделение Государственного техникума кинематографии.

Его товарищи вспоминали, с каким необычайным увлечением учился он здесь все четыре года. Одновременно работает осветителем на фабрике «Межрабпомфильм», а в 1928 году на страницах московских газет появляются первые снимки Сергея Струнникова.

Кино и фоторепортаж отныне идут в его жизни параллельно. Он занимается одним и другим, видимо, еще не зная, чему отдать предпочтение. Например, уехав во время каникул в геологическую экспедицию в должности кинофотоработника, он снял свой первый короткометражный фильм «Разведка горячего» – и тут же сделал целый ряд фотографий для журналов «Пламя», «Советский экран», «Рост».

После окончания кинотехникума в 1930 году Сергею посчастливилось поработать с одним из крупнейших советских кинорежиссеров Всеволодом Илларионовичем Пудовкиным, будущим автором «Минина и Пожарского», «Адмирала Нахимова» и других прославленных фильмов. Тогда он снимал картину под названием «Очень хорошо живется», и Струнников стал помощником оператора в его съемочной группе, параллельно снимая рабочие моменты фильмопроизводства.

Ему было всего 23 года, и роль при Пудовкине, казалось бы, не самая видная, однако мэтр сумел рассмотреть и оценить данные молодого оператора. «Из товарища Струнникова, – написал он, – должен выйти хороший работник кино».

Так, безусловно, и могло быть, но фоторепортаж захватывал его все сильнее и сильнее. Способствовали этому величайшие созидательные дела, которые разворачивались в стране, и растущий спрос газет, журналов на отражение их в фотографиях. Чувство первопроходца, свидетеля и летописца огромных достижений было главным у него в эти годы. Оно поднимало дух и рождало творческое вдохновение.

Повезло ему, что он стал участником знаменитого арктического рейса ледокола «Красин», где Струнников исполнял обязанности секретаря экспедиции Главсевморпути и специального фотокорреспондента газеты «Водный транспорт». Впервые в истории освоения Арктики в 1933 году был отправлен из Архангельска по Северному морскому пути караван судов для доставки грузов в устье реки Лены. «Красин» прокладывал путь этим судам, и после того, как необходимое для жителей северной Якутии было сгружено на месте, ледокол вернулся в Архангельск, а суда на обратном пути зазимовали.

Изумительная это была творческая зарядка для молодого фотожурналиста! Он снимал завораживающие просторы Арктики и экзотическую красоту ледовых ландшафтов, но с наибольшей любовью – людей, которые во имя Родины преодолевали невероятные трудности.

Это будет характерно для всей дальнейшей его работы: искренняя любовь и неостывающий интерес к тем, кто способен на великие свершения ради общего блага. Как и другие его коллеги, Струнников рвался на передний край социалистического строительства, но всматривался больше всего не в индустриальную панораму, а в лица ее творцов.

Не случайно и на персональной его фотовыставке 1940 года значительное место заняли портреты: Чкалов перед полетом в США, пианисты Флиер и Гилельс, летчик-испытатель Коккинаки, писатель Новиков-Прибой... Впрочем, диапазон жанров и тем был чрезвычайно широкий. Объединяло же все работы одно: очень высокая творческая планка. Фоторепортер и фотохудожник органически слились в нем.

* * *

Война... Все лучшее, что было в этом человеке от природы и что дало ему воспитание, по максимуму раскрыли военные годы.

Недавно, летом 2013 года, журналисты газеты «Щит и меч» Сергей Лагодский и Юрий Ржевцев, работая над сборником к 70-летию Победы, обнаружили в военном архиве наградные листы Сергея Николаевича Струнникова, датированные 1 июня 1942 года. В них он представлялся к награждению медалью «За боевые заслуги». И вот что отмечалось в кратком изложении личного боевого подвига:

«Будучи военным корреспондентом газеты «Правда» принимал участие и производил фотосъемки похода в тыл врага (декабрь 1941 г., Можайское направление). В процессе похода производил фотосъемки, часть которых под названием «Партизаны-истребители в тылу врага» были опубликованы в газете «Правда». Указанные съемки зачастую производились под огнем немецких автоматчиков. В дни боев под Москвой фотоснимки Струнникова с передовых позиций неоднократно печатались в газете «Правда». Летая на пикирующем бомбардировщике, под ураганным огнем вражеских зениток, заснял момент бомбежки войск противника. На выставке в ЦДКА представлено 57 лучших фотоснимков Струнникова. Особенно были отмечены снимки: «Москва, 14 декабря», «Таня», «Полет на бомбежку». Выдающийся фоторепортер своими высокохудожественными снимками военных эпизодов внес ценный вклад в историю Отечественной войны».

Подписали этот документ командир полка майор Сазонов, комиссар полка батальонный комиссар Кузнецов и начальник штаба майор Казначеев. Я обратил внимание: военные люди, не профессионалы фотографического дела, они отметили, что фоторепортер – выдающийся, а сделанные им снимки – высокохудожественные.

От себя скажу, что в «Правде» во время войны работали действительно выдающиеся советские фотожурналисты – Михаил Калашников (тоже погиб), Александр Устинов, Виктор Темин, Сергей Коршунов и другие. Всем им, кроме высоких профессиональных качеств, требовалось проявлять и смелость, мужество, отвагу: нередко они рисковали жизнью, проникая на самые опасные участки фронта.

Струнников рвался туда, где опаснее всего. Потому и летал на бомбежку, и отправился в тот самый рейд по тылам врага в декабре 1941-го. Вместе с ним там был еще один журналист «Правды» – Иван Федорович Кирюшкин (боец Чапаевской дивизии в годы Гражданской войны). Он свидетельствовал, что многие снимки Струнников делал непосредственно в бою, и были случаи, когда его приходилось вытаскивать из-под огня. Причем съемка поглощала журналиста настолько, что он не замечал свиста пуль вокруг себя. Однажды, когда он выбежал на опушку леса, немцы открыли огонь, а Сергей, встав на колени,

продолжал щелкать затвором «лейки». К счастью, обошлось: пуля только оцарапала ему висок.

* * *

Он ценил художественную выразительность снимка и всегда стремился к предельной выразительности. Однако не поступаясь достоверностью. «Фотография – это документ, – говорил Сергей Николаевич. – И если я заставлю людей позировать мне, играть ради снимка, то займусь не чем иным, как подделкой документов».

Снимая в осажденной Москве – на сооружении баррикад в городе и противотанковых рвов на окраинах, в подразделениях войск противовоздушной обороны и частях народного ополчения, на призывных пунктах и у метростроевцев, он старался делать свое дело незаметно, не отвлекая людей от напряженной работы. Из-за этого бывали даже неприятности: фотографа принимали за шпиона и приводили в милицию. Зато фотографии получались правдивые и убедительные – такие, не поверить которым было невозможно.

Итог колоссальной его работы во время Московской битвы подвели участие в выставке «Москва военная», которая состоялась весной 1942 года, и издание альбома «Москва. Ноябрь 1941», куда были включены лучшие его фотографии, сделанные в дни обороны столицы. Но он, едва перенеся тяжелую болезнь, опять стремится в пекло, на фронт, на передовую. Никто и ничто не может его удержать! Вот он уже на Брянском фронте, вот снимает на берегах Дона, под Воронежем. Настойчиво добивается командировки в блокадный Ленинград.

И в конце 1942 года все же добился: редакция поручила ему вместе с поэтом Н. С. Тихоновым подготовить журнал-альбом «Ленинград в борьбе». За три недели командировки Сергей Струнников создал такую мощную по силе воздействия серию снимков, что они стали своего рода памятником городу негибаемой стойкости, впечатляющим свидетельством «будничного» героизма ленинградцев, которые перенесли невозможное, но не сдались.

Он и сам решил тогда работать под девизом: «То, что считается трудным, нельзя назвать невозможным». Он и сам преодолевал все, ни перед чем не сдаваясь и не опуская руки. Хорошо потом написал об этом Николай Тихонов:

«Снимать Ленинград в декабре – это своего рода подвиг. У нас такие короткие дни в это время года, что мы плаваем как рыбы в сумрачной воде. Туманы и ранняя темнота – это такие враги, которые не хуже немецкого обстрела для фотографа.

Кроме того, если фотограф ограничен временем своего пребывания в городе, то он многое не увидит, так как, добравшись без транспорта, на своих ногах до далекого объекта съемки, он может только убедиться, что может только идти обратно – снимать уже темно. А дней у него считанное количество.

Пробираться по городу из конца в конец затруднительно. Трамваи капризны, как невские русалки, и так же редки, как последние. Фотограф, лишенный отдыха и сна, в отчаянии. Как быть со съемками? И вот постепенно он составляет точный план и пускается, несмотря на все препоны природы и казусы пространства, смело выполнять его.

И он снимает с упорством одержимого. Правда, тут город сам начинает идти навстречу. Таких драматических и человеческих контрастов мало где отыщется, как в Ленинграде. 500 дней в бою находится Ленинград, и он не прекращает той огромной работы и жизни, что свойственна такому гиганту-городу. Все это заснял Сергей Николаевич Струнников, и вы по его снимкам увидите Ленинград в декабре таким, каким он действительно был. Это победа мастера!»

Обстоятельства, видимо, сложились так, что в 1943 году альбом издан не был, а в «Правде» и других изданиях появилась тогда лишь часть снимков. Поэтому следует еще раз выразить благодарность архивистам Москвы и особенно Людмиле Ивановне Смирновой, которые, обнаружив подготовленный автором материал, издали его в 2005 году под названием «Репортаж из блокадного Ленинграда. Фотографии фронтового корреспондента Сергея Струнникова».

Замечательным дополнением к пронзительным снимкам стали записи из дневников фотожурналиста, сделанные им во время командировки в блокадный Ленинград и опубликованные впервые в газете «Правдист» в начале 1943 года.

* * *

Что было с ним дальше? Опять война. Поразительно, как успел он за отведенное ему время побывать во стольких местах и в труднейших условиях столько сделать! Западный, Брянский, Ленинградский, Волховский, Северо-Западный, Первый Прибалтийский фронты, Сталинград, Тула, Калинин, Смоленск, Харьков, Одесса, Крым, Севастополь... Да полностью всю географию его полетов и поездок я не берусь воспроизвести. А о том, как это бывало, пусть скажет страничка из его крымского дневника, относящаяся к весне 1944 года:

«В двух километрах от противника. Целый день над нами летают “мессеры”. Работают артиллерия, минометы. Снимаю все, что может отразить войну в Крыму. Бойцы, роющие окопы, говорят, чтобы я немедленно пригнулся, иначе подобьет вражеский снайпер. Пригибаюсь, иду дальше, ползу, приподымаюсь, в вечерней дымке вижу море, бухту Севастополя. Идет пулеметная стрельба...

Вечером наша тройка (Л. С. Соболев, И. И. Золин и я) заходим к дежурному. Неожиданно он нам сообщает, что Калашников убит... Не могу себе представить: ведь только вчера утром мы все брели вместе и ночевали в одной комнате. Только вчера утром я снимал его. Оказалось, это было в последний раз...

...Никто не гарантирует, будем мы завтра живы или нет. Мы находимся в самом огне борьбы за Севастополь. Под этим городом почти уже накануне самой победы погиб наш верный товарищ большевик Миша Калашников, самый отзывчивый из среды репортеров, которых я знаю. Он честно отдавал все свои силы газете».

Так написал Сергей Николаевич о своем товарище по «Правде». Но ведь так же можно сказать и о нем самом. Коллеги из газеты «Щит и меч», нашедшие много лет спустя в архиве его наградные листы и проделавшие после этого свою исследовательскую работу, пришли к выводу: «Это был скромный, талантливый, увлеченный человек, фантастически преданный своей профессии и отличавшийся феноменальной работоспособностью».

Согласен с ними. Даже семьи своей Сергей Струнников не создал, поскольку любимое дело захватило его целиком – всю душу и всю жизнь. Но было это дело не для себя, а для людей. Помните, как он однажды выразился в письме своему другу Петру Лидову? «Для потомков, для истории...»

Именно такой работой оказалась и его «Таня». Тот снимок, сделанный в январе 1942 года в Петрищеве, Сергей Николаевич назвал так же, как Лидов свой очерк. Вместе они – очерк и фото – вошли в историю и останутся в ней навсегда.

«На фотографии погибшая девушка выглядит так, как будто смерть не тронула ее красивого лица, словно только сейчас произнесла она последние смелые и гневные слова, – пишет Людмила Ивановна Смирнова в своей статье о С. Н. Струнникове. – Образ этой юной героической девушки стал национальным символом сопротивления врагу».

Конечно! И препарировать в данном случае работу фотографа с точки зрения техники, то есть как она сделана, представляется невозможным и недопустимым, даже кощунственным. Немыслимой силы взлет духа произошел у человека, который увидел свою соотечественницу, совершившую подвиг, замученную и убитую, но величественную и красивую. Чтобы так увидеть и так это передать, сам автор снимка должен был подняться на ее духовную высоту и проникнуться ее благородными чувствами.

Снова и снова всматриваясь в давно потрясшую меня фотографию, мысленно я говорю: фото скорби и любви. Такой любви и такой скорби, на какие способен не каждый, но они необходимы людям, чтобы оставаться людьми.

В своем блокноте Петр Александрович Лидов незадолго до гибели записал: «Есть много портретов Зои Космодемьянской. Одни художники добились портретного сходства с оригиналом, другие за сходством не гнались, старались постичь и выразить внутреннюю сущность этого человека, его порыв, его идею. И те и другие портреты хороши, пока на них смотришь. Но когда я закрываю глаза, то представляю себе Зою, какой я видел ее в первый и последний раз, – на снегу у разрытой могилы».

Благодаря Сергею Струнникову, соратнику Петра Лидова по «Правде», мы тоже можем видеть Зою, как в тот день. Увидят ее и люди будущего.

Что осталось тогда «за кадром»? Предательство!

Работа корреспондентов «Правды» Петра Лидова и Сергея Струнникова в Петрищеве была оперативной журналистской работой. О такой говорят: в номер. И они блестяще с ней справились.

Однако предельно сжатое время, как всегда в подобных случаях, не давало возможности с абсолютной полнотой и точностью «ухватить» и охватить все подробности происшедшей истории. Из-за этого Лидов что-то отразил не совсем точно, а чего-то он и не мог отразить, поскольку это стало известно позднее.

Одну его неточность я уже отмечал. Он написал, что схватил Зою часовой, немецкий солдат. На самом же деле это была целая группа солдат, причем вызванная местным жителем по фамилии Свиридов. Его после первого Зоино поджога немцы взяли в охрану, на подмогу себе. Вот что сам он рассказал впоследствии на допросе: «...Немецкий переводчик вызвал меня в штаб немецкого командования, который размещался в моем доме, привязал мне белую повязку на левую руку и сказал, чтобы я дежурил ночью около своего дома и караулил партизан, выходящих из леса и направлявшихся к деревне, при этом предупредил меня: «Как только заметишь партизан, немедленно сообщи в штаб немецкого командования...» Получив это указание, я отправился выполнять его».

Ну а дальше происходит все следующим образом (опять сошлюсь на протокол допроса С. А. Свиридова от 28 мая 1942 года): «Дежурил я только в окрестностях своего дома, в садике между деревьями. Простоял примерно часа два, я заметил одного партизана, идущего из леса от Тарусы (название болота) по направлению к деревне. Я подождал немного, когда подошел он поближе к сараю, в котором размещались немецкие солдаты, и тут же немедленно сообщил об этом в штаб немецкого командования переводчику, последний вызвал подразделение солдат, которые окружили сарай и задержали там партизанку Таню (Зою Космодемьянскую)...

Вопрос: Какое вознаграждение получали вы от немцев за предательство партизанки Тани (Зою Космодемьянскую)?

Ответ: Кроме угощения вином, никакого другого вознаграждения от немцев я не получал (подпись)».

* * *

Кто-нибудь из прочитавших это, возможно, скажет: а так ли уж важно, сами немцы задержали Зою или по наводке какого-то Свиридова? Впрочем, так может сказать скорее всего человек старшего, военного поколения, помнящий то время и знающий: были, к сожалению, предатели из трусов, холуев и сводивших счеты с Советской властью, которые шли на службу к оккупантам. Что ж, предатель есть предатель. Да сам я, рассуждая примерно так, когда узнал о Свиридове, поначалу не придавал его участию в поимке Зою особо принципиального значения.

Однако, как оказалось, напрасно. Прошло время – и факт этот вдруг приобрел зловещий смысл. Стал, наряду с некоторыми другими фактами, реальными и вымышленными, орудием в руках антисоветских сил, разрушавших нашу страну.

Да, да, здесь нет преувеличения! Именно так. И я сейчас заново разматаю ниточку клубка от эпизода к эпизоду, чтобы каждому читателю ясно стало, каким методом действовали новоявленные враги Зоины и всей Советской страны.

Итак, выдал Зою не немец, а «свой». Что это значит в трактовке врагов? А значит вот что: «свои» были против партизан. Потянем ниточку дальше, а там еще один узелок, за который почему бы врагам и не

зацепиться. Оказывается, не только немцы мучили русскую пленницу, но и «свои» били ее! За что? За то, что подожгла их дома.

Известно, последнюю ночь перед казнью Зоя провела в доме Василия и Прасковьи Кулик (девичья фамилия – Петрушина). И вот фрагмент ее показаний:

«На другой день утром ко мне в дом пришли Смирнова Аграфена и Солина Федосья, и как только вошли, стали всячески ругать и оскорблять измученную, лежащую около печки Зою Космодемьянскую, подступая к ней, чтобы ударить. Я их к Зое не подпустила и стала выгонять из дома. Смирнова А. перед выходом из дома взяла стоящий на полу чугунок с помоями и бросила его в Зою Космодемьянскую. Через некоторое время ко мне в дом пришло еще больше народу, с которыми вторично пришли Солина и Смирнова. Через толпу людей Солина Ф. В. и Смирнова А. продрались к Зое Космодемьянской, и тут Смирнова А. стала ее избивать, оскорбляя всякими нехорошими словами лежащую около печки партизанку Зою Космодемьянскую...»

Это – официально зафиксированное показание свидетельницы. Но когда на исходе «перестройки» развернется клеветническая кампания против Зои, все приобретет гораздо больший размах. Уже и палкой железной будет бить девушку местная жительница, да и трудно стало понять, сколько злобных таких жительниц – чуть ли не вся деревня. Просто вдруг понадобилось, чтобы их было как можно больше...

Но достоверно все-таки знаем лишь двоих – Смирнову и Солину. Одна била, а другая подстрекала. Из показаний А. В. Смирновой: «На другой день после пожара я находилась у своего сожженного дома, ко мне подошла гражданка Солина и сказала: “Пойдем, я тебе покажу, кто тебя сжег”. После этих сказанных ею слов мы вместе направились в дом Петрушиной.

Войдя в дом, увидели находящуюся под охраной немецких солдат партизанку Зою Космодемьянскую, я и Солина стали ее ругать, кроме ругани, я на Космодемьянскую два раза замахнулась варежкой, а Солина ударила ее рукой. Дальше нам над партизанкой не дала издеваться Петрушина, которая нас выгнала из своего дома».

Вот так: «два раза замахнулась варежкой...» Избиение и чугунок с помоями, разумеется, не упомянуты.

* * *

Мы подошли сейчас, пожалуй, к самой острой, самой жгучей грани нашей темы. Той, на которой антикосмодемьянские и антисоветские спекуляции выстраивались (да и продолжают выстраиваться!) особенно увлеченно и с поистине садистским сладострастием. Выше эта грань мною была затронута, однако остановимся и поговорим о ней подробнее.

Речь о том, что Зое, выполняя задание, действительно пришлось поджигать крестьянские дома. То есть дома своих, но – в которых находились чужие. Враги!

Ситуация сложная. И отношение к ней выявляет нечто поистине коренное в отношении к самой той войне, больше того – к Родине, за которую она велась.

Да, если сжигают твой дом, это плохо. Это тяжело. Но если ты понимаешь, что сжигают, лишая крова страшнейших твоих врагов, чтобы их победить, может быть, жертва такая, при всей ее тяжести, становится приемлемой? Если дорог тебе твой большой дом – твоя Родина, может, временно пожертвуешь домом малым? Ведь миллионы наших людей во имя Победы сознательно шли на любые жертвы, вплоть до собственной жизни...

Думаю, если бы у Лидова была возможность вернуться к теме Зои, он и эту острую грань не обошел бы. Сказать было что даже на фактах тех дней в Петрищеве.

Напомню: сгорели три дома, где находились фашисты, – Смирновых, Кареловых, Солнцевых. Но счет Зое предъявлять – причем в какой форме и при каком ее состоянии, после жесточайших пыток и перед казнью! – явилась лишь Аграфена Смирнова, подстрекаемая Федосьей Солиной. Тут нужна особенная психология, особенная собственническая страсть, которая превышает и заслоняет буквально все на свете. И на это обратил тогда же внимание известный писатель Павел Нилин, размышлявший о происшедшем в статье, которую он назвал «Подлость»:

«Девушку звали Зоя Космодемьянская. После чудовищных издевательств немцы привели ее, истерзанную, измученную, в избу Василия Кулика. Ноги ее были обморожены, тело обезображено, на губах запеклась кровь.

– Бей ее, – сказал немецкий офицер Ивану Солнцеву. – Она сожгла твою избу.

Иван Егорович Солнцев, старик колхозник, русский человек, посмотрел на истерзанную русскую девушку и ничего не сказал. Тогда немцы позвали Аграфену Смирнову. И старуха в ярости ударила девушку. Ударила раз и другой. И замахнулась в третий раз, извергая паскудные ругательства. Но тут появилась русская женщина Прасковья Петрушина и телом своим загородила девушку...»

Разные женщины, хотя обе вроде бы русские. Но тогда, в 1942-м, по неостывшим следам петрищевской трагедии Павел Филиппович Нилин категорически отказал одной из них в праве так называться. О той, которая с пылом, ненавистью и злобой присоединилась к иноземным фашистским мучителям отечественной героини, написал:

«Не только не советская, но и не русская она женщина, потому что мало родиться русским, надо остаться русским, надо каждому русскому доказать в великой войне свое право называться русским, принадлежать к героическому народу, рождающему таких бесстрашных и бессмертных дочерей, как Зоя Космодемьянская, Герой Советского Союза».

Разве не прав писатель?

Тысячу раз прав! Тогда, сегодня и навсегда. Трагедия происшедшего с нашей страной за последнюю четверть века состоит и в том, что врагам удалось сместить ценности и оценки, точнее – поменять их местами. Чтобы не Зоя Космодемьянская возвышалась над Аграфеной Смирновой и Семеном Свиридовым, обвиняя их, а наоборот – чтобы они, предавшие, ее обвиняли.

Вот и место генерала Карбышева, который предпочел смерть предательству, на пьедестале агрессивно либерального и псевдопатриотического мнения занял другой генерал – Власов. А как же, борец против Сталина и сталинизма, а это все равно, что Гитлер и гитлеризм. Теперь такое приравнение затверждено уже в ранге официальной американско-европейской доктрины. Мало того, признано, что Сталин и коммунизм хуже Гитлера и фашизма, а потому мы в той войне уже никакие не победители и не спасители, а оккупанты, несшие угрозу «цивилизованным народам». Ну а Гитлер с Власовым, как главные антисталинисты, надо полагать, «цивилизованных» спасали.

Всё с ног на голову! И уж какие тут советские герои, где им место и чего они стоят...

* * *

Но продолжим все-таки о сожжении русских изб, в которых суровой зимой на исходе 1941 года самовольно устроились незванные гости, явившиеся из более теплых краев сюда, в Подмоскovie, проложив себе путь огнем и мечом. Гуманно ли было тревожить их и выгонять на мороз от натопленных печек?

Выгонять – это было по приказу того же злодея Сталина. Сам текст приказа, правда, мало кто читал, его тогда не публиковали, но в знакомой нам части 9903 говорилось: Сталин приказал сжигать дома, где

поселились немцы.

Не надо было отдавать такой приказ? Жестоко по отношению к местным жителям, которые в тех домах вместе с оккупантами могли оказаться? Когда на рубеже 1990-х – 2000-х годов этот приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 был опубликован не только в исторических научных трудах, но и в СМИ, это вызвало абсолютно ожидаемую реакцию нынешних «профессиональных гуманистов». Сталинская бесчеловечность и жестокость – вот главное в поднявшемся шуме. То же самое, что было по поводу приказа № 227, ставшего известным под девизом «Ни шагу назад!»

На одни и те же события в разное время может быть разный взгляд. Это понятно. Однако важнее всего, чтобы, с учетом всех конкретных обстоятельств того времени, когда те или иные события происходили, им давалась максимально справедливая оценка. Потому и говорится: нужен конкретно-исторический подход.

Осенью 1991 года, когда я писал очерк «Трагедия Зои Космодемьянской», приказ № 0428 мною еще не был прочитан. Но тема-то витала повсюду: дома своих сжигала Зоя! И тогда, я считаю, хорошо ответили спекулянтам на этой теме члены семьи Петра Александровича Лидова:

«У войны не женское лицо. Почти дети уходили на фронт и становились одновременно ее героями и заложниками, поджигали свои дома, чтобы в них сгорали чужие. Бывало, люди падали и собственные хаты. Из сегодняшнего далека можно пожалеть не только о сожженных пятистенках, но и о сгоревших лошадях. Но то было другое, жестокое время, которое нужно мерить его же собственной меркой».

Как верно сказано! И о том же по-своему говорила мне тогда, во время моей поездки в Петрищево, старая крестьянка Мария Ивановна Шилкина – свидетельница ноябрьской трагедии 1941-го: «Да можно ли судить о военном времени с нашей нынешней колокольни? Надо в ту пору вникнуть...»

Но те, у кого одна цель – любым способом опорочить советское время, ни во что вникать не хотят. Потому и спустя годы, в 2009-м, готовя свою передачу на Первом канале телевидения под названием «Страна героев», Андрей Малахов обратил к нескольким нынешним жителям Петрищева (выборочно, разумеется!) кощунственно-провокационный вопрос, чтобы получить необходимый ему ответ: мы, дескать, против того, чтобы наши дома сжигали.

А еще через два года читаю в научной работе (в целом, замечу, далеко не худшей) трактовку приказа № 0428 в контексте общей нашей оборонной политики на первом этапе войны:

«В Великой Отечественной войне советское руководство применило так называемую скифскую тактику – при отступлении ничего не оставлять врагу, создавать на оккупированных территориях невыносимые условия для противника (именно так действовали древние скифы против вторгшихся на их земли войск персидского царя Дария). В директиве № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требовали: “При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться... В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия”».

Собственно, я и сам мог бы привести эту цитату и другие подобные, не ссылаясь на чью-то научную

работу. Мне, как и другим «детям войны», все это известно с малых лет. Ведь не только в служебной директиве под номером, но и в речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года говорилось о том же: создавать на оккупированных территориях невыносимые условия захватчикам! Вот только я не знал, что это, воспринимавшееся всеми нами как совершенно необходимое и правомерное, оказывается, «скифская тактика».

Как же воспринимать теперь появление и утверждение такого термина? Автор просто демонстрирует свою глубинную историческую осведомленность или все же есть тут и некий оценочный оттенок?

В самом деле, скифы по расхожему примелькавшемуся восприятию – это дикари. Неспроста Александр Блок, когда кипело в нем оскорбленное национальное чувство русского человека, с вызовом написал: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы...»

Лицемерию и фальши «цивилизованных» с Запада бросал он вызов.

Эти «цивилизованные» не раз являлись к нам. Всегда под предлогом благих намерений, но ведь волки были в овечьей шкуре. И что же, хлебом-солью их встречать, никаких «невыносимых условий»?

Наполеон хлеба-соли и ключей от Москвы не дождался. Сожгли русские Москву, чтобы скорее выкурить отсюда высокомерного завоевателя. И хотя «поджигателей» расстреливали десятками и сотнями, не помогло. А градоначальник первопрестольной русской столицы Ростопчин и свое имение сжег, чтобы не могли тут захватчики с комфортом расположиться.

Выходит, как скифы вели себя русские в 1812-м, не проявив гостеприимства к «цивилизованным» пришельцам? Замерзающие французские вояки, не находившие теплого приюта в русских деревнях, стали одним из символов той войны: достаточно вспомнить впечатляющие картины из серии знаменитого художника-баталиста Василия Верещагина.

А пришельцы года 1941-го, тоже «цивилизованные», были еще более опасными. Они явились с целью не просто покорить, а уничтожить «эту страну» и «этот народ»! Ковры расстелить перед ними? Нет, создавать именно невыносимые условия!

Подчас при этом приходилось идти на самые крайние меры, особенно в наиболее критические моменты войны. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428, о котором мы начали говорить, появился именно в такой момент – 17 ноября 1941-го. Столица под угрозой захвата, борьба не на жизнь, а на смерть. Вот и ставилась в этом приказе задача лишить «германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». В этих целях приказывалось «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог...»

Надо прямо сказать: приказ в том виде, как он сформулирован, далеко не полностью был выполнен. Причины? Во-первых, все населенные пункты и все помещения уничтожить было невозможно. Да и никто, я думаю, на такое не рассчитывал: в приказе главным образом определялась направленность действий. А во-вторых, очень скоро, буквально через неполные три недели, начнется контрнаступление под Москвой, и советские войска гитлеровцев от столицы отбросят. Но совершенно очевидно, что прежде всего приказ тот, когда появился, имел в виду прифронтное зимнее Подмосковье, а с освобождением его становился уже не столь актуальным.

Нет сведений, чтобы где-то сильно пострадали в результате наши жители. Однако шум вокруг «бесчеловечного приказа» продолжается. И при этом молодежь зачастую понятия не имеет, что несли фашистские захватчики населению тех областей, которые захватывали.

Скажем, на территории Смоленской области они сожгли более пяти тысяч деревень, причем около трехсот из них – вместе с жителями. Загоняли в сарай или в самую большую избу всех оставшихся стариков, женщин, детей, заколачивали двери – и поджигали. Если же кто чудом вырывался из пламени, попадал под очереди автоматчиков, окружавших место массовой огненной казни.

Так, сразу 540 человек сгорело заживо в деревне Борьба-Новая. А сколько было таких деревень на всех оккупированных территориях!

Есть данные, которые свидетельствуют: наших мирных жителей во время войны загублено фашистами вдвое больше, чем погибло военнослужащих. Но об этом нынешние «профессиональные гуманисты» предпочитают молчать. Зато уж про участие Зои Космодемьянской в осуществлении «бесчеловечного сталинского приказа» кричат на всех углах.

Кто же после этого, спрашивается, по-настоящему бесчеловечен?

* * *

Не раз, когда в какой-либо аудитории заходил у меня разговор про Зою Космодемьянскую, слышал вопрос: «А правда, что ее выдал предатель?» Бывало, называли и фамилию – Клубков. Мне-то она была известна давно. И даже с именем: Василий Клубков. Его, состоявшего в той же части 9903, через некоторое время после казни Зои задержали по подозрению в предательстве. Было следствие, потом суд. И 16 апреля 1942 года по приговору военного трибунала за измену Родине он был расстрелян.

Эту дату я узнал, конечно, позднее, как и многое другое. Но про сам факт, что расстрелян предатель Зои, стало известно тогда же.

Итак, кто он, Василий Клубков? Что и как с ним произошло?

До войны работал сортировщиком 33-го почтового отделения Москвы. В часть 9903 был направлен из истребительного батальона в числе двадцати человек. На первое задание выходил с группой, перешедшей линию фронта 5 ноября 1941 года. На второе включили его в группу Павла Проворова, в которой, как известно, была и Зоя.

Мы знаем, что группы Проворова и Бориса Крайнова с самого начала объединились, а затем, в результате стычки с немцами, оказались раздробленными. Впоследствии в своем отчете Б. Крайнов напишет:

«В районе Усадкова со мной остались Космодемьянская и Клубков. Я решил поджигать объекты. Дошли до Петрищева и зажгли четыре строения. На место сбора Космодемьянская и Клубков не вернулись. Ждал до утра. В районе Детской Коммуны, Мякишево перешел линию фронта 29.11.41 г.»

Трагическая судьба Космодемьянской стала известна в начале февраля следующего года. А что Клубков? Как ни удивительно, в том же феврале объявился и он. Причем не где-нибудь, а в той самой части, из которой три месяца назад отправлялся с группой на боевое задание.

Однажды утром командиру воинской части 9903 майору Артуру Карловичу Спрогису позвонил его помощник старший лейтенант Д. А. Селиванов и доложил, что прибыл пропавший без вести Василий Клубков из группы Проворова. Он, Селиванов, с ним побеседовал, и Клубков написал объяснительную записку. Затем прошел проверку в «Смерше», после чего Селиванов направил его в группу Буташина.

Из объяснительной записки В. Клубкова от 21 февраля 1942 года: «В конце ноября, 26–27, по приказанию Крайнова я, Космодемьянская Зоя и он, Крайнов, ночью подожгли деревню. Я поджег один дом, где ночевали немцы. На других участках я увидел 2 зарева. После того, как я поджег дом, я побежал на сборный пункт в лес. В лесу были немцы, которые набросились на меня и взяли в плен».

Описав далее перипетии случившегося с ним – немецкий допрос, бегство из плена, снова плен и опять бегство, Клубков завершил свою объяснительную так: «О Зое Космодемьянской я ничего не знаю с тех пор, как разошлись для поджога деревни, занятой немцами».

Понятно, что про Зою особо спрашивали его, да и не единожды, наверное. Спрашивали, конечно, и бойцы группы Буташина, куда он был направлен после возвращения в часть. И вот что-то им в этом парне – чем дальше, тем больше – стало казаться подозрительным. В рассказах о себе, о плене, о лагере под Смоленском, куда он попал, одно противоречило другому.

Ребята этой боевой группы давно знали друг друга. Они уже не раз вместе бывали на заданиях, то есть в деле проверены. Но знали и о случаях предательства, чего надо было опасаться. Словом, о подозрениях своих по поводу Клубкова бойцы рассказали командиру части Спрогису, и он пригласил его к себе.

Дальше я буду ссылаться на книгу доктора исторических наук В. И. Боярского «Диверсанты Западного фронта». У меня к этой книге и ее автору немало претензий, о которых ранее мною сказано. Однако вопросом о Клубкове он, Вячеслав Иванович Боярский, по-моему, занимался больше, чем все другие исследователи темы Зои Космодемьянской. И, хотя у него тоже встречаются сомнительные, не до конца проясненные места, именно обстоятельность подхода и широта привлеченного материала, в том числе из уст непосредственных участников того, что было, дают основания внимательно учитывать приводимые им свидетельства.

Вернемся к встрече Спрогиса с Клубковым. Использую в данном случае прямую цитату из книги Вячеслава Боярского, поскольку писал он эту сцену, основываясь на рассказах самого Спрогиса и близких соратников легендарного командира:

«Дверь открылась, и Спрогис увидел белобрысого парня. Тот смущенно улыбнулся и, переваливаясь, приблизился к столу и присел на стул.

– Не узнаете? – спросил гость. – Я же Клубков из группы Проворова...

– Садись, – после короткой паузы сказал Спрогис, подавляя волнение. – Впрочем, ты уже сидишь. Докладывай, где пропал.

– Значит так, – бойко начал Клубков, похоже, уже не раз рассказывавший свою историю в особом отделе. – Вошли мы втроем в Петрищево, я, Космодемьянская и Крайнов. Крайнов остался на околице, ближе к лесу, в общем, хороший выбрал себе объект, а нас с Зоей послал в разные стороны, меня – направо, ее – налево. Я ему тогда сказал, что, мол, надо бы кому-нибудь прикрыть, понаблюдать хотя бы, а то влопаемся в темноте, но вы же знаете его, товарищ майор, он упрямый. Да и спорить было не место и не время.

– Дальше, дальше, – торопил Спрогис, которому показалось странным, что Клубков «давит» на Крайнева, заранее пытаясь его в чем-то обвинить. И, может быть, потому, что в той же самой ошибке в свое время обвинил Крайнова сам Спрогис, обвинение в устах Клубкова показалось ему теперь каким-то нарочитым, словно кто-то подsunул ему эту подсказку. Ищут виноватых чаще всего те, у кого совесть нечиста. Чаще всего. Однако отнюдь не всегда! Делать выводы было рано...

– Дальше худо получилось, товарищ майор! Кинул я бутылку, гляжу, в ту же минуту на другом конце деревни тоже загорелось, значит, думаю, и там все сработало. Я – бежать к лесу, где мы уговорились встретиться, а тут меня сзади – по голове прикладом, я с катушек и долой! Очнулся – вокруг фрицы. Что-то спрашивают, я ничего не понимаю, только слышу: «Партизан, партизан!»

Привели меня в дом, бить стали, я глаза закатил, будто без памяти. Думаю, так, может, быстрее

передышку дадут... И правда! Вытащили меня в сени, облили водой. Немец в хату заглянул. Отвернулся от меня, а я подхватился – и в дверь. Слышу, сзади по крыльцу затопали, пальбу открыли. Метель меня спасла, товарищ майор. Я огородами из деревни выбрался и дай бог ноги!

– Почему не явились в лес, где вас ждал Крайнов?

– Побоялся! – без запинки ответил Клубков. – Следы на снегу хорошо видны. А вдруг там засада? Помирать-то неохота! Я решил сделать круг и перейти фронт подальше от Петрищева. Сгоряча протопал верст пятнадцать, и дух из меня вон! Ребро мне фашистские гады все же сломали! Подобрала какая-то женщина, спрятала. Все бы хорошо, думал, отсижусь день-другой в подполе и к вам, да устроили немцы облаву. Всю молодежь подчистую загребли. Погрузили в товарняк и отправили в Германию. С одним парнем мы доску в полу выломали, на ходу выскочили из вагона. Счастливая звезда! Месяц к фронту пробирался, шел по ночам. В деревне остановился в одном доме. А тут наши ее заняли. Проверочку прошел на контрольном пункте, и сразу к вам. Прошу, значит, снова послать на боевое задание...

Последняя фраза уж совсем не понравилась Артуру. И весь Клубков ему остро не понравился. Лицо гладкое, а глазки бегают и на щеках красные пятна. Но, может, не стоит быть таким подозрительным? На войне всякое может приключиться. Даже метель по заказу. Даже часовой, отвернувшийся, чтобы партизан мог совершить побег!..

После обеда Спрогис позвонил дежурившему по части старшему лейтенанту Коваленко и сказал, чтобы Клубкова пока не ставили ни в какой наряд и никуда не посылали. Хоть и выглядит он неплохо, будто не в тылу у немцев три месяца пробыл, а у тещи на блинах, пусть пока отдыхает... Так Клубков второй раз оказался в “Смерше”».

Большую помощь В. И. Боярскому в расследовании и восстановлении этой непростой истории оказал, как я понял, бывший оперуполномоченный отдела контрразведки Западного фронта, в то время капитан Николай Нестерович Селюк. Несколько раз встречался с ним Вячеслав Иванович, когда собирал материал для своей книги об Артуре Спрогисе и его боевых друзьях. Селюк хорошо знал Спрогиса. Познакомились они еще в августе 1941-го. Знал Николай Нестерович и о том, какие задания выполняют люди Спросига: они постоянно обменивались информацией.

И вот весьма существенный факт, который нельзя не учитывать при анализе данной истории. В особом отделе штаба Западного фронта еще раньше стало известно, что гитлеровцы целеустремленно ищут следы войсковой части № 9903 и уже располагают определенными сведениями о ней. Больше того, появились тревожные сигналы, что они, возможно, уже протянули свою руку сюда.

Так, серьезно настораживал случай, происшедший недавно со Спрогисом, а точнее – с его машиной. Свою «эмку» он водил сам. Пользуясь правом беспрепятственного проезда по всем прифронтовым дорогам, надолго оставляя ее в разных местах без присмотра, но не без контроля. Это было бы не похоже на Спрогиса. Покидая машину, Спрогис всякий раз ставил на взвод специальное взрывное устройство. Если его своевременно не разблокировать, при попытке проникнуть в машину раздавался далеко слышимый выстрел холостого заряда.

Однажды поздно вечером, оставив на улице, как всегда, заблокированную машину, Артур Карлович стал подниматься по лестнице многоэтажного здания. И в этот момент раздался выстрел. Бегом бросился вниз, но никого не застал. Обнаружил лишь распахнутую дверцу машины. Неизвестный, получивший по видимому, ранение от взрыва капсуля, находившегося под сиденьем, бежал так поспешно, что забыл в машине собственное взрывное устройство. Над горе-подрывником, раненым в мягкое место, посмеялись. Но ведь на Спрогиса покушались! Просматривался чей-то опасный интерес к командиру и его части. Стало быть, можно ждать и еще «гостя» оттуда...

Так что же, счесть все это просто чрезмерной подозрительностью? О теме подозрительности в годы войны, обоснованной и необоснованной, реальной и мнимой, мы дальше еще поговорим особо. По ряду причин тема эта чрезвычайно важна, особенно сегодня. Но давайте сперва все-таки посмотрим, были основания у Селюка для каких-то сомнений относительно Клубкова или нет.

«В рассказе Клубкова слишком много белых пятен. Однако капитан Селюк не стал торопиться с выводами. Он внимательно, строчка за строчкой, прочитал отчет Крайнова и объяснительную Клубкова, пригласил обоих к себе...

Клубков повторял свою историю слово в слово, как патефонная пластинка, ничего не перепутал ни разу и окончательно убедил Селюка, что в его истории ни на грош нет правды. Но Селюк был терпелив.

– Вот вы пишете, что подожгли дом, где спали оккупанты, – обратился он к Клубкову.

– Да, поджег, – ответил тот.

– А почему же этот дом не загорелся?

– Не знаю, может, они потушили сразу...

– Ну, хватит, – устало сказал Селюк, – скажи лучше правду, что струсил.

Клубков тоже устал, устал изворачиваться. Он чувствовал, что ему не верят.

– Я расскажу, – сказал он, чуть наклонив голову, – только пусть Борис выйдет.

Капитан дал знак Крайнову, и тот вышел из комнаты. Нет, далеко не сразу признался Клубков. Была еще одна версия, потом еще одна, но долго играть в прятки он уже не мог. Постепенно раскрылась вся, как тогда представлялось Селюку, картина.

Да, действительно, Клубков вытащил из сумки бутылку с горючей смесью, пытался поджечь один из домов, в котором были гитлеровцы. Но не успел, в последний момент увидел в конце улицы часовых. Побежал в сторону леса. Его догнали, сбили с ног, отобрали наган, из которого он даже не пытался стрелять.

Когда Клубкова привели в штаб немецкой воинской части, он сначала назвался «красноармейцем». Его стали бить. Признался под дулом револьвера, что послан с заданием и что он не один. Гитлеровцы сразу же бросились на розыск остальных. Но никого не нашли...

Прогноз Спрогиса полностью подтвердился. Клубков вскоре оказался в одной из абверовских школ в местечке Красный Бор под Смоленском, где готовили для заброски в советский тыл из таких же, как он, предателей будущих агентов, диверсантов, террористов. Там он и дал подписку о готовности работать на немцев.

После соответствующей подготовки гитлеровцы оставили Клубкова в одной из деревень по ходу своего отступления. Оттуда он и вернулся в войсковую часть 9903 со специальным заданием...

В том, что произошло именно так, то есть что он стал агентом немецкой разведки, Клубков в конце концов признался. Есть об этом его подробные показания. Однако вот проблема: некоторые нынешние историки не просто ставят это под сомнение, а опровергают.

На каком основании? Да фактических оснований нет. Никаких. Ссылаются на то, что показания Клубкова очень путанные и противоречат первой объяснительной. Но разве этого достаточно, чтобы считать его невиновным?

Всё решают, я бы сказал, пожелания определенных авторов. А пожелания эти, как и во множестве других ситуаций, сводятся к тому, чтобы любым способом бросить тень на советское время.

Отсюда утверждение: Клубков ни в чем не виноват, его дело было «сфабриковано». Зачем? Оказывается, «чтобы обелить Зою». Приведу дословно, как это мотивируют:

«Ведь по суровым законам военного времени сдача в плен была запрещена и приравнивалась к предательству. “Последнюю пулю – себе” – таким было требование командования. Зоя же оказалась в плену, что накладывало пятно на ее репутацию героини советского народа. Но если диверсантку выдал предатель, указавший немцам, где ее искать, если в результате этой “наводки” Зою застали врасплох, то ее пленение становилось вполне объяснимым и “морально оправданным”. А может быть, все объяснялось еще проще: кто-то из спецслужб решил воспользоваться удобным случаем – возвращением Клубкова из плена и, сфабриковав дело о “предательстве” героини, “примазаться” к прозвучавшему на всю страну подвигу Зои Космодемьянской?»

Вот такие трактовки. Но в этом приведенном мною абзаце нельзя не видеть разительного противоречия. вспомните, когда Лидов писал свои очерки и потом, когда Зое присваивалось геройское звание, ни о какой причастности Клубкова к ее гибели речи не было. И не могло быть! Он появится позднее. Страну потряс героизм юной комсомолки, и она стала Героем Советского Союза. Не возникло же препятствия из-за того, что она оказалась в плену! Так с чего бы вдруг понадобилось «обеление» задним числом?

А версия, что «кто-то из спецслужб», как сказано, примазывался таким образом к прозвучавшему на всю страну подвигу, звучит и вовсе сверхнаивно. Вообще, явная предвзятость авторов, о которых я говорю, бросается в глаза. Все «в духе времени», как в примелькавшихся сериалах на военные темы: злые особисты, обреченные на полное недоверие пленные, подозрительность, не имевшая, дескать, реальных оснований...

Но так ли было на самом деле? Конечно, сдача в плен сама по себе не приветствовалась, и повышенную бдительность тоже требовалось соблюдать: война есть война. Однако даже в самое трудное время, о котором идет речь, попавших в плен предателями огульно не объявляли. Разбирались все-таки, с кем и как конкретно это произошло.

Из той же воинской части 9903 десятки бойцов были схвачены фашистами, но сумели бежать, а потом продолжали борьбу в рядах товарищей и становились героями. Можно назвать, например, Елену Колесову – будущего Героя Советского Союза и ее подругу по боевой группе Нину Шинкаренко (Флягину). Побывал в плену и один из лучших «спрогисовцев» – Григорий Сорока. Стойко перенесла ужасы немецкого концлагеря боец части Тамара Лисициан, которая после войны стала известным кинорежиссером и сценаристом. Подобных примеров масса!

А что касается «злых особистов»... По статистике, с 22 июня по 28 декабря 1941 года только на Западном фронте было обезврежено 505 вражеских агентов-разведчиков и диверсантов-террористов. Или все они просто «сфабрикованы», а в реальности никого к нам враги не засылали?

Кстати, значительную часть разоблаченной агентуры составляли те, кто был завербован немцами в плену. Это опять же по статистике. Могли быть какие-то вольные или невольные ошибки при расследовании этих дел? Наверное, могли и были. Но мы-то за последнюю четверть века получили ситуацию, когда почти все без разбора обвиненные в предательстве объявлялись невинными, а те, кто их разоблачил, кто боролся с ними, обвинялись во всех смертных грехах.

И это называется правдой истории? Но чья же она, такая правда?

* * *

В своей книге, подробнейшим образом рассмотрев обстоятельства дела Клубкова, Вячеслав Боярский написал: «До сих пор, спустя годы, Главная военная прокуратура пересматривает дела бывших врагов народа». Многих репрессированных и безвинно осужденных граждан реабилитировали.

«Клубков Василий Андреевич реабилитации не подлежит». Таково последнее заключение Главной военной прокуратуры».

Петр Александрович Лидов, когда стало известно о Клубкове и Свиридове, много размышлял не только о них, но вообще о феномене предательства. Героизм Зои столкнулся с изменой, и это доставляло автору очерка «Таня» дополнительную душевную боль. Он писал:

«Василий Клубков струсил, он не бросил бутылку с зажигательной смесью и был пойман... Девушка не струсила, она сделала свое дело... Душа Клубкова – потемки... Увидев живого фрица, он забыл о воинском долге и присяге, отрекся от Родины, от матери, от друзей – от всего, что есть у человека святого...»

Лидов хотел после войны написать книгу о Зое. Наверняка включил бы в нее и тему предательства. Невиданно массовым был в годы Великой Отечественной героизм советских людей, но предатели тоже были. Оправдания им нет. Не будем забывать: когда началось оправдание, рухнула великая Советская держава. Потому что место героев в стране заняли предатели, и они совершили свое подлое дело.

Урок на будущее. Урок на все времена.

Глава восьмая. Когда ей исполнилось бы 90

Зое Космодемьянской 13 сентября 2013 года исполнилось бы 90 лет, однако навеки она осталась восемнадцатилетней. Мои заметки, публикуемые ниже, связаны были со знаменательной датой.

Высокий свет звезды советской

Есть ли надобность в обосновании значения этого имени, его права на всенародную память и благодарное чествование? Еще четверть века назад вопрос такой был бы не просто странным, а совершенно нелепым. Подвиг юной советской героини говорил сам за себя, и никаких дополнительных доказательств здесь не требовалось.

Не то теперь. Если приходится отстаивать право на высокую и благодарную память по отношению ко всей советской эпохе, значит, каждый из ее героев поставлен под сомнение. Если огромный вал чудовищной клеветы обрушен на время, в котором они жили и от которого неотделимы, значит, клевета эта прежде всего бьет по ним – по тем, кто свое время особенно ярко выражает.

А Зоя Космодемьянская, безусловно, среди самых ярких советских звезд.

Герой или символ?

Это не я о ней спрашиваю. Это так озаглавил одну из своих подборок, направленных на уничтожение Зои, еженедельник «Аргументы и факты» в том году, который для Советской власти и Советского Союза стал последним.

Было очевидно: огонь ведется не только по знаковой личности, но через нее именно по Советскому Союзу и Советской власти. Огонь прямой наводкой и с флангов, грубой ложью и хитрыми подтасовками. Причем орудия вовсю действовали уже не «из-за бугра», а здесь же, на советской земле, в ее центре...

Поставив «или» между героем и символом применительно к Зое Космодемьянской, враги ловким экивоком хотели сказать: да не герой она – только символ героизма, который из нее сделали. Кто сделал? Понятно: коммунисты, советская пропаганда.

Вот такой на тот момент был выбран прием, сработавший, увы, в чьих-то головах.

Между тем истина в данном случае никакого «или» категорически не допускает! Потому что Зоя – это и настоящий герой, и символ, если понимать под ним не пустую надутую мнимость, а вершину, обобщение, самое концентрированное и впечатляющее выражение реального героизма.

Конечно, символ, а как же. Началась-то в народе ее слава, тогда еще безымянная, с чего? Старик-колхозник, видевший казнь девушки, почти девочки, в подмосковной деревне Петрищево и потрясенный виденным, рассказывал про это случайным встречным так: «Они ее вешали, а она речь говорила!..»

Старик тот, как и все присутствовавшие при казни, не знал и не мог знать имени взошедшей на смертный эшафот, но ему было ясно, что она – героиня. И это сразу же стало ясно военкору «Правды» Петру Лидову, случайно услышавшему рассказ о неизвестной жертве фашистов. Он и писал о ней сперва как о неизвестной, под тем именем, каким назвалась: Таня, Татьяна. Понимание было абсолютным, что писать надо немедленно.

И он это осуществил на одном дыхании. А появился в газете пронзительный его очерк «Таня» вместе с еще одним документом необыкновенной силы – снимком казненной девушки, который сделал Сергей Струнников, фотокор «Правды» и друг Лидова: вместе они погибли 22 июня 1944-го, меньше чем за год до Победы.

Да, но в те дни, когда Зоя свершила свой подвиг и когда Лидов со Струнниковым поведали о нем стране и миру, до Победы было еще очень далеко. И я повторю то, о чем писал не раз: значение этого подвига и посвященной ему публикации в «Правде» для достижения Победы стало исключительным, воистину неопределимым!

У известного социолога и политолога Сергея Кара-Мурзы есть актуальные размышления о глумлении над нашими святынями как главном инструменте «социо-культурных реформ». Касается профессор и выбора объектов для глумления. Ему в Бразилии, где он читал лекции перед обществом психологов и психоаналитиков, объяснили, почему именно образ Зои Космодемьянской надо было испоганить – ведь имелось множество других героинь. А дело, оказывается, вот в чем:

«...Она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа. И те, кто над этим образом глумились, стремились подрубить именно эту основу».

Что тут скажешь? Психологи, конечно, копают глубоко, и про опоры самосознания народа определили они верно. Только вряд ли уж такую решающую роль имело «отсутствие утешения от воинского успеха». Неужто, будь он больше, не вошла бы Зоя в «пантеон святых мучеников»? Да и отделение народного сознания от официальной пропаганды в случае с Зоей представляется абсолютно необоснованным. По-моему, как раз наоборот: здесь не отделение, не противостояние сознания народа и того, что названо пропагандой, а полнейшее совпадение.

«Правда» очерком и фото своих журналистов рассказала народу про подвиг одной из его дочерей. А чтобы понять, как народ это воспринял, вовсе не надо ехать в Бразилию и встречаться с тамошними психологами. Поскольку Сергей Георгиевич несколько моложе меня, он не может помнить тот номер «Правды» в дни его выхода. А я помню: мальчишкой в рязанском селе Можары носил газеты с почты в лесхоз. Очерк Лидова прочел прямо на почте, от снимка Струнникова не мог оторвать глаз. Мне кажется, такого потрясения никогда в жизни я не испытывал. И не один же я – потрясение было для всего народа!

Немцы находились совсем близко от нашего села и, что гораздо важнее, на подступах к Москве. Но то, о чем, мы прочитали и что увидели в «Правде», поднимало и крепило уверенность: фашистам в Москве не бывать.

Стойкость, несгибаемость, непобежденность советской героини, олицетворявшие несокрушимость народа, действительно отливались в символ поколения, которому предстояло стать поколением победителей.

Такая короткая и бесконечная жизнь

Но можно ли (и нужно ли?) отделять ее образ от реальной биографии, связанной с реальным временем?

Биография короткая. Географически связана она в основном с тремя точками, где сейчас есть музеи имени Зои. В селе Осино-Гай на Тамбовщине, ранее называвшемся Осинные Гаи, замечательный директор волнующего музея Сергей Иванович Полянский покажет вам бережно хранимую колыбель, в которой качали родившуюся здесь нежную девочку по имени Зоя. А в селе Петрищево под Москвой Надежда Серафимовна Ефименкова поведет к обелиску на месте, где та девочка, едва дожившая до восемнадцати, приняла героическую смерть под именем Татьяна. Между началом жизни и концом – столичная школа № 201 (ныне гимназия), и тут возглавляющая памятную экспозицию Наталья Валентиновна Косова раскроет перед вами книги, которые брала в школьной библиотеке ученица Зоя Космодемьянская.

Я был в этом музее не раз, однако недавно, при последнем посещении, впервые показала мне Наталья Валентиновна библиотечный том 1938 года издания под названием «Женщина в гражданской войне». Сборник очерков о красных героинях я взял в руки с трепетом. И не только потому, что его держала в своих руках будущая героиня – первая женщина Герой Советского Союза в годы Великой Отечественной. Я ведь знал: именно здесь, в этом сборнике, прочла она очерк, сыгравший особую роль в том, что произойдет с ней вскоре после начала войны. Даже имя, которым назовется она, идя на подвиг, даст ей эта книга.

Мы в нашем поколении с детства знали: это имя – от Татьяны Соломахи, молодой учительницы, коммуниста, боровшейся против белых на Кубани и казненной ими после страшных пыток. Так глубоко взволновала Зою ее судьба, что мысленно (еще до войны!) взяла Татьяну в пример, в образец себе. Наверное, думала: «Если и мне выпадет такое, буду как она». Собственно, про это писала ее мама Любовь Тимофеевна в своей исповедальной книге «Повесть о Зое и Шуре».

Да, я это знал давно и книгу Л. Т. Космодемьянской читал не единожды. Но самого очерка Людмилы Аргутинской, оказавшего столь сильное влияние на Зою, к стыду своему, не читал. И вот теперь, летом 2013-го, попросил руководительницу школьного музея Зою и Шуру снять ксерокопию с заветных страниц.

Поразительно! До чего же могут совпасть события, разделенные многими годами. В ноябре 1918-го белые ворвались в село Козьминское, где в тифу лежала Таня. Больную девушку бросили в тюрьму и пытали в надежде, что она выдаст товарищей. Один из ее учеников, приходивший вместе с друзьями к тюрьме, перед которой ежедневно и публично – для устрашения – жестоко избивали красных узников, рассказывает в очерке так:

«Ее поролы всегда первой, и ни одного из мужчин не били так жестоко. Ей мстили за то, что она не кричала, не просила пощады, а смело оглядывала своих палачей. Ее били за то, что она – учительница, образованный человек – ушла к большевикам и до последней минуты оставалась с ними.

...Избитую, окровавленную учительницу подняли с земли и поставили у стены дома. Она еле держалась на ногах. И опять меня поразило ее спокойное лицо. Я искал в нем страх, мольбу о пощаде, но видел только широко открытые глаза, пристально оглядывающие толпу. Вдруг она подняла руку и громко, отчетливо сказала:

– Вы можете сколько угодно пороть меня, вы можете убить меня, но Советы не умерли. Советы живы. Они вернутся к нам».

Скажите, ничто не напоминают вам эта ситуация и эти слова? Вы помните последние слова Зои перед смертью?

«Рябой, небольшого роста, с бельмом на правом глазу урядник Козлика со всего размаху ударил учительницу шомполом по плечу и рассек платье. А потом... крики смешивались со свистом шомполов и глухими ударами. Пьяная орда навалилась на незащищенное тело, била ногами, руками, прикладами.

Когда учительницу подняли, все лицо ее было залито кровью. Она медленно вытирала бегущую по щекам кровь. Мы подняли руки, замахали ими в воздухе, но Татьяна Григорьевна не заметила нас.

– Не больно? – задыхаясь от усталости и отходя немного в сторону, спросил Козлика. – Я тебя еще заставлю милости просить.

Тяжело дыша, учительница двинулась к уряднику и вдруг резко бросила ему в лицо:

– А ты не жди. У вас просить я ничего не буду».

Не так ли и Зоя выдержкой своей отвечала мучителям годы спустя? Совпадение поразительно во многом. Будто уже тогда, в 1918-м, предвиделось то, что произойдет в 1941-м. Вы прочтите:

«Наступала зима. Теперь Татьяну Григорьевну выводили на двор в одной рубашке. На худом, покрасневшем от мороза теле ярко выделялись синие кровоподтеки и красные полосы от шомполов. На спине – загнившие раны...»

Не Зоя ли это идет раздетая, босиком по заснеженной петрищевской улице, подгоняемая вооруженным врагом?

Ну и финал – последние строки рассказа о той, которая стала любимой Зоиной героиней:

«В раннее морозное утро белые за выгоном порубили восемнадцать товарищей. Последней была Таня.

У нее, еще живой, сначала отрубили руки, потом ноги и затем голову.

Верная своему слову, она не просила пощады у палачей.

Так могут умирать только большевики!»

Что значит быть коммунистом

Я специально привел такие пространные выдержки из довоенного очерка. Дело в том, что сегодня прочесть его нигде невозможно. Даже в солидном томе документов и материалов «Зоя Космодемьянская», изданном недавно Главным архивным управлением города Москвы и претендующем на определенную объективность, об этом очерке лишь вскользь упоминается. Причина? Яснее ясного: от большевиков, от идей Великого Октября и красных героев Гражданской войны Зою (как и других героев Великой Отечественной) хотят любыми способами отделить.

В предисловии к названному сборнику в общем-то верно сказано: «Человек отличается от животного тем, что имеет идеалы». Но какие идеалы были у Зои Космодемьянской и в целом у молодежи ее поколения? Давайте прямо скажем: коммунистические. Именно они в органическом единстве с патриотической идеей любви к Родине дали столь мощный результат – привели к Победе в самой страшной и действительно судьбоносной войне. Однако, вводя в курс патриотической составляющей, про коммунистическую сегодня предпочитают глухо молчать. Либо, что еще хуже, – не узнаваемо извращать.

Между тем однополчанка Зои по разведывательно-диверсионной части 9903, член ВКП(б) – КПСС – КПРФ с 1943 года Клавдия Васильевна Сукачева, с которой я дружу много лет, написала кратко и емко: «Нашим любимым фильмом был “Чапаев”, любимой книгой – “Как закалялась сталь”, любимой песней – “Каховка”».

В записной книжке Зои, где отразилась напряженная работа ее ума и души, конечно, есть знаменитые слова Николая Островского о том, что самое дорогое у человека – это жизнь, и о том, как надо прожить ее. Здесь же список с надписью «Читать», который открывают «Что делать?» – Чернышевского и Ленина. Много Маяковского и о Маяковском. Выписывает из него: «Быть коммунистом – значит дерзать, думать, хотеть, сметь».

При этом помнила и ленинское: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». В записях этой девочки поражает широта интересов, тяга к высокому и глубина его постижения. Как вдумчиво, с какими неординарными наблюдениями осваивает «Войну и мир»! Как стремится постигнуть, в чем оптимизм творчества Шекспира! А лермонтовское «Бородино» переписывает целиком.

С пророческими для нее строками: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!..»

Задание себе на лето 1941-го начинает с Полного собрания сочинений Маяковского, а далее следуют Жорж Санд и Горький, Шекспир и Виктор Гюго, Алексей Толстой и Чехов, Шолохов и Новиков-Прибой... Если же заглянуть на другие страницы этой записной книжки, встретим Драйзера, Мопассана, О. Генри, Мериме, Есенина, Льва Кассиля...

Вот уж, кстати, о Кассиле. Популярнейший тогда советский писатель для детей и юношества: согласно записной книжке, Зоя подряд несколько книг его прочла. А теперь в гимназическом ее музее Наталья Валентиновна Косова показывает мне статью Льва Кассиля, опубликованную в «Правде» 14 июня 1941 года. Об этой московской школе – 201-й! Оказывается, знаменитый писатель побывал здесь перед летними каникулами, написал статью под названием «Зеленый шум...», а «Правда» напечатала – ровно за неделю до начала войны!

Писатель восхищен школой. Ее педагогическим коллективом во главе с великолепным директором Николаем Васильевичем Кириковым. Ее учениками. Уникальным садом, который все вместе они сумели

создать на неприглядном пустыре. Автору статьи не привелось встретиться с ученицей Космодемьянской, но он пишет о председателе учкома комсомольца Иване Белых – сыне штукатура и тоже мастере по штукатурной части, а еще о Лене Камском, который за год успел прочесть в библиотеке 138 книг. Рассказывает о зимнем лектории, собиравшем всегда переполненный зал на вечерах, посвященных Лермонтову, Пушкину, Горькому, Маяковскому, Суворову, Кутузову...

Читаешь это, и сразу возникает в памяти расхожая ныне ложь, будто Сталин вспомнил о Суворове и Кутузове лишь тогда, когда враг уже был на подступах к Москве. Нет, о подготовке к службе в Красной Армии так или иначе говорит почти каждый материал правдинской страницы, выпущенной к начинавшимся каникулам в школах.

Пишет об этом и Сергей Михалков – лауреат Сталинской премии, писатель-орденоносец, как гласит подпись. Он пишет, предчувствуя вместе со всеми надвигание большой войны.

Лето 1941-го...

«Но к 1940 году европейская Россия закончилась. Осталась Русь, Московия».

Вас удивляет, откуда вдруг я это взял? Скажу: из официоза нынешней власти «Российской газеты» за 10 апреля 2013 года. Автор – тоже Михалков. Сын. Который Андрей Кончаловский.

У него на историю нашу вот какой взгляд. Был в России «малый русский народ», или «белый» – русские европейцы. Создатели культуры, заброшенные в страну дикарей. Так вот дикари эти во главе, понятное дело, с большевиками тех «белых европейцев» к 1940 году и уничтожили...

Интересные все-таки сынки получились у автора советского Гимна! Он, этот самый Кончаловский, про последующий 1941 год умудряется как-то начисто забыть! А ведь тогда, 22 июня, именно столь любезная его сердцу Европа явилась к нам, чтобы дикарей «цивилизовать». Как это делалось, мы хорошо знаем. А Кончаловский не знает?

Советская школьница Зоя Космодемьянская, комсомолка, коммунист в душе, и миллионы таких, как она, встали на пути «цивилизаторов». Белые, говорите? Ну да, те, кто против равенства людей, против справедливости, всегда считают себя белее всех других, будь они хоть трижды грязно-коричневыми. Отчеканят на бляхе солдатского ремня: «С нами Бог» – и все в порядке...

Но кто был человеком истинной культуры, то есть, говоря языком Михалкова-Кончаловского, «настоящим европейцем» – Зоя Космодемьянская с ее богатейшим духовным миром, выращенная партией коммунистов, советской школой и всем строем советской жизни, или пришедший из центра Европы фашист, который надел петлю ей на шею?

Оказывается, ответ на этот вопрос, данный самой историей, не для всех является однозначным и окончательным...

Кто нынче тон задает

Перед идеологами антисоветской России немало трудных задач, которые не поддаются внятному решению. Одна из них такая: как объяснить, что в Советской стране, объявленной исчадием ада, появилось вдруг столько героев, которых по прежним меркам в пору святыми провозглашать?

Сперва их попробовали дискредитировать прямой ложью, как это было и с Зоей Космодемьянской. Но правда сопротивлялась, народная память тоже не хотела мириться с искажением до неузнаваемости образов, ставших родными. И тогда прибегли к другому приему.

Мне уже доводилось писать в «Правде» о передаче на Первом канале телевидения, подготовленной некоторое время назад к Дню Победы и получившей название «Страна героев». Приглашение меня, журналиста «Правды», в эту передачу сильно удивило. Ведущим-то назначен одиозный Андрей Малахов, а что у нас с ним общего?

Убедили меня тем, что в центре передачи будет Зоя Космодемьянская. Подумалось: наверное, Зое потребуется защита. С этой мыслью пошел – и не ошибся.

Все получилось именно так. Более того, защищать пришлось не только Зою, а фактически всех наших советских героев. Против хитро, коварно выстроенной концепции, поставившей их под сомнение.

Нет, на сей раз не говорилось, что они не герои. Даже признавалось, что мы были страной героев. Но...

«Но лучше бы мы ею не были. Лучше бы просто жили, трудились, отдыхали, любили...»

Дословно воспроизвожу выступление одной из центральных участниц передачи, явно готовившееся как программное. И сразу стал понятен смысл двух кадров, еще до начала разговора высвечивавшихся в студии на боковых экранах. Это была Зоя под виселицей – известная фотография, снятая немецким офицером, а рядом – улыбающийся Сталин. Разумеется, его улыбка на совсем другом фото никакого отношения к сцене казни не имела, но соединение двух этих изображений придавало начинающимся съемкам, а затем и передаче в эфире зловещий смысл.

Что следовало из нее? Герои, конечно, совершали свои подвиги, однако сами они были жертвами. Причем не столько жертвами фашистских захватчиков, обрушившихся на нашу страну, сколько той власти, которая против этих захватчиков их «послала». Обрекая на гибель. Да ведь во всем, что накручено вокруг великой войны за последние два с половиной десятилетия, уже далеко не каждый и разберется. Кто там был захватчик, а кто освободитель...

«Козырной картой» в том выпуске «Пусть говорят» стал для Малахова человек по имени Святослав Чуриков – двоюродный племянник Зои Космодемьянской.

– Вы считаете, образ вашей тети заслуживает такого пристального внимания? – обратился ведущий к мужчине средних лет, сидевшему за моей спиной.

Интонацией ясно давал понять: нет, не заслуживает.

Однако ответ последовал более витиеватый. Дескать, война была выиграна цепью подвигов народа, о чем говорилось долго и туманно, а что касается Зои... Тут напомнил этот Чуриков известный кадр кинохроники, где полностью деморализованный Гитлер обходит ряды немецких подростков, одетых в военную форму, когда советские войска уже близки к Берлину. Вот вам и параллель: не так ли посылали на смерть Зою и ее сверстников?

Напрасно кипела возмущением рядом со мной Клавдия Васильевна Сукачева, тоже оказавшаяся

приглашенной на эту передачу. Ей хотелось во всеуслышание сказать, что не по приказу, а добровольно пошли они защищать Родину. Но ни Зоиней однополчанке, ни мне слова уже не дали. Мнение двоюродного племянника осталось главным и решающим.

Вот находят же подобных родственников! Судя по всему, один он такой сегодня в роду Зои Космодемьянской, но, наверное, именно поэтому слово ему предоставляется особенно охотно.

Даже в любовно составленной книге «Памятник матери», которую подготовила и выпустила недавно Екатерина Геннадьевна Иванова, увидел я заметку С. В. Чурикова «Тетя Люба». И каков же взгляд автора на мать Зои? Как воспринимает и трактует он личность Любви Тимофеевны Космодемьянской? А вот как: «Для меня она всегда была несчастным человеком, вынужденным смириться с официально узаконенной, полуживой историей страны».

Оказывается, смирилась во имя детей. Их светлой памяти. «Дети ее росли при “великом Сталине”, в эпоху первых пятилеток, строительства Днепрогэса, перелетов Чкалова, Белякова и Байдукова и помощи сражавшейся Испании. Они, Зоя и Шура, считали себя частью советского общества и менталитета – так же должна была теперь тетя Люба представлять их и всю семью в своем лице».

Значит, Зоя и Шура не были частью советского общества, а только «считали себя» таковыми? Значит, Любовь Тимофеевна тем более к тому обществу не принадлежала? Хотя ведь была советской учительницей и стала коммунистом. А любимый ее брат Сергей (кстати, дед Святослава Чурикова) был членом РКП(б) с 1919 года и позднее работал в аппарате ЦК ВКП(б), а сестра ее была близка по работе к Надежде Константиновне Крупской...

Все это и многое другое со счетов сбрасывается! Зато на первом плане – гибель свекра Любви Тимофеевны, отца ее мужа, священника, убитого якобы большевиками в 1918 году.

На слове «якобы» делаю ударение. Ибо самые тщательные мои расследования в Тамбове и Осино-Гае, где в храме Знамени Божией Матери служил отец Петр, не дали бесспорных свидетельств в пользу именно такой версии. А вот некоторые другие версии более доказательны. Об этом я подробно писал в своей корреспонденции «Есть в России Осинские Гаи», опубликованной в «Правде» к 75-летию со дня рождения Зои – в 1998 году.

Прошло пятнадцать лет. Каких-то новых документов на сей счет, как я узнал будучи теперь в Тамбовской области, не выявлено. Однако в 2004 году произошла церковная канонизация отца Петра как местно чтимого святого мученика. Он действительно мученик, ибо смерть его, судя по всему, была насильственной. Но вот то, что она однозначно стала приписываться большевикам, по-моему, дань даже не политике, а политиканству. Знакомое стремление любым способом столкнуть или хотя бы развести судьбу героини и родной для нее страны, которая все-таки была в ее годы большевистской, социалистической, Советской...

Ее образ зовет к борьбе за Победу

Да, время идет, что-то меняется. Но все ли меняется к лучшему? Когда летом 1998-го я был в Осино-Гае, Сергей Иванович Полянский водил меня в дом Зоиных дедушки и бабушки – родителей Любви Тимофеевны, у которых внучка несколько лет подряд отдыхала во время школьных каникул, приезжая из Москвы. Теперь дома того уже нет.

– Вот видите, какие хоромы тут возвели, – с горечью говорит многолетний и преданный хранитель Зоиной памяти в ее родном селе.

Он, конечно, бился за сохранение исторического дома изо всех своих сил. Ведь в тех стенах была живая память: особое настроение охватывало, когда воочию представлялось, что именно здесь росла будущая героиня.

А школа, где она училась? Тоже сегодня уже не та. Здание, в классах которого прошли ученические годы Зои и Шуры Космодемьянских, с 2000 года закрыто «на ремонт». И будет ли оно когда-нибудь вновь открыто, для многих вопрос. Печально бродил я вокруг накрытых зеленой сеткой стен, над которыми, как мне показалось, витает дух обреченности.

Беспокоит и судьба дома Прасковьи Кулик в Петрищеве – того самого дома, где протекли последние часы жизни Зои. Здесь она перенесла жесточайшие пытки. Отсюда ушла на казнь. Разве кому-то не понятна совершенно особая значимость такого памятника? Однако нет никакой гарантии, что он будет сохранен...

Недавно, будучи на Прохоровском поле, президент В. В. Путин говорил о необходимости искать и открывать в архивах новых и новых героев войны, которые до сих пор остаются неизвестными. Что ж, верно. Искать надо. Открывать надо. Но не забывать же при этом тех, кто уже много лет составляет славу Отечества!

А что мы имеем в последнее время? К 22 июня 2013 года, накануне 72-й годовщины начала Великой Отечественной войны, правительственная «Российская газета» опубликовала данные, которые сама же назвала шокирующими. Это результаты исследования, проведенного Московским гуманитарным университетом на тему «Отношение современной молодежи к подвигу советского народа в Великой Отечественной войне». Опрос проводился среди студентов целого ряда российских городов, и вот что выяснилось: четверть из них ничего не слышали о Сталинградской битве, а половина не смогли назвать ни одного (!) героя войны.

Почему же так получается? Не потому ли, что подвиг был совершен советским народом, а современная молодежь – уже не советская? Как ни крути, сколько ни изошрайся, чтобы уйти от этого, а факт есть факт.

«Российская газета», комментируя данные социологов, замечает: «Вот тут и вспомнишь добрым словом советские уроки мужества, после которых худо-бедно, но на такие вопросы ответить мог каждый».

А я вспоминал, какие бои приходится выдерживать сегодня даже за употребление самого слова «советский». Вот вам пример из родных мест Зои. В Тамбове на одной из центральных улиц города продолжительное время был установлен транспарант со словами «Подвиг советского народа бессмертен!» Расположение не случайное – поблизости памятник в честь танковой колонны «Тамбовский колхозник», построенной на средства здешних тружеников села в суровые военные годы. Так представьте себе, однажды последовало распоряжение изменить текст на транспаранте, чтобы там был просто народ – не советский.

Надо воздать должное тамбовским ветеранам: лозунг на красном кумаче они отстояли в соответствии

с исторической истиной. Но ведь с острым чувством обиды за наших героев, за нашу Зою отмечаешь, как упорно искажаются и вытравливаются в посвященных им книгах, статьях, телепередачах важнейшие понятия, неотделимые от них, но ставшие ныне почти запретными для употребления в положительном смысле: советский, комсомолец, коммунист, Коммунистическая партия...

А без этого новым поколениям не понять, откуда вдруг взялся такой небывалый, массовый героизм в годы Великой Отечественной войны, каков главный секрет воспитания этого героизма. Я прочитал несколько сочинений о Зое, написанных в школах Тамбовской области и в московской гимназии № 201. Лучшие из них радуют искренностью: все-таки нравственная высота подвига покоряет молодых, даже вопреки прагматической, эгоистичной и корыстной доминанте нынешней жизни. Однако мало кто, при всем восхищении характером героини, добирается до истоков его, до сути.

Молодец юная тамбовчанка Екатерина Ходаева, выделившая, пожалуй, самое основное: «Зоя любила читать книги, в которых автор зовет читателя не к своему собственному счастью, а к счастью всенародному, учит бороться за это счастье...»

О том же – десятиклассница Елена Фомина из Моршанска: «Любимым писателем Зои был А. Гайдар с его кристально чистым отношением к жизни, с идеей борьбы за всенародные интересы. Ее потрясла биография Н. Г. Чернышевского, и его жизнь стала для нее высокой мерой поступков и мыслей».

Но разве есть сегодня в школьной программе Чернышевский? Разве читают «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», того же Аркадия Гайдара и многое другое, на чем была воспитана Зоя? А если даже что-то читают, то на какую почву это теперь ложится?

Меня поразило, например, в одном из сочинений следующее «открытие»: оказывается, при решении вопроса, зачислить Космодемьянскую в партизанский отряд или нет, секретаря Московского горкома комсомола А. Н. Шелепина «смущали ее происхождение и дружеские отношения Зои с опальным (?) писателем Гайдаром». Откуда же это взялось?! Поражаешься, но не удивляешься: предела нет причудливым нынешним фантазиям на темы советского бытия...

Высокую правду о советских героях несли в советское время такие книги, как «Повесть о Зое и Шуре» Любови Космодемьянской, «Повесть о сыне» Елены Кошевой, «Четвертая высота» Елены Ильиной и многие другие. Но где эти книги теперь? Их не переиздают. Да и ни в коем случае не включают ни в какой рекомендательный список для молодых по одной очевидной причине: они – советские, «прокоммунистические».

В какой-то мере компенсируют отсутствие этих книг издания, осуществляемые подвижниками и энтузиастами на местах. Зое повезло на таких подвижников в родной Тамбовской области. Отличную книгу «Ты осталась в народе живая...» составили выдающийся здешний журналист-коммунист Иван Игнатьевич Овсянников (увы, теперь уже покойный) и талантливый поэт Валентина Дорожкина. А недавно ее удалось переиздать с помощью спонсора еще одной хранильнице памяти о Зое – педагогу Лидии Алексеевне Шебуновой, создавшей в селе Борщевка близ Тамбова народный исторический музей имени Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Очень жаль только, что по непонятной причине имя одной из составителей книги – Валентины Тихоновны Дорожкиной теперь не упомянуто. Надо в будущем это непременно поправить!

Имя Зои требует кристально чистого и самоотверженного отношения ко всему, что с нею связано. Для меня образец такого отношения – уже упоминавшаяся Клавдия Васильевна Сукачева, ее однополчанка и настоящий коммунист. Несмотря на более чем 90-летний возраст и тяжелое состояние здоровья, она продолжает выступать со страстными статьями в «Правде», а недавно подготовила уникальный альбом с фотографиями и своим волнующим рассказом о боевых товарищах по воинской части особого назначения

9903, бойцом которой была Зоя.

И еще один образец, которым я искренне восхищаюсь, – коммунист, фронтовик, многолетний убежденный борец за честь имен И. В. Сталина и З. А. Космодемьянской Иван Тимофеевич Шеховцов. Волею судьбы он живет сейчас на Украине. Так вот недавно произошло знаменательнейшее событие: украинским коммунистам удалось установить в Запорожье памятники Сталину и Зое Космодемьянской. Рядом. Глубоко символически. Помните, что Зоя сказала перед казнью? «Сталин придет!»

Знайте: обе скульптуры изготовлены и установлены в значительной мере на личные сбережения коммуниста Ивана Шеховцова. В годы войны советские люди так же отдавали свои сбережения на строительство танков и самолетов. Во имя Победы.

Образ Зои, как и образ Сталина, зовет нас к борьбе за Победу сегодня.

Петрищево. Ноябрь. Дыхание памяти

Как мы знаем, в этой подмосковной деревне Зою Космодемьянскую казнили холодным днем 29 ноября 1941 года. Теперь 2013-й. Семьдесят лет и еще два года прошло. Помнят ли люди? Едут ли сюда? Всегда ли будут помнить это место, где восемнадцатилетняя девушка, почти девочка, простилась с жизнью, предпочтя смерть предательству?

Она совершила свой подвиг ради людей, близких и дальних. Умерла за свой народ. А сегодня благодарная память в нашем обществе борется с беспамятством, признательность – с глумливым двоедушием, высокая правда о героизме – с низменными фальсификациями, извращенческим вымыслом, расчетливой клеветой.

Для меня Петрищево давно стало местом святым, как и та, которая сделала эту небольшую русскую деревню известной всему миру. В советское время приезжал не раз, чтобы поклониться памяти любимой с детства героини. Однако настали другие времена, и потребовалось быть здесь не только в благоговейном поклоне, но и по зову той самой борьбы за правду.

Отзвуки ее читатели «Правды» явственно уловили и в вопросах американского профессора Джонатана Платта, который пишет книгу и снимает фильм о Зое (об этом читайте дальше, в следующей главе). Вопросы, опубликованные в нашей газете, вызвали столько взволнованных откликов, подняли в душе столько воспоминаний, что, побывав в год 90-летия героини еще раз на ее родине и в ее школе, не мог я опять не отправиться туда, где 72 года назад встретила она свою смерть и откуда ушла в бессмертие.

Самое главное – они выстояли

Итак, я еду в Петрищево. Ранний можайский поезд с Белорусского вокзала довезет через полтора часа до станции Дорохово, а уж оттуда восемь километров автобусом. Знакомая дорога...

В темени проплывают за окнами поля, леса, огоньки домов. Где-то незримо пересекли рубеж, за которым в 1941-м уже были враги. В такую же темь уходила на задание Зоина группа. А полвека спустя, в 1991-м, ровно в это время ехал я к месту ее казни, чтобы вступить в схватку с тем, что казалось совершенно невыносимым: «Зоя – это не Зоя, и подвиг ее – не подвиг».

Так утверждала газета «Аргументы и факты», и радостно подхваченное новыми врагами карканье это широко понеслось. Словно предвестие уничтожения великой страны под названием Советский Союз.

Более ужасного времени я в своей жизни не знаю. Даже когда немцы совсем близко подошли к нашему рязанскому селу, детское чувство твердило: «Не возьмут!» И не взяли. И не одолели страну. А тут вдруг враги оказались в руководстве государства – сознание этого было невыносимым.

Каким же застал я тогда музей Зои Космодемьянской в Петрищево? Ведь перед отъездом многие мне говорили, что судьба его решена, музею этому теперь уже не бывать. Но он работал! Было отключено отопление, и в комнатах стоял мороз, все сотрудники не снимали пальто или шубы. Однако сразу же поделились своей профессиональной радостью. Недавно пришло письмо из Воронежа. Автор его, юрист Игорь Юрьевич Дубинкин, прислал фотографию, которая осталась от его умершего отца – ветерана войны, работавшего в саратовской областной газете. Так вот, на фото этом, доставшемся, видимо, от убитого немца, воспроизведен еще один, ранее неизвестный ракурс Зоиной казни.

Со священным чувством склонились мы все над трагическим снимком. И я подумал: кто-то делает сейчас все, чтобы уничтожить светлую память о героине, а другие бережно собирают ее и хранят.

Потом снова и снова приезжал я в Петрищево. Музей пытали холодом и безденежьем. Проблемой было сделать самый элементарный ремонт. Сотрудникам платили в полном смысле нищенскую зарплату, да и ту с задержками. Но никто из них не ушел! Не бросили свою боевую вахту. Выстояли и сохранили музей.

Мысленно я еще тогда назвал их: «три богатыря». Хотя это совсем не богатырского сложения женщины, имена которых снова произношу с величайшим почтением и сердечной благодарностью. Поблагодарите и вы их. Это Надежда Серафимовна Ефименкова, Татьяна Григорьевна Тенькова и Надежда Владимировна Савосина.

Своей любовью и верностью они достойны той, чьей памяти служат.

«Старое» и «новое»

Вот и в этот раз встретили меня все трое. Впрочем, совсем недавно к ним прибавилась четвертая. Дело в том, что Надежда Серафимовна, работающая в музее без малого три десятка лет и почти два из них – директором, попросила себе более молодую смену. И с 16 сентября 2013 года на должность директора назначена Ольга Валентиновна Полякова, бывшая до этого учителем школы в поселке Космодемьянском.

Уверен, ей очень хорошо помогут освоиться здесь. Ведь Надежда Серафимовна не ушла из музея, она осталась работать экскурсоводом. А какой огромный опыт у научного сотрудника Татьяны Теньковой, чей стаж приближается уже к сорока годам, и у главного хранителя Надежды Савосиной, отметившей ныне 35-летие своего служения. «Пришла сюда сразу после школы, – говорит она, – так что вся жизнь в музее». Каждая из них называет музей своим вторым домом.

Естественно, прежде всего им хочется рассказать гостю, что нового появилось в этом доме за последнее время. Поводов для радости немало. Скажем, Татьяне Григорьевне удалось разыскать и приобрести уникальное собрание плакатов Великой Отечественной войны. Драгоценный подарок от ветерана труда Веры Алексеевны Ермаковой – сохраненные письма с фронта от ее отца и любимого, ставшие основой экспозиции «Фронтовые письма». А вот работы учащихся Кулюбакинской детской школы искусств, составившие выставку «Война глазами детей».

Кто только и чем не пополняет фонды музея Зои! Поисковики из Вяземского района Смоленской области поделились своими находками – остатками советского и немецкого оружия, найденного на местах боев. Или буквально на днях посетитель из Киева по фамилии Разумный преподнес объявление, которое вывешивалось во время гитлеровской оккупации. Зловещий орел с распахнутыми крыльями, свастика в круге и отпечатанный текст: «Внимание! В этом доме живут немцы. Кто будет нарушать их покой, будет расстрелян». Такие объявления могли быть и в этой деревне, потому вполне правомерно поместили его музейщики на стенд «Фашизм в Петрищеве». И в тот же день я видел, как внимательно, с посерьезневшими лицами, читали его юные экскурсанты...

Да, это замечательно, что музей пополняется новыми экспонатами. Пусть будет так и дальше. Но все время, пока был я в Петрищеве, не отпускала меня одна мысль. Наверное, сегодня для любого музея и вообще памятного места, наряду с поиском каких-то «новых», то есть дотоле неизвестных материалов о былом, особенно важно сохранение того, что условно можно назвать «старым». Потому что модернизация с политической (прямо скажем, антисоветской) направленностью приняла за последнюю четверть века опаснейший характер. Главная опасность – что новые поколения лишаются возможности увидеть прошедшее время таким, каким оно было.

Знаете, что больше всего обрадовало меня в Петрищеве? Изображение комсомольского значка, сохраненное над входом в музей. Красный флаг с ленинским профилем и эти пять букв: ВЛКСМ. Кто-нибудь скажет, что ничего особенного. Неправда! Ведь комсомол – это суть Зои. Уберите упоминание о нем, и уйдет суть ее личности, сформированной временем. Уйдет само время. Замените комсомольский значок здесь, над входом, другим символом – скажем, двуглавым орлом (в теперешнем духе, что делают сплошь и рядом), и получится искажение образа во времени, или, попросту говоря, вранье.

– А вам не предлагали снять этот значок? – спрашиваю Надежду Владимировну Савосину, которая сопровождает меня в небольшой экскурсии по музею и деревне.

– Да мы ни в коем случае не согласимся! Насмерть будем стоять. Как можно исказить память?

И она рассказывает мне то, что рассказывают здесь всем посетителям. Сперва был после войны

«Уголок памяти», посвященный Зое, и находился он в сельсовете. А потом комсомольцы решили построить этот дом для музея. То была настоящая комсомольская стройка. В 1956-м музей принял первых посетителей.

Понятно, что-то за прошедшие почти шесть десятилетий менялось. Но надо отдать должное хранителям памяти: в угоду конъюнктуре не поступились ничем. И представленные в витрине номера «Пионерской правды», в том числе с Павликом Морозовым, и «Комсомольская правда», которую читала Зоя, да все, что удалось собрать, сохранить, выставить, несет дыхание времени.

Свидетельства очевидцев были и будут бесценны

Но память о Зое в Петрищеве – это не только музей. Память – вся деревня, с которой неразрывно оказались связанными последние дни и минуты ее жизни.

Мы стоим с Надеждой Владимировной Савосиной на улице, где тает первый выпавший с утра снежок, и она мне еще раз напоминает, где что происходило:

– Видите за кустарником водонапорную башню? Как раз там был сарай с немецкими лошадьми, который шла поджечь Зоя... А в этой стороне дом Седовых, где находилась немецкая комендатура и куда сразу Зою привели, когда ее схватили... Потом повели в штаб, это дом Ворониных вон там, но он сгорел в 1957-м от удара молнии – наследники новый отстроили... И затем уж повели в дом Прасковьи Кулик. Пройдемте туда.

Об этом доме, где Зою страшно пытали, откуда часовой выводил ее босую на мороз, где в полузабытьи провела она остаток последней ночи и откуда ушла на казнь, написано много. Он и теперь смотрит на нас тремя своими окнами. С 1957-го дом стал филиалом музея, однако нынче экскурсантов в него перестали пускать: аварийное состояние.

– Неужели будет разрушен? – спрашиваю с давней тревогой, вспоминая, что уже разрушили дом Зоиных бабушки и дедушки, где она несколько лет подряд проводила каникулы в родных Осинových Гаях, что полуразрушено и продолжает разрушаться здание московской школы, где они с братом учились...

– Мы делаем все от нас зависящее, чтобы этого не произошло, – отвечает Надежда Владимировна. – Поддерживаем дом, добиваемся реставрации.

Как это важно – дать возможность людям эмоционально пережить ее страдания в той обстановке и атмосфере! И потом пройти те двести шагов от дома до места казни. Сотрудники музея подсчитали: шагов было двести. Столько же под барабанный бой пройдут солдаты Красной Армии на Параде Победы, чтобы бросить к подножию Мавзолея В. И. Ленина поверженные фашистские знамена. Я услышал впервые такое символическое сопоставление здесь, в музее, когда Надежда Серафимовна Ефименкова при мне вела экскурсию. «Молодцы», – опять подумал о «трех богатырях»...

Когда мы с Надеждой Савосиной стояли перед местом казни, обнесенным чугунной оградой и обсаженным голубыми елями, она призналась: сколько ни водила сюда экскурсий, каждый раз с трудом сдерживала слезы. По рассказам очевидцев, в основание поставленного обелиска замуровали столбик от виселицы.

– А ограда эта в советское время вся алела от пионерских галстуков...

Мы долго молчали. И думалось о том, что вряд ли все-таки может быть забыто происшедшее здесь 72 года назад. Как бы ни старались враги.

Самое сильное по впечатлению – правда о подвиге. Именно она одолела гнусную ложь в ноябре 1991-го. А доносили эту правду жители деревни, которые видели все своими глазами. Тогда очевидцев в живых было еще довольно много, и со всеми я постарался поговорить, записать их рассказ, задать волновавшие меня вопросы.

– А теперь осталось только двое тех, кто помнит немцев, Зою и казнь.

– Кто же?

– Валентина и Нина Седовы. Одной в 41-м было 11 лет, другой – 9.

О, я ведь с ними тоже разговаривал в 91-м! С ними и с их матерью Марией Ивановной Седовой, которой на то время был уже 81 год. Теперь, прикидываю, столько же ее младшей дочери...

Они вспоминали, как в их дом на самом краю деревни привели схваченную Зою и как обыскивали ее. Вспоминали казнь. Говорили об оккупации. Поселившиеся у них незваные постояльцы перестреляли на еду и кур, и овец, и поросенка, и корову у бабушки Седовой. Перед Рождеством елку срубили около избы (в лес пойти, очевидно, боялись) и установили ее в комнате. Перепились, бросались бутылками в стену, орали песни. А потом вывалились на улицу. Известно, что тело казненной Зои оставалось на виселице – для устрашения жителей – полтора месяца, до самого прихода наших, и в ту рождественскую ночь пьяные солдаты еще раз надругались над ним: искололи штыками, кинжалами, отрезали грудь.

Рассказывали Мария Ивановна Седова с дочерьми и про то, как опознавали Зою. Первым делом после освобождения Петрищева принесли к ним в дом (а затем и в другие дома) целую стопку комсомольских билетов с фотографиями. И среди них все смотревшие – каждый сам по себе – выделили одну. Ее, Зоину.

А в «Аргументах и фактах» 50 лет спустя утверждалось, что это вообще была не Зоя и немцев в Петрищеве не было. Да ужас что еще утверждалось, отвратительно вспоминать...

Почему здесь не любят журналистов

Судя по всему, именно с тех пор работники Петрищевского музея не любят журналистов, которые к тому же за прошедшее время дали достаточно дополнительных поводов их не любить.

– Поражает меня, как действуют, – возмущается Татьяна Григорьевна Тенькова. – Есть же правда, известная, доказанная. Нет, если известно, значит, не интересно. Дай-ка я что-то свое врублю. И врубают...

Не потому ли в последнее время замкнулись сестры Седовы и категорически перестали давать интервью? Кому же понравится, если тебя то и дело перевирают.

– По-моему, вот что еще сказалось, – комментирует многолетний директор музея. – Помните, мы были с вами на подготовке передачи Первого телеканала «Пусть говорят»? Так перед ней по их просьбе организовала я съемку обеих сестер. Но в передачу, представьте себе, это не вошло. Как понять? Это был бы, пожалуй, самый интересный сюжет, да почему-то им не подошел. А ведь старые люди обидчивы.

Я-то думаю, не подошел потому, что правда. Малахову же требовалось совсем иное, в чем убедились мы с однополчанкой Зои – Клавдией Васильевной Сукачевой, будучи на съемке этой передачи. Если Валентина и Нина Седовы смотрели ее, вряд ли она могла прийтись им по душе. И не только из-за того, что их свидетельствами пренебрегли.

В те сентябрьские дни нынешнего 2013 года, когда исполнилось 90 лет со дня рождения Зои, ни один из главных телеканалов не сподобился отметить дату специальной передачей или фильмом. Как бы «не заметили». Позор! Ведь речь о национальной героине – одной из самых любимых народом. Но, с другой стороны, если бы «заметили» и что-то сделали, могло быть еще позорнее.

Отметила же юбилей так называемая «Комсомольская правда» (!) целой страницей некоего Алексея Богомолова под заголовком «Два лица Зои Космодемьянской». И что? Словно опять вернулись «Аргументы и факты» черного 1991-го!

Спрашиваю Надежду Владимировну Савосину: читала ли она? Да, читала, и отношение выражает вполне определенно.

«Два лица» обнаружено у Зои потому, что ее, оказывается, в советское время «сильно отредактировали». А реальные фотографии, считает автор, «разительно отличаются от растиражированного отретушированного образа...»

Впрочем, реальных фотографий Зои Космодемьянской, где она одна, или с кем-то, или в группе, известно немало. На них Зоя в чем-то разная, как и все мы несколько разные на снимках, сделанных не одним фотографом и в разное время. Кроме того, недаром же мы говорим: «удачный снимок», «неудачный».

Богомолов взял самую известную фотографию 1941 года, которая потом появилась в «Правде» вместе с Указом Верховного Совета СССР о присвоении З. А. Космодемьянской звания Героя Советского Союза, а рядом поместил снимок, найденный в Российском государственном архиве социально-политической истории. Поскольку Зоя здесь действительно мало похожа на себя (не только такую, какая на помещенном тут же втором фото, но и на других), стоит, наверное, назвать его неудачным. Но и другое объясняет непохожесть – об этом Надежда Владимировна сразу же говорит:

– На этом снимке длинные волосы, а на самом известном – короткие: «под мальчишку» постриглась она. А это сильно лицо меняет. Вот постригите меня так же – и я буду совсем другая.

В любом случае ясно: Богомолову «два лица» потребовались для того, чтобы мазнуть советское

прошлое, Советскую власть. А заодно и Зою, поскольку она от того прошлого, о чем не раз мне уже приходилось писать, органически неотделима.

Нет, как теперь повелось, Богомоллов пытается не только отделить, но и противопоставить. У него целый раздел называется «За Родину! Но не за Сталина...» И в нем опять знакомая «концепция»: дескать, стойкость Зои «всегда пытались оправдать идеологией», а вот он, г-н Богомоллов, не согласен. «Возможно, мое восприятие субъективно, – оговаривается-таки «исследователь», – но мне все же представляется, что для Зои Космодемьянской главной мотивацией был все-таки настоящий патриотизм и погибла она не за коммунистические идеи, а за свою страну, которую искренне любила...»

А нельзя так, чтобы и за страну, и за коммунистические идеи? А не может «настоящий» патриотизм быть советским, если человек убежденно отдает жизнь за Советскую Родину?

У Богомоллова, собственно, единственный аргумент: не нашел в Зоинем дневнике упоминания фамилии Сталина. Хотя тут же приводит записи о Ленине: «вел народ, как Данко, к вершинам коммунизма», «у нас Христа заменил Ильич». Не коммунистическими идеями это продиктовано? Мог бы и строки Маяковского из дневника привести: «Быть коммунистом – значит дерзать, думать, хотеть, сметь». Это у Зои в записной книжке вместе с лермонтовским «Бородино». Для военного поколения все это и было вместе, как, скажем, Суворов и Чапаев. Зачем же теперь одно перечеркивать другим? Нечестно, а вернее – просто подло.

И разве не подлость снова (в какой уже раз!) перетряхивать на все лады предвоенные болезни Зои? Про то, что с ней было тогда, про перенесенный дочерью нервный срыв и острый менингит, писала в своей книге «Повесть о Зое и Шуре» Любовь Тимофеевна Космодемьянская. То есть никакого секрета здесь не было и нет. Но магически действует повторение, что находилась под наблюдением в психоневрологическом диспансере. В 1991-м нашлись «врачи», которые на волне «разоблачений» с энтузиазмом поспешили сообщить в «АиФ»: да, находилась, а история болезни потом была изъята сотрудниками НКВД. Значит? А давайте напишем, что у нее была шизофрения. Тогда, стало быть, подвиг-то совершил невменяемый человек, сумасшедший – вот вам и разъяснения поразительной стойкости.

Иного представить они не могут или не хотят. Вот и Богомоллов, вроде бы «объективно» препарирующий эту версию, пишет: «Их можно понять – хрупкая девушка проявила ненормальную стойкость и отвагу». Он, правда, изучив записи из дневника Зои, относящиеся к лету и осени 1941 года, в конце концов заключает: «Ни намек на то, что это писал человек с психическим заболеванием!»

Скажем автору статьи спасибо? Однако тут же оглушает он новой «версией»: «Но, возможно, секрет стойкости девушки все-таки заключается в особенностях организма. Мать Космодемьянской вспоминала еще о том, что у Зои был высокий болевой порог – она спокойно переносила спинномозговые пункции и другие болезненные процедуры. А значит, могла дольше выдержать пытки фашистов».

Потрясающе, до чего может дойти фальсификатор в своем изощрении! Здесь Алексей Богомоллов превзошел даже «АиФ» 1991-го. Ну откуда он взял про «высокий болевой порог»? Это же стопроцентно его выдумка. Ведь Любовь Тимофеевна говорила и писала вовсе не об «особенностях организма» дочери, а о терпении ее, мужестве, силе воли. Большая разница! Но богомолловы понимают лишь физиологию – духовные категории чужды и недоступны им. Потому героизм для них если не проявление шизофрении, то все равно следствие какого-то физиологического отступления от нормы.

Только так – иного не дано. Изложив свое неслыханное открытие насчет уникального «болевого порога» Зои, автор все-таки счел нужным заключить: «Но значения ее подвига, это, конечно, не уменьшает».

Да как же не уменьшает-то?! Все и написано ради этого. Коли не удастся вовсе значение подвига

перечеркнуть, тогда хотя бы приуменьшить, извратить, лишив коммунистической идейности и советского патриотизма, принизив невероятную стойкость и выдержку. Пусть, как говорится, на худой конец, даже и будет героиня Зоя, но – не такая, какой реально она была.

А в Петрищевском музее она подлинная

Именно поэтому весь день, проведенный здесь, я думал: как необходимо, чтобы побольше людей приезжало сюда! В советское время за год бывало в среднем 160 тысяч человек, доходило и до 200 тысяч. Теперь эти 200 приходится поделить на двадцать...

Но знаете, 10 тысяч тоже немало по сравнению с теми тремя, к чему скатилось в начале 90-х. Потирали тогда руки ненавистники нашей страны: если герои становятся неинтересными и ненужными народу, долго такой народ не протянет.

И все-таки, пройдя все испытания – клеветой, унижением, попыткой забвения, на сегодня Зоя победила. Едут к ней все больше. Экскурсиями, группами, в одиночку. Рассказывают мне в музее:

– Вот звонят недавно мама и бабушка. У нас, дескать, двое двенадцатилетних ребят-близнецов – можем мы экскурсию заказать? Слышали бы вы, как потом благодарили...

При мне прибыл большой автобус из Москвы: около полусотни учащихся медицинского училища № 19. Мальчики и девочки от пятнадцати лет до семнадцати. Такая сосредоточенная тишина, какая была во время рассказа Надежды Серафимовны, право, редко бывает в столь массовом сообществе подростков. После спросил двух друзей про впечатление и услышал в ответ:

– Потрясающе захватывает.

С этим автобусом я и возвращался в Москву. Ребята не шумели, как обычно в дороге, не ерничали. А заместитель директора по воспитательной работе Любовь Валентиновна Капитанчук говорила мне, что эта поездка у них далеко не первая. Были на Прохоровском поле, ездили в Ленинград.

– Не по обычным экскурсионным местам прошлись, – подчеркивает она. – Тема «Ленинград блокадный». Я хочу, чтобы наши учащиеся больше знали о Великой Отечественной.

Может, это потому, что у нее отец воевал?

За окнами автобуса сгущались сумерки. По-моему, ребята никогда не смогут забыть этот день – прикосновение к подвигу. И, надеюсь, в продолжающейся борьбе за память, за правду об истории родной страны такая поездка поможет им занять верную позицию. Очень хотелось бы...

Глава девятая. Есть ли пророки в отечестве своем

13 сентября 2013 года предстояло отметить 90-летие со дня рождения Зои Космодемьянской. А в конце июня к нам в «Правду» по электронной почте пришло такое письмо:

«Уважаемые коллеги! Меня зовут Джонатан Платт. Я профессор славистики в Питтсбургском университете, США. Сейчас работаю над проектом о З. А. Космодемьянской и в связи с этим ищу контактную информацию обозревателя «Правды» Виктора Стефановича Кожемяко, много писавшего о партизанке. Я беру интервью для будущей книги, а также снимаю фильм, посвященный хранителям памяти о Зое и местам, связанным с ней. Центральные темы моего проекта – героизм, самопожертвование ради великого дела, вопросы развития революционного общества».

Ответ автору письма был послан. И вот Джонатан Платт в сопровождении своих помощников стал гостем нашей редакции.

Американский профессор пишет о советской героине

От Достоевского и Пушкина – к Зое Космодемьянской

Высокий, моложавый (ему 36 лет), отлично говорит по-русски. Разговор у нас продолжался больше трех часов, и я понял, насколько глубок интерес американского профессора к теме, которой он сейчас занят. Но как к этой теме пришел? И вообще, почему стал филологом-славистом?

– Может быть, – спрашиваю, – у вас в родословной славянские корни?

– Нет, корни английские, шотландские, ирландские. Но еще подростком увлекся русской литературой. Началось с Достоевского. Безумно читал «Преступление и наказание», семь раз. Конечно, сперва по-английски, но потом решил, что я должен читать своих любимых авторов в оригинале, и стал изучать русский язык. Учился в университете в Калифорнии, аспирантуру окончил в Колумбийском университете, в Нью-Йорке.

– Специализировались по Достоевскому?

– По Пушкину. Написал диссертацию о Пушкинском юбилее 1937 года.

Я вспоминаю, сколько спекуляций было у нас за последнюю четверть века по поводу того, как широко отмечалось столетие гибели великого поэта в Советском Союзе. Дескать, большевики устроили праздник в честь смерти Пушкина...

А вот он с подобным ерничаньем категорически не согласен. Говорит: время было такое, когда страна изо всех сил готовилась к войне, к борьбе с жестокими врагами, и Пушкин духовно в этом очень помогал. И то, что сам поэт трагически погиб на дуэли, отстаивая свою честь, по его мнению, в преддверии войны, грозившей смертью, приобретало особый смысл.

Надо же, думал я, вроде бы далекий от нас американец, а понимает то время в нашей стране лучше многих отечественных хулителей Советской власти. Как важно понимать!

– Вы можете удивляться, – сказал он, – но мой интерес к Зое возник именно в ходе работы над пушкинской темой. Это интерес к народным героям, в первую очередь к героям Великой Отечественной войны. А Зое Космодемьянской среди них, по-моему, принадлежит особое место.

Он так сказал. Он так считает. Но ему хотелось вместе со мной, задавая мне свои вопросы, получше разобраться, почему это так.

Почему она особенная

Говорим о значении знаменитого очерка Петра Лидова в «Правде» и не менее знаменитой фотографии Сергея Струнникова, сопровождавшей его. Потрясающее впечатление произвели они тогда, о чем, вспоминая свое военное детство, могу свидетельствовать лично. Мой собеседник тоже высочайше отзывается о работе двух военкоров-правдистов: здесь не только профессиональное мастерство, но и душа, сердце!

Подвиги во время Великой Отечественной совершали миллионы советских людей. В тот же день, когда фашисты казнили Зою, совсем неподалеку была повешена и еще одна ее однополчанка – комсомолка Вера Волошина. Но так уж получилось, что в вихре войны журналист «Правды» случайно услышал именно о том, что произошло в деревне Петрищево. Услышал и помчался туда. И рассказал стране, всему миру сначала о Тане, как она себя назвала, а затем, когда многое прояснилось, – о десятикласснице московской школы Зое Космодемьянской.

Эффект влияния был колоссальный. Один из сильнейших примеров действенности журналистики! Невозможно подсчитать всех, кого через газету вдохновила на самоотверженный бой и труд она, Зоя. Кому дала новую энергию, в ком подняла дух, укрепила веру в победу.

Ведь это был самый критический момент всей войны. Немцы вплотную приблизились к Москве и уже готовы были ворваться в нее. Но...

– Вы обратили внимание, – спрашиваю Джонатана, – что ровно через неделю после подвига Зои началось контрнаступление советских войск? То есть немцев погнали от нашей столицы.

Да, он думал об этом. Тут в самом деле есть нечто символическое. Но и вполне реально сказались действия вот этих бесстрашных девушек и юношей из воинской части особого назначения 9903, бойцами которой были Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. Сказались необыкновенная стойкость, несокрушимое мужество, с которыми шли на смерть они и их боевые друзья. Конечно же, это ошеломило врагов, рассчитывавших на легкую победу.

– А как вы думаете, – спрашивает мой собеседник, – сыграло ли какую-то роль в особом народном отношении к Зое то, что герой войны в данном случае не мужчина, а девушка, почти девочка?

Несомненно. К тому времени страна узнала уже о многих отважных героях. Прославились Николай Гастелло, направивший свой горящий самолет на вражеский эшелон; Виктор Талалихин, совершивший ночной воздушный таран, и еще, и еще имена... А Зоя стала первой женщиной, удостоенной звания Героя Советского Союза во время войны. И ведь действительно – совсем девочка, вызывавшая, видимо, почти у всех особенно нежные и трогательные чувства.

Самого Джонатана, как я заметил, это очень волнует. Удивительным кажется ему сочетание в ее образе женственности, уязвимости, беззащитности и огромной внутренней силы. Специально исследует, как отразилось это в искусстве. Опубликовал большую научную статью на такую тему, и я уверен, что в будущей его книге этому будет посвящено много страниц.

Сравнивает, например, первый вариант картины Кукрыниксов «Таня», 1942 года, где героиня уже повешена, и второй, послевоенный вариант, года 1947-го: здесь Зоя, стоя под виселицей, вызывающе произносит свою мужественную речь. Сравнивает первый надгробный памятник Зое работы Е. Рудакова, где она – воплощенная сила воли, и нынешний, скульптора О. Комова, романтический, женственный, где Зоя, пожалуй, скорее жертва, нежели герой. Спрашивает, какой из них мне больше нравится.

Показывает и фотографии некоторых других «лирических» памятников, появившихся в послевоенное

время, а на их фоне – кадр из фильма режиссера Л. Арнштама «Зоя», вышедшего в 1944 году. Здесь в исполнении актрисы Галины Водяницкой перед нами – яростный, суровый воин-мститель. И опять вопрос ко мне:

– В вашем представлении, что точнее характеризует Зою – «жертва зверского насилия» или «героический боец»? Эти два понятия – жертва и герой – противоположны или нет?

Анализируем вместе. Приходим к согласию: в отношении Зои противопоставление такое неуместно.

Коммунизм и воспитание поколения Зои

А вот, наверное, самый главный вопрос нашей беседы. Он – об истоках героизма, и, если вдуматься, не только Зои Космодемьянской, но большинства тех, кто отстоял Отчизну в годы страшной войны. Джонатан Платт сформулировал этот вопрос так:

– Какую роль играл коммунизм в подвиге Зои? Могла ли Зоя совершить такой подвиг без веры в светлое будущее?

Мне хочется, чтобы каждый читающий сейчас эти строки дал свой ответ профессору из Питтсбурга. По возможности – расширенный ответ, с вашими размышлениями и аргументацией. Поскольку проблема-то, согласитесь, корневая, важнейшая.

Что касается меня, первый раз за время разговора я решил переадресовать вопрос задавшему его. Сказал Платту:

– Вы много читали о Зое, знаете ее дневник и заветную записную книжку, откуда видно, на каких книгах она воспитывалась. Что после этого сами скажете о роли коммунизма в ее подвиге?

Услышанное опять-таки поразило пониманием. Профессор говорит, что уровень советского образования и воспитания в 1930-е годы представляется ему очень высоким. Восхищает его, как органично соединились в формировании военного поколения русская классика с новой советской литературой – Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой с Маяковским, Шолоховым, Николаем Островским. При этом все проникнуто коммунистической идеей, связано с утверждением лучшего, более справедливого будущего, нового человека, с борьбой за освобождение человечества. Ведь таков был смысл Великой революции в России.

А война, он считает, стала ключевым этапом, когда решалась судьба социалистической революции. Восточный фронт называет сердцевиной борьбы за будущее всего мира. Столкнулись в непримиримой схватке антиподы – коммунизм и фашизм. Важно сегодня знать, как поколение Зои готовилось к этой схватке и, стремясь отстоять дело революции, отдало за это все, не щадя собственной жизни.

Я напоминаю: тогда отстояли, а ровно полвека спустя после подвига Зои и разгрома немецко-фашистских войск под Москвой был подписан в Беловежской Пуще акт капитуляции. Сбылась мечта Гитлера: Советский Союз уничтожен. Кстати, одновременно (и совсем не случайно!) развернулась беспрецедентная кампания клеветы против Зои как ярчайшего символа коммунизма и советской эпохи. «Правде» пришлось не раз выступать в ее защиту.

Чувствую, для моего собеседника происшедшее в нашей стране на грани XX и XXI веков – тоже боль. Но сходимся в том, что отступление временное, борьба против бесчеловечности мирового капитализма продолжается, и будет продолжаться везде, включая Россию.

– Молодым людям в России, да и всюду, – размышляет Джонатан, – стоило бы почаще и посерьезнее задумываться: почему мы не такие, как Зоя? Почему не готовимся к борьбе и не боремся так, как она?..

И еще несколько вопросов пытливого профессора

У меня не было возможности изложить всю нашу беседу целиком, однако некоторые из вопросов, заданных американским профессором мне, я решил обратиться к читателям «Правды». Чтобы составил более широкий спектр мнений по теме, которую мы обсуждали. Итак, вопросы следующие:

- 1. Зоя до сих пор является важной фигурой в России или нет?*
- 2. Изменилась ли память о ней после развала СССР?*
- 3. Вы считаете образы героического самопожертвования и сегодня необходимыми в воспитании молодежи?*
- 4. Чем вызвано отношение некоторых СМИ к Зое как к идеологическому мифу и можно ли это преодолеть?*
- 5. Сейчас бывает, что государственные структуры в России относятся к местам памяти о Зое с пренебрежением. Например, несмотря на все усилия администрации 201-й школы г. Москвы, где Зоя с братом учились, историческое здание стоит заброшенным больше десяти лет. Как вы думаете, почему это происходит? Что надо делать?*
- 6. Что значила Зоя для вас, когда вы были ребенком? Какие воспоминания у вас о том, как рассказывали о Зоинем подвиге в советской школе? Ваше отношение к Зое изменилось с возрастом?*
- 7. Как вы считаете, на каких исторических персонажах Зоя похожа?*
- 8. Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ!», какой народ она имела в виду – русский или советский? И важна ли здесь разница?*

*** * ***

Мы, то есть редакция «Правды» и профессор Джонатан Платт, с огромным интересом ждали читательских ответов. А когда они стали поступать (день ото дня все больше!), я начал готовить подборки писем для газеты. Их публикация вызывала новые письма. Теперь эти подборки перед вами.

К сожалению, все письма напечатать ни в газете, ни в книге невозможно. Однако, надеюсь, вы согласитесь: предлагаемые вашему вниманию отклики самых разных людей из различных мест – это настоящие документы времени и человеческих душ. В искренности авторов сомневаться не приходится. И, конечно, они дают серьезную пищу для актуальных размышлений.

Отвечая на вопросы о Зое. Каково отношение к ней сегодня

До сих пор остается образцом патриотизма

Сразу скажу, что я регулярно читаю «Правду», выписываю ее и, как правило, согласен с позицией газеты. Насколько знаю, многие честные люди относятся к «Правде» так же. А против ее позиции, наверное, только те, кто в свое время был сторонником поворота к капитализму и потом несправедливо обогатился на его «достижениях». В народе говорят: в основном это жулики и воры, а порой просто откровенные бандиты...

Ну об этом достаточно. Перейду к ответам на вопросы, предложенные нам газетой.

1. Считаю, что для всех честных людей в нашей стране Зоя Космодемьянская до сих пор является образцом настоящей патриотки, для которой свобода и независимость Родины, жизнь народа важнее собственной жизни.

2. Нет, по-моему, память о ней не изменилась и после трагического развала СССР. Память о Зое жива в народе и, я думаю, будет жить вечно.

3. Да, я считаю, образы героического самопожертвования необходимы и сегодня, чтобы воспитывать молодежь.

4. Отношение некоторых СМИ к Зое как к идеологическому мифу является отражением и свидетельством враждебности руководства этих «некоторых», а точнее – многих, СМИ подлинным интересам основной части нашего общества.

5. Пренебрежительное отношение нынешних государственных структур к памятным местам Зои свидетельствует о желании властей стереть из памяти людской все славное, великое, хорошее, что было при социализме.

6. Для всех детей в советской школе, и для меня тоже, подвиг Зои был примером того, как должен вести себя молодой человек-патриот, окажись он в подобной ситуации.

7. Героических персонажей, похожих на Зою, наша история знает немало. Вспомните девушек и юношей «Молодой гвардии», Александра Матросова, весь массовый героизм советских людей на фронте и на оккупированных врагом территориях, в партизанских отрядах, концлагерях и т. д.

8. Говоря о счастье умереть за свой народ, Зоя имела в виду весь советский народ, а особенно тех, кто вставал на защиту своей земли, своей Советской страны.

Вот вкратце мое мнение. Спасибо газете и в особенности профессору Джонатану Платту: меня обрадовал его интерес к нашей истории.

В. Г. Мельянцов, г. Москва.

Буржуазной власти советские герои не нужны

Уважаемый Виктор Кожемяко! Уважаемый Джонатан Платт! Вот мои ответы о Зое Космодемьянской, и не только о ней.

1. В настоящее время Зоя не является важным, священным символом на официальном уровне, поскольку Россия стала другой в политическом отношении. Зоя – дочь Коммунистической партии, Ленинского комсомола, дочь советского народа и святыня народа – это бесспорно. Зоя – великомученица, если сравнивать ее с мучениками христианства. По всей ее чистой, целомудренной жизни, самоотверженности, бескорыстию и совершенному подвигу она должна быть причислена к лику святых. Но церковь не сделает этого, потому что церковь заодно с властью капитала, буржуазии над народом.

Для России капиталистической, России чубайсов и дерипасок, михалковых и глазуновых, которые восхваляют крепостное право, для идеологической obsługi правящей верхушки Зоя – никто, более того – объект поношения и насмешек. У них другие приоритеты. Не Родина, не судьба народа, а личное обогащение: поместья, лайнеры и яхты, банковские счета. Погибать за Родину они не будут, потому что у них нет ее. Их родина измеряется толщиной их кошелька.

Зоя шла на смерть совершенно сознательно – с верой в победу своего народа, с верой в светлое будущее, с верой, что дело наше правое и враг будет разбит. А все эти сванидзе, млечины, познеры, радзинские, пивоваровы сдадутся при первой возможности туркам, американцам, японцам, кому угодно, лишь бы сохранить свою ненужную жизнь. Вот уж воистину от них в истории не останется и следа.

2. Зоя в памяти народной останется на века. Развал Советского Союза предателями не умаляет ее величия. Но, к сожалению, новое поколение, оболваненное буржуазной пропагандой, или ничего не знает о Зое, или повторяет ложь этой пропаганды.

3. Да, образы героического самопожертвования и сегодня являются необходимыми в воспитательной работе с молодежью. Но вот вопрос: кого защищать и что защищать молодежи сегодня? Дворцы Шувалова, Миллера, Якунина? Многочисленные резиденции президента? Миллиарды Абрамовича, Вексельберга, Прохорова? Жертвовать собой ради их доходов, их роскоши? Защищать собственность, которая не принадлежит народу? Защищать землю, которая продана, в том числе иностранцам? Защищать строй наживы, разврата, произвола, наемного рабства? Народ так и говорит: пусть их богатство защищают их отпрыски. Не стало страны, за которую можно было бы отдать жизнь в случае необходимости без колебаний.

4. Люди из СМИ, которые за доллары бросают комья грязи в Зою Космодемьянскую, Сашу Матросова, молодогвардейцев, – это не люди. Низкие, жалкие, продажные существа. Ничего святого за душой у них нет. Запах денег для них превыше всего. Антисоветская власть хорошо оплачивает антисоветчину. Преодолеть ложь и клевету в буржуазных СМИ нельзя, поскольку СМИ эти построены на лжи, раздутых сенсациях, вымыслах.

5. Российское государство нынешнее действует исходя из своей классовой сущности. Поэтому не только к Зое, но и ко всему советскому периоду нашей истории оно относится с пренебрежением. Власть ставит памятники Столыпину, Колчаку, Краснову, Корнилову, белочехам и т. д. Отдает почести Маннергейму – союзнику Гитлера, душителю Ленинграда. Все они близки этой власти идеологически. Для власти помещиков и капиталистов это закономерно и не должно вызывать удивления. Что надо делать? Менять власть.

6. В советской школе рассказывали о Зое правду с болью в душе, но и с гордостью за страну, за ее

народ, который рождает таких героев, как Зоя.

7. Больше всего Зоя похожа на Жанну д'Арк по своему духовному воздействию на бойцов Красной Армии, на весь советский народ. Хочу подчеркнуть, что героизм советских людей имеет особое основание. Это героизм народа коммунистически организованного, коммунистически воспитанного, коммунистически убежденного. Такого народа в истории человечества до него не было. Этот народ знал, за что он бьется и во имя чего.

Да, били русские люди псов-рыцарей, Мамаю, Наполеона... Были чудо-богатыри Суворова, был «Варяг», был Брусиловский прорыв и т. д. Но советский героизм – это явление особого рода, это героизм людей передового строя, людей новой эпохи всемирной истории.

8. Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ!» – она имела в виду советский народ и русский народ одновременно, не разделяя их. Потому что это был единый народ. Быть настоящим русским человеком – значит быть советским человеком. Антисоветское же – обязательно антирусское. Это закон.

Завершаю. Зоя как-то записала в дневнике слова отца Гамлета: «Прощай, прощай и помни обо мне». Запись оказалась пророческой. Но я хочу сказать о другом. Девочка была воспитана на классической литературе, русской, советской, зарубежной. Интеллект нынешних средних десятиклассников по сравнению с интеллектом Зои, по-моему, нулевой. А подавляющее большинство того советского поколения было таким, как Зоя.

Общество потребления, общество разбоя и распущенности, зоологического индивидуализма и корысти опускает людей, низводит их до самого примитивного состояния. Такова политика буржуазии, чтобы господствовать над народом. Капитализм плодит эгоистов, стяжателей, равнодушных, разнузданных, безликих. Социализм, строй социальной справедливости, дружбы народов, братства людей труда, рождает честных, чистых, порядочных, трудолюбивых, самоотверженных – людей чести, долга и совести. И естественно, что из такой среды, из такого окружения выходили в массовом порядке герои и героини, заслужившие любовь и признательность своего народа, славу бессмертия.

Наша задача – вернуть социализм!

Для нас она – святая

Сам факт научного глубокого изучения американским профессором феномена героизма советской девочки Зои Космодемьянской в 1941 году на фоне не прекращающейся вокруг ее подвига свистопляски российских медиавитий выходит за пределы обычного научного интереса и задевает (даже страшно произнести) ноосферу человеческого разума. В ней, ноосфере, как на жестком диске, сохранены эпические герои всех времен и народов для напоминания каждому нарождающемуся поколению, что мир состоит не только из удовольствий, красоты, радостей и вкусоностей, но и постоянного труда, усилий воли, интеллекта и даже жертвенности во имя того, что любишь.

О подвиге Зои я узнал из черной тарелки репродуктора под потолком в простенке, куда десятилетнему пацану надо было подставлять табуретку, чтобы разобрать сквозь хрипы и скрипы, о чем вещает Левитан. Сейчас, свыше семидесяти лет спустя, я не могу передать точное свое ощущение от этого новостного сюжета и отличие его восприятия от, скажем, знакомства с двенадцатью подвигами Геракла из книжки, которую тогда читал, но могу ручаться, что на *tabula rasa* того мальчишки военного времени рядом записались Геракл и Зоя.

В 1946 году, когда мне наконец исполнилось 14 и я вступил в комсомол, на школьном диспуте «Что такое героизм?» с религиозным экстазом юного атеиста молился новым образам святых – героев-молодогвардейцев, Матросова, Чайкиной, Гастелло, Талалихина и, конечно, Зои. Ее к тому же носил в мальчишеской «святыне сердца» еще и как образец женской красоты.

Миф? За годы жизни в многочисленных диспутах о мифах образ святой Зои неизменно всплывал как неоспоримый аргумент реальности самопожертвования ради высокого смысла. Зоя реальна, как любая «девчонка из соседнего двора». Реальна ее ужасная казнь. За бескомпромиссность в столкновении с врагом. Из своей не такой уж далекой «святости» она сегодня каждому задает реальный вопрос: признаешь ли рубежи, когда «Ни шагу назад!», или всегда возможны компромиссы?

И каждому для ответа приходится искать в себе свою «святыню сердца», которая сама заставит сделать два шага вперед к Зое из «тьмы низких истин». Но ужаснее ужаса казни отсутствие ужаса у человека, не обнаруживающего в себе подобного святого уголка: у кого нет «гормона героизма», кому не дано даже представить реальность самопожертвования. Этот человек с самодовольной самоуверенностью «здравомыслен» будет называть любой героизм мифом. Да, жалок он!

Я не стану сейчас уходить в дефиниции о «героизме» крупного вора или «самопожертвовании», например, какой-нибудь современной шахидки, корыстно обменивающей свою реальную жизнь на внушенные ей райские кущи. Думаю, нет необходимости доказывать несравнимость религиозного фанатизма с чувством сопричастности к строительству лучшего мира, которое вдохновляло освобожденного от церковной длани поколения комсомольцев первых пятилеток совершать подвиги в труде и героически жертвовать собой на войне.

На том, уже упомянутом школьном диспуте о героизме «хитрый» учитель литературы, который его вел, предложил подумать: что имел в виду Карл Маркс, отвечая на просьбу дочерей назвать любимый афоризм, когда выбрал «Ничто человеческое мне не чуждо»? Оказалось, большинство, как и я, понимали «мораль сей басни» так, будто даже большому человеку не чужды какие-нибудь житейские слабости. «Ага, – поймал нас Евгений Васильевич, – значит для вас «человеческое» имеет вид чего-то низкого, слабого, может быть, даже постыдного? А все высокое, гордое, героическое, стало быть, «недо» или «сверх»?

Только расистские, фашистские представления о человеке, проповедуя «каждому свое», выделяют

«сверхчеловека» и некую «недочеловеческую» биомассу, а коммунизм формирует представление о новом гармоническом человеке, у которого высокие качества по закону гармонии будут на первом плане.

Что? Не переделать? Трудно? Утопия? Но «где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче»?

Радищев, декабристы, Чернышевский, народовольцы, Ленин и его товарищи, большевикаторжники – разве не от них Зоина твердость и решимость? Чапаев, Лазо, челюскинцы, Стаханов, Чкалов, Николай Островский (Павел Корчагин), Сталин – не их ли имена светились в Зоинем сердце? В этом строю, а не в строю «тьмы низких истин» – праведная уверенность. На Зоиних глазах «весомо, грубо, зримо» ее страна мечтателей, героев, поэтов становилась сплошь грамотной, вырастали новые города, домны, плотины, протягивались нити Турксиба и ЛЭП на ажурных опорах. В своей Москве она уже ездила «от Сокольников до Парка на метро». И все для нее было свое, коммунистическое, без заборов с табличкой «частная собственность». Все находило место в том потаенном месте сердца, и оно, сердце, рвалось быть полезным стране, народу, который творит эту «радость живую». Этому учили Зою советский учитель, советский народ, советская жизнь. И слова «счастье – умереть за свой народ», идущие от такого сердца, сказанные перед виселицей, кощунственно называть пафосным пропагандистским мифом.

Таню (Зою) гитлеровцы повесили с табличкой на груди «Поджигатель». Позже они будут вешать с надписью «Партизан». Она действительно поджигала избы, в которых ночевали враги. И ее, пойманную врагами, действительно ударила хозяйка сгоревшей избы. Как же ловко враги пользуются иудинными услугами, чтобы «умыть руки»: не мститель-партизан, мол, она, а преступник, наносящий ущерб частной собственности; они же «цивилизованно» вершат правосудие... Чем не библейская притча?!

Их много уже, притч складывающейся Библии не Ветхого, не Нового, а будущего коммунистического Завета.

Кто ненавидит советскую славу

Во время Великой Отечественной войны мне выпало защищать Москву, как и Зое. А потом мы погнали фашистов от нашей столицы. И светлый образ Зои вдохновлял нас, а муки, которые она перенесла в плену у врагов, усиливали стремление отомстить палачам.

Оказалось так, что наш 11-й Краснознаменный мотополк преследовал как раз ту фашистскую часть, офицеры и солдаты которой издевались над Зоей и повесили ее. На Смоленщине, под городом Ярцево, в полевой сумке немецкого офицера были найдены фотографии казни Зои. И, несмотря на запрет, мы этого гада повесили.

Перед казнью фашисты нашим партизанам, и Зое в том числе, на грудь прикрепляли таблички с разными надписями – в угрозу всем, кто становился очевидцем расправы. Мы тоже изуверу вынесли свой приговор, написав на фанере: «За Зою!»

Теперь ответчу на вопросы американского профессора, опубликованные «Правдой».

1. Да, Зоя до сих пор является важной фигурой в России. А для меня лично девушка, которая в 18 лет пошла на смерть, чтобы фашисты не заняли Москву, всю нашу страну, всегда была и остается примером героизма. Но не все ныне так считают. Допустим, Никита Михалков и олигарх Прохоров, я уверен, думают по-своему: дура, дескать...

2. Изменилась ли память о Зое после развала СССР? Конечно, изменилась. Эти воры и грабители, захватившие нашу страну, все хотят изменить «под себя». Извращают и образ Зои.

3. Сегодня, по-моему, нет смысла жертвовать, тем более жизнью, за общество, в котором правят новоявленные капиталисты и помещики. Новые буржуи ненавидят всех нас, людей труда, вместе с Зоей и другими нашими советскими героями.

4. Нынешнее отношение буржуазных СМИ к Зое вызвано именно этой ненавистью.

5. И государственные структуры тем же руководствуются. Если они не хотят больше десяти лет восстанавливать историческое здание школы № 201 в Москве, где учились Зоя и Шура Космодемьянские, надо выходить к столичной мэрии с массовым протестом! Сколько же можно такое хамство терпеть? Им нужны дворцы для себя, а на остальное плевать. Да они и знать не хотят про Зою...

6. Вопрос о том, что значила Зоя для меня, когда я был ребенком, ответу моему не подлежит. Потому что она на сорок дней младше меня. Мы – люди одного поколения. И самое главное в нашей жизни – борьба за Победу в той страшной войне. Победу мы одержали потому, что таких, как Зоя, у нас были не единицы, а много.

7. На каких исторических персонажах Зоя похожа, я затрудняюсь ответить. Но в годы войны ее подвиг повел на подвиги столько героев, которые вошли в историю, как никогда и нигде.

8. Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ!», конечно же, она имела в виду народ советский. Потому что в него входили и русские, и народы всех других национальностей из 16 советских республик. И важна ли здесь разница? По-моему, разницы нет: был единый народ, многонациональный.

Подводя итог, скажу: если бы не такие, как Зоя, не было бы сегодня нашей страны. Но горечь большая для народа в том, что заправляют теперь в стране прохоровы, дерипаски, михалковы и прочие им подобные. Они позорят все подвиги, совершенные народом в ту войну, и Красную Армию позорят.

Вот Михалков в своей кинокартине «Утомленные солнцем-2» показал, как красноармеец упирается винтовкой со штыком в броню немецкого танка, а тот прет и прет вперед. Потом немец тихо открыл люк и

положил на броню плитку шоколада.

Не издевательство ли над нами, фронтовиками, которые еще живы?

Мне, например, под Яхромой немецкий танк подарил снаряд, который пролетел совсем близко от моей головы, и воздухом сбило каску. Вот это шоколад!

А под Ржевом мы вытаскивали детей из колодца, куда их фашисты сбросили. Они там захлебнулись или замерзли все. Вот вам опять какой шоколад...

Писал я про это в министерство обороны. Возмущался михалковским фильмом и многим другим. Дескать, позорят нас! Но мы же знаем, кто там, в этом министерстве. Конечно, молчок.

Да, власть глухо помалкивает по поводу таких издевательств и такого позора. Понятно, ей наша советская слава, наши подвиги и герои советского времени совсем не нужны.

Гордился тогда – и сегодня горжусь

С большой радостью и симпатией узнал о проекте «Зоя Космодемьянская» профессора славистики Питтсбургского университета Джонатана Платта. Удачи ему и успехов! Чтобы сегодня, зная, что произошло в СССР и какова в этом роль США, взяться американцу за подобную тему, надо стать не артистом-лицедеем, пусть и в хорошем смысле этого слова, а пережить душой то, что пережила Зоя.

О Зое советская литература и советская журналистика написали немало честного и прекрасного. А вот то, что произошло после уничтожения Советской власти, тема отдельная, причем громадная, трагическая, на вопросы которой еще не дан полный ответ. Его придется искать и профессору Д. Платту.

Я – «дитя войны», находился на оккупированной территории и со своих шести лет вынужден был понять, что такое враг, притом враг – фашист. Понять и другое, что если бы не Советская власть, не советский народ, то ни меня, украинца, ни России уже не было бы... Поэтому подвиг Зои, молодогвардейцев, Александра Матросова, Алексея Маресьева и многих других советских героев вошел в наши души сразу и глубоко. Мы ставили себя мысленно на их место и хотели быть такими же.

Все, о чем и как беседовали американский Платт и советский Кожемяко, мне близко и понятно. А один факт, в дополнение, сообщу специально.

Во время строительства Красноярской ГЭС на сибирской реке Енисее (а это была Всесоюзная ударная комсомольская стройка) в 1963 году родилось движение по включению в состав комсомольско-молодежных бригад плотников-бетонщиков героев Великой Отечественной войны. Это было не формальное включение. По предложению комсомольцев абсолютно добровольно, снизу, с обсуждения на общих собраниях решался вопрос, кого включать и как.

Первой кандидатурой в нашем Управлении основных сооружений правого берега (УОС-2) стал Александр Матросов. Бригаду возглавлял Павел Матвиенко. Именно они положили начало и разработали порядок этого движения. Герой включался в состав бригады, ему присваивался разряд, на него открывался табель. Все это отправлялось с протоколом руководству управления, на основании чего издавался приказ о зачислении Героя в штат рабочих. Ему присваивался табельный номер, открывался счет. А бригада обязывалась дополнительно выполнять норму выработки, и бухгалтерия начисляла зарплату. По решению бригады ее направляли в Советский фонд мира, или в детский дом, или по другому назначению, которое определяли коллективно.

Я был тогда парторгом УОС-2 и, как должно быть понятно, непосредственно был причастен к такому благородному движению. В числе первых родилась и бригада имени Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Ее возглавлял Анатолий Петухов. Подчеркну: делалось это не только ради отчисления денег на нужные дела. Нет, здесь было нечто большее, чем руководствовалась советская молодежь. И вот уже в этом есть ответ, какую роль в подвиге Зои играл коммунизм. Вера была, и эта вера в светлое будущее, стремление бороться за него воспитывались у каждого советского человека. Именно это стало главным при защите Советской Родины, освобождении ее от фашистов, как и в период восстановления разрушенного народного хозяйства, а потом на ударных комсомольских стройках.

Узнав, что на строительстве Красноярской ГЭС есть бригада имени Зои Космодемьянской, к нам в Дивногорск приезжала мама Зои и Шуры – Любовь Тимофеевна. А члены бригады ездили по ее приглашению в Москву, бывали в Петрищеве.

Я многое мог бы рассказать из жизни наших великих строек. Построив Красноярскую ГЭС, переехал на строительство Саяно-Шушенской, да еще удалось поработать в социалистическом Вьетнаме на

строительстве самой мощной тамошней ГЭС – Хоабинь. Так и множились мои гидростроительные года, и на пенсию ушел по этой профессии. Хотя имею и профессию журналиста: после окончания факультета журналистики очного отделения Киевского университета. Но это уже другая история...

Теперь отвечу на ваши, уважаемые советский и американский коллеги, вопросы.

1. Да, является и будет являться всегда. Безвременье кончится. И тот, кто плевал в колодец советской истории, сам все и выпьет.

2. Смотря у кого, все определяет, какие у тебя духовные ценности.

3. Да, я стремлюсь, чтобы мои внуки (дети мои об этом знали еще со школы) берегли память о таких светочах нашей истории.

4–5. Самообманом и продажностью ради наживы. Зоя не является идеологическим мифом. Давлением на психику людей, продолжением выполнения плана Даллеса люди зомбированы, обывательщина поразила здоровые поры. Верю, что с возвратом социалистических ценностей изменится и это. Люди не виноваты. Виноваты идеологи государства. Задача коммунистов, в том числе нашей журналистики, – в просвещении и сплочении на борьбу трудового народа.

6. Всегда гордость. Гордость, что советский строй воспитал таких патриотов. Гордился тогда, горжусь и сегодня.

7. На молодогвардейцев Краснодона в первую очередь. Ведь они почти ровесники. Пусть Джонатан поинтересуется также жизнью и поступком немки Тамары Бунке, помощницы Че Гевары, которая взяла себе имя «Таня».

8. Зоя была советской комсомолкой, советским человеком, истинно русской. Главное в том, что звание «советский» было куда больше любой национальности. Молодогвардейцы в большинстве украинцы, а Зоя – русская. Ну и что? А Надя Курченко? А пограничники Даманского, а Юрий Гагарин? Сидор Ковпак, Константин Заслонов, Дмитрий Карбышев? Эрнст Тельман, Юлиус Фучик, Анджела Дэвис...

С уважением

Свято самопожертвование во имя справедливости

Чтобы не было эксплуатации человека человеком

Господин Платт!

Человек так устроен, что иногда незаметные «веяния» возле его щек или ушей способны вызвать такие явления, которые терпеливо дремали в глубинах его психики.

Вы собираете материал о хранителях памяти о Зое Анатольевне Космодемьянской, но уточняете, что центральная тема вашего проекта – самопожертвование ради великого дела. Я попытаюсь «включиться» в ваш проект как человек, жаждущий сказать свое слово именно по этой центральной теме.

...Итак, лето 1941-го на брянской земле. В небе нарастающий вой, пулеметная чечетка. Я, девятилетний пацан, под палящим июльским солнцем, запрокинув голову, наблюдаю вместе с другими ребятами, как краснозвездный «ястребок» гонится за тяжелым бомбардировщиком. А на землю с шелестом падают фашистские листовки: «Бей коммунистов и жидов. Спасай Россию».

Вдруг жуткий режущий звук (мы, дети, еще не знали, что так воют падающие бомбы) поверг нас на землю. Но тут же бомбардировщик задымил и стал уходить в сторону. Где-то в белорусском лесу (земля белорусская начиналась в 750 метрах от нашей деревни) взметнулось пламя взрыва... А краснозвездный «ястребок» взмыл ввысь и тоже скрылся за горизонтом.

...И еще памятный момент. Я одеревенел: женщина подняла босоногого мальчика, голова которого удерживалась на туловище худенького тельца окровавленным ошметком кожи. Это была первая смерть, увиденная мною: такой ранний конец безвинной, святой детской жизни, жертвы германского разбоя...

...Мой отец пал смертью храбрых на фронте 29 ноября 1943 года, ровно два года спустя после казни Зои Космодемьянской. Хотя он находился на фронте, но был, как «незаметное веяние», с нами. Теперь же серая бумажка, каковые омрачили жизнь почти в каждой крестьянской хате, явилась и в ворота нашего двора. Мы, малышня, сползли с русской печи, крепко прижались к хранительнице нашего домашнего очага...

...Мама приносила пудовую кладь ячменя, чтобы мои детские пальчики «просеяли» это зерно. И вот зернышко к зернышку отделяли зоркие детские глаза крупные зерна от зерен сорняков, полowy и т. п. Так формировался посевной фонд к весне. Пуд принесенной материнской клади переберешь – заработал трудодень. Бывало, что и полтора пуда переберешь: «Все для фронта, сынок... Кормить и армию, и тыл надо...»

Нет механизмов, чтобы очищать зерно, нет взрослых мужиков – одни подслеповатые старики да женщины. Наши детские пальчики и зоркие детские глазки в этих сложившихся условиях – лучшие очистители семенного фонда... Я уверенно сегодня заявляю, что дети войны внесли великий вклад в разгром немецкого фашизма, делая детскими ручонками ту работу, которая заменяла и механизмы, и крепкие мужские руки, управляющие такими механизмами, а теперь взявшие в эти руки винтовки, автоматы, штурвалы танков и самолетов...

И я, и Зоя, и Гастелло, и Покрышкин, и летчицы-героини делали одно дело – соединяли все силы в защиту Отечества, в котором не будет эксплуатации человека человеком. И я, и Зоя, и Юлиус Фучик, и Густа Фучикова, и Джалиль верили, что так оно и будет – эпоха без эксплуатации человека человеком... Надо только остановить озверелого пришельца. И мы выиграла своей верой великую, трудную битву с

коварным, хорошо подготовленным к войнам врагом.

Я только должен добавить, что у всякого народа, во всяком государстве всегда находится как непоколебимая генная твердь этого этноса, так и накипь, шлак, отброс. Увы, это тоже было, о чем дальше скажу.

Наше государство, созданное в декабре 1922 года как многонациональное, скрепило многочисленные этносы в СССР единой идеей и единым языком, позволившим понимать друг друга дословно. Это учла в своей деятельности Коммунистическая партия – руководитель многонационального государства. Это учел мудрый политик и государственный деятель Иосиф Виссарионович Сталин. Работа всего государственного аппарата была построена таким образом, что крепла вера в справедливость объявленных идеалов. Вот почему мы добились величайшей Победы над мировым фашизмом. Но вышло так, что ельцины, кравчуки, кучмы и прочие горбачевы и шушкевичи продали страну за иудины сребреники...

Эпоха без эксплуатации человека человеком все равно грядет. И она придет! Эпоха эта впиталась, как в губку, в генную основу трудового крестьянина на Брянщине и школьницы московской школы № 201 задолго до жуткого воя бомб фашистского головореза. С букваря в школе, открывшейся у нас в деревне впервые, с первых публикаций Николая Островского, из произведений Максима Горького, Демьяна Бедного, Серафимовича...

В бою, как во всякой войне, без жертв не бывает. Но затеявшие возврат нашей страны к господству капитализма, к времени, пропитанному трупным ядом, раскатавшие губы на мировое господство бруклинские фарисеи в конце концов будут биты.

Необходимы сегодня и всегда

С большим интересом прочитала статью Виктора Кожемяко «Американский профессор пишет о советской героине». Мое послевоенное поколение было воспитано на героических подвигах советских людей в годы войны. Мы восхищались их мужеством и самоотверженностью. Зоя была в числе самых любимых, о ком знала вся страна. Теперь, к глубокому сожалению, совсем не то...

Я вот что хочу подчеркнуть: советская эпоха дала много таких примеров бескорыстного служения Родине, которые должны знать и помнить не только нынешние, но и будущие наши соотечественники. Например, у нас в Липецке мы чтим память Героя Советского Союза Ксении Константиновой. В 17 лет после окончания медучилища она, комсомолка, ушла на фронт. Стойко и мужественно переносила тяготы военной жизни. И совершила свой подвиг.

В январе 1943 года стрелковый полк, где Ксения служила санинструктором, вел жестокий бой. Ксения едва успевала перевязывать раненых. Вот и последняя повозка отправлена. Но тут навалились немцы.

Ксения стала отстреливаться. Однако фашисты схватили ее, жестоко пытали, а затем, полуживую, прибили колом к земле. Только на следующий день девушку нашли красноармейцы и похоронили с воинскими почестями. Однополчанка Ксении написала о ней так:

Ночь фронтовая кострами согрета,
Дремлет тревожно луна.
В наш батальон перед самым рассветом
Девушка эта пришла.
С нами девчонка в атаку ходила,
Плакала, нас хороня,
А пред рассветом спасла командира,
Вынесла из-под огня.
Но и она повстречалась со смертью —
В этом не наша вина.
Видно, и даже к сестре милосердия
Немилосердна война.

Отвечая на один из поставленных «Правдой» вопросов, скажу: да, я считаю, что образы героического самопожертвования и сегодня необходимы в воспитании молодежи. А в первую очередь нужно убрать телевизоры из каждого дома. Наивно? Да, наверное. Но ведь сколько ни критикуют телепрограммы, все равно на первом месте бандиты и «звезды» шоу-бизнеса. А о героях войны вспоминают только в майские праздники.

И еще один мой ответ. Зоя и другие герои Великой Отечественной погибли за свою землю, за русский – советский народ. И разница здесь не важна.

С уважением

г. Липецк

Побольше бы таких

Мы с женой Татьяной читали статью «Американский профессор пишет о советской героине» и думали: побольше бы в США, да и у нас в России таких людей, как Джонатан Платт. Очень нас взволновал его интерес к героям, воспитанным в Советской стране. А отвечаем мы на поставленные вопросы так.

1. Да. 2. Нет. 3. Да. 4. Преодолеть такое отношение буржуазных СМИ к советским героям необходимо. 5. Немедленно восстановить школу Зои и Шуры! 6. Нет, мое отношение к Зое со временем не изменилось. 7. Жанна д'Арк, Долорес Ибаррури, Клара Цеткин, Индира Ганди, Роза Люксембург. 8. Зоя имела в виду, конечно, советский народ.

Желаем Д. Платту успешно завершить свою работу и издать книгу о Зое Космодемьянской!

пос. Балахта,

Красноярский край

Будем ее достойны!

Зоя Космодемьянская... Я не запомнил, что и как рассказывали о Зоином подвиге в школе. Хотя у нас был хороший учитель истории и обществоведения. Все-таки поколение, выросшее после войны (а я 1955 года рождения), рассказы о войне переживает не так остро, как военное поколение. Умом я все понимал, а эмоционального отклика – нет, не было.

Зоя вошла в мою жизнь в 1978 году, после посещения мемориала в Петрищеве, где погибла комсомолка. Очень сильное впечатление произвел на меня рассказ о последних часах жизни Зои, но особенно сам ее образ. Романтичная и женственная, вместе с тем трудолюбивая и настойчивая. Мне она тогда показалась почему-то похожей на героинь Александра Грина.

Экскурсовод рассказывала, что одноклассники называли девушку уважительно – только Зоя. Не так, как принято в молодежной среде: Машка, Верка, но – Зоя. Значит, чем-то она выделялась среди одноклассников. И обратите внимание, в наше время дети, чем-либо отличающиеся от сверстников, часто подвергаются травле.

Зоино поколение – совсем другое. Это поколение удивительное, какого не было ни до, ни после в истории России. Я очень ценю его. Мои родители – учителя. Я в них вижу черты этого прекрасного поколения.

Но... В войну из того поколения погибли лучшие. Те, кто первыми поднимались в атаку, первыми шли на самое опасное задание. Такими людьми «расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы... Это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» (Н. Г. Чернышевский «Что делать?»). Кстати, Зоя читала и любила Чернышевского.

Да, погибали лучшие. Что стало с нашей страной без таких людей, вы видите сами.

И признаки такого прокисания стали проявляться задолго до «перестройки». Вот роман Аркадия Первенцева «Остров надежды» (напечатан в «Роман-газете» в 1968 году). Корреспондент Дмитрий Ушаков говорит адмиралу Павлу Максимову: «Нынче насмеются над убежденностью... От таких понятий необходимо, мол, отказываться, чтобы не прослыть старомодным или, того хуже, – ортодоксом. Павел Корчагин не герой нашего времени. Убежденность – синоним ограниченности... Есть силы, Павел Иванович, которые поставили себе целью увести нас от ясных задач... И кое-кто у нас поддается им. Дай бог, чтобы я ошибался...»

Не ошибался корреспондент Ушаков. Так же как, к сожалению, не ошибался большой русский советский писатель – фронтовик Аркадий Первенцев.

Началась атака на убеждения и убежденность. И первой мишенью тут стала Зоя.

Кто же она такая, Зоя Анатольевна Космодемьянская? «Дурочка Зоя», как сказал один «писатель», то есть глупо отдавшая свою жизнь за «сталинский режим»?

Прекрасная юная девушка, родившаяся в «неудачное» время и ставшая жертвой ужасной войны?

Наконец, просто русская патриотка? Во все времена на Руси считалось доблестью отдать жизнь за свой народ.

Но у Зои были совершенно четкие идеологические, политические взгляды. Она была членом и, как сказано в Большой советской энциклопедии (второе издание), «воспитанницей ленинско-сталинского комсомола». Это видно из ее дневника и записной книжки. Ее героями были красные командиры Чапаев, Щорс, Буденный. Читала и любила Горького и Маяковского. И, как пишет журналист-правдист Петр Лидов,

автор очерков о Зое (в том числе самого первого), Зоя с какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой отзывалась о Владимире Ильиче Ленине. И защищала она не просто национально-русское, но социалистическое Отечество.

Зоино поколение шло защищать Советскую власть! Ту власть, которая дала молодым людям из народа образование. Известно, что Николай II был одержим идеей «селекции» детей по сословным и материальным признакам. Так что молодое советское поколение шло защищать свою родную, единую, народную школу. Советская власть открыла доступ всей молодежи страны ко всей мировой культуре. Не только Горький и Маяковский – Шекспир, Гёте, Лев Толстой и другие мировые гении многократно упоминаются в записной книжке Зои.

И – обостренное чувство справедливости. Родина, которую они шли защищать, на их взгляд, была самой справедливой страной на свете. Мог ли так сказать о России простолюдин XIX века, ушедший на Отечественную войну 1812 года? А Первая мировая (империалистическая, как ее правомерно называли)? Прочитайте «Школу» Аркадия Гайдара и вы поймете, какая тогда была морально-политическая атмосфера в России. Конечно, говоря «Это счастье – умереть за свой народ!», Зоя имела в виду не только русский народ, но содружество всех народов Советского Союза – народ советский.

Как изменилось отношение к памяти Зои Космодемьянской после буржуазного контрреволюционного переворота 1991 года? У историка Юрия Емельянова есть книга с названием «Сталин перед судом пигмеев». Но судят не только Сталина. Судят все Зоино поколение – поколение победителей. И кто? «Победителей судят хилые, подозрительные и порочные» (А. Первенцев «Остров надежды»). Вот свора таких пигмеев и обрушилась на Зою.

Разумеется, тут ясно виден классовый интерес российской буржуазии – опорочить все советское. Но есть и реакция мещанства, проникшего во все поры нашего общества. Мещанин, обыватель не может понять, как так: «Это счастье – умереть за свой народ»? У них, обывателей, которых множество ныне, есть то «стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе...», о котором пишет Горький в своем очерке «В. И. Ленин».

Образ Зои Космодемьянской вдохновлял солдат Великой Отечественной. «За Зою!» – с этими словами шли в бой. И победили» (В. Кожемяко).

А мы? Кто для нас Зоя? Мне кажется, что Зоя дает нам, коммунистам, комсомольцам и всем честным людям, два урока. Истерзанная пытками, стоя под виселицей, она «...крикнула громким и чистым голосом: «Эй, товарищи! Что смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь...» Разве и не к нам обращается с этими словами Зоя?

А урок веры в победу? Враг стоит у Москвы, а Зоя обращается к немецким солдатам: «Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами!» Именно такой веры нам подчас не хватает. Да, современный империализм нанес социализму сильнейшее поражение. Но «дальнейшее сохранение капитализма как господствующей на планете системы грозит катастрофой» (Программа КПРФ).

Продолжается в мире экономический кризис капитализма, укрепляется социалистический Китай, «краснеет» Латинская Америка. Вообще, как сказал товарищ Сталин с трибуны ленинского Мавзолея 7 ноября 1941 года: «Враг не так силен, как изображают некоторые напуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют».

К сожалению, этот «черт» напугал не только «интеллигентиков», но и рабочий класс, и прочие слои общества. Пора уже отходить от шока начала 90-х! Один из очерков Петра Лидова о Зое заканчивается так: «Своим примером она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить».

Будем же и мы учиться у Зои. Будем ее достойны. И тогда мы победим.

г. Дмитров, Московская область

Нынешняя власть героев предала

Уважаемая редакция!

Статья Виктора Кожемяко «Американский профессор пишет о советской героине» – одна из волнующих нас, коммунистов, публикаций в «Правде». Сразу скажу о главном: нынешняя власть предала подвиги советских героев и память о них.

Я уже десять лет в рядах КПРФ. Учитель по профессии. В советское время была старшей пионервожатой. Ездил с ребятами и в г. Краснодон, и по другим местам боевой славы, создала в школе уголок героев войны. А вот в начале 90-х послушные новой власти учителя этот уголок разрушили.

Мне пришлось уехать в Орловскую область, где, будучи не принятой на работу в школу, стала проводить в г. Ливны и районе беседы с ребятами о героях войны. Дети слушали меня с огромным вниманием, вручали мне цветы, просили принять их в комсомол. Но через некоторое время поступил запрет на мою патриотическую работу. Стали увольнять тех классных руководителей в школах, с которыми я держала связь.

Коммунистов в школы сейчас не пускают. Но мы должны находить возможность для работы с учащимися. Я горжусь, что заложила в души многих своих учеников идеи советского патриотизма.

г. Волгореченск, Костромская област.

Правда восторжествует со сменой курса

Постараюсь дать свои ответы на вопросы профессора Джонатана Платта и журналиста Виктора Кожемяко. Вопросы, на мой взгляд, поставлены очень актуальные для сегодняшнего дня. И вот что я думаю.

1. К сожалению, Зою Космодемьянскую как героическую личность помнят и считают важной фигурой сегодня далеко не все. Молодежь о ней знает скорее поверхностно. Сегодня воспитать молодых на ее примере очень сложно. Тем не менее и нынче есть случаи героического самопожертвования, но они в основном носят локальный характер: ради спасения кого-либо, группы людей, отдельных объектов и т. п.

2. После развала СССР и искажения в СМИ сути героических событий социалистического периода у многих граждан сформировалось чувство скептицизма и равнодушия. Память о Зое устойчива лишь у тех людей, которые сами на всю жизнь пронизаны патриотическим духом.

3. В СССР понятия «государство» и «Родина» отождествлялись. Люди в большинстве верили руководству страны, любили свою страну, гордились тем, что она – первая в мире социалистическая держава. Образы героического самопожертвования должны соответствовать образу жизни страны, но сегодня такой гармонии нет.

4. Перелицовывание СМИ подвига Зои (не только ее!) в миф – это часть общей концепции власти: принизить роль советского периода нашей истории. Это преодолется только со сменой идеологического курса.

5. Пренебрежение государства к мемориалам героев Советской страны, в частности к местам памяти Зои, объясняется сутью этого государства, этой власти. Она противостоит народу, а отсюда резкое социальное расслоение, идеологический разброд. Положение может измениться лишь тогда, когда интересы руководства страны и народа полностью совпадут.

6. Подвиг Зои Космодемьянской – это один из ярких всплесков того огромного патриотического

заряда советских людей, жизнь которых была тесно сплетена с судьбой Родины. В детские души глубоко западали рассказы учителей, передачи по радио. Сопереживали, входили в образы героев. Их пример был путеводной звездой для формирования характера в духе преданности своей Советской Родине. Забыть Зою и других советских героев – значит лишиться всех этих эмоций и стать бесцветным, равнодушным человеком, приспособленцем ко всему вокруг происходящему – отнюдь не хорошему, а больше плохому.

7. Зоя похожа на всех национальных героев, которые жили органически неотделимо со своим народом. Боролись и умирали за благополучие и мир в своей стране. Сравнить ее конкретно с кем-нибудь – это значит перечислять сотни и сотни имен. Чувство исполненного долга перед Родиной ее вдохновляло, придавало стойкости, мужества перед пытками. Личную трагедию Зоя считала не значительнее, чем трагедия родной страны и родного народа. Служить им самоотверженно, а если потребуется, даже погибнуть за них – это был главный принцип ее жизни.

8. СССР воспринимался большинством живших в этой великой стране как единое, общее, родное государство. При знаковых событиях, касающихся судьбы Родины, хоть военных, хоть трудовых, все имели один статус – граждане Страны Советов. Думаю, говоря перед казнью, Зоя имела в виду весь советский народ. Ведь герои были и других национальностей, все защищали общую великую Родину, воевали и умирали за единый дом – Советский Союз. Вот что ныне утрачено. Вот за что нам надо бороться.

пос. Маячный, Кувандыкский район, Оренбургская область

Оскверняют всё, к чему прикасаются

Уважаемые товарищи! Уважаемый Виктор Кожемяко!

С интересом ознакомилась со статьей «Американский профессор пишет о советской героине». Для советских людей Зоя навсегда останется символом стойкости и мужества, это наша русская советская великомученица, и когда-нибудь ее обязательно канонизируют. В современной буржуазной России на государственном уровне Зоя никто и ничто. Но если власть сочтет выгодным для себя использовать ее образ, то она это сделает с присущим ей цинизмом. И это самое страшное, потому что они оскверняют всё, к чему прикасаются. Мы уже имеем Победу без Красного Знамени, Коммунистической партии и Сталина, парад – без ленинского Мавзолея, фальшивую «Молодую гвардию» и т. д., и т. п.

Фальшь всего этого, расчетливую и хитрую, особенно важно разъяснять людям, многие из которых склонны доверчиво принимать подделку за чистую монету.

г. Москва

Забывать нельзя

Кровавая, жестокая война...
То время родило своих героев,
Которыми гордилась вся страна.
Ты среди них особенная, Зоя...

Мы не забудем, Зоя, подвиг твой,
Как Родину от гибели спасла ты.
Ведь с именем твоим, бросаясь в бой,
К победе шли советские солдаты.

Великая это сила – коммунистические идеи

Добровольцев рождало советское время

Дорогая редакция! всю свою сознательную жизнь я шагаю с «Правдой». Благодарна ее журналистам – просто невозможно перечислить всех, к кому испытываю глубочайшее уважение. От одного из них, военкора Петра Лидова, именно со страниц «Правды» узнали мы в начале 1942 года о подвиге Зои Космодемьянской. Его очерки, потрясающий снимок Сергея Струнникова звали к отмщению!

В то трудное время (и под воздействием образа Зои – тоже!) я стала добровольцем 4-го женского батальона, которым командовал майор Василий Васильевич Соболев. Для девушек, моих подруг, по воле сердца пришедших в Красную Армию и ставших связистами ВВС, не было сомнений, где мы должны находиться: все рвались на фронт – защищать Родину.

Вот и Зоя была добровольцем. Понятие это великое, святое. Но что значит оно и что значит личность Зои Космодемьянской в нынешнее время? Очень хорошо поступила «Правда», опубликовав статью Виктора Кожемяко «Американский профессор пишет о советской героине» и сопроводив ее вопросами от профессора Джонатана Платта. Попробую кратко ответить на них.

1. Для нас, остающихся советскими людьми, патриотами Советской Родины – да, а для нынешних правителей-предателей и их холуев – нет.

2. У меня и моих единомышленников память о Зое не изменилась.

3. Конечно, да! Если власть будет Советская, а не теперешняя.

4. В буржуазных СМИ холуи стараются угодить своим хозяевам. А вот когда к власти в стране придет Правительство народного доверия, герои советской эпохи будут изображаться такими, какими они были в действительности.

5. Непременно помочь администрации 201-й московской школы восстановить историческое здание! Хорошо было бы, если бы занялась этой проблемой фракция КПРФ в Государственной думе.

6. Я уже сказала о воздействии образа Зои на мое поколение и на меня лично. Было оно огромно! И мое отношение к Зое не менялось и не изменится никогда.

7. Зоя похожа на Жанну д'Арк, на героя романа Войнич «Овод», на Павла Корчагина – Николая Островского и многих героев Великой Отечественной.

8. Советский человек вобрал в себя лучшие качества русского человека. То же можно сказать о советском и русском народе. Наверное, и Зоя так считала.

Еще раз спасибо за очень интересную публикацию. Джонатану Платту желаю удачи в его благородном деле.

г. Жуковский, Московская област.

Без идеалов нет героизма

Подвиги таких героев, как Зоя Космодемьянская, сравнимы для меня с поступком Данко, который вырвал свое сердце ради людей, ради будущего. Зоя не думала о себе, она умирала за свой советский народ, за любимую Советскую Родину, взрастившую и воспитавшую ее. Патриотизм – это как раз то, что особенно необходимо современной молодежи и чего, по-моему, у нее весьма недостаточно.

Я никогда не забуду слов своего брата Вячеслава Георгиевича Дорофеева, который в письме «треугольнике» с фронта писал, что все отдаст, даже жизнь, за свою Родину: «Лида, это же наша Русь!» Мой брат погиб, защищая Советскую нашу Русь. И еще два моих родных брата погибли: Трофим Дорофеев – на Смоленщине, а Петр Дорофеев дошел до Берлина, но умер сразу после войны от полученных ран. Все трое ушли молодыми, когда вся жизнь была еще впереди.

Статья о Зое всколыхнула во мне множество воспоминаний. Ведь вслед за ней героями стали сотни, тысячи патриотов. Например, Лиза Чайкина, подобно Зое, была схвачена фашистами и приняла мученическую смерть. А наши земляки-таганрожцы? Иван Голубец погиб с миной в руках, спасая своих товарищей-моряков; Ломакин сгорел в самолете; герои Таганрогского подполья были казнены за их деятельность в тылу врага...

Рассказ о подвиге часто рождает новый подвиг. Скажем, героический поступок Александра Матросова повторили за годы войны более 200 героев, в основном молодых бойцов. Более 35 миллионов комсомольцев за участие в Великой Отечественной войне были награждены орденами и медалями, около 7 тысяч удостоены звания Героя Советского Союза. Многие были представлены к наградам посмертно.

Советская молодежь воспитывалась Коммунистической партией, объединялась, спланивалась в комсомольских и пионерских организациях. Именно поэтому ельцинисты, сметая с лица земли Советский Союз, в первую очередь одновременно с партией разрушили эти молодежные организации, чтобы разъединить, развратить юных членов общества. Молодые теперь не имеют идеалов, потому что коммунистические идеи под гнетом, под запретом, а новых идеалов современная власть не создала.

И мне очень больно, когда наших советских героев прислужники нынешней власти обливают грязью, нашу советскую историю перекручивают на свой лад. История должна быть правдивой!

Нас, видевших и переживших ужасы войны, остается все меньше и меньше, но мы помним о героях-комсомольцах и гордимся их подвигом.

Хотелось бы, чтобы нынешняя молодежь знала больше о героях войны, продолжала бы патриотические традиции комсомольцев 20—80-х годов и всегда помнила, что в жизни «всегда есть место подвигу»! Это, по-моему, важнейшая забота нашей партии.

г. Таганрог, Ростовская область

Кто тогда развеет тьму?

Мне шел одиннадцатый год, когда в очередном номере «Правды» (родители выписывали эту боевую газету) увидела очерк П. Лидова под крупным заголовком «Таня». Тогда-то и узнала о казни неизвестной девушки, назвавшей себя Татьяной. Проникновенный рассказ журналиста тронул душу подростка.

Позднее стало известно, что повесили в деревне Петрищево восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку из 201-й школы – Зою Космодемьянскую. Появилась поэма «Зоя» Маргариты Алигер. Наш учитель истории Анна Кондратьевна Бурасова поставила с нами литературно-музыкальную композицию о юной героине. Роль Зои предложили мне.

Стихи в процессе репетиций легко запоминались. Так и выучила наизусть почти всю поэму. И до сих пор многое помню. Мы выступали с композицией в школах, клубах нашего небольшого уральского городка Верхняя Салда, ездили по деревням. Никогда не забуду притихшую аудиторию и слезы на глазах зрителей.

Прошли годы. Зоя всегда была со мной. Сколько же раз выступила я с рассказом о ней перед школьниками, учащимися ГПТУ, техникума, в рабочих аудиториях, в общежитиях родного города, а позднее в станицах Краснодарского края, где живу уже более четверти века в небольшом поселочке Мирном. И слова о Зое из той военной поры летят к современному слушателю и поныне:

Девочка! Слушай меня без дрожи,
Слушай... Тебе одиннадцать лет.
Если ни разу она не заплачет,
Что бы ни делали изверги с ней,
Если умрет, но не сдастся,
Значит, правда ее даже смерти сильнее.

Сегодня, в тяжелые дни и годы бездорожья, так необходимо говорить о Зое, бороться за светлое имя ее с разноликими хулителями, ниспровергателями ее подвига! И мне помогают в этом и погибший на войне Петр Лидов, и Маргарита Алигер, и публикации в «Правде» журналиста Виктора Кожемяко.

Потрясенная его очерками о трех казнях Зои Космодемьянской – петлей, клеветой и забвением, я шла к слушателям и спрашивала, знают ли они Зою. Поднимали руки, конечно, далеко не все. Зато как они слушали! И можно было увидеть в их широко распахнутых глазах не только интерес, но и боль, и понимание, и – протест!

Очень важен вопрос американского профессора, заданный журналисту «Правды»:

– Какую роль играл коммунизм в подвиге Зои? Могла ли Зоя совершить этот подвиг без веры в светлое будущее?

Мне думается, что ни Зоя, ни Татьяна Соломаха, ни Юрий Смирнов, распятый на стене блиндажа, ни другие герои не могли совершить подвига, пойти на муки, если бы у них не было веры в коммунистическое завтра, в победу света на земле.

Подвиги совершали во все времена и во всех странах, но такого массового героизма, как в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., нигде и никогда не было. Настолько высок оказался патриотический дух советского народа, воспитанного Коммунистической партией. И эту необыкновенную силу духа советского человека признавали даже враги, ненавистники коммунизма.

А ведь эти слова – социализм и коммунизм – вошли в нас, «детей войны», незримо и глубоко. Вошли в нашу плоть и кровь как мечта о светлом будущем. Вошли вместе с замечательными фильмами «Чапаев»,

«Семеро смелых», «Огненные версты», «Граница на замке», вместе с песнями И. Дунаевского, А. Александрова, М. Блантера и др., вместе с Пушкиным и Лермонтовым, Маяковским и Твардовским.

И не потому ли жила в нас вера в светлое будущее страны? И желание приблизить его не покидало нас... Не покидает и сегодня!

Хотелось бы ответить еще на один вопрос, заданный Джонатаном Платтом:

– Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ!», какой народ она имела в виду – русский или советский? И важна ли здесь разница?

Мне кажется, Зоя не делила эти понятия и разницы не видела, умирая за народ своей страны – Союза Советских Социалистических Республик, единого и неделимого, хотя в ее груди билось русское сердце. Народы всех республик в те времена были братьями. Знаю это по собственному опыту. К нам в уральский городок в 1941 году перебазировали два завода. Национальный состав эвакуированных был пестр. Моей лучшей подругой стала Галка Ткачук (украинка); вместе занимались мы с Илей из Прибалтики; физику нам преподавал Евгений Борисович Колтунов, пришедший с фронта израненный (по национальности – еврей), человек замечательный. А убирать урожай турнепса в совхозе мы ходили вместе с преподавателем английского языка Пьером Анатольевичем Люлиным, выходцем из Америки. Мы, русские ребята и девочки, радушно принимали всех. И трудились на полях, и учились, и веселились, и горевали все вместе.

Политика «разделяй и властвуй» взята на вооружение нынешними хозяевами страны. Так им легче управлять, держать людей в узде. При этом идет ниспровержение всего, что не угодно этой власти. И как нужны нам сильные люди-борцы, такие, как писатель-патриот Виктор Розов, человек-стойк! Зоя Космодемьянская и Виктор Розов – родня по духу. И эта юная комсомолка, останься она в живых, болезненно пережив трагический разлом Советского Союза, наверняка встала бы вместе с В. Розовым в ряды борцов с «гнездами глухарей», с разрушителями страны.

Когда-то великий поэт-коммунист Назым Хикмет написал:

Если я гореть не буду,
Если ты гореть не будешь,
Если мы гореть не будем,
Кто тогда развеет тьму?

Давайте все вместе думать, как донести это до сердец нынешних молодых людей, которые наследуют нашу родную страну в XXI веке. Коммунистическим идеям – жить!

пос. Мирный, Северский район, Краснодарский край

Наш долг в этом особый

До сих пор я отчетливо помню тот январский день 1942 года, когда у меня, ученицы 4-го класса, в руках оказалась газета «Правда» со статьей «Таня», а в центре ее – фотография: изуродованное девичье лицо и обрывок петли на шее...

А в октябре 1973 года мне удалось, наконец, побывать в деревне Петрищево, где и сейчас работает музей Зои Космодемьянской. С большим волнением смотрела на все, что хранит память о подвиге комсомолки.

Тема Зои стала навсегда очень важной в моей работе со школьниками. Вот и сравнительно недавно, осенью 2010 года, я составила литературно-поэтическую композицию «Наша Зоя». Она вызвала интерес у всех учеников, а особенно у пионеров: у нас сохранилась пионерская организация. Рассказываю о Зое в нашем городе, районе и даже за его пределами. Сопровождаю рассказ фрагментами из поэмы Маргариты Алигер «Зоя».

Регулярно читаю «Правду», поэтому на статью В. Кожемяко «Американский профессор пишет о советской героине» сразу обратила внимание. Она меня очень взволновала. Обязательно и об этом буду рассказывать как ребятам, так и взрослым.

Я ветеран пионерии, комсомола, член КПСС – КПРФ с 1952 года. Почетный гражданин города Уржум. Вы, конечно, знаете, что это родина Сергея Мироновича Кирова. У нас с 1935 года работает посвященный ему музей.

Память о таких выдающихся людях, как Киров и Зоя Космодемьянская, должна быть священной в нашей стране. Долг коммунистов в сохранении и пропаганде советской истории – особый.

г. Уржум, Кировская область

Индивидуализм к подвигам не ведет

Для меня подвиг Зои – самопожертвование ради общей победы над озверелым врагом – остается светом негасимым. И никакие потоки грязи, изливаемые на советских героев, не изменили моего убеждения.

О настроении сегодняшней молодежи мне судить трудно. Складывается впечатление, что большая часть ее отравлена ядом, льющим из СМИ. Главное для такой молодежи – доллар.

Школа нынешняя о героях советской эпохи умалчивает. Вообще школа как воспитатель патриотизма утрачена.

Пренебрежительное отношение к памятникам советского героизма изменится только со сменой правящего режима.

Ну и последнее. В нас, советских людях (у большинства), было развито чувство, о котором хорошо сказал Маяковский: «Мой труд вливается в труд моей республики».

Мы не были индивидуалистами. А потому смерть ради победы народа всегда чтилась высоко. Для меня есть еще и пример моего отца, который сдал бронь и в первые же дни войны ушел на фронт. Отец погиб под Вязьмой. На фронт он уходил санинструктором, а в свой последний бой пошел пулеметчиком.

г. Красноярск

Советский строй поднимал человека, а буржуазный превращает в животное

Уважаемый Виктор Стефанович!

Ваше общение со «всемирно отзывчивым» американцем Джонатаном Платтом в связи с юбилеем Зои Космодемьянской тронуло меня до слез. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон товарищу Платту (иное обращение мое было бы неискренним) за его стремление понять полюбившийся ему русско-советский народ.

Воспитываясь советскими, мы не переставали быть русскими, потому что наследовали идеалы, делающие нас всемирно отзывчивыми. «Один за всех – все за одного» – христианский идеал, наследуемый коммунистами.

Да, мы разные. Многие не устояли против зеленого вируса – доллара, против идеи потребительства. Но большинство моего поколения по-прежнему исповедует идеалы коммунистические.

На последний из заданных вопросов – о каком народе говорила Зоя с эшафота – скажу: она говорила о том самом едином советском двухсотмиллионном народе, причастность к которому – величайшее богатство всех его героев. Наверное, Зоя знала ответ Валерия Чкалова дотошным американским журналистам на их вопрос о его финансовом состоянии. Двести миллионов (не рублей и даже не долларов), но 200 миллионов советских людей – таков его ответ.

Когда я был ребенком (в первый класс пошел в 1944 году), на уроках пения нас учили петь «Во поле березонька стояла» (русскую народную), песню о Щорсе – герое Гражданской войны и песню «Таня» – о Зое Космодемьянской. Незатейливые, понятные детям стихи: «Пытали Таню – слова не сказала, / Не выдала Танюша партизан...» Со всей детской наивностью я страдал: «Где же я буду совершать подвиги? Войны-то больше не будет!» Потом нам внушили горьковское: «В жизни всегда есть место подвигу». И это абсолютно верно!

В 90-е, во время особенно яростных идеологических погромов всего советского, я прочитал гнусную статью о Зое в «АиФ». Ко всему прочему автор утверждал, что Зоя была психически больной. Возмущенный, я напомнил автору, что в свое время враги Франции объявили Жанну д'Арк сумасшедшей и колдуньей, чтобы сжечь ее, так же и он пытается теперь осквернить память и имя нашей национальной героини. Но ни публикации моего письма, ни ответа на него не последовало...

Очень хорошо поставлен вопрос о нынешних государственных структурах, бездушно относящихся к местам памяти о Космодемьянских. На то они и структуры – нечто механическое. Однако «компьютеры», которые у них в головах, выводят: «Не предадите забвению все советское – потеряете присвоенную вами советскую собственность».

Что делать? 9 мая и 5 августа (день освобождения Орла от фашистов) я выступаю на митинге у братской могилы воинов Великой Отечественной. Были случаи, когда представители властных структур пытались меня остановить, боясь, что меня поймут дети, учащиеся. Мне есть что сказать ребятам в школе, но меня туда не зовут и не пускают: директор школы – из структуры правящей партии. Остается искать места, чтобы убеждать людей голосовать за кандидатов от КПРФ.

Образы героического самопожертвования всегда необходимы в воспитании молодежи. Лишившись идеалов, человек начинает жить инстинктами. Зверь ведь грызется насмерть за свою территорию, самку, свой помет. Им движет инстинкт собственника. Человек без чести, без идеалов – животное.

Общее между советским и русским хорошо выражено И. В. Сталиным: «Культура должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию». В детстве я учился петь с патефона. Половина пластинок у нас была с русскими народными песнями, другая – с песнями советскими, но мелодичность осталась национальной. Ритмы племени «Мумба-Юмба» исключались. Зато по радио постоянно звучали песни народов СССР. С каким упоением я слушал, например, пение Рашида Бейбутова и даже пытался подражать ему!

Да, вот чудо: среди пластинок была одна с речью Мити Карамазова на суде. И это в сельском доме, где хозяйка не могла ни читать, ни писать, а хозяин окончил 4 класса ЦПШ. Зато у их детей, у всех, было по 7 классов ШКМ – школы колхозной молодежи, а у меня, их внука, – образование высшее. Разумеется, ребенком речь Мити в исполнении народного артиста я не мог понять. Но потом дважды перечитал «Братьев Карамазовых» и дважды – «Преступление и наказание». По несколько раз смотрел непревзойденные советские экранизации этих великих романов. А вот в разгар «демократизации», в конце 90-х, читаю в газете, как «одемократившиеся» молодые экскурсанты на стене дома Раскольникова набрызгали граффити «стишки»:

Родя рубит на ура,
Бабки мрут от топора...

Вот вам результат «нового воспитания». Советский строй помогал нам выдавливать из себя раба вещей, денег, требовал самоограничения инстинктов в интересах всего общества, требовал постоянного культурного роста и создавал все условия для этого. А ныне – простор для дикости.

Еще раз спасибо вам за интересный материал и злободневные вопросы.

Коротко о себе. Мне 75 лет, в Компартии я с 1960 года. В прошлом – агроном. Теперь – «ночной директор», то есть вынужден охранять контору унитарного государственного предприятия.

пос. Добрый, Орловский район, Орловская област.

Вдохновляющий образ Победы

Для меня Зоя Космодемьянская была и остается одним из символов советской эпохи, примером беззаветного служения Родине. Образ ее за последние годы кощунственно оболган, но мириться с этим ни в коем случае нельзя.

На фоне всего происходящего ныне радостно читать в «Правде» отклики на статью «Американский профессор пишет о советской героине». Люди с теплотой продолжают вспоминать о советском прошлом нашей страны, с гордостью говорят о наших героях.

Отвечая на вопросы Дж. Платта, хочется прежде всего сказать, что сегодня в воспитании молодежи преобладают иные ценности, нежели ранее. Несколько поколений выросло на таких примерах, как Зоя Космодемьянская, молодогвардейцы, пионеры-герои. Взрослея, мы старались быть честными и справедливыми. Повязав красный галстук, я всегда потом помнила, что это частица нашего красного знамени. На школьных стендах висели портреты Лени Голикова, Зины Портновой и других мальчишек и девчонок, отдавших свои жизни за Победу. Пионерские отряды назывались в их честь. И я мечтала стать такой же, как они, – сильной и смелой.

Возможно, если бы сегодня школьники знали больше о подвигах своих сверстников в годы Великой Отечественной войны, они были бы несколько другими. Так ли это – вопрос спорный, но у молодежи должен быть достойный пример. Такой вывод могу сделать, глядя на свою дочь.

В конце нынешнего августа наша семья побывала в Петрищеве. И надо было видеть глаза

девятилетнего ребенка, с невероятным интересом рассматривающего экспонаты в музее Зои Космодемьянской! Сколько неподдельного удивления, любопытства, волнения... И постепенное осознание, что это не какой-то миф, а реальный человек, ценой собственной жизни совершивший подвиг во имя спасения Родины.

Имя Зои Космодемьянской прозвучало тогда во всех уголках Советской страны на разных языках. По сути, героем можно назвать каждого, кто в тяжелые для Советского Союза годы был на защите Родины – лежа в сырых окопах, работая по несколько смен на заводах, падая от усталости и голода, находясь в оккупации. Советские люди не сдавались на милость врага, и Зоя стала для многих вдохновляющим светлым образом долгожданной Победы.

В музее мы прочитали воспоминания ее подруг, матери, очевидцев пыток и казни, побывали на месте, где в 1941 году 18-летняя комсомолка, не сломленная жестокими истязаниями, бесстрашно ступила навстречу смерти. Стояли перед обелиском с надписью: «Здесь 29 ноября 1941 года была казнена немецкими фашистами комсомолка-партизанка Зоя Космодемьянская». И очень приятно было увидеть у подножия памятника свежие цветы. Это значит, что люди не забывают о ее подвиге, совершенном ради всех нас.

Помнят о ней и на ее малой родине – в селе Осиновые Гаи Гавриловского района Тамбовской области. В день ее рождения уметские школьники побывали в местном музее. Хочется верить, что из этой поездки они немало почерпнули для себя.

Моя дочь, вернувшись из Петрищева, задала тысячу вопросов, перелопатила весь Интернет в поисках дополнительных сведений о Космодемьянской, сходила в школьную библиотеку. И каждым новым фактом, полученным из различных источников, делилась со мной как открытием. А потом, спустя некоторое время, неожиданно задала вопрос: «Мама, а ты бы так смогла, как Зоя?»

Для меня ее вопрос стал настоящей наградой. Значит, поездка была не напрасной. Значит, для дочери, как и для меня, Зоя Космодемьянская теперь нечто гораздо большее, чем просто имя в учебнике истории.

пос. Умет, Тамбовская область

В борьбе она – как знамя

Нынешнее отношение власти и большинства СМИ к советским героям отражает тот горький факт, что мы потерпели поражение в идеологической войне. Это буржуи считают Зою Космодемьянскую мифом. Это их подручные клеветают на нее. Потому что перед смертью она сказала, обращаясь к соотечественникам: «Не бойтесь! Боритесь! Сталин придет!»

А народ наш в основе был тогда единый. Как пела Зыкина: «Сплелись слово «русский» и слово «советский». Бойцы всех национальностей говорили: «Русские не сдаются!» И для фашистов все мы были русские, советские.

Между прочим, новая скульптура Зои в исполнении Церетели, на мой взгляд, неудачна. Какой-то вид у нее здесь обреченный. Наверное, отражает сегодняшнее время...

Сейчас процветает индивидуализм, эгоизм. Советуют думать только о себе. Забывается, как было: «Прежде думай о Родине».

Чтобы преодолеть это, потребуются годы борьбы. И коммунистам надо упорнее организовывать рабочий класс, всех трудящихся на общий подвиг в отвоевывании будущего. А Зоя для нас – как знамя.

г. Уфа

Смотря какое воспитание

Зоя – моя сверстница. Очень хочется писать о ней.

К сожалению, важной фигурой в сегодняшней России она не является. Как и другие советские герои. Но память о них после развала СССР у многих не изменилась.

Нас в Советском Союзе воспитывали на коммунистических идеях, а это великая и благородная сила! Сегодня же в молодых разжигают страсть к обогащению, и главная цель – иметь больше денег. Охаивают советское прошлое, героев того времени представляют идеологическим мифом.

Все это плохо сказывается на молодежи. В народе верно говорят: что посеешь, то и пожнешь. Дурное сеется сегодня. Разное воспитание – коммунистическое и буржуазное. Поэтому и люди получаются теперь другие. Плоды нынешнего воспитания не радуют, а сильно огорчают.

Пренебрежение властных структур – не только к памяти о Зое, но и ко всему советскому. Преодолеть это и многое другое можно только со сменой власти.

Зоя для меня с тех пор, как узнала о ней, стала примером того, как надо жить, каким быть человеком. Этому учили нас и замечательные книги: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Овод» Э. Войнич и другие. Мы в советское время много читали.

А последние слова Зои – о советском и русском народе. Тогда это было одно и то же.

г. Якутск

Сияли глаза ребятишек

В магнитогорской школе № 49 отметили юбилей Зои Космодемьянской. У бюста девушки – Героя Советского Союза – звучали трогательные слова памяти, сияли глаза ребятишек, устремленные на золотистый облик очаровательно-юной защитницы Отечества.

В ходе подготовки к этим линейкам стало ясно, что педагогам нужна поддержка в патриотическом воспитании школьников. Магнитогорские коммунисты подарили детям книги, спортивный инвентарь, обратились к городскому Собранию депутатов, к администрации города с предложением вернуть школе № 49 славное имя Зои Космодемьянской, которое она когда-то носила, а также имена пионеров и комсомольцев-героев другим учебным заведениям города. Особенно важно это сейчас, когда идет подготовка к 95-летию ВЛКСМ.

г. Магнитогорск

Светочем горит в моем сердце

Долго думал над вопросами, поставленными Джонатаном Платтом, и вот мои ответы на них.

Да, Зоя Анатольевна Космодемьянская – важная героическая фигура до сих пор. Не только в России, но и в мире в целом. Потому что без таких образцов героизма мир вырождается, погрязнет в болоте. К сожалению, да, память о Зое очернена подонками вроде Сванидзе, Новодворской и несть им числа.

Да, я считаю, что примеры героического самопожертвования необходимы и сегодня в воспитании молодежи.

А отношение продажных СМИ к личности и поступку Зои как к идеологическому мифу вызвано политической позицией их руководителей.

Да, нынешние госструктуры пренебрегают не только памятью о Зое. Они пренебрегают и сегодняшними стариками-ветеранами, и «детьми войны», и всеми теми, кто за справедливую жизнь. Что делать? Надо поднимать общественное сознание и поднимать людей на борьбу.

Зоя для меня значила и значит очень многое по сей день. Это образец мужества, величия, стойкости русского характера, величия советского человека-патриота. Мои воспоминания о ней самые светлые. О Зое в школе замечательно рассказывали нам учителя – преподаватель литературы Галина Николаевна Луговская, истории – Александр Михайлович Дорохов, немецкого языка – Эльза Альбертовна Меркель. И, конечно, наши пионервожатые. Со временем мое отношение к героине не изменилось. Она светочем горит в моем сердце.

Зоя образом своим похожа на любимую мною поэтессу Ольгу Федоровну Берггольц, а еще на Жанну д'Арк. Своим характером и своим самопожертвованием.

Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ!», она говорила о великом советском народе, едином и самом мужественном. Вспомните слова Маяковского в «Стихах о советском паспорте»: «Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!»

В единстве нашем – всех советских народов! – была наша сила. В дружбе и взаимопонимании. А что теперь происходит со страной, с нами? Мигранты и россияне, кавказцы и русские, другие народности – сплошное противостояние! Мы расколоты буржуями-политиканами. Мы для них – никто.

Вот такое мое мнение, нравится оно кому-то или не нравится.

пос. Восточный,

Дергачевский район,

Саратовская область

Прости, что не оправдали твоей веры...

Не мог не откликнуться на предложение «Правды» ответить на вопросы американца о Зое Космодемьянской, которая смотрела на меня своим упорным, испытующим взглядом с самого первого класса до окончания школы с портрета над школьной доской. Это было в первые годы после войны. «Безотцовщина» – так называли тогда почти всех ребяташек. Сегодня нас называют «дети войны».

Признаться, мы не были «паиньками» и «маменькими сынками». Мы были, простите, шалопаями: шалили, дурачились, дрались, курили... Да что там говорить! Примером для подражания мы не были.

Но Зоя! Она смотрела на нас с портрета хоть и с упреком, как нам казалось, но одновременно и с верой в нас. С такой же верой, как верила в светлое будущее, за которое пошла на смерть. Сегодня над этими словами, если их произнести в обывательской среде, ехидно усмехнутся: какое будущее? Вот оно, это будущее! Созерцайте, любуйтесь, утешайтесь. Довольны?

О, как много хотелось бы сказать по этому поводу! Особенно о том, до чего же мы были беспечны: ведь все было доступно и почти бесплатно, вволю – учись, развивайся, наслаждайся, а потом расти своих детей. Живи!

Эх, Зоя, Зоя! Выходит, напрасно ты на нас надеялась. Конечно, в общем и целом мы вроде бы оправдали твои надежды: выучились, многие получили высшее образование, поголовно – среднее, работали, поднимали целину, строили Братскую ГЭС, прокладывали БАМ... Но как-то не заметили, что рядом с нами живут те, которые «не довольны советской властью», и даже те, кто жалел, что Гитлер нас не победил. Но они, оказалось, не только жили да небо коптили, а действовали – исподтишка. Анекдотики про Чапая и про Леню Брежнева рассказывали, а мы их сдуру повторяли; радио «Свобода» подслушивали и нам передавали, шмотки «из-за бугра» носили – нам на зависть; диссидентскую галиматью почитывали и нам подсовывали. А мы, дети сурового времени, уши развесили: «А чо нам, у нас все есть – и квартира бесплатная, и дети обуты-одеты-накормлены, и будущее у них действительно ожидается светлое. Да, правда, бывает – то колбаса с прилавков исчезнет, то колготки, то галстуки, то (уму непостижимо) хлеб. Ну да это, наверное, чиновники что-то там поднапутали, – успокаивали себя мы, – разберутся, и все наладится».

Оказалось, не поднапутали, а специально напутали. Смешали грешное с праведным – сначала в идеологии, литературе, культуре, а затем – в экономике. Запрягли телегу впереди лошади: дескать, главное – это прибыль, а не удовлетворение потребностей человека в простых вещах и пище. Предали забвению мысли мудрецов, которые донес до нас гениальный Пушкин: «...чем государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». И телега поехала назад. Случилось то, что случилось.

Ты прости нас, Зоя! Мы, олухи, не оправдали твоей веры в наше светлое будущее.

И вот мои ответы американскому профессору.

1. В современной России (подчеркиваю: в современной) важной фигурой Зоя Космодемьянская не является. К сожалению!

2. После развала СССР память о Зое исказилась в СМИ и оболгалась в литературе.

3. Образцом героического самопожертвования в воспитании молодежи сегодня является, наверное, только Иисус Христос. А должна быть и Зоя!

4. Миф – не Зоя, а Иисус. СМИ недобросовестно заблуждаются. Как это преодолеть? Вернуть

социализм советского образца.

5. На этот вопрос, как и на предыдущий, дан ответ в Программе КПРФ.

6. Что значит Зоя для меня, я сказал в начале моего письма.

7. Зою нельзя сравнивать ни с одним историческим персонажем. Она – символ нашей советской эпохи.

8. «Это счастье – умереть за свой народ!» Вернее всего, под «своим народом» Зоя имела в виду народ всей Земли, как, согласно мифу, Христос шел на крест во имя спасения всех людей.

г. Алейск,

Алтайский край

Чем грозит России потеря чувства Родины

Хочу выразить сердечную благодарность «Правде» за организацию публичного разговора, пожалуй, по самой актуальной проблеме нашего общества, от правильного решения которой во многом будет зависеть судьба России, – о патриотизме. Высказать свое мнение по главным из вопросов американского профессора Джонатана Платта решил потому, что более 30 лет занимаюсь военно-патриотической работой.

Да, еще будучи заместителем начальника областного управления КГБ по Воронежской области, я организовывал встречи со студентами боевой соратницы легендарного советского разведчика, Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова – Валентины Константиновны Довгер, с которой поддерживал дружеские отношения до самой ее кончины. Знаете, ни одна встреча не проходила без вопроса, что помогало ей, тогда еще совсем юной и хрупкой девушке, принимать рискованно смелые решения, участвовать в опаснейших операциях с готовностью на подвиг, вплоть до самопожертвования. И она без всякой рисовки искренне отвечала: «Любовь к Родине и ненависть к врагам».

Я и сейчас занимаюсь этой работой, встречаюсь с молодежью. Поэтому о поставленных в газете вопросах могу судить, в определенном смысле, со знанием дела. А главный вывод, который делаю на основании накопленного опыта, сводится вот к чему: самой эффективной формой воздействия на души и сознание молодых является воспитание на героических примерах наших славных соотечественников, настоящих патриотов Родины.

Мое поколение воспитывалось на примерах А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, Ф. Ф. Ушакова, Ф. Э. Дзержинского, Павла Корчагина, В. П. Чкалова, челюскинцев, папанинцев, а в годы войны бесспорно на примерах А. Матросова, Зои Космодемьянской, В. Талалихина, Н. Гастелло, А. Маресьева и многих других. В советское время в стране была четко отработанная, стройная и действенная система патриотического воспитания. Этой благородной, святой задаче служили все виды искусства и литературы. Мы, люди старшего поколения, до сих пор поем только советские патриотические песни. Не будем же повторять вслед за популярным нынешним певцом пошлейшие слова: «Ветер в харю, а я шарю» или похлеще того...

Я полагаю, многие читатели «Правды» уже обратили внимание, что после тех или иных трагических событий в нашей стране, как правило, показывают по телевидению советские патриотические фильмы. После трагедии в «Норд-Осте» дали «А зори здесь тихие», после теракта в Беслане – «Они сражались за Родину». А больше сейчас и показывать нечего, если стоит задача как-то поддержать дух людей. Не показывать же «Дом-2».

После контрреволюционного переворота существовавшая система воспитания была разрушена. Не говоря уж про то, что сам установившийся строй патриотизму не способствует. Чем это грозит России? Естественно, прежде всего под угрозой ее безопасность. Сейчас мало найдется солдат, которые с гранатами бросятся под вражеский танк ради защиты капиталов, наворованных всяческими абрамовичами, вексельбергами, усмановыми и другими олигархами. «Пятая колонна» в стране делает все для реализации планов небезызвестного А. Даллеса по морально-политическому разложению нашей молодежи, чтобы, как он писал, «не было Матросовых и Космодемьянских».

Встречи ветеранов с молодежью и другие испытанные формы патриотического воспитания ныне насущно нужны еще и потому, что идет безудержная фальсификация всей нашей истории, низвергаются и разрушаются все наши национальные святыни, шельмуются герои, которые всегда с риском для жизни отстаивали свободу и независимость нашей Родины.

Такие разрушительные процессы в значительной мере уже достигли поставленных недругами России целей. В подтверждение приведу только два примера. По информации заместителя министра обороны генерала армии Н. Панкова, в 2011 году от получения призывных повесток отказались около 11 тысяч юношей, а 6 тысяч ударились в бег. Второй факт: за последние 20 лет Россию покинули более миллиона профессионалов (по данным Счетной палаты – 1 млн. 250 тысяч, среди которых значительная часть молодежи).

А ведь совсем иная ситуация была в Советской стране! После вероломного нападения фашистской Германии молодежь Воронежа допризывного возраста с вечера занимала очередь перед военкоматами, зданием управления НКВД и разведцентра, чтобы утром первыми записаться добровольцами в армию, партизанский или разведывательно-диверсионный отряд. То есть добровольно и осознанно люди проявляли готовность идти на фронт или в логово врага, откуда зачастую обратной дороги не было.

Такой подъем патриотизма прошел по всей стране! Профессор Воронежского госуниверситета В. Н. Эйтингон рассказывал мне, что в Москве очередь добровольцев от здания ЦК ВЛКСМ тянулась в эти дни на 300–400 метров.

Думаю, на основные вопросы, поставленные американским профессором, по сути дела я уже ответил. Лично для меня и моего поколения в целом поступки Зои, Александра Матросова и других героев имели исключительное значение: они были примером для подражания, эталонами отваги и патриотизма, к которым мы стремились. Таковыми должны бы оставаться они и для сегодняшней молодежи. Но, как я уже сказал, плохо сейчас с этим, очень плохо...

Что касается последнего вопроса, то для полной объективности и справедливости скажу, что в советские годы никто не делил людей по национальностям. На моем родном факультете Томского университета в 1949 году учились студенты 18 национальностей, и было признаком дурного тона спрашивать, какой национальности ты. Советская власть создала уникальную в мировой практике общность под названием советский народ, и все мы гордо носили это звание. Под это определение попадали люди всех национальностей, и никаких возражений со стороны так называемых малых народов не было.

Еще раз большое спасибо редакции газеты за поднятую проблему.

г. Воронеж

Поможет народу подняться

Поколение Зои готовило себя к подвигу. И когда началась Великая Отечественная война, комсомолка-десятиклассница сразу сделала свой выбор. Любовь к Родине, к советскому народу вела ее.

Ведь у нас действительно образовался уникальный этнос – советский народ. В СССР входили тогда 16 союзных республик, и в боях участвовали представители всех многочисленных национальностей, составлявших Советскую страну.

Войну я встретила в Ленинграде. Пришлось пережить несколько месяцев страшной блокады. Там мне рассказали об очерке П. Лидова в «Правде». И слова Зои «Это счастье – умереть за свой народ!» многим дали дополнительные силы в труднейшее время.

Ленинград выстоял. Ленинград, холодный и голодный, не сдался!

Как не склонилась перед врагами Зоя.

Что касается ее скульптурного образа, то я за памятник работы Е. Рудакова. Здесь она действительно воплощение воли, здесь она – боец!

А теперешние буржуазные СМИ делают все возможное и невозможное, чтобы искоренить у людей добрую память о советском прошлом. Это же совершенно очевидно! Теперь уже не герои Брестской крепости, а «Крепостные герои», как у пресловутого Пивоварова на НТВ, в чести не самоотверженность, а корысть. И песни такие, что петь их невозможно.

Да, какое время, такие и песни. Но героизм советской эпохи, я уверена, поможет нашему народу подняться с колен!

пос. Кавалерово,

Приморский край

В моей судьбе навсегда

Сердечное спасибо «Правде» за интересные материалы о Зое Космодемьянской. В советское время каждый школьник знал страницы биографии Зои, но сейчас, к сожалению, в головы молодого поколения вбивают совсем другие «ценности». И мне, педагогу, от этого особенно больно...

Для меня многое началось весной 1953 года. Я, тогда ученица 5-го класса Чебаковской средней школы Ядринского района Чувашии, слушая чтение нашей пионервожатой Фелицатой Шатаевой «Повести о Зое и Шуре», захотела увидеть мать двух Героев Советского Союза – Зои и Александра Космодемьянских, еще больше узнать, какими были ее дети, как она их воспитывала. Мечта эта долго жила во мне.

С 1966 года я работала старшей пионервожатой в школе № 1 г. Чебоксары, пионерская дружина которой носила имя Зои Космодемьянской. Тогда и решила начать поиски матери героев. Написала в адресное бюро Москвы письмо с просьбой выслать адрес Любови Тимофеевны Космодемьянской. Вскоре он был получен.

В зимние каникулы, взяв отпуск за свой счет, направилась в столицу. Там я побывала в школе № 201, которая носит имена Зои и Шуры Космодемьянских, посетила могилу Зои на Новодевичьем кладбище, встретила с ее боевой подругой Клавой Милорадовой.

А 27 января 1967 года (запомнила эту дату на всю жизнь!) состоялась моя встреча с мамой Зои.

...Передо мной стояла высокая, статная женщина с гладко причесанными седыми волосами. В первые минуты разговор не очень клеился: я сильно волновалась, а она после гибели Зои плохо слышала. Но затем спокойный голос Любови Тимофеевны сделал свое дело – все мое волнение улеглось. Я передала ей привет от пионеров нашей школы. Она была очень тронута. И по моей просьбе рассказала немало интересного о Зое и Шуре, хотя говорить о погибших детях ей было явно тяжело.

После этой встречи мы постоянно переписывались. Каждый раз, бывая в Москве, я заходила к ней. Последняя наша встреча состоялась 14 июня 1977 года, когда мы с группой учащихся нашей школы приехали на экскурсию. Тогда мы подарили ей портрет Зои, который выполнил ученик моего класса Володя Семенов. Как Любовь Тимофеевна обрадовалась! Она сфотографировалась со всеми нами, а с Володей еще и отдельно. Меньше чем через год мамы героев не стало...

Побывав впервые на могиле Зои Космодемьянской, я дала там себе клятву, что все мои будущие ученики будут знать правду о подвиге комсомолки. И сейчас с полным основанием могу сказать, что свою клятву сдержала. Все 43 года педагогической работы я сохраняла и передавала ребятам память о Зое.

Аликовский район, Чувашская Республика

С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ К ЖИЗНИ

Дорогие работники газеты «Правда»!

Большое вам и профессору Платту, от всей души, спасибо за поднятую тему, которая взволновала всех порядочных советских людей, принесла в их души и сердца тепло, веру, надежду на обязательную победу труда над капиталом. Глубинная тема героизма советского народа неисчерпаема, и она должна вдохновлять новые поколения на борьбу за счастливое будущее нашей Родины.

Немного о себе. Я – Николай Петрович Гончар, 1926 года рождения, инвалид Великой Отечественной войны, рядовой Советской Армии, защищавший в боях с фашистами блокадный Ленинград. И я знаю, что такое наш советский героизм.

Вот в городе Ленина мне довелось охранять от вражеской авиации прославленный Кировский завод. Зимой 1943-го рабочий этого завода, отстояв целую ночь у станка и ремонтируя танки, получал паек, как и все: 200 граммов хлеба, столовую ложку гороховой муки и чайную ложку сахара. Но после этого он не ложился отдыхать, а брал автомат и шел в окопы. Проходя возле наших батарей, он говорил: «Дорогие зенитчики! Помните, если город наш сдадим врагу, не будет нам и на том свете прощения. А если отстоим Ленинград, то и потомки нас не забудут».

Но что получилось с потомками? Очень хорошо написал об этом в «Правде» товарищ Кирилл Солодуб, отвечая на вопросы Джонатана Платта о Зое Космодемьянской. Я к его ответам полностью присоединяюсь, лучше сказать не могу.

Молодец он, что так ударил по всем мерзавцам и негодьям, которые извращают и опошляют нашу великую советскую историю, принижают подвиг таких бессмертных героев, как Зоя Космодемьянская. И невероятно горько, что позволил народ чубайсам и дерипаскам захватить все богатства страны, а разным михалковым и глазуновым клеветать на наше советское прошлое. Однако верю: этим, с позволения сказать, «потомкам» непременно будет воздано по заслугам – пусть боятся гнева народного...

После окончания войны я прослужил еще шесть лет, обучая молодое пополнение нашей армии. А когда вернулся домой, меня избрали председателем колхоза имени Ворошилова в Черниговском районе Запорожской области.

Колхоз начинал свой послевоенный путь в труднейших условиях. Фашисты, убегая под натиском советских войск, не только уничтожили все постройки, но и вырубili, сожгли сады и парки. Можно сказать, с одного кирпича начинали строить свое хозяйство заново. На быках, на лошадях, лопатой и вилами, мозолистыми руками...

И вот таким образом – плечом к плечу, сообща, по-товарищески и с твердой верой в будущее – мы создали могучее хозяйство. Отстроили 200 домов для работников колхоза, и к 1970 году экономика хозяйства уже позволяла решать очень большие задачи, которые еще недавно могли показаться кому-то невыполнимыми. У нас было 4 тысячи голов крупного рогатого скота, более 3 тысяч свиней и столько же овец, более 15 тысяч голов птицы и т. д. На 5 тысячах гектаров земли работали 60 тракторов, 18 самоходных комбайнов, 45 автомобилей. Более 50 новых помещений построили для животноводства и мастерских. Ежегодно хозяйство производило 5 тысяч тонн зерна и многие сотни тонн другой продукции.

А как прекрасно мы стали жить! Школа, детский сад, Дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт, почта – все, что людям необходимо. Дети в школе и детском садике питались бесплатно...

Теперь же, за 20 лет капитализма, все развалено и разворовано! Нет больше детского садика, и даже новый Дом культуры разобрали и продали. Осталась только школа, но... на 35 детей. Люди брошены на

выживание, и не знают они своих перспектив.

Вот почему у меня, коммуниста, воина, потерявшего на войне отца и брата, так сильно болит душа. Не мог дальше себя мучить, смотря на происходящее, когда все разрушается, разворачивается и уничтожается. И решили мы с супругой в 2001 году оставить свои украинские места и переехать к сыну в Тверскую область.

Но страдаю еще от того, какой разлад внесен в отношения Украины и России. Можно ли было сравнительно недавно представить такое? Это опять капитализм виноват. Мы все, люди разных национальностей, вместе воевали – как советский народ. В нашем колхозе дружно жили и работали люди тринадцати национальностей. А что теперь?! Поддерживаю, что ЦК КПРФ на своем недавнем пленуме обстоятельно и глубоко обсудил национальный вопрос, и меры для восстановления дружбы народов предлагаются, по-моему, хорошие.

Несколько слов о родной газете «Правда». Я ее выписываю фактически всю жизнь, читаю от первой до последней буквы. Ожидаю каждого номера с нетерпением, и она, поверьте, дает мне силы в нелегкое время.

Скоро при моем возрасте придется оставить этот мир, но я его оставлю с чистой совестью и любовью к жизни, за которую воевал и трудился. Сегодня положение в России исключительно тревожное. Однако я верю, что Зоя Космодемьянская и все другие наши герои погибли не зря. Победит правда. Социализм победит. Верю в советское, социалистическое будущее для новых поколений. Но, конечно, за него надо всеми силами бороться.

С уважением

г. Лихославль,

Тверская область

Защищать кого и что – страну справедливости или капиталы олигархов?

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

Я тоже читал статью В. Кожемяко об американском ученом, пишущем про Зою Космодемьянскую, а потом многочисленные отклики. И тоже хочу ответить на вопросы Дж. Платта.

1. Нет, Зоя больше не является в России важной фигурой. Немногие ее помнят. Даже авторы писем в вашу газету почти все пожилые. Что уж говорить о тех, кто вас не читает.

2. Память о Зое изменилась еще накануне развала СССР. Правильно тем же В. Кожемяко в свое время было сказано, что Зою казнили трижды: сначала на виселице, потом клеветой и наконец забвением.

3. Да, героическое самопожертвование необходимо и сейчас. Но для чего? Не для того же, чтобы защищать наворованное богатство олигархов и прочих буржуев. Или защищать все-таки будут самоотверженно те, у кого это богатство украли? Я не отрицаю подвига псковских десантников, героизма, проявленного известной ротой в горах Кавказа. Но... отдали-то они свои юные жизни за коррупционно-олигархический режим.

4. Нынешние СМИ не могут простить Зое, во-первых, того, что она погибла, защищая Советскую власть, рабоче-крестьянское государство. А во-вторых, что ею двигали не православная вера и квасной патриотизм, а патриотизм советский и убежденность в победе коммунизма.

5. Государство ныне с пренебрежением относится к местам памяти Зои, ибо не может приспособить ее для своих нужд, то есть для воспитания в людях верноподданничества. Так же оно относится и к другим советским героям. А если что-то и восстанавливает, то лишь под нажимом общественности. Зато оно активно возрождает храмы и монастыри (и строит новые), ведь церковь помогает нынешней власти держать народ в повиновении.

6. Во времена моего детства (это была пора «застоя») отношение к Зое уже начало меняться. Она была образцом героизма, но уже не примером для подражания. Зоя становилась как бы просто музейным экспонатом. Мы знали о ее подвиге (кстати, ее имя носила пионерская организация нашей школы), но он, увы, ничему нас не учил.

А дело в том, что в стране все больше распространялись мещанские идеалы. Это и привело к тому, что именно руками моего поколения была уничтожена Советская власть и разрушен Советский Союз. И потом мои ровесники (немногие) нахапали себе миллионы и миллиарды, а большинство стали бедняками.

7. В истории было немало персонажей, на которых похожа Зоя. Это, например, и Жанна д'Арк, это и Софья Перовская (народоволка). Конечно, Зоя похожа на героев и Гражданской войны, о которых сегодня умалчивают, и Великой Отечественной, казненных врагами или погибших в боях. А если про сегодняшнее время сказать, то похожа она (или точнее – он на нее похож) на молодого коммуниста Артема Александрова из Тамбова, очерк о котором напечатала «Правда». Подонки хотели с ним расправиться, но он выжил и продолжает бороться за правду.

8. Зоя перед казнью говорила, конечно, обо всем советском народе. Но русские были неотъемлемой частью народа советского. И разница здесь важна. Очень важно, что люди разных национальностей сражались плечом к плечу против общего врага. Тогда не было в Советской стране нынешнего, фактически узаконенного, национализма, доходящего все более до расизма.

И еще некоторые соображения в заключение. Зоя совершила настоящий подвиг, и она действительно для нас как святая. Но можно ли ее церковно канонизировать? Нет, нельзя! Она не молилась перед смертью, как Жанна д'Арк. А РПЦ не видит в советском прошлом ничего, кроме «гонений на веру». Пусть уж лучше канонизирует Ельцина, Чубайса, Путина – у них перед ней достаточно заслуг. А нашу Зою пусть не трогают.

Буржуазная пресса до сих пор гнусно продолжает «наезжать» на Зою. Мол, и биография-то ее – фальшивка, и дневник, и речь перед казнью. Даже известная фотография – и та, дескать, не ее. Впрочем, так же поступают и с другими советскими героями. Нет слов для возмущения.

Фальсифицируют (продолжают!) и всю историю войны. Особенно здесь преуспели В. Резун, А. Бешанов, М. Солонин. Да и по телевизору не раз твердили, что народ не хотел воевать, потому что ненавидел сталинский режим. Но если никто не хотел воевать, кто же тогда воевал?!

Похоже, нашим дедам и прадедам до сих пор не могут простить победу над фашизмом.

Спасибо Дж. Платту за интерес к советским героям и советской истории. Неужели кто-то может поверить, что американский ученый, пишущий про жизнь и подвиг Зои Космодемьянской, хочет воевать с нами?..

г. Сураж, Брянская область

Яркий свет для всех и навсегда

Зоя – москвичка. Я живу под Москвой. Особые чувства у меня ко всем, кто защитил нашу столицу в грозном 1941-м. Мой отец, Гурген Степанович Мелькумов, тоже ушел на фронт в начале войны.

Тогда советские люди шли отстаивать свою общую Советскую Родину. Это был действительно единый советский народ, за который умереть Зоя Космодемьянская считала счастьем. Знаю, летчик-герой Гурген Багдасаров воевал за Москву и в первую очередь – за Россию, а потом уже, как иногда говорят, за свою малую родину. Потому и победили, что были сплоченными, а не разъединенными, как сегодня.

Я много думаю о нашей молодежи. Как воспитать ее, похожей на тех героев? Да, есть музеи, фильмы, музыка. Но особенно важна, по-моему, семейная летопись: скажем, прадед – революционер, дед погиб под Москвой или Сталинградом... Молодые должны знать об этом. А такие, как Зоя, ее брат Шура, Гуля Королева, легендарный разведчик Николай Кузнецов, молодогвардейцы Краснодона, – это яркий свет для всех на все времена.

Рассказывайте молодым о героях войны! С любовью к ним, с восхищением, с благоговением. Хорошо бы широко переиздать книги, в которых эти герои как живые: «Повесть о Зое и Шуре», «Четвертая высота», «Молодая гвардия», «Это было под Ровно»...

Дорогая наша молодежь! Любите Родину, а не доллары. Любите Родину так, как любила ее Зоя. Повесьте у себя в комнате открытку с ее портретом или фотографией памятника ей – уже будет хорошо.

Я уверена, подвиг ее не умрет никогда и обязательно родит еще новых героев.

г. Королев, Московская область

Стараются извратить, очернить, принизить

С большим интересом прочел статью «Американский профессор пишет о советской героине» и отклики на нее.

В далеком 1947 году я отдыхал в пионерском лагере Метростроя г. Москвы близ поселка Балабаново Калужской области. В один из дней наша пионерская группа численностью 25 человек пошла в поход в село Петрищево. Когда пришли, то направились к избе, куда фашисты поместили Зою. Вышла хозяйка дома, а потом, по-моему, ее дочь 13–14 лет. Они рассказывали о нечеловеческих пытках и издевательствах немцев и полицаев над Зоей и ее мужественном поведении. Рассказчицы плакали, многие ребята – тоже.

Обратно в лагерь мы возвращались молча. И это были уже как бы другие ребята, более взрослые. Мы приняли в себя мужество и героизм Зои, ее подвиг, совершенный ею в невероятных условиях.

Я всегда считал и сейчас тем более считаю, что Зоя совершила свой подвиг, имея великую любовь к Советской социалистической Родине. А нынешнее буржуазное общество, государственные и муниципальные власти, их печатные органы и телевидение делают все, чтобы очернить достижения СССР в его социально-экономическом развитии, извратить и преуменьшить роль, значение и вклад Героев Советского Союза, всех советских бойцов, подпольщиков и партизан в победу над фашизмом Германии и всей Европы.

С уважением

г. Санкт-Петербург (город-герой Ленинград)

Свидетельство удивительной встречи

Этот снимок (а точнее – ксерокопию его, чем объясняется низкое техническое качество) прислал к нам в «Правду» ветеран журналистики из Воронежа Василий Васильевич Чириков. Вместе с восторженным письмом: «На девятом десятке моей жизни я испытываю редкостно счастливое чувство! Надеюсь, вы поймете меня...»

Ну как не понять. Ведь на этом неизвестном для нас фото, сделанном в московском санатории «Сокольники» 24 ноября 1940 года, мы видим вместе Зою Космодемьянскую и Аркадия Гайдара. Она стоит третьей слева, он сидит вторым справа во втором ряду.

Удивительные встречи устраивает иногда история! О том, что Зоя и Аркадий Петрович оказались незадолго до войны в одном санатории, рассказала в своей «Повести о Зое и Шуре» Любовь Тимофеевна Космодемьянская. Рассказала, как общались знаменитый к тому времени писатель и пока еще неизвестная ученица 9-го класса, о чем они говорили. Зоя тогда отдыхала, долечиваясь после перенесенного менингита, сюда же прибыл отдыхать Гайдар.

Да, мы знали об этом, но вот теперь имеем возможность видеть их обоих в группе товарищей по санаторию. В основном, наверное, рабочие люди. Простая одежда, простые лица. И прославленный писатель не выделяется среди них, как и будущая героиня...

Но где же снимок нашелся? Журналист Василий Чириков увлекается еще и краеведением. Разыскивает он, в частности, материалы, относящиеся к жизни А. П. Гайдара, который в 17 лет командовал во время Гражданской войны 23-м полком, сформированным в Воронеже. И вот из украинского города Канев, близ которого в 1941-м погиб Гайдар, из Шевченковского национального заповедника («Литературная Каневщина») заведующая научно-исследовательским отделом Ирина Константиновна

Юрченко прислала в Воронеж копии гайдаровских документов, среди которых оказалось это фото.

«Как радостно видеть здесь двух выдающихся бойцов из страны по имени СССР в преддверии их героических подвигов во время Великой Отечественной!» – написал Василий Васильевич. И мы с ним согласны. Не знаем, публиковался ли где-нибудь когда-нибудь исторический снимок, пусть об этом расскажут специалисты. А мы решили напечатать его пока без дополнительных расследований, чтобы сделать достоянием наших читателей.

Тогда, в 1940-м, при прощании с девочкой, которая произвела на него очень большое впечатление, писатель подарил ей свою книжку, сделав на титульном листе надпись:

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Пройдет всего один год, и оба они отдадут жизнь за эту страну. Почти одновременно. Писатель – под Киевом, школьница – под Москвой. Потому что оба крепко любили эту страну – Советскую, а чувства и слова у них не расходились с поступками и делами...

Виктор Кожемяко

Звезда комсомола, которую не погасить

Имя ее бессмертно!

Мы вспоминаем имена многих героев Великой Отечественной войны. Особое место среди них занимает Зоя Космодемьянская. Занимает потому, что эта девушка-комсомолка стала вечным символом героизма и безграничного патриотизма. Она знала, за что боролась – за Советскую Родину.

Ниже я предоставляю ответы на вопросы профессора Джонатана Платта.

1. Зоя Космодемьянская была, есть и будет важной и значимой фигурой в России. Во всем мире она олицетворяет стойкость советского духа, готовность без колебания отдать жизнь ради своего Отечества.

2. К глубокому сожалению, продажные буржуазные СМИ, которые активизировались после развала СССР, не считают нужным говорить про советских героев. Для них важна длина яхты Абрамовича, стоимость виллы Прохорова и прочих «игрушек» российских толстосумов. Но, к счастью, в нашей стране еще есть люди, для которых честь и совесть – не пустой звук. Именно они расскажут своим детям и внукам про великий подвиг советского народа, в том числе про Зою Космодемьянскую. Память о ней останется в веках.

3. Несомненно, образ героического самопожертвования сегодня, как никогда, актуален. Многие из российской молодежи сегодня зависимы от различных гаджетов и других средств информационного зомбирования. Цель их жизни сузилась до покупки нового смартфона, планшета, плеера. При таком либерально-безразличном подходе из них не получится настоящих людей. Они должны равняться на человека, который не зря прожил свою жизнь, – на Зою Космодемьянскую.

4. Как уже сказано выше, Зоя является образом стойкости советского духа. Поэтому нынешние «хозяйские» СМИ и буржуазный агитпроп пытаются скрыть это от народа, сделать из Зои некий «пропагандистский советский миф», из Сталина – тирана, а из Горбачева, Ельцина и Путина – спасителей. Они хотят (или их заставляют хотеть) скрыть от людей героизм советского человека. Чтобы это преодолеть, нужно говорить правду и ничего, кроме правды. А правду буржуазная власть говорить боится. Иначе долго ей не удержаться.

5. Это происходит потому, что представители нынешнего государственного аппарата заботятся только о набивании собственных карманов. На словах они патриоты. А на деле, кроме цинизма и хамства, ничего нет. Для них нет ничего святого, кроме денег. Они прячутся за стенами своих замков, порой не понимая, что это ненадолго. Когда трудовой народ под знаменем КПРФ отправит препохабный капитал на свалку истории, мы, коммунисты, поднимем на должную высоту память о Зое.

6. Советской школы, к сожалению, я не застал. Но мое отношение к Зое с возрастом не менялось.

7. Таким же человеком, как и Зоя Космодемьянская, была липецкая комсомолка Ксения Константинова. Было так: 30 октября 1943 года у деревни Узгорки Смоленской области она одна бросила вызов целому полчищу фашистских нелюдей. Раненую комсомолку немцы пытали, допрашивали, но она, верная Родине и присяге, не произнесла ни единого звука. Прибывшие бойцы Красной Армии обнаружили тело Ксении Константиновой, зверски замученной. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года ей было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

8. Все национальности в СССР гордо именовали себя частью советского народа. Русский народ являлся основополагающим, о чем заявлял Иосиф Виссарионович Сталин. Зоя Космодемьянская погибла за

советский народ, за русский и другие братские народы, вместе ковавшие Великую Победу.

Я горжусь тем, что я – комсомолец. Потому что когда-то с гордостью носила комсомольский билет великая советская героиня Зоя Анатольевна Космодемьянская.

г. Липецк

Глядя на свою дочь...

Уважаемые товарищи! Пишу вам в день юбилея Зои. И хотя ей сегодня исполнилось бы девяносто, на самом деле героине – всегда восемнадцать. Моя дочь не намного старше. Глядя на нее, я думаю, как же нужно было воспитать людей, чтобы вот такие молоденькие, хрупкие девчонки, когда пришла война, были готовы добровольно пойти воевать и умереть за Родину! И еще я представляю, какую боль и ужас пережила мать Зои – Любовь Тимофеевна, когда узнала о страшной гибели дочери. Сколь же мерзки и ненавистны те, кто в нынешнее время чернит имя и подвиг Зои! Говорят, что мертвые сраму не имут. Но инсинуации разъедают души живых. На это и нацелены атаки против святой нашей героини. По мне, эти пакостники заслуживают того же наказания, какое определили бойцы 11-го Краснознаменного мотополка немецкому офицеру, участвовавшему в казни Зои (об этом рассказал в «Правде» В. Я. Иовлев). Верю, придет время – и они ответят. Я благодарю редакцию и авторов интересных материалов о бессмертной Зое.

1. К сожалению, в сегодняшней России важными являются фигуры диаметрально противоположного плана. Сменились ценности, а вместе с ними и герои.

2. Сегодня о Зое Космодемьянской помнят в основном те, кто жил в советскую эпоху. Молодежь, насколько я могу судить по личному опыту общения, знает о ней немного, да и не вся. А чтобы помнить, нужно знать. А откуда? В школе на уроках истории часов на изучение Великой Отечественной войны отводится столь мало, что даже при желании учителя (а это желание и не всегда бывает) говорить о конкретных героях и подвигах времени нет. Раньше о Зое рассказывали на пионерских сборах, комсомольских собраниях, сегодня же эти организации находятся вне школы и малочисленны. Старые книги о Зое не переиздаются, а те, которые были в библиотеках, обветшали настолько, что их списывают. Новой достоверной литературы очень мало. К примеру, книга «100 великих подвигов России», изданная в 2011 году, где есть очерк о Зое Космодемьянской, имеет тираж всего шесть тысяч. Художественный фильм «Зоя» не показывают. А фильм Ю. Озерова «Битва за Москву», в котором есть сюжет о подвиге Зои, хотя иногда (редко!) и идет на телевидении, но, естественно, не может заменить все остальное.

3. Несомненно, при воспитании молодежи образы героического самопожертвования необходимы! Но если в советское время понятия Родины и государства были в сознании человека, по сути, едины (не случайно на знаменах было написано «За нашу Советскую Родину!»), то сегодня Родина и буржуазное государство – далеко не одно и то же. Поэтому нужно говорить о готовности к самопожертвованию во имя восстановления Советской социалистической Родины.

4. СМИ, как известно, отражают интересы тех или иных общественных слоев. Разрушая СССР и реставрируя в стране буржуазные отношения, новоявленным властителям нужно было не только взорвать экономику и изменить политику, но и трансформировать мировоззрение людей, а также их психологию. На первое место выдвинули индивидуализм, эгоцентризм: «побеждает сильнейший», «своя рубашка ближе к телу» и тому подобные правила жизни. И как на этом фоне выглядела бы Зоя с ее «Это счастье – умереть за свой народ!»? Для новой власти и ее обслуги важно, чтобы счастьем людей стало стремление как можно больше хапнуть, объегорить ближнего... Вот и заявили: Зоя – идеологический миф. Кстати, не только Зоя. Подобной же оценки в ряде СМИ «удостоились» Александр Матросов, Гастелло, панфиловцы, молодогвардейцы и т. д. Было бы наивным думать, что властные идеологи откажутся от этого. Но надо всеми возможными способами разоблачать их лживость. Хорошо это делают В. Кожемяко и в целом редакция «Правды».

5. Нынешняя власть приспособилась использовать Победу советского народа в Великой

Отечественной войне в своих идеологических интересах. Вроде как и дань памяти защитникам Родины отдает, и в то же время советский строй, Коммунистическую партию, И. В. Сталина постоянно обвиняет. Развенчать ложь могут свидетели военных лет. Но их остается все меньше и меньше. А если еще и материальные памятники исчезнут, то со временем можно вообще об истинных героях забыть и вдалбливать людям свою историю войны. Зоя же – один из главных символов героизма советской эпохи, отсюда и пренебрежение к памятным местам ее жизни. Людям, которым небезразлична память о ней, нужно и от властей требовать должного отношения к местам памяти Героя, и самим, в первую очередь москвичам, прилагать усилия, чтобы они сохранились!

6. Впервые о Зое я узнала в пять лет. Мама, учительница начальных классов, готовилась к урокам, и на столе лежала книга для чтения. Я уже читала сама и нашла в ней очерк П. Лидова «Таня», опубликованный ранее в «Правде». Не посчитайте за выспренность, но с тех пор, вот уже более полувека, Зоя со мной. Я собираю книги, статьи, фильмы о ней, иллюстрации. Есть в моей домашней библиотеке и книга о Татьяне Соломахе, героине Гражданской войны, чьим именем назвалась Зоя. Школьницей я написала письмо Любове Тимофеевне Космодемьянской и получила от нее ответную открытку. А когда мама Зои приезжала в гарнизон, где я жила с родителями, то я побывала на встрече, слушала ее рассказ о Зое. В одну из поездок в Москву отправилась на Новодевичье кладбище, поклонилась праху любимой героини.

В советской школе о подвиге Зои говорилось неоднократно. Вот я вспоминала об очерке Лидова «Таня». Его, насколько помню, читали в четвертом классе. В десятом классе на уроках истории при изучении партизанского движения в годы войны имя Зои стояло одним из первых. О пионерских сборах, комсомольских собраниях я уже сказала выше.

И в детстве, и в юности, и в зрелые годы Зоя для меня всегда была и остается образцом истинно советского человека. Но в детстве я просто восхищалась подвигом Зои, тем, что она не боялась воевать в тылу у фашистов, не предала товарищей, не испугалась казни. С возрастом все больше хотелось понять, каковы были внутренние переживания этой совсем еще юной девушки с момента прихода в спецподразделение и до последней минуты жизни. Ведь всего полгода разделяли Зою-школьницу, девочку, мечтающую о счастливом будущем, и истерзанного пытками, но не сломленного бойца.

7. Я бы не стала искать похожестъ героев. Мне думается, что фраза «повторил подвиг» неверна по своей сути. Каждый подвиг – явление особое.

8. На мой взгляд, для поколения Зои данный вопрос не стоял. Для них, естественно, народ был советский. Но они не отделяли его от народа русского, если понимать под этим все интернациональное многообразие народов СССР. Одно вышло из другого, претерпев определенные изменения в ходе революционной борьбы и строительства социализма. Это было единое целое, разделенное лишь историческими рамками. И к этому народы непременно со временем должны вернуться!

г. Петрозаводск

Живем – значит помним

Уважаемый Виктор Стефанович Кожемяко, вы предлагаете читателям газеты «Правда» ответить на вопрос американского профессора Питтсбургского университета Джонатана Платта: «Изменилась ли память о Зое Космодемьянской в нашей стране?»

Но это вопрос скорее молодым людям, а не моим ровесникам (я 1937 года рождения), и все-таки разрешите ответить и мне – в благодарность за то, что профессор из США интересуется нашей жизнью.

Такие люди, как Зоя Космодемьянская, по-моему, у нас памяты в каждой семье. И не надо нас спрашивать, помним мы их или нет. Раз живем – значит помним.

С уважением к вам постоянная читательница газеты «Правда»

г. Юрьев-Польский, Владимирская область

Так воспитывались герои

Эта публикация «Правды» взволновала меня до слез, поверьте! Для ответа задан такой вопрос, от которого учащенно бьется сердце: «Изменилась ли память о ней?» Вздрагиваю и сразу говорю: «Нет!» Конечно, для большинства наших граждан, не потерявших совесть, историческую и нравственную память о социализме, объективно и логически мыслящих, способных оценить ее мужество, подвиг в плену у зверей-фашистов (когда заплакал даже немецкий молодой офицер) и у эшафота, где висела веревка палачей... Но тут же всплыли в голове мерзости олигархов и прочих нынешних буржуев, коим крепость духовной силы, человеческое горе, любовь к Родине – ничто! Какое они утверждают отношение к памяти советских героев?..

Спасибо редакции, что она вынесла очень серьезные вопросы американского (!) профессора Джонатана Платта, требующие серьезных ответов. Пусть ко многим другим присоединятся и ответы мои.

1. В идеале важность героической фигуры комсомолки Зои Космодемьянской для России, ее истории, ее будущего отменить невозможно!

2. Память о ней никто не способен уничтожить. Это – навсегда. Грязные выдумки? Клевета? Каждый умный человек, я думаю, способен отличить мужество от грязи.

3. Воспитание молодежи должно быть важнейшей задачей государства, если оно умеет мыслить и уважать себя. Яркое самопожертвование Зои – ключ к сказанному выше.

4. Когда читаю гадости о героине, испытываю невероятное страдание и возмущение. Хочу кричать в ответ, но не всегда, увы, могу публично выразиться... Многие СМИ поставлены теперь в такие рамки, что им выгоднее и приятнее мусорить, на что могут клевать простофили. Надо ли преодолеть это? Обязательно. Хорошо, что есть «Правда», есть «Советская Россия», есть «Политическое просвещение» – они многое делают, чтобы убедительно сказать народу правду, возвысить подлинные духовные, нравственные ценности. Надо верить в будущее и бороться за него!

5. Мои личные наблюдения тоже подтверждают пренебрежительное отношение государственных структур к местам памяти (а память – уровень человеческой совести). Объяснение происходящего крайне цинично: «Невыгодно содержать музей».

6. Школьником я впервые прочитал о ней. И ее имя звучало громко. У меня сохранилась тетрадь: «Планы пионерского звена № 3». Вместе со мной, звеньевым, – девять человек. Незабываемо. Один из «моих» пионеров стал первым секретарем Батайского горкома КПСС в Ростовской области. А наша школа была в зерносовхозе «Красная заря» Боковского района, построенном в 30-х годах XX века...

Изменилось ли мое отношение к Зое? Нисколько. Навсегда запомнил, о чем я думал, когда шел получать в Боковском райкоме ВЛКСМ комсомольский билет: «А сумею ли я, как комсомолка Космодемьянская, выдержать подобное испытание в случае войны?» Ленинский комсомол растил героев, и утрата этого воспитания трагична для страны.

До сих пор знаком и общаюсь с удивительной женщиной (ей более 90 лет), участницей войны, сержантом запаса, женой бывшего маршала инженерных войск, заместителя министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск, – Саярой Гайдаровной Шестопаловой, которая училась в одной школе с Зоей Космодемьянской. Именно она мне рассказывала подробно о школьнице-комсомолке Зое. Это была удивительная девочка! Красивая. Скромная. Недотрога. Гордая в меру. Любила читать. Ее эрудиция поражала Саяру... Мне запомнилась фраза моей собеседницы: «Зоя была рождена для подвига!»

В моей памяти – Зоя навсегда. О ней рассказываю, как ветеран, когда бываю в подшефной

московской школе № 967...

7. Безусловно, поведение и мысли пионерки, а затем комсомолки определялись системой жизни советской, тогдашним отношением к истории. Как энергично воспитывалась тогда любовь к Родине! Значение для будущей Победы воспитания предвоенных лет исключительно велико.

Давайте вспомним: роман Н. Островского «Как закалялась сталь», Павлик Морозов, Чкалов, Паша Ангелина, Долорес Ибаррури...

Я рос, как уже сказал, в степном совхозе Ростовской области. И здесь, как повсюду, жила идея знаний, чтения литературы, любовь к физике, математике, химии, биологии. Мы знали имена и деяния многих ученых. Не случайно, например, мои одноклассницы Юлия Гузева и Таисия Самсонова отменно сдали вступительные экзамены по химии при поступлении в Ростовский мединститут – лучше всех! Удивленный профессор спросил: «Вы из какого города?» «Мы – из совхоза «Красная заря», – был озаренный ответ девочек. Так было. На таком фундаменте в среде коммунистов, комсомольцев росла и Зоя. Она похожа на самых лучших людей нашей страны и зарубежья...

8. Мое мнение: Зоя имела в виду советский народ. Мы были едины. Я даже на примере Боковского района, где был в оккупации в 1942 году, прочувствовал подвиги двух летчиков – русского А. Соловьева и казаха Н. Абдирова. Первый в воздушном бою 14 июля поразил несколько гитлеровских самолетов, но сам погиб. Второй 19 декабря в жестокой схватке, подбитый врагом, направил свой горящий Ил-2 на вражеские бензовозы и также погиб. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Это был СССР! Их воспитали партия, комсомол, вдохновляла на подвиг Советская власть.

г. Москва

Горжусь, что к славной биографии причастен

Уважаемая редакция газеты «Правда»! Являюсь вашим постоянным подписчиком, читателем и, что не менее важно, – почитателем. Сердечно благодарен за ваше предложение высказать свое мнение по поводу вопросов американского профессора Джонатана Платта о нашей героине Зое Космодемьянской.

Коротко о себе. Родился в 1929 году. Был октябренок, пионером, с 1946 года – член ВЛКСМ, а с 1953-го – член КПСС – КПРФ, то есть коммунист уже с 60-летним стажем.

Образование среднее техническое, окончил Ставропольский электротехникум связи. До призыва в армию – колхозник. Служил 5 лет на Тихоокеанском флоте, матрос – старшина 1-й статьи. По путевке ВЛКСМ прямо со службы отбыл осваивать целину. Работал в целинном совхозе «Декабрист» Саратовской области, сначала радистом, потом секретарем комитета комсомола. Имею ряд государственных наград как за работу на целине, так и за 45-летний труд на одном из предприятий связи в г. Черкесске.

Теперь по существу поставленных вопросов.

1. Считаю, что Зоя была, есть и останется не только важной фигурой в России, но и путеводной звездой молодого поколения со здравым смыслом в любой стране. Естественно, если люди будут знать о ней. А должны знать!

2. Развал СССР – не всемирный потоп. Хотя и до него, и после солнце не изменило своего существа и ритма. Восход и закат продолжают. Будущее – за социализмом! Светлая память о героической комсомолке Зое, навсегда оставшейся преданной Родине, убежден, не померкнет, как солнечный свет.

3. В воспитании молодежи на современном этапе образы героического самопожертвования не просто нужны, они остро необходимы. Ведь многие СМИ буквально обрушивают на молодые, неокрепшие головы и души призывы к поклонению золотому тельцу. Надо этому противостоять, и образы героев-комсомольцев помогут молодым обрести смысл жизни.

4. Как ни банально это звучит, но рыба гнивает с головы. После того, как «полуалкаш» Ельцин и «меченый» Горбачев сделали свое подлое дело, буржуазные СМИ развернулись вовсю. Клевета обрушилась и на Зою. Можно ли это преодолеть? На мой взгляд, да. Как? Изменить строй нашей жизни, вернуть наши социалистические ценности!

5. Вопрос об отношении госструктур к историческим памятникам вообще и к памятникам Зое требует от нас большего внимания. Мы – коммунисты. Кинув клич единомышленникам, давайте организовывать субботники и воскресники. И, взяв в руки лопаты, рубанки, краску и кисти, наведем порядок сами!

6. В 1942 году мне было 13 лет. До сих пор помню свои восторженные впечатления от услышанного в школе и прочитанного в «Правде» о героическом подвиге Зои. Эти впечатления помогли нам переносить все тяготы и лишения военной поры, делать все возможное для приближения Победы. По мере взросления мое отношение к Зое, к ее героическому подвигу ничуть не изменилось. Наоборот, окрепло! Ее образ помогал и помогает мне в самые трудные периоды всей моей жизни.

7. Павка Корчагин, как и героиня Гражданской войны Татьяна Соломаха, воодушевил Зою на ее подвиг. Зоино поколение – всех этих изумительных ребят и девчат, вложивших огромный вклад в Победу! – воспитывал комсомол, сын партии Ленина – Сталина. Очень хорошо сказано об этом в стихотворении замечательного советского поэта Сергея Наровчатова:

Я верю только той из двух систем,
С которой я, как капля с морем, слился,
Когда в райкоме ВЛКСМ

Впервые с коммунизмом породнился.
Соединил цемент Устава нас,
Программа укрепила в новой вере,
И, выполняя партии приказ,
Мы раскрывали в будущее двери.
Нас партия направила в бои,
Дала неиссякаемые силы,
В сердца вложила помыслы свои,
К воинствующей мысли приучила.
К той ясной мысли, что был трижды прав
Наш век, сказав устами человека,
Что лишь в коммунистическую явь
Ведут и приведут дороги века.
...Страны и всей планеты новосел,
Неистовый в мечте и дерзновении,
На партию равняйся, комсомол,
И вместе с ней выигрывай сраженья!

Эти стихи много значили для меня, когда я стал комсомольцем. Как Зоя! Этим горжусь.

Буду очень рад, если опубликуете мои любимые стихотворные строки для юношей и девушек сегодняшних. Советую им учиться всему лучшему у комсомольцев великой советской эпохи!

8. С уверенностью могу предположить, что Зоя имела в виду народ, который был тогда и русским, и советским.

В заключение, уважаемые товарищи, позвольте мне поздравить вас и всех читателей «Правды» с 95-летием нашего Ленинского комсомола.

г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика

Взгляд сквозь время ее однополчанки и школьницы

Эти образы теперь нужны даже больше, чем вчера

С глубоким интересом прочитала статью «Американский профессор пишет о советской героине». Прежде всего прошу редакцию «Правды» передать профессору Джонатану Платту и его помощникам привет от однополчанки Зои и большую благодарность за стремление поведать в своих проектах правду о Второй мировой войне, о Великой Отечественной и особенно о героизме Зои Космодемьянской.

Считаю своим долгом ответить на поставленные вопросы.

1. Зоя до сих пор, безусловно, важная фигура в России!

2. А вот память о ней после развала СССР, к величайшему сожалению, изменилась. Зою хотят снять с пьедестала враги Советской власти. Но все честные, порядочные люди относятся к Зое как к святыне. Во многих городах и селах сохранились музеи и памятники Зое. До сих пор активно действуют музеи на ее «малой родине» – в тамбовском селе Осино-Гай и в подмосковном Петрищеве, где была казнена Зоя, в школе № 201, где Зоя и ее брат Саша учились. Уже полвека работает народный музей в селе Борщевка Тамбовской области, а также еще во многих городах и селах.

3. Да, образы героического самопожертвования и сегодня необходимы в воспитании молодежи! Даже более необходимы, чем в годы Советской власти, когда люди с уважением относились друг к другу, когда Советская Родина очень много значила для большинства. К счастью, такие люди, которые сначала думают о Родине, а потом о себе, есть и в настоящее время. Я с восхищением восприняла поступок кинорежиссера Владимира Меньшова, отказавшегося вручать премию за фильм «Сволочи», в сюжете которого чудовищная ложь о нашей Советской Родине.

А в здании администрации города Оренбурга проходил торжественный прием лучших учеников города для вручения им премий от губернатора. Во время этой церемонии ученик гимназии № 3 Дмитрий Мочалов взял слово, выразил свой протест и вернул врученные ему деньги и подарки. «Пока мы празднуем, – сказал он, – миллионы наших сверстников топят себя в алкоголе и наркотическом угаре. Виной этому наша система образования, которая настроена на то, чтобы воспитать «трудовой ресурс», а не личность. Потому я отдаю премию нашему городу. Пусть он хоть что-то хорошее сделает в образовательной политике».

Вызывает уважение инициатива молодых в городе Самаре, которые организовали «группу стражников» – так они именуют себя. Ночью на машинах патрулируют по городу и спешат на помощь попавшим в беду.

В июле 2010 года, получив высшее образование, Алексей Тарасевич прибыл в родные края и был избран председателем сельскохозяйственного кооператива. В советские годы это был процветающий колхоз-миллионер, а с развалом Советского Союза и он развалился. «Даю себе 10 лет, чтобы сделать наш кооператив процветающим, – сказал Алексей. – Моя цель – сделать так, чтобы не мы зазывали на работу, а чтоб к нам просились». По-моему, этот 23-летний руководитель – настоящий патриот нашей Родины, своего родного края.

К сожалению, о таких людях из-за политики большинства СМИ мало кто знает.

4. Ответ на вопрос об отношении к Зое как к идеологическому мифу лежит на поверхности. Это – уничтожение Советской власти и Беловежская Пуща. Когда Великая Отечественная война закончилась

победой советского народа, всем стало ясно, что Советский Союз непобедим. И тогда, уважаемый Джонатан Платт, ваш соотечественник глава ЦРУ Даллес разработал «доктрину против СССР». Была поставлена задача найти своих единомышленников, союзников и помощников в нашей стране. И они их нашли. В результате Советский Союз был уничтожен. А в СМИ развернулась и продолжается беспримерная клевета на советскую историю и Коммунистическую партию, на Великую Отечественную войну и ее героев, в том числе на Зою Космодемьянскую.

Почему это происходит? Причина та же: Зоя – комсомолка, Герой Советского Союза, а всю советскую эпоху, всю славу СССР хотят вытравить из сознания народа.

Что надо делать? Борьтсья и побеждать! В свое время я часто проводила уроки мужества в школах и других учебных заведениях. Мое повествование слушали очень внимательно. Задавали много вопросов.

Помню, как в день столетия Николая Островского выступала перед старшими школьниками в Центральной детской библиотеке района Орехово-Борисово Южное. Ребята слушали меня, затаив дыхание, а по окончании моего выступления каждый попросил дать ему книгу «Как закалялась сталь». Но в библиотеке был только один экземпляр этой книги! И на нее сразу стали записываться в очередь.

Я обращаюсь к ветеранам войны и труда, ко всем коммунистам, к «детям войны»: чаще встречайтесь с молодежью, рассказывайте им правду о жизни при Советской власти, разоблачайте клевету на советский период нашей истории!

5. Да, сейчас государственные структуры относятся к местам памяти Зои, а также других советских героев с пренебрежением. Но для всех честных людей в нашей стране она по-прежнему дорога.

6. Этот вопрос – не для меня (возраст).

7. Зоя была очень любознательной девочкой и много читала. Читала с упоением книги, журналы, газеты. И часто входила в образ тех, о ком шел рассказ. Ее интересовала жизнь наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова и многих других. Ее любимыми писателями были Пушкин, Маяковский, Гайдар, Николай Островский. Домашняя библиотека постоянно пополнялась новыми книгами.

Большое впечатление произвел на Зою сборник очерков «Женщина в гражданской войне», а особенно очерк о Татьяне Соломахе. Она была учительницей в одной из кубанских станиц. Перед революцией стала коммунистом, вступила в подпольную большевистскую организацию, а с началом Гражданской войны – в красногвардейский отряд. В ноябре 1918 года белые ворвались в село Козьминское, где лежала больная тифом Таня. Ее бросили в тюрьму. Несколько дней мучительно пытали – в надежде, что она выдаст товарищей. Но она не просила пощады у палачей и, вся истерзанная, с окровавленным лицом, гордо и смело смотрела в лицо им, обращаясь при этом к народу с призывом – бороться с белыми и помогать Красной Армии. Белогвардейцы порубили Татьяну.

Зоя не любила слез, а тут слезы заливали ее лицо. Сила воли и чистота, которой дышал образ Татьяны Соломахи, потрясли Зою и прочно вошли в ее сердце, в ее духовный мир. Именно поэтому, когда в ноябре 1941 года при выполнении задания в тылу врага Зою также зверски пытали, перед ее мысленным взором возник образ любимой героини. Как и Таня, она все стерпела. Назвавшись ее именем.

8. Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ», я думаю, для нее народ был один – советский, с единством различных национальностей. Так было! Жили светло, чисто, честно. А вот при теперешней власти и нынешнем строе – бандитском капитализме – разжигается национализм, ведется междоусобная кровавая борьба, один народ стравливается с другим.

Конец этому придет только тогда, когда трудящиеся покончат с капитализмом. Пока, к сожалению,

многие терпят, терпят и терпят...

г. Москва

Письмо в 1941 год

Здравствуйте, уважаемые товарищи!

В связи с тем, что на страницах вашей (и нашей!) газеты публикуются ответы читателей на вопросы Дж. Платта о Зое Космодемьянской, мы с дочкой решили послать вам ее творческую работу «Письмо в 1941 год», написанную в 2012 году. Конечно, прямых ответов на вопросы американского профессора здесь нет, а вот косвенные имеются. Поэтому надеемся, что письмо одиннадцатилетней школьницы Зое будет интересно и для Дж. Платта, и для всех читателей «Правды».

Зоя в нашей семье была, есть и будет воплощением мужества, беззаветной храбрости и душевной стойкости настоящего советского человека!

пос. Неверино, Пензенская область

Здравствуй, Зоя!

С большим волнением сажусь писать я это письмо тебе. С тем огромным волнением, которое не покидает меня с тех пор, как впервые узнала я о тебе и твоём подвиге из книги Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре».

Я часто смотрю на твою детскую фотографию и, глядя в твои умные и живые глаза, думаю о том, как здорово было бы подружиться с такой девчонкой! Из книги я знаю, что ты много читала, любила рисовать, сочиняла, вела дневник... У нас с тобой много общего!

Меня зовут Лиза, учусь в 5 «Б» классе. Прожила я на свете вдвое меньше, чем ты, и пока не совершила в жизни ничего героического: усердно учу уроки, много читаю, люблю рисовать и сочинять стихи...

Ты, Зоя, старше меня на целых 80 лет и могла бы стать мне бабушкой! Но навечно осталась восемнадцатилетней...

Если бы не война, Зоя, наверное, ты прожила бы долгую и счастливую жизнь. Может быть, как твоя мама Любовь Тимофеевна, стала бы учительницей или, возможно, закончив Литературный институт, о котором мечтала, посвятила бы свою жизнь писательскому творчеству...

Но тебе выпала другая судьба. К сожалению или к счастью?.. Не знаю.

Благодаря книге и фильму «Зоя», который я тоже успела посмотреть, остро представляю, что пережила ты. И порою мне кажется, что ты, Зоя, не где-то там, в прошлом, в огненном 41-м, а здесь и сейчас! И небольшая, окруженная лесом деревня Петрищево все еще битком набита немецкими войсками. В каждой избе – по 10–20 солдат, а хозяева ютятся на печке да по углам. И тебе, юному бойцу, нужно поджечь эти дома с немцами в южной части деревни...

Второй раз, переждав день в лесу, ты снова идешь к домам, рискуя уже вдвойне: немцы настороже. Тебя замечают и хватают. Дальше – обыск. Ты стоишь, высокая, с опущенной головой, на которой коротко стриженные волнистые волосы. Молча, не плача, не прося о пощаде. Потом – допрос и нечеловеческие пытки.

Фашисты бьют беспощадно и жестоко, водят тебя, босую, по снегу в сорокаградусный мороз, но ты – молчишь! Ты даже не называешь своего настоящего имени. Твое мужество и стойкость не могут не вызвать уважения даже у некоторых немцев. «Маленькая героиня вашего народа осталась тверда, – написал потом один из них, взятый в плен. – Она не знала, что такое предательство. Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя, как смогла ты так мужественно держаться и не проронить ни слова врагу? Кто учил тебя так вести себя? Кто дал тебе код нравственности, код стойкости и геройства? Школа, комсомол, любимые книги? Я бы, наверное, так не смогла...

Думаю, в этом твоём нестигаемом мужестве – и мужество твоих предков: деда-священника, принявшего мученическую смерть, мамы – женщины, стойко вынесшей тяготы жизни. И, конечно, любимой твоей героини Гражданской войны – коммуниста, учительницы Татьяны Соломахи, именем которой ты, комсомолка, назвалась.

Ты не просишь пощады, ты не издаешь ни единого стона! Измученная, с почерневшими, обмороженными руками и ногами, идешь ты к виселице. От места пыток – к месту казни...

Вокруг гогочущая толпа, кто-то из немцев фотографирует казнь... Они уверены, что вскоре пройдут

парадом по улицам Москвы. Они еще не знают, что в 1943 году, когда 332-й их полк уничтожат в боях под Смоленском, из тех, кто был тогда под Москвой, останется всего 5 человек. А новый состав полностью сгинет в 1944 году в Белоруссии. Ты, Зоя, перед казнью говорила ПРАВДУ: «Эй, товарищи! Что смотрите невесело? Будьте веселее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите! Мне не страшно умирать! Это счастье – умереть за свой народ!»

Советская страна победила в той страшной войне, отстояла свою независимость. Победила и ты, Зоя, победили сотни тысяч таких, как ты, которые внушали страх врагам своей стойкостью, мужеством и любовью к Советской Родине!

И то, что в феврале 1942 года Космодемьянской Зое Анатольевне присвоят посмертно звание Героя Советского Союза, – справедливо. Советская страна победила нравственно, морально, и это есть твоя главная награда! Ты есть и ты будешь, Зоя, олицетворением вечно живого героического духа русского народа, советского народа!

Несмотря на то, что со времени твоей гибели прошло вот уже более 70 лет, люди помнят тебя и свято чтут память о твоём мужественном поступке. Ты не верь, Зоя, что мы тебя позабыли! Не верь! И прости нелюдей за ту ложь, которую они иногда пишут и говорят о тебе. Ты выше всего этого!

Но многие мои сверстники сегодня, к сожалению, не знают ни о тебе, ни о том, какой героический подвиг ты совершила. А я думаю, что такое забывать нельзя! Ведь забывая своих героев, мне кажется, мы их просто предадим – так же, как когда-то предал тебя Клубков...

С уважением и искренней любовью

Комментирует автор вопросов читателям «Правды». Как сегодня бороться – вот самое главное

Я очень обрадовался реакции читателей «Правды» на мое интервью и на вопросы. Как ученый, я должен всегда стараться быть как можно объективнее, но то, что любовь к Зое еще жива в постсоветской России и люди еще воодушевляются ее подвигом, меня тронуло. Я согласен с мнениями читателей, например А. Устинова, что Зоин подвиг обязательно надо рассматривать как продолжение революционной традиции и как отражение общих усилий 1930-х годов создать нового человека коммунистического будущего. Ценности самоотверженности, самоотдачи в борьбе за лучший, справедливый мир составляли сердцевину этого проекта (независимо от того, насколько он реализовался), и их, безусловно, надо сохранить сегодня.

Я также согласен с Ф. Ашитком, что нацистско-советская война – самый жестокий конфликт в истории человеческой цивилизации – имела идеологическое начало. Действительно, такое ужасное, истребительное насилие не могло возникнуть только при защите территории одного народа от захватчиков из другого. Ведь не только СССР был бы потерян, если бы фашистов не отбили, а намного больше – можно даже сказать, ВСЕ. В некотором смысле в 1941-м вся история нового времени, со всеми его противоречиями, нашла кровавое завершение на поле битвы.

Сейчас, когда «героический период» (то есть первый революционный подъем) социалистического освободительного движения давно окончен, многие считают, что его главным достижением являлось смягчение капиталистической свирепости: регулирование финансовой сферы, социальная помощь, универсальное образование, права для рабочих, женщин, этнических меньшинств и даже расширение среднего класса как формы перераспределения богатства – вся «умеренность» капитализма XX века возникла как ответ на угрозу социалистической альтернативы. В этом, конечно, есть доля правды, однако мне кажется, что не вся. Умеренность и баланс – это не диалектика. Настоящая диалектика всегда движется к клинчу крайних, противоположных сил. Аутентичный революционный героизм коммунистического движения и иллюзорная, атавистическая, расистская «героика» фашизма как раз и были такими силами. Как будто революция и все довоенное развитие СССР (при всей его сложности и даже жестокости) готовили народ для этого клинча, столкновения и для этой безумно дорогой, но одновременно бесценной победы, спасшей мир от уничтожения. По-моему, надо признать, что героическое самопожертвование таких советских людей, как Зоя, настоящих «детей революции», которые погибли в невообразимом числе во время войны, – вот это и есть самое главное достижение мирового социализма, но и его великая трагедия.

А что делать теперь, в наше, совсем иное время? Мой любимый советский писатель Андрей Платонов пророчески писал в 1934 году, что «мир без СССР несомненно уничтожился бы сам собою в течение одного ближайшего века» («О первой социалистической трагедии»). Никто не мог спасти СССР от его внутренних противоречий (здесь читатели «Правды» вряд ли согласятся со мной, я знаю). Но, несмотря на это поражение, необходимо действовать в постсоветское время, чтобы предотвратить новую катастрофу, которая миру сейчас угрожает. Мы видим, как после конца «холодной войны» мировой капитализм все более и более отказывается от тех «смягчающих» институций, которые раньше использовались как пряник для трудящихся (пока не научились бить себя внутренним кнутом неолиберальной идеологии). Теперь фашизм не приходит как волна реваншистского насилия извне, а растет в самом сердце нашего (теперь общего) неолиберального общества.

Сегодня насилие стало зачастую невидимым, «скучным», повседневным. А пока левые силы, кажется, могут отвечать на это в основном лишь особым видом тоски. Это благородная тоска по подвигу, по революции, по этому нарастающему клинчу сил, который маркировал героическую эпоху и все ее надежды и необходимости. Да, А. Парфенов прав, что Павел Корчагин не герой нашего времени. Но все-таки слова Зои с эшафота о том, что надо бороться, еще звучат, еще грызут совесть. А как на них отвечать? Как сегодня бороться? Вот это самый главный вопрос сегодняшнего дня, по-моему. Мы видим, что акции прямого насилия бывают бесполезными – они сразу становятся горючим топливом для медиаспектакля и только погружают нас глубже в общую систему страха. И К. Солодуб прав, что сегодня совсем непонятно, за что именно молодежь поднялась бы в борьбе. Кажется, везде лежит обман и скрываются управляющие нити какой-то нечеловеческой власти. Героев, по-моему, нет и, возможно, долго еще не будет.

Мой проект о Зое исходит из этого чувства тоски по героической эпохе социализма. Это не ностальгия – я ведь стал сознательным человеком только в 1980-е годы, когда неолиберализм одержал свои первые победы, а СССР оказался не в силах сопротивляться. С тех пор мир движется стремительно к новому варварству. Но моя тоска ищет не восстановления великого прошлого, а выхода к другому будущему.

Когда я был в селе Осино-Гай и разговаривал с прекраснейшим человеком, вашим другом Сергеем Ивановичем Полянским, я почувствовал реально мистическую силу на этом холме, где стоит школа трех героев, где степной ветер как бы шепчет постоянно о подвиге и о том, как герои рождаются и оставляют свои неизгладимые следы. А потом, когда я был в Петрищеве и шел по проселочной дороге от музея к месту казни Зои, я остановился у бревенчатой избы Кулик, которая стоит так жутко, как черная дыра ненависти, в ряду с другими (намного более зажиточными) домами. Там, у этого пустынного памятника жесточайшему насилию, я почувствовал Зоин упрек – ведь она всегда упрекала своих товарищей, когда слабыми были! – и я взглянул в пропасть своей ищущей тоски.

И, по-моему, нам надо туда почаще заглядывать. Надо искать решение этого вопроса. Конечно, сразу мы его не найдем. Сейчас, может быть, самое главное – формулировать вопрос правильно; надо, чтобы механизм мышления завелся опять, потому что он слишком долго стоял на месте. И это значит, что надо чувствовать эту тоску как залог нашего общего человеческого будущего, а не просто как обиду за потерянное прошлое одного советского народа.

Но также важно не впадать в новые иллюзии. И это значит, думается, что не надо идеализировать сталинское время как какой-то рай общественной гармонии. Парфенов пишет, что сегодняшние отличники в школе подвергаются травле, а во время Зои они пользовались высоким уважением. Но мы же знаем, что у Зои не все ладилось с другими – именно потому, что она всегда была с ними слишком строгой. Истории 1990-х о том, что она болела шизофренией, конечно, ужасная клевета; но ведь она действительно страдала в предвоенные годы, и ей пришлось отдыхать несколько месяцев в неврологическом санатории. Героический путь труден и часто одинок, тем более в обществе, где подвиги (или бледная инверсия подвига, «дисциплина») ожидаются от каждого, но не все могут оправдывать такие ожидания.

Все равно я согласен, что поколение 1930-х – действительно потрясающее поколение. Но они тоже страдали и тосковали, хотя не совсем так, как мы. Думаю, наша задача – не только помнить и чтить этих людей, но и искать историческую спираль, которая движется от них к нам. Где больное, отчужденное различие между их героической тоской (по завершении революционной борьбы) и нашей, «постгероической» тоской (по новому типу борьбы) преобразуется в рифмующий звон и указатель движения вперед.

Получилось очень длинное письмо. Простите. Я просто хотел высказаться после того, как многие на страницах «Правды» так любезно интересовались моим проектом. Спасибо!

Вместо послесловия. Неисчерпаема тема советского героизма

Разумеется, когда уходящий ныне 2013 год еще только начинался, мы в редакции знали, что «Правда» обязательно отметит 90-летие со дня рождения Зои Космодемьянской. Но никто из нас не планировал столь продолжительный (почти пять месяцев!) разговор в газете на эту тему с участием такого большого числа людей – наших читателей, ставших одновременно нашими авторами. А инициатором его, как вы знаете, стал тоже читатель «Правды» – профессор славистики из США Джонатан Платт.

Почему он, решивший написать книгу и снять фильм о Зое, начал свою работу в Москве с посещения нашей редакции? Потому что всемирная слава легендарной советской героини началась в свое время с газеты «Правда». И затем, когда полвека спустя обрушился на светлую память Зои ожесточенный вал кощунственной клеветы, наша газета отстаивала правду о ней и других героях советской эпохи. Отстаивает ее и теперь.

Собственно, все отклики на вопросы, поставленные профессором Питтсбургского университета, тоже следует считать этапом борьбы за эту правду и стремления многих сегодня глубже осмыслить природу массового советского героизма. Вопросов было восемь, но суть их для абсолютного большинства наших читателей так или иначе связана с радикальным изменением строя, происшедшим в нашей стране.

Вместо социализма – капитализм. Вместо Советской власти – буржуазная. Отсюда и отношение этой власти, близких ей СМИ к памяти тех, кого в основе они не считают своими. Отсюда всяческие попытки оклеветать их образы или, что нисколько не лучше, извратить, приспособив к собственным «трактовам» и «концепциям». Скажем, патриоты, но не советские; подвиг, но без коммунистической идеологии и т. п.

Однако остается коренной вопрос, по-разному звучащий во множестве писем. Власть и ее СМИ от этого вопроса всячески уходят, но люди думают о нем и ставят его. Размышляя, необходимо ли героическое самопожертвование сегодня, очень четко написал, например, Сергей Николаев из города Сураж Брянской области: а защищать самоотверженно в нынешних условиях придется кого и что – страну справедливости или капиталы олигархов?

Колоссальна основополагающая разница между Советским Союзом и теперешней Россией! И если героическое самопожертвование действительно требуется, то, наверное, сегодня в первую очередь и больше всего для утверждения в нашем обществе справедливости, синоним которой – социализм.

Вы, дорогие друзья, прислали сотни писем, и многие из них напечатаны.

К сожалению, не все: тесна газета. Но оставшиеся мы не сдаем в архив. Они образовали специальный фонд, к которому будем еще не раз обращаться. Впереди – подготовка к 70-летию Великой Победы, а Зоя Космодемьянская и другие советские герои неотделимы от нее.

Назову имена хотя бы некоторых авторов, чьи неопубликованные письма представляются наиболее интересными. Итак, вот они:

В. И. Мезенцев (г. Витебск, Белоруссия), А. П. Кузина (г. Ульяновск), В. Т. Равтович (г. Омск), В. Г. Маличенко (пос. Инжавино, Тамбовская обл.), Н. А. Орининская-Жукова (г. Зеленодольск, Татарстан), А. Н. Карелина (г. Санкт-Петербург), С. Н. Хамедулов (г. Пермь), Н. М. Астахов (г. Киев), Л. Н. Мельникова (г. Москва), В. М. Черепанова (г. Череповец, Вологодская обл.), В. В. Виноградов (г. Ступино, Московская обл.), А. Ф. Атрошенко (с. Городищи, Нижегородская обл.), В. П. Онищенко (г. Анапа), В. М. Рошупкин (г. Ульяновск), А. В. Захарова (г. Пермь), Н. И. Томилин (г. Краснодар), В. Н. Батранов (г. Арзамас),

Р. Н. Бесперстова (г. Улан-Удэ).

Спасибо всем вам, всем, кто читает нашу газету и пишет в нее. самого доброго в наступающем новом году!

Такие же пожелания шлет вам и Джонатан Платт. Многие из вас интересуются его мнением о состоявшемся разговоре. Мы попросили его высказаться и публикуем полученное письмо. Наверное, не со всем вы будете согласны, о чем он пишет и сам. Надеемся еще на одну встречу с ним и, возможно, на более обстоятельную беседу в предстоящем году.

Как видно из всего этого, тема советского героизма, огромная, неисчерпаемая и необыкновенно актуальная, имеет значение поистине всемирное...

Резонанс. Актуальность этой темы сомнению не подлежит

С начала осени 2013 года, после опубликования в августе статьи «Американский профессор пишет о советской героине», в «Правде» печатались отклики на неё. В основном это были ответы наших читателей на восемь вопросов о Зое Космодемьянской, поставленных учёным из США Джонатаном Платтом. Посетив редакцию нашей газеты, которая в 1942 году первой рассказала стране и миру о подвиге отважной комсомолки, профессор сообщил, что он работает над книгой и фильмом о Зое. Но, по его признанию, есть вопросы, ответить на которые более точно и глубоко ему хотелось бы с учётом мнения нынешних соотечественников прославленной советской героини.

Так это началось. Интерес читательский к заявленной теме, как вы сами убедились, оказался поистине огромным. Думается, нет надобности в дополнительных доказательствах того, насколько актуальна сегодня проблематика, связанная с массовым героизмом советской эпохи – его природой, проявлениями, нынешним к нему отношением в буржуазном обществе. Полученные нашей редакцией письма, многие из которых и вы теперь прочитали, свидетельствуют об этом с абсолютной убедительностью. Так что вполне понятна благодарность, выраженная Д. Платтом в его письме читателям «Правды», которое мы напечатали в одном из последних номеров газеты за 2013 год.

Публикацией этого письма и краткого редакционного комментария намерены были завершить состоявшееся обсуждение. Разумеется, с оговоркой, что сама неохватная тема на этом не кончается и не может, естественно, быть закончена.

Подтверждения пришли буквально через несколько дней. Во-первых, это письмо рабочего из подмосковного города Дмитрова Алексея Парфенова, кандидата в члены ЦК КПРФ. Он выразил желание поделиться в газете некоторыми своими соображениями по поводу итогового письма американского профессора, и эти его соображения показались нам весьма существенными.

А во-вторых, со значительным запозданием (почта нынешняя, ах, почта!) подошло к нам и еще одно письмо – с Украины, горячей Украины, из города Харькова. Оказывается, там тоже публикация «Правды» вызвала большой интерес, и тема советского героизма обсуждалась школьниками, преподавателями, ветеранами Великой Отечественной войны.

Можно ли было тот и другой материалы оставить неопубликованными? Мы в редакции решили, что нельзя, и вот сейчас вы их тоже читаете.

Советские герои дороги лучшей части украинской молодежи

О чем говорили в харьковской школе

Уважаемый Виктор Кожемяко!

Сообщаю вам о том, что с появлением вашей статьи из газеты «Правда» под заголовком «Американский профессор пишет о советской героине» в украинской массовой «Рабочей газете» ветераны Великой Отечественной войны с огромным интересом восприняли ее и поддержали изложенные в ней суждения, над которыми обстоятельства современной нашей жизни заставляют каждого серьезно задуматься.

Именно поэтому по инициативе ветеранов в средней школе № 64 Московского района города Харькова был организован «круглый стол», в котором приняли участие учащиеся старших классов и учителя. Инициатором такой встречи стала руководитель первичной организации ветеранов Ангара Иосифовна Сосницкая. Ее горячо поддержали директор школы Вера Александровна Селевко, учитель истории Ирина Яковлевна Мороз, педагог-организатор Галина Яковлевна Кузьменко.

Сообщаю, что дискуссия прошла интересно. Ее участники высказывали свои откровенные суждения и оценки подвига Зои Космодемьянской. Как руководитель дискуссии, имею возможность заявить, что каждое выступление было добровольным и у каждого выступавшего чувствовалось искреннее желание оценить поведение Зои как выражение истинного патриотизма. Ведь недаром примеру ее следовали многие бойцы и партизаны Советского Союза, защищая свою социалистическую Родину от немецко-фашистских захватчиков, проявляя массовый героизм.

Приведу вкратце некоторые мнения, высказанные учащимися в связи со статьей «Правды» и поставленными ею вопросами.

1. Почему американский профессор Джонатан Платт пишет книгу о советской героине?

Влада Пасечник считает, что подвиг Зои привлек его внимание потому, что в героическом поведении комсомолки отразилась идейная суть всего многонационального народа Советского Союза. А стремление глубже узнать и понять истоки такого героизма важно не только для нас, но и для людей других стран. Это – подвиг ради великого дела, связанный с нынешней и будущей судьбой многих народов.

Анастасия Шаповалова объясняет интерес американского профессора тем, что СССР был государством, объединяющим 15 союзных республик со своими парламентами и правительствами, а объединение их в единый Союз создавало огромные дополнительные возможности для социально-экономического развития, укрепления взаимосвязей между ними в решении любых военных и гражданских проблем. Это повышало авторитет Союза ССР на мировой арене. Слова «Я родился в Советском Союзе» отражали гордость каждого за свою Родину и вдохновляли на новые подвиги во имя будущего. Зоя Космодемьянская имела в виду Советский Союз, когда говорила: «Это счастье – умереть за свой народ».

Стоит также отметить суждения Ирины Яковлевны Мороз, которая подчеркнула, что в ходе многовековой истории формирования Русского государства народам будущей России и Советского Союза пришлось преодолеть многочисленные попытки силового порабощения их в сочетании с трудностями природно-климатических условий. Все это активно формировало тенденции к объединению народов, к

развитию патриотических традиций, что особенно проявилось в созданной на основе социальной справедливости единой Советской стране. Благородные традиции патриотизма многократно укрепились в ходе Великой Отечественной войны, развязанной гитлеровским фашизмом против СССР, и стали одним из важнейших факторов Великой Победы.

2. Что точнее характеризует Зою – «жертва зверского насилия» или «героический боец»?

Ле Суан Вионг отмечает, что боли и смерти она не боялась. Боролась до последнего дыхания, чтобы защитить своих товарищей, свой народ. Это величайший поступок. «И поэтому, – заключила школьница, – для меня Зоя Анатольевна Космодемьянская – «героический боец».

3. Изменилась ли память о Зое после развала СССР?

Наталья Каплуновская: «Я думаю, что с героями Великой Отечественной войны нас связывает очень многое. Зоя – наш пример во всем. Жизнь и смерть ее – это образец честности, порядочности, мужества, героизма.

После развала СССР память о Зое, точнее говоря, не изменилась, а была умышленно искажена. Определенные силы постарались также предать ее забвению. Но, к счастью, есть еще люди, для которых честь и совесть – не пустой звук. Именно они расскажут своим детям и внукам про великий подвиг советского народа, в том числе про Зою Космодемьянскую. Память о ней должна остаться в веках!»

Руслан Сергеев отметил, что издевательства фашистов и казнь Зои вызвали бурю возмущения среди советских людей, особенно молодежи. Ее подвиг был высоко оценен государством, ей присвоено звание Героя Советского Союза. После развала Союза, считает Руслан, авторитет ее подвига не уменьшился, хотя, к сожалению, его замалчивают. Однако он по-прежнему является примером для многих граждан России и Украины.

4. Когда Зоя говорила: «Это счастье – умереть за свой народ!», какой народ она имела в виду – русский или советский? И важна ли здесь разница?

Анна Москалюк: «Я думаю, что Зоя Космодемьянская имела в виду советский народ, так как в то время существовала одна страна – Советский Союз. Вместе с русскими воевали и украинцы, и белорусы, и латыши, и узбеки, и другие народы. У всех была общая цель.

Естественно, разница между понятиями «русский народ» и «советский народ» существует, но ее подчеркивание ведет к возрождению национализма во вред единству, обеспечивающему успех развитию всех народов».

Никита Малофеев: «Мой народ отомстит за меня», – говорила Зоя перед смертью. Она имела в виду советский народ, объединившийся в едином социалистическом государстве, где все равны».

Инициатор дискуссии Ангара Иосифовна Сосницкая напомнила о том, что Великий Октябрь 1917 года, который привел к победе трудового народа в России, смертельно испугал мировую буржуазию. Пытаясь восстановить прежнее состояние, она организовала интервенцию против Республики Советов, а затем – фашистское нашествие на Советский Союз. Но, несмотря на огромные человеческие жертвы и материальные утраты, советский народ освободил не только свою страну, но и многие страны Европы от «коричневой чумы» XX века. И этот подвиг никогда не должен быть забыт!

5. Как вы считаете, подвиг Зои реально призывает к справедливости или является только мифом, как утверждают нынче некоторые СМИ?

Анна Шишкова: «Зоя Анатольевна Космодемьянская была настоящим героическим бойцом. Она до последней минуты своей жизни оставалась верна своему народу и Коммунистической партии. Девушка мужественно выдержала пытки фашистов и не сломилась. Она подала пример многим людям и была

награждена народной любовью. Зоя стала символом героизма советских людей».

Мария Крамчанинова: «Я считаю, что подвиг Зои Космодемьянской именно своим примером призывает к справедливости. Я думаю, что некоторые СМИ пишут о ее подвиге как о мифе, чтобы принизить силу и значение реально свершенного. Но для народа, для всех честных людей в мире она была, есть и будет героем».

Виктория Вдовенко: «Я поражена и восхищаюсь подвигом Зои Космодемьянской, в котором проявились замечательные черты характера советского человека. Зоя проявила огромную отвагу при исполнении задания. Своим героическим поведением она показала всему народу, как нужно бороться за Родину. В наше время не каждый человек будет таким самоотверженным и смелым. Я убеждена, что подвиг Зои был действительно героическим и реальным.

Если бы в жизни не было настоящих подвигов, то и мифов бы не существовало. Ведь о ком-то их слагают, и они всегда сопутствуют нашей жизни».

6. В 201-й школе Москвы, где учились Зоя с братом, историческое здание заброшено уже более десяти лет. Как вы думаете, почему? И что надо делать?

Анна Бондаренко: «Старое здание школы № 201, построенное в 1931–1935 гг. по проекту архитектора И. А. Звездина, является памятником архитектуры федерального значения. Во время Великой Отечественной войны более 160 выпускников этой школы участвовали в боях за Родину. Высокого звания Героя Советского Союза удостоены четверо – Зоя и Александр Космодемьянские, Георгий Лашин и Павел Гражданинов. И вот 22 марта 1956 года школе присвоено имя Зои и Александра Космодемьянских. Однако с 2001 года, после постройки нового здания школы, старое оказалось заброшенным и разрушается. Произошло несколько пожаров. На фасаде нового здания (доме № 3 по улице Зои и Александра Космодемьянских) установлена мемориальная доска. Так как со старым зданием школы связано очень многое, считаю необходимым обязательно восстановить и сохранить его».

Евгений Олейник: «Знаменитая 201-я ордена Трудового Красного Знамени московская школа берет свое начало с 1918 года, когда там работала единственная учительница А. И. Шестакова и где обучались дети железнодорожников станции Подмосковная на даче, изъятый у купца. В день 20-летия гибели Зои, 29 ноября 1961 года, здесь был открыт музей. Во дворе сохранилось дерево, посаженное Зоей. Все это свидетельствует в пользу сохранения исторического здания и размещения в нем музея, на чем я и настаиваю».

Татьяна Свидло: «Старое здание 201-й школы основательно разрушено и горело уже несколько раз по не выясненным до сих пор причинам. Считаю, что пора покончить с безответственностью! Необходимо отгородить этот участок, отремонтировать здание и восстановить музей, открыв его для посещения всех желающих».

* * *

В заключительном своем слове я отметил, что проблемы, поднятые в газете «Правда» американским профессором Джонатаном Платтом, волнуют нас не меньше, а, может быть, даже еще больше. Потому что это – наша история, наша героиня. Советская эпоха и ее колоссальные достижения крепят нашу уверенность, что законы общественного развития, открытые и сформулированные классиками марксизма-ленинизма, неизбежно ведут к исторической смене общественно-экономических формаций. Это произойдет и с капитализмом. Заменит его социализм, реально ведущий к обществу без классов, без антагонистических противоречий между трудом и капиталом, между разными народами. Люди хотят справедливости, за которую отдала жизнь Зоя Космодемьянская, и справедливость в конце концов

непременно восторжествует.

г. Харьков, Украина

Почему светлый образ зои имеет сегодня особое значение

Письмо Джонатану Платту

Уважаемый Джонатан!

С глубоким интересом прочитал Ваше письмо в «Правде» от 20–23 декабря 2013 года и хочу поделиться возникшими у меня после прочтения мыслями.

Вы пишете: «Никто не мог спасти СССР от внутренних противоречий (здесь читатели «Правды» вряд ли согласятся со мной)».

Знаете, а я с Вами согласен. Гибель социализма, Советской власти, СССР не были случайными. В стране действительно в 70—80-е годы прошлого века накопились большие трудности, проблемы, неблагоприятные тенденции.

Когда это началось? Наверное, после смерти Сталина. Иное время пришло тихо, постепенно, незаметно. В школе изучали «Как закалялась сталь», снималось кино о Павле Корчагине, комсомол проводил экскурсии на место гибели Зои Космодемьянской, но дух времени был уже другой.

И первыми почувствовали это писатели. На то, что Павел Корчагин не герой нашего времени, обратил внимание не я, как Вы пишете, а писатель Аркадий Первенцев еще в 1968 году. Так же, как и на многое другое в нашей жизни:

«Не только хлебом питалось молодое поколение. Молодые томились другим... Одни вооружали себя знаниями и опытом, чтобы сохранить государство, выпестованное отцами, другие требовали покрыть неоплаченные векселя, предлагая отчитаться за обещанное.

Мы дрались за Советскую власть. Быть или не быть нашей Родине. Наш главный враг – фашизм. Широчайшее поле для обобщений, драматических коллизий, гибкости ума, показа мужества масс и отдельных личностей. А кое-какие литераторы обернулись в поисках конфликтов спиной к врагу. Среди своих принялись искать. Их враг – сотрудник особого отдела. Скулят много, могилы тревожат...» (А. Первенцев. «Остров надежды»).

Таким образом, тенденция эта, дискредитация и дегероизация поколения победителей, да и самой Победы, проявилась задолго до начала так называемой перестройки.

* * *

Во время войны, как Вы пишете, столкнулись «революционный героизм коммунистического движения и иллюзорная, атавистическая и расистская «героика» фашизма...»

И далее: «Революция и все довоенное развитие СССР (при всей его сложности и даже жестокости) готовили народ для этого клинча, столкновения и для этой безумно дорогой и одновременно бесценной победы...»

Но готовило к подвигу (и это видно из дневника Зои и воспоминаний ее мамы Любви Тимофеевны) не только то, что было связано с коммунистической идеологией, Советской властью, но и вся отечественная история и литература. И мировая литература – тоже.

Очень сильное впечатление на Зою произвел роман Э. Войнич «Овод». Этель Лилиан Войнич родилась в 1864 году, англичанка, окончила Берлинский университет по кафедре славяноведения, какое-то время жила в Петербурге, знала многих русских, польских и итальянских революционеров. Овод – воплощение лучших черт революционных борцов европейского освободительного движения XIX века.

«Героика» фашизма тоже имеет истоки в духовной жизни XIX века, а именно в образе «героя» Ницше, стоящего «по ту сторону добра и зла», порывающего с моралью «толпы». Эти идеи в карикатурном и бесчеловечном виде были перетолкованы в идеологию фашизма (учение о «высшей расе», которой «все позволено»).

Погибла ли эта «героика» вместе с концом нацистской Германии?

Как это ни парадоксально, современную массовую культуру можно назвать наследницей фашизма.

«Разве белозубый герой современных американских боевиков, пачками сокрушающий врагов “свободного мира” – всех, без разбора, без сожаления, без малейших признаков душевного волнения, – не похож на современное воплощение ницшеанского идеала сверхчеловека, «шагнувшего по ту сторону добра и зла», осуществляющего людоедские планы вождей третьего рейха?»

(Г. Зюганов. «Глобальное порабощение России: глобализация по-американски»).

Да, «с той стороны» остались только «герои» на телеэкранах.

А «с нашей»? Да, Павел Корчагин – не герой нашего времени. И герой Гражданской войны Василий Чапаев сейчас лишь «герой» пошлых анекдотов.

Неужели в действительности правда то, что Вы пишете: «Героев, по-моему, нет и, возможно, долго еще не будет»?

* * *

Конец 80-х – начало 90-х годов. Вал антикоммунистической истерии в стране. Семьдесят лет Советской власти представляются как «черная дыра», смутное время в истории. КПСС представляется как коллективный враг народа, а ее активисты – как преступники.

Небольшая группа пожилых людей под Красным знаменем собралась в подмосковном Дмитрове у памятника Ленину. Это могло быть и 7 ноября, и 1 мая, и 22 апреля – день рождения Ленина. Это могло быть и в 1992 году, и в 1993-м. Мимо проходят люди, абсолютно равнодушные и к митингу, да и к тому, чему он посвящен.

О чем говорят митингующие, с каким главным призывом обращаются? Да с тем же, что и Зоя: «Эй, товарищи! Что смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь...»

Конечно, членов КПРФ не заставляли босыми ходить по снегу и не вешали. Сейчас буржуазия предпочитает идейно-психологическое (пока, по крайней мере!) давление. Но в начале 90-х быть коммунистом значило проявить мужество. Как правило, пенсионеры, получающие небольшую пенсию, ходили по этажам, разнося газеты и собирая подписи за КПРФ, оказывали материальную помощь партии, газете «Правда», сутками сидели на избирательных участках во время выборов. И это при непонимании и враждебности окружающих, а зачастую и членов семьи. И, к сожалению, многих бывших членов КПСС, с которыми долгие годы работали в одной парторганизации и которые стали ярыми «демократами».

Героизм ли это? Не знаю. Я бы это назвал хорошим русским словом «подвижничество».

Хотя... Ленин и большевики трактовали подвижничество как героизм в условиях отсутствия или спада революционности в народе.

Об отношениях Зои с одноклассниками. Прочитую Вас: «Парфенов пишет, что сегодня отличники в школе подвергаются травле, а во времена Зои они пользовались всеобщим уважением».

Мысль моя передана не совсем верно. Не об успехах или неудачах Зои в учебе я говорил. Напомню, как в январе 1944 года написал выдающийся советский писатель и публицист Илья Эренбург:

«Есть нечто исключительное в душевной структуре Зои Космодемьянской или Олега Кошевого. В древние времена таких людей причисляли к полубогам или святым».

Я, собственно, и хотел сказать, что Зоя отличалась от своих сверстников. А были ли у нее конфликты со сверстниками? Наверное, были.

Но то, что Зоя несколько месяцев была в неврологическом санатории, говорит лишь о последствиях менингита. Я сам в 29 лет переболел этим тяжелым заболеванием, знаю, что это такое. Я тоже находился в санатории: после выздоровления следует категорически избегать больших физических и умственных нагрузок.

А теперь перейдем к главному вопросу Вашего письма.

* * *

Как сегодня бороться? Вот это действительно самый главный вопрос нынешнего дня.

Вы пишете о катастрофе, которая угрожает миру. Я согласен в этом с Вами, как и в том, что «теперь фашизм не приходит как волна реваншистского насилия извне, а растет в самом сердце нашего (теперь общего) неолиберального общества».

Да, фашизм, являясь плодом развития западной цивилизации с ее психологией господства и подчинения, нашел свое продолжение в глобализме и неолиберализме.

Книгой, где в известной мере было предугадано появление фашизма, стала «Железная пята» Вашего соотечественника Джека Лондона. Он этой книгой из 1908 года предупреждает нас: борцы за новую жизнь, будьте начеку, готовьте себя не только к победам, но и к поражениям!

Другой книгой, предупреждавшей о возможности установления всепланетной власти олигархии, была книга «Час Быка» советского писателя-фантаста Ивана Ефремова, вышедшая в том же году, что и «Остров надежды» Первенцева, – в 1968-м.

А что делать теперь, в наше совсем иное время? Как следует бороться? – спрашиваете Вы.

Русская революция 1917 года не только спасла Россию, но и стала могучим ферментом жизнестойкости всей цивилизации, символом духовного возрождения человечества. У людей нет иного пути, нежели новая революция и обновление общества. Иначе – тупик и гибель.

А какой будет революция XXI века?

Законов развития общества, открытых Марксом, никто не отменил и не сможет отменить. Развитие капитализма неразрывно связано с кризисами. Наиболее крупные кризисы приводят к мировым войнам и революционным потрясениям. Во время кризиса возникает революционная ситуация, которая характеризуется тем, что:

- 1) «Низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут по-старому управлять.
- 2) Происходит обострение, более обычного, нужды и бедствий трудящихся масс.
- 3) В силу названных причин происходит значительное повышение активности масс.

Возможно такое в России? Да, возможно. Что касается обострения нужды и бедствий, то и сейчас

средняя заработная плата в России – 27 тысяч рублей, а в США – 123 тысячи в месяц.

Впрочем, это «обострение, более обычного, нужды и бедствий» произошло у меня лично уже в этом, 2014 году, когда я узнал новую стоимость коммунальных услуг и проезда на общественном транспорте, а также увидел новые цены в магазинах.

Не сказал своего последнего слова рабочий класс. В нашей стране 24 миллиона промышленных рабочих. От западного пролетариата его отличает не только худшее материальное положение (в легкой промышленности, где я работаю, средняя зарплата от 12 тысяч рублей), но и то, что у него осталась память о советской цивилизации.

Задача нашей партии – использовать это неминуемое повышение активности масс. Надо добиться их доверия, во-первых, для того, чтобы победить на выборах, и, во-вторых, чтобы суметь в нужный момент вывести миллионы людей на улицу для оказания политического и психологического давления на власть.

Но активность масс имеет и оборотную сторону. В Германии начала 30-х массы людей, в основном молодых, вступали не только в компартию, но и в штурмовые отряды фашистов.

Куда пойдет российская молодежь?

Каких героев выберет для подражания?

Сейчас на сознание молодежи идет атака как «сверху», так и «снизу».

«Сверху» в такие «герои», кажется, предлагается Путин.

«Снизу» действуют и те силы, которые стремятся направить справедливое возмущение капиталистической эксплуатацией и несправедливостью в русло сведения счетов по этническому признаку. Это остро проявляется сейчас как на Украине, так и в России. Ведь у национализма и его крайнего проявления – фашизма есть и своя «эстетика», и своя «героика».

В этих условиях пример Зои, ее светлый образ имеют особое значение.

В октябре 2013 года я с моим товарищем был в Петрищеве, на месте гибели Зои.

На комсомольском собрании, посвященном 95-летию Ленинского комсомола, мы рассказали о своей поездке и предложили текст обращения к молодежи Московской области «Будем ее достойны!» Обращение это, поддержанное дмитровскими комсомольцами, распространено через социальные сети и будет опубликовано в газете подмосковных коммунистов.

Вот так работаем мы, российские коммунисты, наследники (надеюсь!) поколения Зои Космодемьянской.

С глубоким уважением

г. Дмитров, Московская область

Глава десятая. Завершая книгу, но не тему

Перелистаны страницы юной жизни, оборвавшейся на фашистской виселице в холодный ноябрьский день 1941 года, но так сильно отозвавшейся в нашей Великой Победе.

А полвека спустя, в 1991 году, страна-победительница потерпела величайшее поражение.

Связь прекрасной жизни Зои Космодемьянской и ее бессмертного подвига с исторической Победой советского народа в Мае 1945-го многие годы, я думаю, была очевидной для всех. Нет, однако, скажем точнее: почти для всех. И кто же эти «почти»?

Да те, кто в душе ненавидел все советское, включая, разумеется, советских героев и советскую Победу. Чтобы уничтожить Победу, надо было расправиться с героями. Так начался поход «пятой колонны» на нашу память. Поход, разрушительные результаты которого оказались поистине чудовищными и который, давайте это признаем, продолжается до сих пор.

Разве не острой тревогой в связи с этим вызвано большинство вопросов к читателям «Правды» американского профессора-слависта, высоко оценивающего значимость советской эпохи для всего мира?

И разве не продолжение уничтожения советских памятников, начатого в Москве, все то ужасное, что покатило по братской Украине?

А противостояние памяти и беспамятства, которое не можете вы не ощущать в повседневной нынешней жизни, разве не заставляет вас думать о будущем с возрастающей озабоченностью?

Да, еще о памяти, памятниках и беспамятстве

Вот я написал: противостояние. Мне страшно даже помыслить, до чего мы скатились бы сегодня, если бы уже тогда, на гибельном рубеже 1991-го, не возникло оно.

Конечно, скатились низко, очень низко. Разрушено и уничтожено неисчислимо много, а самое главное – подорваны курс на справедливость в Советской стране и сама страна, носившая гордое имя Союза Советских Социалистических Республик. И, понятно, произошло это потому, что противостояние разрушителям нашей страны и нашей памяти оказалось тогда, в обманутом народе, неадекватно слабым.

Но повторяюсь: оно все-таки возникло. Пусть в отдельных людях, лишь в некоторых коллективах, пусть поначалу они были едва слышны, однако скорое явление КПРФ – Коммунистической партии Российской Федерации, поднявшей Красное знамя попорченной справедливости, рождено было именно противостоянием в глубинах народных. Противостоянием несправедливости, лжи, тотальному извращению памяти и наступлению воинствующего беспамятства.

Характерен опять пример Зои. Ведь ее хотели уничтожить раз и навсегда. Но не получилось. То есть что-то получилось, однако лишь отчасти. А почему? Кто помешал? Люди, которые встали против этого.

Ее однополчане, приехавшие за правдой в «Правду». Ее одношкольники, организовавшие волнующий вечер памяти среди гнусного разлива клеветы. Ее земляки, из которых выделяю в первую очередь благороднейшего тамбовского журналиста-коммуниста Ивана Игнатьевича Овсянникова и заведующего музеем в родном Зоинском селе Сергея Ивановича Полянского.

Низко кланяюсь Ивану Игнатьевичу, коллеге и другу, которого уже нет среди нас. Я упоминал, что лишь три газеты в связи с 50-летием казни Зои откликнулись на эту дату в ноябре 1991-го. Понятно, что «Правда» и «Советская Россия». Но ему, Овсянникову, работавшему в газете «Тамбовская правда», которая в одночасье была перелицована и стала «Тамбовской жизнью», насколько труднее пришлось, чтобы опубликовать свою страстную, за душу берущую статью в защиту Зои! А потом еще он вместе с талантливым тамбовским поэтом Валентиной Дорожкиной издаст великолепный сборник «Ты осталась в народе живая...» Со страниц его и в самом деле поднимается для читателей живая героиня – такая, какой она была.

Такая же живая она каждый раз и в повествовании Сергея Ивановича Полянского, которое ведет он перед посетителями музея в селе Осино-Гай. Искренняя, редкостно доверительная интонация у этого прирожденного педагога, несущего слово правды и любви о своей героической землячке. Наверное, что-то передалось ему и от Любви Тимофеевны Космодемьянской, с которой дружил и, можно сказать, сотрудничал много лет, пополняя музейную экспозицию бесценными экспонатами из семьи героев.

Сколько ни слушал этого удивительного человека, замирало сердце всегда от того, как умеет он сказать про Зою, про ее семью и подруг, про подвиг, который она совершила. Слезы на глазах у людей, которые были рядом со мной, больше всего говорили о силе его воздействия, хотя вроде бы никаких броских эффектов и актерских приемов.

Любовь – вот главный секрет хранителя памяти, к такому выводу я пришел.

* * *

Любовь... Не просто декларируемая, а действенная, встала она поперек разрушительных намерений ненавистников советского времени и Зои Космодемьянской как ярчайшей его выразительницы.

Эта любовь к Зое – особенная, воистину народная – победительную силу обрела именно в тех, кого я называю хранителями ее памяти. Они не позволили поднять руку на места, дорогие сердцу народа, не допустили закрытия музеев и разрушения памятников.

Помните, как бедствовали в начале «лихих 90-х» три самоотверженные женщины, спасавшие музей Зои в Петрищеве? Ледяной холод в неотапливаемом здании, нищенские и нерегулярно выплачиваемые зарплаты, не стихавшие вокруг разговоры, что музей обречен... А они держались и радушно встречали поредевших посетителей, радовались, когда прибывала целая экскурсия, и верили, что музей, их святыня, не погибнет, будет жить. Верили вопреки всему – и святыню отстояли.

Уместно здесь поставить вопрос: а сколько всего существует музеев, посвященных Зое Космодемьянской? Ну да, есть широко известные: в тамбовском селе, где она родилась, в столичной школе, где училась, в подмосковной деревне, где совершила свой героический подвиг и приняла мученическую смерть. Но это не все, далеко не все! Если добавлю поселок Шиткино в Тайшетском районе Иркутской области, где семья Космодемьянских жила один год и в память об этом тоже создан музей, станет понятно, что благодарные соотечественники постарались не забыть буквально ни одного места, связанного с пребыванием любимой героини. Однако феномен состоит в том, что десятки (!) ее музеев по всей Советской стране были созданы и в местах, в которых она никогда не бывала.

Село Борщевка на Тамбовщине. Помню, я удивился, когда Иван Игнатьевич Овсянников пригласил меня поехать туда, чтобы посетить, как он сказал, очень интересный музей Зои.

– А что, разве она жила в этом селе?

– Нет, не жила. Но там замечательные люди – учителя Борис Иванович и Лидия Алексеевна Шебуновы – собрали такой большой, такой уникальный материал для музея, что посмотреть обязательно надо.

Мы поехали, и я не разочаровался. Какое там! Был просто восхищен, на что способна действенная любовь, каков бы ни был ее адрес.

Ничуть не преувеличил Иван Игнатьевич, сказав про уникальный материал, собранный в здешней школе. Началось с того, что, слушая по радио выступление Любви Тимофеевны Космодемьянской, один из учеников успел записать ее адрес. Решили послать ей письмо, и так завязалась пятнадцатилетняя переписка с матерью Зои.

А потом, созданный двумя педагогами-энтузиастами школьный Клуб интернациональной дружбы (КИД) под названием «Планета», установил связь с немецкими учителями в ГДР Лотаром Кречмером и Максом Клоссом, которые посвятили свою жизнь сбору и изучению материалов о Зое Космодемьянской. Клосс стал создателем музея советской героини в городе Кетен, по его инициативе и на его стихи композитор Хорст Форстер написал песню «Партизанка из Петрищева», с которой школьная вокально-инструментальная группа выступала во многих городах Германской Демократической Республики.

От Макса Клосса школьники Борщевки узнали, что в Галле живет сестра Курта Ремлинга, который был Зоиним однополчанином в части 9903 и погиб, защищая Москву. Много интересного получили от нее – фото, биографию бойца-антифашиста, воспоминания о брате.

А уж позднее и я помог Лидии Алексеевне Шебуновой в добром деле: установить переписку с двоюродной сестрой Зои – Ниной Сергеевной Чуриковой-Ланге. По просьбе руководителя Борщевского музея написала она свои воспоминания о Зое и о семье Космодемьянских, а также прислала десять писем военных лет от лейтенанта Владимира Егорова, который обращался с фронта к Любви Тимофеевне и с которым сама Нина переписывалась. Теперь Нины Сергеевны уже нет, а подарки ее – в экспозиции и фондах Борщевского исторического музея имени Героя Советского Союза З. А. Космодемьянской.

Так назвали дело своей жизни супруги Шебуновы, и после ухода Бориса Ивановича, сплотив вокруг себя верный актив, Лидия Алексеевна достойно продолжает начатое ими вместе. В 2013-м, юбилейном для Зои году, отметил свой юбилей и музей в Борщевке. Пятидесятилетие!

Знают его теперь далеко за пределами Тамбовской области. Принимает гостей Лидия Алексеевна не только из самых разных регионов России, но также из-за рубежа. А каков статус музея? Общественный. Народный.

Вот это и есть главная особенность большинства музеев Зои, счесть которые полностью я даже не берусь: возникли они не по официальным государственным планам, а любовью и волею народной. Любовь приходит без указаний, и там, где находятся люди, готовые делом выразить ее, появляются музеи народной героини Зои Космодемьянской.

География их необъятна, а полного списка у меня, как выше уже сказано, нет. Со многими связана Лидия Алексеевна Шебунова: переписываются, поддерживают друг друга интересной информацией и экспонатами, обмениваются опытом работы. Скажем, за тысячи километров от тамбовской Борщевки, в Алтайском крае, есть поселок Ключи, и два музея через все расстояния дружат уже много лет. Заочно познакомила меня Лидия Алексеевна и с Раисой Никифоровной Дворецкой, возглавляющей музей Зои в Саратове, в школе № 72. У него тоже большая и славная история. Так, бывало, на слеты юных космодемьянцев собирались здесь ребята со всей области. За последние два с лишним десятка лет условия работы, конечно, усложнились, но сдаваться Раиса Никифоровна не собирается. Подключила к музейным делам и местное художественное училище, и сына-художника, и театры города... Про замыслы свои рассказывает с увлечением и вдохновением!

* * *

Назову (с подачи Л. А. Шебуновой) адреса и еще некоторых народных музеев Зои: школа № 130 в Волгограде-Сталинграде, станция Подгорная Воронежской области, село Горелое на Тамбовщине, школа № 70 в Казани...

И озадачу своих читателей еще одним вопросом: а сколько в нашей стране и за ее рубежами памятников Зое?

Удивляюсь, как это не пришла мне в голову идея провести такое расследование. Зато осенила она руководителя Музея истории школы и семьи Космодемьянских в московской гимназии № 201 Наталью Валентиновну Косову. Человек из когорты горячо увлеченных всем, что имеет отношение к жизни и последующей судьбе Зои (переняла это от матери, которая до нее возглавляла музей в знаменитой школе), она в год 65-летия Великой Победы предложила активу музея: «Давайте общими силами постараемся узнать, что же осталось на просторах Родины от людской памяти о Зое, когда-то увековеченной в монументах многими скульпторами во многих памятных местах».

Идею в школе дружно поддержали. Так начался проект, целью которого стало создание наиболее полного электронного путеводителя по местам, где установлены памятники Герою Советского Союза З. А. Космодемьянской. Ребятам предстояло самим или с помощью друзей по всей России и даже за ее пределами найти, сфотографировать или разыскать фотографии памятников, узнать фамилии скульпторов и архитекторов, познакомиться с их биографиями и творчеством, а также разузнать о времени и месте установки памятника, о событиях, связанных с этим.

Не правда ли, какая благородная задача? «Нас еще, конечно, интересовало, – добавила Наталья Валентиновна, – как сейчас люди, живущие рядом с памятниками Зое, берегут память о ней».

И вот передо мной вызывающий искреннее восхищение альбом-путеводитель «Образ Зои Космодемьянской в монументальном искусстве», подготовленный Н. В. Косовой в 2013 году, к 90-летию со дня рождения героини. В сопроводительной статье «Дорогами сбереженной памяти» она написала: «За годы поисков удалось самим сфотографировать 17 скульптур и бюстов З. А. Космодемьянской, найти фотографии еще 50 скульптурных изображений».

В итоге – 67! Да как не восхититься таким результатом больших коллективных трудов, в которые столичные космодемьянцы вовлекли также учителей и школьников города Бердск Новосибирской области, Новозыбкова на Брянщине, Саратова и иркутского поселка Шиткино, города Ишим в Тюменской области. Во всех этих местах, как вы понимаете, установлены памятники Зое. В этих местах и во многих других...

«Вместе мы смогли узнать и вспомнить многое», – комментирует составитель альбома-путеводителя. Вот и я, листая его страницы, многое вспомнил, а что-то (немало, очень немало!) с удивлением узнал.

Разумеется, давно, еще с военных лет, знаком мне первый и самый знаменитый монумент Зои, за который его автор Матвей Генрихович Манизер, ставший впоследствии народным художником СССР, был удостоен в 1943 году Сталинской премии первой степени. Выдающаяся работа, сразу же производившая на зрителей неизгладимое впечатление! Мы все в нашей сельской школе, увидев фотографию этого памятника, решили: вот она, настоящая Зоя.

Памятник тогда же был установлен в вестибюле станции столичного метро «Измайловская» (позже – «Измайловский парк», а теперь «Партизанская»). Интересно, что на постаменте долгое время не было никакой подписи, она появилась сравнительно недавно, однако все знали, что это Зоя Космодемьянская. Рядом была установлена фигура старика-партизана, и вместе они олицетворяли массовое народное сопротивление фашистскому нашествию.

Интересно и то, что монументальный образ любимой героини, так понравившийся многим, вызвал желание иметь похожий памятник в других городах. Манизер делает вариации его, и в 1947 году Зоя появляется на центральной улице Тамбова, а в 1951-м – в Ленинграде, в Московском парке Победы.

Альбом, о котором я пишу, представляет фотографии всех трех вариантов. Много занимавшаяся темой Зои, Наталья Косова решила сделать для читателей пояснение: «В работах Манизера Зоя одета в телогрейку, свитер, юбку, обута в разных случаях то в сапоги, то в ботинки. За плечом – винтовка. Художник, вдохновенно создавая образ героини, допустил неточность. По воспоминаниям разведчиков части № 9903, где служила Зоя, она была одета в пальто, брюки и сапоги. Девушкам выдавали наганы. А вот винтовками были вооружены только юноши. Но, видимо, так М. Г. Манизер передает решимость Зои защитить Москву, отстоять Отечество.

Простим скульптору, что он пошел за своим художественным воображением, нарушив в чем-то буквализм деталей? Все-таки искусство есть искусство.

Думается, гораздо важнее та поразительно широкая панорама Зоиных скульптурных образов, которую удалось воссоздать Наталье Валентиновне и ее юным помощникам по городам и весям некогда единой Советской страны. Эпиграфом к альбому взяты строки поэта С. Подтелкова, родившиеся вслед за подвигом героини:

Верю: ныне и присно
Жить тебе, как легенде,
И в граните, и в гипсе,
И в литом монументе...

Вера сбылась. Но, вероятно, и автор этих строк вряд ли мог представить, с какой широтой любовь

народная будет увековечивать память Зои. Здесь то же самое, что и с ее музеями. Ведь памятники отнюдь не по официальным распоряжениям, а просто по чувству людей и их воле возникли вовсе не только там, где она родилась и училась, жила и погибла. Там-то, скажем, не удивительно. И, воздавая им должное, а есть среди них талантливейшие произведения большого искусства, я признаюсь: с неменьшим волнением открывал для себя памятники куда более скромные и в самых, казалось бы, неожиданных местах.

Вот на фото заснеженные деревянные дома вдоль сельской улицы, а перед ними – она, Зоя. Поселок Переяславка, Хабаровский край. Кто же стал инициатором, чтобы она здесь появилась? Где нашли жители необходимые средства и скульптора? Пока еще ответов нет, предстоит продолжение исследовательской работы. Но сам факт, согласитесь, говорит об очень многом.

А на следующей странице – Ростовская область. Город Новошахтинск и хутор Романов Дубовского района. Хутор... Наверное, и живет-то здесь совсем немного людей, но когда-то решили: Зоя должна быть с ними. Пока и под этими фотографиями значится: «Авторы памятников не установлены».

Зато для небольшого уральского городка Копейска в Челябинской области памятник изваял всемирно известные советский скульптор, народный художник СССР Евгений Вучетич. Он установлен в 1964 году у здания средней школы № 42, пионерская дружина которой носила имя Зои Космодемьянской. Носила... Нет уже той дружины. Печально. Однако пусть памятник напоминает о ней.

Много Зоиных скульптур установлено возле школ, и это понятно: она же осталась в истории как героиня-школьница, героиня-комсомолка. Вдохновляла ребят и, надеюсь, не оставляет равнодушными нынешних учащихся в башкирском городе Ишимбае и поселке Горном Тогучинского района Новосибирской области, в школах № 36 и № 130 Волгограда-Сталинграда, в лингвистическом лицее № 25 Ижевска и гимназии № 91 города Железногорска в Красноярском крае...

Нет, всех не перечислю. Однако совершенно необходимо остановиться на страницах альбома, посвященных Украине. Это целый раздел, и открывается он памятником работы знаменитого скульптора Анатолия Гайдамаки на улице Олеся Гончара в Киеве. Сосредоточенная, волевая, Зоя делает один из последних шагов навстречу своей гибели. Очень сильный эмоциональный порыв. Но... Глядя на эту фотографию, сразу спрашиваешь себя: а цел ли памятник теперь? Не постигла ли гибель его?

Куда уйти от таких вопросов, зная судьбу множества советских памятников на сегодняшней Украине. А ведь Зою, судя по всему, любили здесь искренне, как и в России. Иначе не объяснишь, что даже где-то в селе Горбок Иршавского района Закарпатской области установили впечатляющий памятник ей. И в городе Остер Черниговской области, и в сквере Победы Харькова, и на улице Артема в Донецке. И в городе Вольнянске Запорожской области...

Последний по времени украинский монумент Зои был торжественно открыт в Запорожье 7 ноября 2011 года. В день Великого Октября. По инициативе и на средства коммунистов, вместе и рядом с другим монументом – Сталина. Это стало, без преувеличения, событием колоссальной значимости. Однако скоро и, можно сказать, вполне ожидаемо Сталин и Зоя привлекли злобное внимание вандалов...

* * *

Да, про антисоветских вандалов на Украине за последнее время мы немало вынуждены говорить. Но разве нет у нас и «своих», в России? Более того, не отсюда ли начиналась волна разрушения и осквернения памятников, накрывшая потом соседнюю страну?

А самое горькое, что ненависть, посеянная к советской эпохе и ее героям, продолжает давать о себе знать в нашей стране. И это, наряду с великой народной любовью к Зое, не замолчала Наталья

Валентиновна Косова в обстоятельной своей статье, сопроводившей составленный ею альбом.

Ведь кощунственное покушение на память произошло и рядом с ее родной школой, носящей имена Зои и Шуры. «В 1981 году, – пишет она, – был открыт наш школьный мемориал, посвященный учителям и ученикам 201-й школы, отдавшим жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны. В комплексе мемориала – бюсты Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских. В его создании принимали участие скульптор Олег Антонович Иконников, архитектор Каро Сергеевич Шехоян. В 90-е годы неизвестные вандалы проникли ночью на территорию школы и изуродовали мемориал – отбили носы у бюстов. Памятник отреставрирован своими силами, а в канун празднования 65-летия Победы была проведена реставрация мемориала. Но время берет свое, и сегодня школьный мемориал вновь нуждается в реставрации».

Наталья Валентиновна упомянула 65-летие Победы. А еще раз эта дата возникает у нее в связи с тем, что накануне состоялось открытие нового памятника Зое – в городе Новокузнецке: «Хрупкие плечи и мужественное лицо. Изящные брови, складывающиеся в волевою морщинку на лбу. Тонкая талия, а за спиной – крепко сжатые кулаки. И ни тени сомнения в глазах, только гордость и вера в победу. Такой представил героиню автор памятника – скульптор Евгений Потехин. Памятник установили в Куйбышевском районе на территории 37-й школы».

Казалось бы, замечательно, только радоваться: есть же люди, которые и сегодня стремятся свою любовь к Зое воплотить материально. Однако что произошло далее? «Выполненный из особо прочного полимера, памятник не простоял и трех месяцев – он был осквернен вандалами и в конце августа его отправили на реставрацию. У кого поднялась рука?»

Поставив этот вопрос, Наталья Валентиновна Косова замечает, что пока на него нет ответа. Если иметь в виду конкретные имена и фамилии, я тоже ответить не могу. Но твердо знаю: это – люди (или, точнее, нелюди), поддавшиеся антисоветской обработке, которой перенасыщено было все последнее двадцатипятилетие.

Захватившая память о советских героях и саму Победу в величайшей войне советского народа за будущее человечества, обработка эта дала неимоверно горестные плоды. Видимо, особо прочный полимер для памятника героине в Новокузнецке подбирали с учетом этого, но и особо прочный не выдержал.

Дикой представилась бы в советское время даже мысль о том, что такое может стать возможным. Но ведь как много было сделано, чтобы теперь уже и не очень удивлялись подобным фактам, чтобы превратились они чуть ли не в обыденность.

Много для этого сделано, увы... Вот смотрю на фотографию, запечатлевшую открытие того самого новокузнецкого памятника в мае 2010-го. В почетном карауле – школьники, юноша и девушка. И бросается в глаза: никакой советской символики! Так теперь положено. На аналогичных фотографиях иной поры, родной для Зои, обязательно цветут алые пионерские галстуки, иногда и самой ей на постаменте повязывали такой. Теперь же у стоящих в почетном карауле – георгиевские ленточки (скажем прямо, главным символом в ту войн не являвшиеся), а у парня – галстук, но черный.

Как не вспомнить долгую и упорную борьбу за копию Знамени Победы, чтобы оно, Красное это знамя, водруженное над рейхстагом в Берлине, по торжественным дням занимало достойное место, пусть и рядом с официальным триколором. Вроде бы добились коммунисты и их сторонники, да все-таки остается красный цвет для властей чем-то сомнительным и настораживающим, а вытеснение его в День Победы (Красной!) и другие памятные дни черно-оранжевой лентой продолжается.

Разве не есть это подмена истории, что, конечно же, не в лучшую сторону сказывается на сознании

людей?

А вот вопрос из тех восьми, заданных читателям «Правды» американским профессором Джонатаном Платтом: «Сейчас бывает, что государственные структуры в России относятся к местам памяти о Зое с пренебрежением. Например, несмотря на все усилия администрации 201-й школы г. Москвы, где Зоя с братом учились, историческое здание стоит заброшенным больше десяти лет. Как вы думаете, почему это происходит? Что надо делать?»

А происходит такое главным образом потому, что, как и другие советские герои, не совсем родная она, Зоя, нынешним государственным структурам. Вроде как не дочь, а падчерица. Потому и памятное здание ее школы разрушается, брошенное на произвол судьбы, и сломан дом в Осино-Гае, где Зоя много времени жила у бабушки с бабушкой, и по-прежнему под угрозой развала дом Василия и Прасковьи Кулик в Петрищеве, где провела она последние часы своей жизни.

Или вот еще характерная подробность происходящего. В Тамбове до сих пор есть люди, ратующие за перенос прекрасного Зоиною памятника, который стоит здесь почти 70 лет, с центральной улицы города куда-то в иное место, подальше. Ну что тут скажешь? Одни прилагают все силы для того, чтобы память о героине жила, а другие предпочитают беспамятство и во имя него действуют.

Местные власти в регионах поглядывают, конечно, на Москву и Подмосковье: а как там? Два события последнего времени в этом смысле знаменательны. Из статьи Н. В. Косовой: «Подмосковный город Химки. По улице Зои Космодемьянской идет совсем юная девушка, тугой осенний ветер бьет ей в лицо, прижимает платье к телу. Такой изобразил Зою скульптор М. В. Таратынов. Он мечтал установить памятник на химкинской земле, но при жизни скульптора этого не случилось. Сын художника выполнил волю отца. Открытие памятника состоялось 29 сентября 2011 года».

А 30 августа 2013 года, накануне 90-летия Зои, состоялось торжественное открытие памятника ей еще в одном подмосковном городе – в Рузе: Петрищево ныне входит в Рузский район. Поскольку автор скульптуры знаменитый Зураб Церетели, а официальный уровень представительства при открытии необычно высокий – министр культуры РФ, глава администрации Московской области, можно было подумать, что здешние власти специально все это заказывали, организовывали, заранее готовили. Но от исследователей московской школы № 201 я узнал: на самом деле было не так. Оказывается, появлению этого монумента в Подмосковье мы обязаны... инициативе сталинградцев!

Да, да, изначально заказ Зурабу Константиновичу был отсюда, из Волгограда-Сталинграда. Здесь, во дворе школы № 130, еще в 1963 году на средства, собранные пионерами и комсомольцами, установили памятник любимой героине. Однако, простояв более сорока лет, он стал разрушаться. Тогда-то учителя и учащиеся школы, ветераны Сталинградской битвы обратились за помощью к депутату Госдумы от КПРФ А. В. Апаринной, а она – к Зурабу Церетели.

Но воплощенное в бронзе монументальное произведение известного мастера не подошло для обычного школьного двора, и новый, более скромный вариант был создан волгоградским скульптором В. Г. Фетисовым. Его открыли там 7 сентября 2008 года, а работа Церетели была предложена им подмосковным властям к Зоину юбилею. Так сказать, по остаточному принципу. Не знаю, сколь долго обсуждался вопрос об установке памятника, но не сомневаюсь: патриотические заявления президента В. В. Путина, звучавшие к тому времени все сильнее, сыграли в этом решающую роль.

* * *

Развернувшиеся вскоре трагические события на Украине, зловещим прологом которых стал снос памятника В. И. Ленину в Киеве и затем повальное уничтожение символов советской эпохи по всей стране,

должны были заставить российские власти задуматься о многом. В том числе о том, к чему ведет политика тотального антисоветизма и антикоммунизма. Ведь в еще недавно братской республике единственной политической силой, твердо оставшейся на позициях дружбы с русским народом и Россией, следует признать Коммунистическую партию Украины.

Разве не есть это реальный показатель того, что значат коммунистические, социалистические ценности в противовес капитализму и буржуазному национализму? Победа в Великой Отечественной войне, которая на Украине уже «отменена», стала победой именно этих ценностей. За них отдали жизнь Зоя Космодемьянская под Москвой и Олег Кошевой в Донбассе, все погибшие от рук фашистов герои «Молодой гвардии». Они, украинцы и русские, дороги нам так же, как Зоя. Это было и будет. Потому радостью великой для меня становились известия с украинской земли, что там Зоя тоже не всеми предана забвению.

Напомню, из Харькова прислали к нам в газету корреспонденцию про обсуждение материалов «Правды» о Зое в здешней школе.

Из Донецка, в самое тяжелое для города время, звонили ветераны, чтобы сообщить: три музея Зои Космодемьянской здесь бережно сохраняются.

Из Полтавы звонил журналист Петр Жаботинский, стараясь нас успокоить: могилы правдистов Петра Лидова и Сергея Струнникова, которые первыми рассказали миру о Зое, а также памятник им – в порядке.

Время летит, и происходящее нередко вносит горькие коррективы. Ощущение того, что есть люди, которые верны лучшему в нашей общей истории, что в нынешнем жестоком противостоянии памяти и беспамятства не все на Украине, как и в России, сдались перед ложью, укрепляет надежду на будущее.

Смертию смерть поправ

Но вот взялся я за эти заключительные строки, а телевизор в очередной раз «порадовал». Оказывается, в той великой войне вовсе не гитлеровская Германия была агрессором. Это советские войска совершили агрессию против Украины и Германии, вторгшись на их территорию. Так заявил, находясь с визитом в Берлине, украинский премьер Яценюк.

Опровержений ни от телеведущей, которой он это сказал, ни от фрау Меркель не последовало. Не опровергли такое «открытие» и наши бывшие союзники в США и Великобритании. Рузвельт с Черчиллем, конечно, иначе оценивали действия советских войск и в целом вклад СССР в победу над фашизмом, но... То было давно, а теперь другое время.

В самом деле, кто мог бы тогда, во время войны, вообразить, что США вместе с Украиной и Канадой будут голосовать в Организации Объединенных Наций против резолюции, осуждающей героизацию нацизма? Но они теперь против. И понятно почему. Ведь когда в Киеве возглашают ныне: «Слава Украине!», а в ответ раздается: «Героям слава!», все знают: «герои» эти и были настоящими нацистами, преданно служившими Гитлеру и фашистской Германии.

Их прямые наследники, не скрывая даже фашистских символов на форме своей, снова делают то же дело: убивают и жгут мирных жителей, обстреливают города и поселки в Донбассе, факельными шествиями проходят по центру украинской столицы. А над ними – портреты Бандеры и прочих героев нацизма, на верность которым они присягают.

Но у нас – другие герои! Все ли, даже в нашей стране, помнят о них?

Я обратил внимание: информируя о событиях на юго-востоке Украины, российские СМИ почти совсем не вспоминают «Молодую гвардию», действовавшую в шахтерском Краснодоне. Даже когда напрямую речь идет об этом городе на Луганщине, о том, что происходит здесь теперь, про героев-комсомольцев советского сопротивления фашизму – ни слова. Странно? Непонятно? Или ничего странного в этом?

И вот впервые для меня вслед за сюжетом Яценюка в Берлине по телеканалу «Россия 1» мелькнули документальные кадры, запечатлевшие краснодонскую трагедию 1943 года. Из шурфа шахты, куда их бросили живыми, поднимают после освобождения города тела героев-молодогвардейцев. Какие прекрасные юные лица!

Ну а бросили их в шахту после невероятных мучений как раз те «герои», славу которым провозглашают на бандеровской Украине сегодня.

В свое время, когда война была закончена, враги Советского Союза поставили задачу: сделать все для того, чтобы в этой стране больше не появлялись Космодемьянские и Кошевые. Много сил и средств было для этого потрачено – как оказалось, не зря.

И что впереди? Ведь борьба за наших героев и нашу Победу продолжается.

О Зое и Шуре Космодемьянских, Олеге Кошевом и Любе Шевцовой, Уле Громовой, Саше Матросове, Юре Смирнове, Лизе Чайкиной и многих-многих еще, жизнь за Победу над всемирным злом отдавших, всегда думаю с трепетом душевным. Думаю и тогда, когда слышу возносящиеся к небу слова пасхального песнопения: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...»

Они тоже одолели смерть своей героической гибелью, завещав нам верность Родине, правде, справедливости.

Не отдадим же память о них на новые поругания и клевету!